

ШПИОНЫ И ДИВЕРСАНТЫ

БОРЬБА С ПРИБАЛТИЙСКИМ
ШПИОНАЖЕМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ
БАНДФОРМИРОВАНИЯМИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

ВСЕ НАБОРЬБУ
С БАНДИТИЗМОМ!

ШПИОНЫ И ДИВЕРСАНТЫ

БОРЬБА С ПРИБАЛТИЙСКИМ
ШПИОНАЖЕМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ
БАНДФОРМИРОВАНИЯМИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

П С К О В С К А Я
И С Т О Р И Ч Е С К А Я
Б И Б Л И О Т Е К А

Сотрудникам сов. власти.

195

В виду нагавшейся высылки граждан не поддерживающих сов. власть, предупреждаем —
1) высылка должна быть немедленно прекращена,

2) если высылка будет продолжаться — будут приняты контр-меры — хозяйства сочувствующих сов. власти будут сжигаться, а самих сочувствующих уничтожать!

Объединение Лайбвийских
партизан.

П С К О В С К А Я
И С Т О Р И Ч Е С К А Я
Б И Б Л И О Т Е К А

**БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАТЬ
ФАШИСТСКИХ ДИВЕРСАНТОВ.**

М. Ю. Литвинов, А. В. Седунов

ШПИОНЫ И ДИВЕРСАНТЫ

БОРЬБА С ПРИБАЛТИЙСКИМ
ШПИОНАЖЕМ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ
БАНДФОРМИРОВАНИЯМИ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ

ПСКОВ
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ
2005

**Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)**

ББК 63.3(2Рос 31)

Л 64

Редакционный совет «Псковской исторической библиотеки»:

В. А. Аракчеев, А. А. Бологов, С. А. Биговчий, Г. Н. Василевич, О. К. Волочкова,
Н. А. Ганрилов, Е. П. Иванов, Н. М. Калашник, А. Н. Кирпичников, Н. Ф. Левин,
В. Н. Лециков, Е. Э. Михайлов, М. М. Медников, А. А. Михайлов, А. Л. Налепин,
В. И. Павлова, А. Г. Стройло, О. В. Федотов, С. В. Ямщиков.

Рецензенты:

А. В. Гоголевский (доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета);

В. П. Сальников (доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, начальник Санкт-Петербургского университета МВД России);

А. М. Плеханов (доктор исторических наук, профессор Академии ФСБ России).

А. Ю. Стусенко (начальник Управления ФСБ России по Псковской области).

Литвинов М. Ю., Седунов А. В.

Л 64   **Шпионы и диверсанты: Борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России.** — Псков, 2005. — 344 с., ил.

ISBN 5-94542-135-9

«Лесные братья», «особая папка», отдел по борьбе с бандитизмом, отечественные и прибалтийские диверсанты, разведчики и контрразведывательные структуры. Об этом говорится на страницах очередной книги из серии «Псковская историческая библиотека». О ходе борьбы с националистическими бандформированиями на Северо-Западе России докладывали лично И. В. Сталину. В монографии подробно изучены проблемы деятельности отечественных органов безопасности против прибалтийских спецслужб и националистических формирований в 1920—1953 гг. Работа основана на ранее не исследованных документах, хорошо иллюстрирована и станет интересной многим читателям.

ББК 63.3(2Рос 31)

ISBN 5-94542-135-9

© Литвинов М. Ю., Седунов А. В., 2005

© ГП «Псковская областная типография», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная Россия, как и весь остальной мир, стоит сегодня перед лицом многочисленных угроз. Одной из наиболее серьезных является терроризм, и борьба с ним становится законом стабильного развития стран и народов.

В истории России уже были периоды, когда общество и государство стояло перед лицом этого явления. Во второй половине XIX века многие радикальные политические деятели видели в терроре единственный способ решения проблем. Массовый революционный террор начала XX века способствовал расшатыванию Российской империи. Особенно страшным было то, что многие члены общества весьма лояльно относились к террору и терроризму. Во многом именно из-за этого органы власти не смогли выработать эффективных методов противодействия террору. На это делали ставку многие зарубежные государства, заинтересованные в ослаблении России. Так было и в годы Второй мировой войны. Тогда фашистская Германия начала активную работу по созданию различных общественных и вооруженных структур, основной задачей которых была борьба с Советским государством. Но к этому времени отечественные органы безопасности и государственные учреждения приобрели достаточный опыт противодействия иностранным спецслужбам и террористам. Для решения этой задачи государство использовало весь комплекс мер: политических, идеологических, экономических и специальных.

На страницах книги М.Ю. Литвинова и А.В. Седунова очень подробно и объективно анализируются проблемы становления и развития комплекса мер по борьбе с иностранным шпионажем и террористическими группировками на западных рубежах России.

Безусловно, авторы не могли обойти и проблемы борьбы с националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны. С учетом попыток популяризации некоторыми кругами приграничных государств идей и «подвигов» националистических банд это поможет читателям осознать, с какой реальной тайной силой боролась правоохранительные органы при активной поддержке населения.

**А.А. Зданович, Президент Общества
изучения истории отечественных спецслужб,
генерал-лейтенант, профессор**

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Мысли о необходимости написать книгу о борьбе с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России появились достаточно давно. Размышляя все больше и больше над предполагаемой темой, мы невольно думали о том, что в истории России XX века остается еще очень и очень много «белых пятен» и лакун. Не совсем ясны некоторые страницы истории Гражданской и Великой Отечественной войн на Северо-Западе Европы, не вполне объяснены механизмы массовых репрессий, вызывают вопросы проблемы коллективизации и социального развития. Восполнению наших знаний, которые помогут более объективно взглянуть не только на прошлое, но и лучше понять настоящее, и посвящена эта книга.

В большей или меньшей степени мы пользуемся историческими представлениями (мифами), сложившимися в нашем сознании под влиянием полученных знаний и средств массовой информации. К сожалению, многие из этих мифов оказывались ложными и неполными. Переоценка наших исторических представлений всегда проходила болезненно и была сравнима с «революциями в сознании». Проходили годы, и многие новые факты, которые нам казались самыми точными и верными, на проверку оказывались весьма противоречивыми и даже надуманными, выхваченными из общего исторического контекста. Многочисленные книги, появившиеся в 1990-е годы, написанные преимущественно журналистами, характеризовались огульным отрицанием советского прошлого. Появились новые мифы, которые по своей направленности качественно отличались от прошлых, но все-таки остались мифами. История России XX века, к сожалению, так и остается загадочной и мифологизированной.

Наше историческое сознание может обрести более твердую почву, если будет основываться не на «сенсациях», а на профессиональных, научных, созданных на основе скрупулезного изучения документов исследованиях. Сегодня для этого есть все возможности — открыты многие архивные фонды, не доступные ранее, отсутствуют методологические препоны, так сильно сковывавшие исследователей. Но и сегодня многим нужны документы не для спокойного и

вдумчивого исследования, а для поиска «правых и виноватых», для сведения личных счетов. Такой подход является наиболее опасным и ведущим к еще большим потрясениям.

Проблемы, которым посвящена эта книга, чрезвычайно многообразны и весьма актуальны. Думается, что современная ситуация в ряде Прибалтийских государств, сложившаяся с правами и положением русскоязычного населения, имеет и исторические корни. Для многих политиков Прибалтийских государств ограничительные и репрессивные меры кажутся вполне естественными, своеобразным ответом за прошлые годы. Но именно такой подход, основанный на мифах, ведет в никуда, он бесперспективен и пагубен для современной Европы, когда перед ее народами стоит серьезнейшая угроза терроризма.

Для Псковского края, который всегда был пограничным, события в Прибалтике имеют очень большое значение. Для средневекового Господина Пскова война часто приходила именно с запада, и стабильные и добрососедские отношения как в то время, так и сегодня чрезвычайно важны всей для Европы и Северо-Западного региона. Шагом к этому, по мнению авторов, является объективное изучение прошлого, основанное на всестороннем анализе источников. В последние годы были предприняты шаги по изучению многих проблем истории России и СССР в XX веке. Состоялось несколько научных конференций, где приняли участие ученые из стран Балтии, написаны ряд книг, позволяющих более объективно взглянуть на историю последних десятилетий. Авторам хочется надеяться, что и эта книга, изданная в серии «Псковская историческая библиотека», станет одной из работ, где будет приоткрыта завеса безмолвия и тайны над событиями, происходившими в 1920–1950-е годы.

Написание данного исследования не было бы возможно без помощи сотрудников архивов. Авторы выражают благодарность сотрудникам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Центрального архива ФСБ России за добрые советы и помощь в подготовке настоящего издания.

Авторы благодарят руководство и сотрудников Государственного архива Псковской области: В.П. Волкову, Е.М. Федорову, Л.В. Светлову; Государственного архива новейшей истории Псков-

ской области: О.В. Салкину, Е.Л. Лысых, И.И. Андрееву. Особые слова признательности за помощь и добрые советы хочется сказать сотрудникам Архива Информационного центра УВД Псковской области: С.В. Богдановой, О.П. Петровой, Н.И. Шамановой. Авторы выражают благодарность за помощь, ценные рекомендации и внимание сотрудникам Архива Управления ФСБ по ПО — В.А. Иванову и С.А. Прычевой.

Написание книги затянулось бы намного дольше, если б не поддержка руководства Управления ФСБ по Псковской области — А.Ю. Стусенко и Н.В. Пименова; УВД ПО — С.Е. Матвеева, И.В. Калашникова, С.А. Ляхова и А.Н. Киреева.

При написании книги большую помощь и поддержку авторам оказывали руководство и сотрудники Псковского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России — И.М. Шаманов, С.Д. Лысых, А.Э. Бехер, Е.М. Власенко и другие.

Авторы благодарят преподавателей и сотрудников Кафедры истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института Санкт-Петербургского государственного университета за ценные рекомендации и советы.

Отдельных слов благодарности за предоставленные фотоматериалы и точные советы заслуживают сотрудники Группы общественных связей УФСБ по ПО — А.В. Ванюхин и Н.И. Иванова.

Выпуск серии «Псковская историческая библиотека» стал, пожалуй, одним из ярчайших событий последних десятилетий в псковском книгоиздании. Были изданы труды, позволяющие более объективно взглянуть на историю Псковщины и ее место и роль в истории России и мира. Появление и этой книги было бы невозможно без помощи директора Псковской областной типографии С.А. Биговчего и заместителя мэра г. Пскова И.Е. Калинина.

В книге использованы фотографии из фондов ГАНИПО, Архива ИЦ УВД ПО, Музея Псковской милиции (руководитель А.И. Астахов), фотографии, предоставленные Группой общественных связей УФСБ по ПО, а также фотоматериалы из личных архивов авторов. В качестве приложения представлена карта Псковской области 1947 года.

ВВЕДЕНИЕ

События, происходившие на Северо-Западе России в XX веке, были весьма динамичными и стали своеобразным отражением практически всех военных, политических и социальных катаклизмов, происходивших в Европе. Первая и Вторая мировые войны, события «холодной» войны оказали на этот регион серьезнейшее влияние, которое ощущается и сегодня.

Псковский край всегда являлся самым западным российским регионом, и его история тесным образом связана с Прибалтийскими государствами. Торговля и война, экономическое, культурное сотрудничество и длительное вооруженное противостояние были характерными явлениями для складывающихся отношений. Кроме этого, между соседями нередко возникали и территориальные споры, которые не окончены и сегодня. История СССР была полна догмами и мифами, многие из них сегодня преодолены, но вместо них появились новые, и очень прискорбно, что они стали доминировать в официальной идеологии ряда стран Балтии.

События 1918—1950-х годов оставили в истории неизгладимые следы. Гражданская война привела к установлению новых границ, из состава Псковской губернии были выделены исконно русские земли, возвращенные только в 1944 году. В 1920—1940 годах Прибалтика стала плацдармом для деятельности зарубежных спецслужб, подготавливавших вторжение иностранных государств в СССР. В 1941—1944 годах там было создано большое количество разнообразных фашистских организаций, принявших весьма активное участие в борьбе с советским народом и государством. В послевоенное время в Прибалтике действовали националистические бандформирования, ставящие своей целью вооруженное свержение власти в этом регионе. Для достижения этой цели формирования использовали разнообразные средства террора и запугивания населения.

Сегодня, в начале XXI века, проблемы, порожденные тогда, имеют свое продолжение. В одних странах ставят памятники освобо-

дителям Европы от фашистской чумы, в других этого удостоиваются члены формирований СС и их помощники.

Противостояние двух систем — капитализма и социализма — приводило к поиску разнообразных приемов и стратегий для ослабления противника. Обе стороны использовали для этого многочисленные средства. Руководство СССР неоднократно заявляло о необходимости всемерного содействия мировой революции и создания условий для этого. Декларации подобного рода всегда вызывали опасения на Западе. В свою очередь, первая социалистическая страна мира остро чувствовала, что против нее направлено действие многих политических, экономических, военных и разведывательных организаций. Серьезной угрозой для СССР была деятельность военных эмигрантских структур, которые разрабатывали реальные планы дестабилизации обстановки в Советском Союзе. Подготовка новой мировой войны и политика «потворства и умиротворения» Гитлера, проводимая некоторыми западными политиками, еще больше усилили своеобразную идеологическую и политическую атмосферу в советском обществе. Развернувшаяся «холодная война», создание в США планов по уничтожению СССР еще более отдалили капиталистические и социалистические страны. Эти события предопределили психологию людей. Образ врага надолго стал определяющим по обе стороны «железного занавеса». Для борьбы с врагом использовались все доступные средства — от экономического и политического давления до подготовки прямых террористических актов. США и Великобритания использовали для этого националистические бандформирования, появившиеся в различных районах СССР еще в предвоенный период. Одним из таких регионов был Северо-Запад России, где в течение довольно длительного времени хорошо вооруженные и организованные формирования из числа прибалтийских националистов убивали и грабили людей, сжигали школы, сельсоветы, запугивали и брали в заложники мирное население.

Разобраться в современности без анализа прошлого бывает очень сложно. Великий русский историк В.О. Ключевский говорил, что «история не учительница, она надзирательница, она ничему не

учит, а лишь наказывает за незнание своих уроков». «Уроком истории» для современного поколения должна стать правда о событиях 1918—1950-х годов. Сегодня, когда стали доступны многие архивные материалы, необходимо рассматривать проблемы взаимоотношения стран и народов не с точки зрения прямолинейного противостояния, заранее определив правых и виноватых, а имея в виду сложный и противоречивый комплекс разного рода связей и проблем, которые доминировали в конкретную историческую эпоху. Многие события того периода были вызваны своеобразным мышлением, которое господствовало не только в СССР, но и в сопредельных странах. Два мира, две системы смотрели друг на друга как на врага и использовали все средства для дестабилизации и ослабления противника. Поэтому и меры, выбираемые для противодействия этим планам, были адекватны.

Сегодня, в начале XXI века, подобный подход не только устарел, но и является опасным. Используя его, экстремисты разного рода будут стремиться возродить «страшилки прошлого» для достижения своих корыстных и разрушительных планов. Не допустить этого наша главная задача, которая может быть решена и на основе правдивого изучения прошлого. «Правда истории нужна ныне живущим и тем, кто придет после нас».

В XX веке многие политики использовали «двойные стандарты» для осуществления тех или иных устремлений. Политика Гитлера в середине — второй половине 1930-х годов по милитаризации экономики и захвату территорий некоторыми деятелями воспринималась и оценивалась как «не представляющая опасности для интересов демократических стран», но усилия СССР в военно-политической сфере рассматривались как «проявление коммунистической угрозы». Подобные подходы вошли в практику и последующего времени, когда организованная террористическая деятельность различных формирований оценивалась как «проявление освободительного движения». «Мюнхенский протокол» 1938 года фактически развязал руки Гитлеру и привел ко Второй мировой войне. События конца XX — начала XXI века показали, что практически все страны и народы

столкнулись с серьезнейшей угрозой — терроризмом, не зная границ и национальных особенностей. Необходимость одномерных подходов в оценке этого явления, совместная борьба с террором становится сегодня условием для успешного существования государств и наций.

Стремление восполнить исторические лакуны, проанализировать деятельность прибалтийских спецслужб и националистических формирований против СССР в 1920—1950-х годах, борьбу отечественных правоохранительных и специальных органов с проникновением шпионов и диверсантов стало еще одной задачей, стоявшей перед авторами.

Со второй половины 1990-х гг. отмечается повышение активности деятельности разведок государств Прибалтики против Российской Федерации. Специальные службы Прибалтийских государств в тесном сотрудничестве с разведывательными органами стран НАТО ведут полномасштабную разведывательную работу в отношении нашей страны.

Деятельность национальных спецслужб стран Балтии координируется разведками Запада, причем сама ее направленность показывает, что территория северо-западных областей России как «зона ответственности» закреплена западными спецслужбами за своими прибалтийскими партнерами.

Так как прибалтийские спецслужбы в современном виде были созданы совсем недавно — после распада Советского Союза в 1991 г. и образования независимых государств — Латвии, Литвы и Эстонии, их деятельность находится еще в стадии становления. Руководство специальных служб государств Прибалтики охотно обращается как к опыту зарубежных коллег, так и к истории своей разведки и контрразведки. Сотрудники спецслужб отмечают, что современное положение, характеризующееся тесным взаимодействием с разведывательными и контрразведывательными органами западных стран, и направление основных разведывательных усилий против Российской Федерации очень напоминает ситуацию, сложившуюся в 1920—1930-е гг.¹

Проблематика и хронология настоящей работы охватывает пери-

од 1918—1953 гг. События 1917 г. в России привели к появлению в 1918 г. независимых Прибалтийских государств, ставших одним из основных плацдармов для деятельности различных политических, экономических, военных и разведывательных структур, направленной против Советского Союза. В качестве разнообразных средств и методов этой борьбы выступали шпионаж и подрывная деятельность, имевшие целью дестабилизацию в СССР. В годы Второй мировой войны и в послевоенный период в эти процессы были включены националистические военные формирования, созданные при непосредственном участии фашистских спецслужб, ставящие своей целью борьбу с Советским государством. Деятельность подобных формирований носила ярко выраженный террористический характер и потому рассматривалась советскими властями и населением как одна из серьезнейших угроз государству и обществу. Для противодействия и борьбы с террористами и диверсантами СССР использовал весь комплекс политико-экономических и идеологических мер, имевшихся в распоряжении советского руководства. Опираясь на массовую поддержку населения, партийно-советские и правоохранительные структуры сумели к 1953 году ликвидировать эту опасность. Борьбе со шпионами, диверсантами и террористами и посвящена настоящая работа.

Можно выделить четыре основных периода историографии политической истории и истории спецслужб Прибалтийских государств, а также мероприятий советских органов государственной безопасности по борьбе с ними.

Для I периода (1918—1920-е гг.), начавшегося с первых дней Гражданской войны и закончившегося в годы проведения в стране новой экономической политики, характерно небольшое количество научных работ. Книги и научные статьи в основном были написаны «по горячим следам». Они конкретны, приближены к времени и к практической деятельности органов государственной безопасности того периода. Прибалтийские государства рассматривались как противники Советской власти, их территория являлась потенциальным

плацдармом для проведения капиталистическими государствами подрывной работы против Советской России². Вышли работы первых чекистов, в которых обобщен приобретенный опыт, показано значение органов государственной безопасности в жизни страны, в борьбе за установление Советской власти³. В целом для отечественных работ этого времени характерна жесткая классовая позиция и непримиримость к врагам революции. В начале 1920-х гг. за рубежом вышли первые книги, посвященные как Прибалтийским государствам, так и ВЧК — ГПУ⁴. В основном они написаны бывшими эмигрантами, для них характерно крайне негативное отношение к Советской России, идеализация старых порядков.

До середины 1920-х гг. в советской печати публикуется большое количество информации о деятельности ВЧК, активно обсуждаются проводимые чекистами мероприятия⁵, в том числе и на границе с Прибалтикой.

Особенно хочется отметить появление во второй половине 1920-х гг. первых книг о Прибалтике, в которых наряду с общим историко-географическим описанием этих государств дается информация об их вооруженных силах и специальных службах⁶. В указанный период Прибалтийские страны зачастую рассматривались в качестве источника военной опасности и потенциальной угрозы государству рабочих и крестьян⁷, отсутствовала объективность и всесторонность при анализе происходящих в Латвии, Литве и Эстонии процессов.

1930-е — первая половина 1950-х гг. характеризуются господством в стране культа личности И.В. Сталина, что не могло не сказаться на тематике и качестве научных работ II периода историографии изучаемой проблемы. Период хронологически заканчивается с началом хрущевской «оттепели». Количество трудов по истории ВЧК — НКВД, Прибалтийских государств значительно увеличилось. Возрос их научный уровень. Однако в указанный период появилось большое количество работ, носящих публицистический характер. Для отечественных ученых зачастую характерен односторонний подход к интерпретации исторических фактов, основное вни-

вание уделялось борьбе с политической оппозицией. В многочисленных брошюрах и статьях обосновывалась необходимость борьбы с «врагами народа», вредителями, агентами иностранных разведок⁸. Роль органов государственной безопасности рассматривалась односторонне, исходя из принципиальных установок, изложенных в «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», то есть как карательного органа, стоявшего на страже первого в мире рабоче-крестьянского государства.

В 1930—1940-е гг. был опубликован ряд исследований зарубежных авторов о деятельности разведок и контрразведок иностранных государств⁹. В этих изданиях интересны вступительные статьи, где на основе анализа усиления разведывательно-подрывной деятельности западных стран обосновывалась необходимость укрепления отечественных спецслужб.

До присоединения к СССР в 1940 г. Прибалтийские страны рассматривались как возможный источник военной опасности, в дальнейшем основное внимание обращалось на негативное влияние западных государств на внешнюю и внутреннюю политику Латвии, Литвы и Эстонии, на поддержку ими буржуазных националистических организаций¹⁰. Значительно больше внимания стало уделяться работе прибалтийских спецслужб, их связям с западными разведками, борьбе с ними отечественной контрразведки¹¹.

Следует отметить, что работы, посвященные деятельности ОВД по борьбе с так называемыми «малыми боевыми подразделениями», начали обобщаться вскоре после гражданской войны. В 1920—1930-е годы выходят книги М.А. Дробова¹² и В.Я. Шульгина¹³, в которых обобщался опыт партизанских и контрпартизанских действий Красной и Белой армий в 1918—1922 годах. В этих работах, пожалуй, впервые обосновывались теоретические и прикладные основы действий «малых боевых подразделений», давались характеристики наиболее успешных операций.

В годы Великой Отечественной войны в СССР вышло достаточно большое количество разного рода «Наставлений» и «Спутников» партизана, где очень подробно рассматривались основы боевого

применения партизанских формирований и отчасти обобщался накопленный опыт¹⁴.

Для III периода (второй половины 1950-х — начала 1990-х гг.) свойственно изменение в подходах к изучаемой проблеме, связанное с общими переменами, происходившими в стране. Перемены в исторической науке явились следствием бурных изменений, происходивших в общественной жизни СССР. После XX съезда партии центр тяжести в изучении содержания деятельности органов государственной безопасности сместился в сторону исследования причин и последствий массовых репрессий 1930-х гг.

Однако теоретическая основа научных трудов остается прежней. Для них зачастую характерен необъективный анализ событий, выразившийся в четком следовании идеологическим установкам, отсутствии всесторонности в описании исторических явлений, повышенное внимание к вопросам классовой борьбы.

Появилось большое количество книг по истории отечественных органов государственной безопасности, в которых затрагивались отдельные аспекты работы прибалтийских спецслужб в 1918—1940 гг. и борьбы с ними отечественных контрразведчиков. В послевоенный период в ряде специальных исследований, не всегда доступных массовому читателю, были рассмотрены действия националистических бандформирований в Прибалтике и на Украине в конце 1940-х — начале 1950-х годов и мероприятия органов государственной безопасности и внутренних дел по борьбе с ними.

Важное значение для истории отечественных органов государственной безопасности имеют труды А.С. Велидова, В.М. Клеандровой, В.Ф. Некрасова и других ученых¹⁵. В них широко использовались материалы архивов КГБ СССР и ряда государственных архивов, периодическая печать, мемуарная литература, значительно расширилась тематика изучаемых проблем и круг использованных источников.

Зарубежная историография рассматриваемого периода отличается повышенным вниманием к проблемам присоединения Прибалтийских республик к СССР, идеализацией политического строя и эко-

номического положения Прибалтики до 1940 г. Так, например, в изданных в США и Великобритании работах о Латвии, Литве и Эстонии явно завышается роль западных государств в осуществлении Прибалтийскими странами своей внешней и внутренней политики, Советский Союз рассматривается как агрессивный сосед, а проведение разведывательно-подрывных акций с территории Прибалтики преподносится как вынужденная для сдерживания советской экспансии на Запад мера¹⁶.

IV период (начавшийся после распада СССР и продолжающийся до настоящего времени) характеризуется большими изменениями в подходах к изучаемой проблеме. Отмечается значительное расширение тематики исследуемых проблем, анализ недоступных ранее источников, более объективная и полная подача исторического материала.

В последние годы российские читатели получили возможность ознакомиться с книгами по истории отечественных органов государственной безопасности, которые ранее издавались только на Западе¹⁷.

Интересен взгляд на историю своих стран прибалтийских исследователей. Многих из них отличает ярко выраженная антироссийская направленность, тенденциозная подача фактов, отрыв от исторических реалий того времени¹⁸. Так, например, нельзя согласиться с искажающими историческую правду взглядами, содержащимися в выигравшем в 1991 г. государственный конкурс учебнике по истории Эстонии для 11 класса, где, например, подчеркивается, что «освободительная война с Советской Россией была первой в историческое время полностью выигранной эстонцами войной»¹⁹.

Большое научное значение имеют труды современных ученых, изучающих историю отечественных органов безопасности. Так, в работах А.М. Плеханова, В.Н. Хаустова дается анализ политической и оперативной обстановки в стране в 1920—1930-е гг., показаны основные цели и задачи деятельности органов государственной безопасности РСФСР и СССР в этот период²⁰. На основе анализа большого количества разнообразных источников обосновываются причины реорганизаций органов безопасности в 1920—1930-е гг.,

исследуется эволюция кадровой политики, раскрываются основные направления деятельности отечественной спецслужбы.

Правовое положение органов государственной безопасности, яркие операции отечественных спецслужб исследовали также В.В. Коровин, В.С. Арков, Н.Ю. Булукув и другие историки.

В 1990-е годы литература по истории становления и деятельности советских спецслужб резко дифференцировалась. В течение последних лет в печати появилось много исторических изданий и публицистических работ, в которых ответственность за беззакония и репрессии 1920—1930-х гг. перекладывается на нынешнее поколение контрразведчиков, в общественном сознании формируется негативный образ сотрудника органов государственной безопасности. Однако следует отметить, что среди появившихся в последнее время публикаций по истории отечественных органов государственной безопасности присутствует большое количество объективных и непредвзятых исследований. Определенный интерес представляют работы новгородского историка М.Н. Петрова, исследовавшего историю ВЧК — ОГПУ на материалах Северо-Западного региона России²¹, в которых как одно из направлений работы отечественной спецслужбы показывается противодействие деятельности прибалтийских разведок на территории приграничных с Латвией, Литвой и Эстонией областей. Создание и деятельность ВЧК и борьба чекистов с иностранными, в том числе прибалтийскими, спецслужбами нашли отражение в коллективном издании об истории отечественной контрразведки «Лубянка 2»²².

В 1990-е годы самостоятельным предметом изучения становится создание и деятельность советских разведывательных служб. Интересен замысел 6-томного издания по истории российской внешней разведки, во втором и третьем томах которого имеется некоторое количество материалов о деятельности советской разведки в Эстонии, Латвии и Литве²³. Однако из-за того что указанные материалы представлены в виде коротких, не связанных между собой очерков, изданию не хватает глубины осмысления, широты исторического взгляда на комплекс рассматриваемых проблем.

Следует отметить появление всеобъемлющей работы по истории Гражданской войны, написанной ученым-историком В.И. Голдиным²⁴. В книге имеется отдельная глава, посвященная деятельности чекистов, в которой раскрываются основные положения деятельности ВЧК, дается анализ тематики и изучаемых проблем основных работ по истории отечественных органов безопасности.

Большой вклад в изучение истории отечественных органов безопасности вносят проводящиеся с 1997 г. ежегодные исторические чтения на Лубянке, по итогам которых в открытой печати и в сети Интернет публикуются последние научные разработки по истории отечественных органов государственной безопасности²⁵.

В последние годы было издано большое количество книг, посвященных истории органов внутренних дел в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. Во многих подобных работах говорится об особенностях функционирования милиции в это время, о задачах ОВД в этот период, о проблемах борьбы с преступностью, о взаимодействии милиции с советско-партийными и общественными структурами. Однако в этих обобщающих исследованиях темы, связанные с борьбой с бандитизмом, а тем более с националистическими повстанческими группировками, занимают небольшое место в контексте общего повествования о работе правоохранительных органов. Среди заметных и серьезных исследований по данной проблематике следует назвать книги В.Ф. Некрасова, А.В. Борисова, М.И. Еропкина, С.В. Биленко, А.И. Кокурина и Н.В. Петрова, а также обобщающее исследование, вышедшее к 200-летию МВД, «Министерство внутренних дел России. 1802—2002. Исторический очерк» под редакцией В.П. Сальникова²⁶.

В то же время события в Северо-Кавказском регионе подхлестнули общественный и исследовательский интерес к проблемам борьбы с бандитскими группировками. В связи с этим появилось относительно много работ, повествующих о деятельности ОВД в различные исторические эпохи по выявлению и уничтожению бандформирований не только в нашей стране, но и за рубежом²⁷.

Весьма подробно были изучены проблемы национальной политики нацистов, способствовавшей появлению бандитизма. Этот вопрос исследован в работах М.И. Семиряги и Б.Н. Ковалева²⁸. Изучению причин возникновения и развития вооруженных националистических группировок, рассмотрению тактических приемов их действий, а также методам борьбы с бандформированиями посвящены книги и сборники В.Ф. Некрасова, В.Д. Кривец, М.В. Горбова, С.М. Штутмана, Б.Н. Ковалева, С.И. Дробязко и ряд других работ²⁹.

Кроме того, в советской и российской историографии была весьма подробно изучена тактика действий партизанских отрядов в немецком тылу, изучены вопросы управления и взаимодействия с действующей армией, история партизанских диверсий и оперативной работы. Библиография этих сюжетов весьма обширна и насчитывает не один десяток книг, поэтому авторы обращают внимание читателя лишь на некоторые работы, вышедшие в 2001–2004 годах и содержащие очень подробный историографический анализ этой темы³⁰. Представляют серьезный научный интерес также работы С.Н. Ткаченко³¹, В.Ф. Некрасова³², В.Н. Богданова³³ и ряд других.

Исследований, посвященных борьбе правоохранительных органов Псковской области с националистическими бандформированиями, практически нет. В разные годы в отдельных изданиях затрагивалась эта тема, однако работ, основанных на внимательном и комплексном изучении архивных документов, до настоящего времени не появилось³⁴.

В Интернете также публикуется большое количество работ по истории Прибалтийских республик как в период их самостоятельного существования, так и во время оккупации немецкими войсками³⁵. Однако относиться к ним стоит с большой настороженностью, так как из-за демократичности всемирной компьютерной сети авторы зачастую подают материал тенденциозно, не всегда объективно анализируя исторические факты.

При проведении исследования авторы опирались на различные источники. Наиболее важными для понимания сущности и основных

направлений деятельности отечественных органов безопасности являются нормативные акты высших органов государственной власти и управления РСФСР и СССР, регулировавшие деятельность ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД. На основании законов и подзаконных актов издавались ведомственные нормативные акты — приказы, циркуляры, указания и т.д., определявшие основные направления работы отечественной спецслужбы.

В работах руководителей Советского государства и органов государственной безопасности В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского и других указаны основные задачи и направления работы спецслужбы, многие из которых затем нашли свое отражение в нормативных актах государства и органов безопасности.

Для написания работы были внимательно изучены документы нескольких фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). К их числу следует отнести материалы Главного Управления по борьбе с бандитизмом³⁶, а также различные отчеты и записки, направленные наркомом и министрами внутренних дел И.В. Сталину в 1944—1953 гг., хранящиеся в «Особой папке Сталина»³⁷.

Важны хранящиеся в Центральном архиве (ЦА) ФСБ России, архивах территориальных управлений ФСБ справки, отчеты, аналитические записки местных, в основном приграничных с Прибалтийскими странами, органов государственной безопасности. В материалах уголовных дел нашли отражение конкретные факты проведения отдельными лицами и группами лиц враждебной государству деятельности. Их анализ позволяет выявить основные направления работы прибалтийских спецслужб, используемые тактические приемы, мероприятия по противодействию им со стороны отечественных контрразведчиков.

Информация о работе прибалтийских спецслужб содержится в приказах, отчетах, оперативных материалах и связанных с работой разведывательных и контрразведывательных органов нормативных актах высших органов государственной власти и управления Латвии, Литвы и Эстонии, а также документах о внутривнутриполитической обстановке, вооруженных силах Прибалтийских республик, которые нахо-

дятся на хранении в Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА), ЦА ФСБ России и Российском Государственном военном архиве (РГВА). Многие документы ЦА ФСБ России в настоящее время опубликованы как в сети Интернет³⁸, так и в печати³⁹.

Для написания предлагаемого вниманию читателей исследования впервые были использованы многие материалы псковских областных и районных советско-партийных органов власти, сосредоточенные в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) и Государственном архиве новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Также были изучены фонды ведомственных архивов Управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области (Архива УФСБ по ПО) и Управления внутренних дел Псковской области (АИЦ УВД), связанные с борьбой с националистическими бандформированиями. Большинство документов впервые вводятся в научный оборот.

Интересным источником являются мемуары бывших руководителей и сотрудников советской разведки и контрразведки, органов внутренних дел, непосредственно разрабатывавших и принимавших участие в мероприятиях по противодействию иностранным, в том числе и прибалтийским, спецслужбам, занимавшихся борьбой с бандформированиями после войны. Среди наиболее заметных книг следует назвать воспоминания И. Г. Старина, С. А. Ваупшасова и П. А. Судоплатова⁴⁰. В начале 1990-х гг. началась широкая публикация воспоминаний советских разведчиков, работавших в зарубежных резидентурах в довоенный период⁴¹. Однако в них имеется большое количество неточностей, что требует критического отношения к содержащимся в них материалам.

ГЛАВА 1

На северо-западных рубежах России: Прибалтийские государства и их спецслужбы с момента образования до присоединения к СССР в 1940 г.

1.1. Обстановка в Эстонии, Латвии и Литве в 1918—1940 гг.

После Октябрьской революции 1917 г. в Европе произошли серьезные геополитические изменения. Ранее входившие в состав Российской империи Польша, Финляндия, Прибалтийские страны стали самостоятельными государствами.

К середине 1918 г. большая часть территории Прибалтийских республик была оккупирована немецкими войсками, на востоке Прибалтики белогвардейские войска вели боевые действия с Красной Армией. Несмотря на это, органы власти и местного самоуправления Латвии, Литвы и Эстонии активно обсуждали вопрос о создании собственных государств.

Этот процесс ускорился благодаря Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, так как оккупационное командование не могло эффективно контролировать политические процессы в республиках, а в немецких войсках начался рост революционных настроений. Кроме того, существовала реальная опасность всплеска революционного движения в Прибалтике.

18 ноября 1918 г. латвийский парламент («Народный совет»), в который входили представители всех основных буржуазных партий, провозгласил «Латвийскую демократическую республику» и создал временное правительство во главе с Карлом Ульманисом. Это было слабое правительство, не имевшее ни международной поддержки, ни серьезного влияния внутри страны. Сам Ульманис и другие политические деятели Латвии впоследствии признавались, что они не имели ни сантима денег, ни одного своего солдата, ни

какого-либо вооружения, ни какой-либо власти. Уполномоченный германского правительства в Прибалтике Август Винниг в своих воспоминаниях писал, что «деятельность этих лиц напоминала опереточное представление»⁴². В апреле 1919 г. в донесении о положении в Латвии член американской миссии Грант Смит сообщал: «Правительство Латвии исключительно слабо и не имеет полномочий от латышского народа. Оно было бы немедленно сброшено в случае народных выборов. Это самозванное правительство»⁴³.

В конце 1918 г. в Литве также было организовано буржуазное правительство под руководством М. Сляжявичуса. Активное участие в формировании литовского правительства приняло командование немецких войск, в то время оккупировавших большую часть территории государства. Правительству подчинялись только восточные области Литвы и г. Вильнюс. В декабре 1918 г. восточные области страны были оккупированы польскими войсками, а немцы начали наступление на западные области. В результате непродолжительных боевых действий полякам удалось захватить г. Вильнюс, юго-восточную и восточную части страны. Правительство М. Сляжявичуса, после бегства из Вильнюса 2 января 1919 г., обосновалось в Каунасе под защитой немецких войск. Германским войскам удалось подавить Советскую власть в Каунасе и юго-западной, западной и северной частях Литвы. Здесь первоначально формально и функционировало литовское буржуазное правительство.

К концу 1918 г. Эстония еще была оккупирована немецкими войсками. С началом революции в Германии в ноябре 1918 г. командование оккупационных войск в Эстонии, боясь установления Советской власти в республике, предприняло определенные шаги, для того чтобы привести к власти национальное правительство. Вечером 10 ноября командующий германскими войсками в Эстонии генерал Зекендорф вызвал к себе бывшего губернского комиссара буржуазного Временного правительства России Я. Поску, чтобы обсудить с ним возможность возобновления деятельности губернского земского совета и создания эстонского Временного правительства.

Утром 11 ноября такое правительство во главе с К. Пятсом было образовано. Однако верховная власть в Эстонии еще некоторое время оставалась в руках германской военной администрации. Для урегулирования вопросов, связанных с передачей власти, эстонцы вступили в переговоры с Главным уполномоченным германского правительства в Прибалтике А. Виннигом. 19 ноября А. Винниг и представители эстонского правительства подписали в Риге так называемый «Договор о передаче». Этим актом было формально положено начало эстонскому независимому государству⁴⁴.

В тот же день Временное правительство Эстонии ввело в действие «Временные административные законы». Ими восстанавливались «те законоположения, которые имели силу в Эстонии до 24 октября 1917 года», а также оставались в силе «постановления, которые были изданы германскими властями для Лифляндии и Эстляндии»⁴⁵.

С первых дней своего существования правительства Латвии, Литвы и Эстонии стали предпринимать шаги для установления контактов со странами Антанты. Это объяснялось тем, что, хотя германское командование формально и помогало в образовании новых правительств, фактически большая часть Прибалтики была оккупирована немцами. Несмотря на то что революционное движение было подавлено, существовала реальная возможность восстановления Советской власти в Латвии, Литве и Эстонии.

К. Ульманис 28 октября 1919 г. сообщил представителю миссии Антанты в Риге об острой нужде в военных материалах, необходимых латвийской армии для борьбы с Советской властью, и просил немедленно оказать помощь правительству Латвии, которое боролось «за те же идеалы, за которые ведут войну США». Помимо поставок военных материалов, он просил США и о финансовой помощи⁴⁶. В ответ на это в декабре 1919 г. США предоставили Латвии заем в 7 млн долларов для вооружения и содержания латвийской армии, рассчитывая использовать ее для войны против Советской России⁴⁷.

По договоренности с США и Англией правительство К. Ульманиса заключило договор с литовским правительством М. Сляжявичуса о совместных действиях против Советской власти. Латвия предоставила Литве военный заем на сумму 5 млн немецких марок и право использования литовской армии для военных нужд латвийского порта Лиепая, а также обязалась получать в неограниченном количестве товары и военные материалы, приходящие из Англии, Франции и США в адрес литовского правительства. Для приема и переброски военных материалов в Литву правительство Ульманиса разрешило строить на территории Латвии военно-перевозочные склады, а также использовать железные дороги и другие пути и средства сообщения⁴⁸.

В конце 1919 г. английское правительство направило в Латвию военных летчиков, которые работали инструкторами и принимали непосредственное участие в боях против Красной Армии. В январе 1920 г. главнокомандующий латвийской армией генерал Янис Балодис в своем письме английскому адмиралу Вальтеру Ковэну выразил благодарность правительства Латвии за доставленные Англией военные самолеты и присланных летчиков⁴⁹. Интересы американской администрации в Латвии выражала также «АРА» («Американская администрация помощи»), которая развернула активную деятельность в Прибалтике. Помимо оказания помощи жителям, пострадавшим во время войны, «АРА» фактически занималась контрреволюционной и разведывательной деятельностью.

Западные страны не только предоставили Латвии заем в несколько миллионов долларов, но и начали активно помогать молодой республике в формировании собственных вооруженных сил и специальных служб. Великие державы рассматривали Латвию, как и другие Прибалтийские страны, в качестве форпоста, призванного остановить «экспорт революции» на Запад. Латвийское правительство также считало, что угроза Латвии со стороны Советской России более чем реальна. Поэтому державам Антанты оказывалась всемерная поддержка.

В первые дни своей работы буржуазное правительство Литвы, так же как правительства Латвии и Эстонии, направило дипломати-

ческих представителей в Англию, Францию, США и делегацию в Париж на мирную конференцию. Они должны были добиться немедленного юридического признания Литвы западными державами, финансовой и военной помощи, допуска литовской делегации к участию в мирной конференции, пресечения грабительских намерений польских захватчиков в отношении Литвы. Основные пожелания литовской стороны были изложены в документе «Литовские требования на Парижской мирной конференции» от 24 марта 1919 г.⁵⁰ Однако империалистические державы при рассмотрении литовского вопроса прежде всего имели в виду собственные цели и геополитические интересы. Фактическое, а тем более юридическое признание Литвы рассматривалось в тесной связи с ходом событий в России и политикой поддержки русской контрреволюции. Пока не был решен вопрос о будущем России, не мог быть решен и вопрос о признании государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи. Однако было принято решение оказать военную и материальную помощь молодой Литовской республике. Осенью 1919 г. литовская армия получила в кредит оружие и военное снаряжение из Англии и Франции, а США предоставили Литве продукты питания.

Правительства западных стран планировали использовать Литву, так же как и другие Прибалтийские страны, в качестве плацдарма для дальнейшего наступления на Советскую Россию. Французское правительство выступило за подчинение Литвы Польше, являвшейся основным союзником Франции в Восточной Европе. Со своей стороны, правящие круги Польши также добивались создания крупного польского государства путем присоединения значительной части Украины, Белоруссии и Литвы.

В то же время Англия была против чрезмерного укрепления Польши с помощью Франции, так как это способствовало бы усилению ее влияния в Европе. Англия сама стремилась утвердить свое господство в Прибалтике. В связи с этим ее политика отличалась в конце 1919 — начале 1920 гг. от политики других империалистических держав. В польско-литовском вопросе Англия была на стороне Литвы. Она первой из капиталистических стран признала Литву де-

факто в сентябре 1919 г., в то время как Франция это сделала лишь в мае 1920 г., а США — в ноябре того же года.

В апреле 1919 г. польские войска захватили Вильнюсский край. В течение 1919 и в начале 1920 гг. происходили военные столкновения между польскими и литовскими войсками⁵¹.

Решениями Верховного Совета Антанты от 18 июня, а затем от 27 июля 1919 г. были проведены последовательно две демаркационные линии, разделившие конфликтующие стороны. Польше достались все оккупированные ею земли, в том числе и Вильнюсский край. Представители западных держав заверили правительство Литвы, что польские войска на этой территории будут оставаться лишь до окончания войны с большевиками.

Польско-литовские отношения еще более ухудшились после попыток польских правящих кругов организовать переворот в Литве (август 1919 г.) с целью создания правительства с пропольской ориентацией.

В декабре 1918 г., несмотря на тяжелое экономическое положение после Ноябрьской революции, Германия предоставила правительству Литвы заем в 100 млн марок и в течение 1919 г. в основном обеспечивала литовские войска оружием и боеприпасами. Делалось это в соответствии с планами правящих кругов Германии, стремившихся любой ценой сохранить свое влияние в Литве. В июне и сентябре 1919 г. Верховный Совет Антанты обратился к немецкому командованию с требованием вывести германские войска из республик Прибалтики. Германское командование, не желая терять своего влияния в этом регионе, большую часть войск, расквартированных в Литве и Латвии, перевело в формировавшуюся в Курземе (Западная Латвия) и в северной части Литвы белогвардейскую Западную армию под командованием бывшего офицера царской российской армии, близкого друга Григория Распутина П. Бермонта-Авалова⁵². 21 сентября 1919 г. генерал фон дер Гольц, командовавший немецкими войсками в Прибалтике, официально передал свои полномочия П. Бермонту-Авалову. В ноябре 1919 г. отряды бермонтовцев были разбиты частями Красной Армии под Радвилишкисом. В Литву

прибыла Межсоюзническая комиссия во главе с французским генералом А. Нисселем, под наблюдением которой войска Бермонта-Авалова были эвакуированы в Германию. Однако изгнание бермونتовцев не означало разрыва отношений Литвы с Германией. С нею и впредь поддерживались тесные экономические связи⁵³.

Первым внешнеполитическим шагом эстонского правительства также было обращение к правительствам стран Антанты с просьбой не разрешать немецким войскам покидать Эстонию без согласия союзников, а также обязать германское командование снабдить национальные вооруженные силы оружием и военным снаряжением.

Английское правительство приняло решение направить военные корабли в Прибалтику; была одобрена также начавшаяся в Скандинавии вербовка добровольцев для формирования вооруженных отрядов.

Правительство Финляндии предоставило Временному правительству Эстонии два займа на сумму в 20 миллионов марок. Деньги эти предназначались, главным образом, на закупку военного снаряжения и создание армии. Первая партия военных материалов из Финляндии поступила в Таллинн уже 29 ноября. Представители эстонского правительства подписали в Финляндии соглашения о формировании «добровольческих» частей общей численностью примерно в две тысячи человек. В обеспечение этих соглашений сразу же выделялся миллион финских марок. Отправлявшимся в Эстонию «добровольцам» было обещано высокое жалованье, а офицерам, кроме того, — повышение в звании.

Командующий английской эскадрой адмирал Синклер стал, по существу, главнокомандующим контрреволюционными силами Прибалтики. Военное командование Эстонской республики регулярно представляло ему отчеты о положении на фронте. Уже 16 декабря 1918 г. английские военные корабли приняли непосредственное участие в боевых операциях на Вирусском фронте, подвергнув обстрелу с моря позиции частей Красной Армии.

27 декабря в Таллинне состоялось закрытое заседание парламента. На нем с обзором военного положения выступил полковник

Йохан Лайдонер, назначенный главнокомандующим войсками Эстонии. Чтобы предотвратить крах, нужна срочная военная помощь извне — таков был лейтмотив его выступления. Лайдонер представил свой план создания боевых отрядов, реализация которого уже фактически началась.

Лидеры эстонского правительства, выслушав доклад своего главного военного эксперта, составили секретный меморандум, который был направлен английскому адмиралу Синклеру. В этом документе содержалась просьба к правительству Великобритании «оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики, подчинив своему верховному командованию все военные силы, которые уже созданы, а также те, которые будут созданы в будущем в Эстонии, для их наиболее эффективного использования в борьбе против большевизма...»⁵⁴.

31 декабря 1918 г. в Таллинне высадилась первая рота финских добровольцев. Спустя несколько дней за ней последовали остальные подразделения батальона Экстрема (всего около 600 человек). В январе 1919 г. к ним присоединились еще примерно 2500 финских добровольцев под командованием Кальма. Позднее прибыли отряды также из Швеции и Дании.

Все эти силы, а также части молодой эстонской армии были направлены на борьбу с Советской Россией. Уже в декабре 1919 г. уполномоченный американского правительства в Латвии майор Гейд в телеграмме на имя государственного секретаря США сообщал о готовности правительства Латвии оказать помощь Америке в засылке на территорию Советской России шпионов и диверсантов⁵⁵.

Распространение большевизма в Прибалтике сильно встревожило западных политиков. Они усилили поддержку национальной буржуазии, установив военно-морскую блокаду на Балтике. Определенная роль в «сдерживании красной опасности» отводилась немецким войскам, оставшимся в Прибалтике. 24 декабря 1918 года на совещании представителей Великобритании, Франции и США была выработана нота германскому правительству с требованием удерживать Прибалтику до тех пор, пока это необходимо Антанте. Обраще-

ние основывалось на возможности использования порядка 73 тысяч солдат немецкой армии, находящихся в Прибалтике, для противодействия «отрядам большевиков». Даже разгром эстонско-латвийскими силами немецкой «Железной дивизии» весной 1919 года под Ригой не привел к полному выводу немецких частей из Прибалтики. США и представители других стран Антанты летом 1919 года подписали протокол, согласно которому в Эстонии и Латвии оставались немецкие части «для борьбы с большевистской угрозой»⁵⁶. В последующий период эстонский премьер-министр Пятс и лидер буржуазной Латвии Ульманис просят правительства стран Антанты оказать непосредственную военную помощь в создании армий Эстонии и Латвии. Весной 1919 года англичане передали эстонской и латышской стороне до 60 тыс. винтовок, около 350 пулеметов и миллионы патронов. Позднее на усиление прибалтийских армий были направлены орудия и грузовые автомашины. Из западных стран в Прибалтику приезжали военные специалисты для формирования боеспособных армий Эстонии и Латвии. Истинная цель подобного рода помощи заключалась не в защите независимости и суверенитета Прибалтийских государств, а в желании предотвратить распространение коммунизма в Европе и сохранить на Балтике плацдарм для дальнейшей борьбы с большевиками.

Одним из наиболее боеспособных формирований, которые должны были сдерживать большевиков (по причине очевидной слабости и малочисленности прибалтийских армий) был Псковский, а позднее Северный белогвардейский корпус, расквартированный с декабря 1918 года в Эстонии и отчасти в Латвии.

После успешного наступления частей Красной Армии в ноябре—декабре 1918 года и освобождения территории Псковской губернии от немцев и белогвардейских формирований части Псковского добровольческого корпуса отступили в Прибалтику — одна часть в Эстонию, другая в район Риги, Митавы и Либавы⁵⁷. 6 декабря 1918 года был подписан договор между эстонским правительством и командованием Северного корпуса о его временном подчинении эстонскому главнокомандованию. В договоре также говорилось, что

«основой взаимоотношений Северной армии с эстонским правительством являются общие действия, направленные к борьбе с большевизмом и анархией... главным направлением действий армии является Псковская область»⁵⁸. Численность корпуса устанавливалась в 3500 человек, расположенных в районах предполагаемого удара на Нарву и Псков. Основной боевой составляющей корпуса на Псково-Печорском направлении были отряды С.Н. Булак-Балаховича и полковника Ветренко. В течение зимы — лета 1919 года отряды С. Булак-Балаховича неоднократно совершали набеги на территорию Псковщины при непосредственном участии эстонских формирований. Такими, например, были налеты на базу Чудской озерной флотилии в поселке Раскопель в марте 1919 года, захват и разграбление Гдова в апреле 1919 и попытка захвата деревни Подборовье. Все они были совершены небольшими по численности отрядами — до 300 человек. Перед началом операций Булак-Балахович проводил разведку, направляя в районы предполагаемых действий значительное число агентов и диверсантов, которые засылались из Эстонии и в течение нескольких дней свободно разъезжали по уездам, взрывая коммуникации и «ведя контрреволюционную агитацию». За несколько дней до налета на Раскопель, где были захвачены автомобили, пулеметы, артиллерийские орудия, уничтожена радиостанция, разграблена ремонтная мастерская флотилии, агенты Булак-Балаховича взорвали железнодорожный мост Псков — Нарва, что затруднило переброску красноармейских отрядов в апреле — мае при наступлении Северного корпуса на Псков и Петроград. Использовалось и переодевание белогвардейских отрядов в красноармейскую форму для совершения диверсий в тылу красных.

Успехи партизан Булак-Балаховича создавали Северному корпусу положительную репутацию, и ему предназначалась одна из ведущих ролей в готовившемся наступлении на Петроград. Весной 1919 года правительство буржуазной Эстонии вело активные переговоры с представителями Белого движения об участии эстонской армии в борьбе с большевиками. Цель эстонских эмиссаров состояла в том, чтобы добиться от Н.Н. Юденича и его соратников гарантий

на сохранение независимости Эстонии в случае победы белых сил и вхождения в ее состав некоторой части Псковской губернии. После длительных переговоров, в которых приняли весьма активное участие представители Англии и Франции⁵⁹, Северный корпус, насчитывающий к этому времени около 5800 штыков, и отряды С.Н. Булак-Балаховича были усилены подразделениями эстонской армии — 1-й и 2-й дивизиями.

В ночь на 13 мая 1919 года началось общее наступление Северного корпуса. Отряды Булак-Балаховича продвигались вдоль побережья Чудского озера и 15 мая заняли Гдов. Наступлению Северного корпуса оказывалась поддержка со стороны войск регулярной эстонской армии. Наибольшую активность эстонцы проявили на псковском направлении, где 2-я эстонская дивизия при поддержке бронепоезда вела наступление на Псков со стороны Печор. Воспользовавшись изменой части командования 1-й красной эстонской дивизии, оборонявшей город, белоэстонцы стремительным ударом прорвали фронт и вышли на подступы к Пскову. Осложнили оборону Пскова действия диверсионных групп из контрразведки Северного корпуса, взорвавших железнодорожные пути на перегоне Плюсса — Струги Белые и мост в 72 километрах от Пскова, а также восстание дезертиров на юге Псковской губернии, инспирированное белогвардейцами. 25 мая красным пришлось оставить Псков.

После ухода всех красноармейцев оставшиеся в Пскове советские служащие из «бывших» переоделись в офицерскую форму и ожидали прибытия эстонцев. В городе начались грабежи, из советских учреждений перетаскивалась конфискованная большевиками мебель, шел погром и разорение лавок и магазинов. Ночью эстонцы вошли в город, под утро прибыл штаб эстонской армии и комендатура. Вслед за этим эстонцы арестовали группу советских активистов и тех, кто был заподозрен в связях с большевистским руководством. Часть арестованных была расстреляна на берегу Великой в ночь на 28 мая⁶⁰.

29 мая в Псков прибыл Булак-Балахович, и генерал Лайдонер, командующий эстонской дивизией, официально передал город русским белогвардейцам. Однако эстонцы потребовали компенсации за

свое участие в боевых действиях и успешное взятие Пскова. Как вспоминал контролер Северо-западного правительства Н.Н. Юденича В.Л. Горн, захват Пскова рассматривался эстонским правительством «как взятие вражеского города, имущество которого являлось добычей победителя»⁶¹. В качестве контрибуции «на основании условий о военных добычах» эстонцы потребовали передачи части механического завода Штейна — одного из крупнейших в Пскове⁶². Кроме того, в связи с нехваткой продовольствия в городе эстонцы получили от Булак-Балаховича право «обменивать» зерно, полученное от американцев в качестве гуманитарной помощи, на псковский лен, при этом закупочные цены на ценившийся во все времена особый псковский лен были установлены крайне низкие. Это позволило практически за бесценок скупить лен по губернии и перепродать его в страны Запада (прежде всего в Англию) по весьма высокой цене, создав тем самым «прочный валютный фонд для Эстонского государства»⁶³. В качестве еще одной «компенсации» генерал Лайдонер по соглашению с Булак-Балаховичем получил право «контролировать и охранять» западные районы Псковской губернии (прилегающие к Печорам и Изборску), где постепенно начали устанавливаться порядки буржуазной Эстонии.

11 сентября 1919 г. правительство РСФСР предложило новообразованным буржуазным государствам Прибалтики заключить мирный договор. После разгрома генерала Н.Н. Юденича осенью 1919 г. и некоторых изменений в политике Англии по отношению к Прибалтике мирный договор с Советской Россией первой подписала Эстония (2 февраля 1920 г.) Как говорил В. И. Ленин, это был первый мирный договор, «...за которым последуют другие»⁶⁴. Значение этого договора для дальнейшего существования Эстонского государства было очень велико. Россия первой из великих держав признавала суверенитет Эстонии, прекращалась война между двумя государствами, была достигнута договоренность о количестве воинских контингентов, необходимых для охраны границ, — по 40 человек на каждую версту государственной границы с каждой стороны⁶⁵.

12 июля 1920 г. правительственная делегация Литвы также подписала мирный договор с Советской Россией. При этом советская сторона, признавая значение Вильнюса как исторической столицы Литвы, а также его роль в политической, экономической и культурной жизни литовского народа, отметила, что этот город является неотъемлемой частью Литвы и должен принадлежать ей. Статьей 1 мирного договора советское правительство безоговорочно признало самостоятельность и независимость Литовского государства. Огромное политическое значение имела статья 4, согласно которой обе стороны обязывались не допускать использования своих территорий для военных приготовлений, направленных против одной из договаривающихся сторон. Согласно статье 12 советское правительство, принимая во внимание бедственное состояние экономики Литвы вследствие Первой мировой войны, изъявило согласие выдать литовскому правительству 3 млн рублей золотом. Статьей 13 предусматривалось ведение переговоров относительно заключения торгового и транзитного соглашения. Стороны обязались в основу этих соглашений положить принцип наибольшего благоприятствования для обеих из них⁶⁶.

Правительство Латвии также официально предложило правительству Советской России начать мирные переговоры. Мирный договор между РСФСР и Латвией был подписан 11 августа 1920 г. Основное значение данного договора заключалось в том, что советское правительство признавало суверенитет Латвии. Были урегулированы спорные территориальные вопросы. Боевые действия между двумя государствами прекращались, для охраны границы разрешалось использовать небольшое количество вооруженных пограничников — 30—40 человек на версту⁶⁷.

В конце августа 1920 г. значительно пополненные и заново вооруженные Францией польские войска вынудили Красную Армию к отступлению с территории Литвы и вновь вторглись на территории, находившиеся под контролем литовского правительства. Между войсками Литвы и Польши произошли столкновения. 30 сентября 1920 г. в Сувалках начались переговоры, закончившиеся заключением так называемого Сувальского договора от 7 октября

1920 г. Хотя договор по существу был выгоден Польше, тем не менее Вильнюс оставался в составе Литвы⁶⁸.

Однако в начале октября 1920 г. специально сформированные польские части, состоящие в основном из солдат и офицеров — уроженцев Вильнюсского края, вновь заняли г. Вильнюс и восточную часть Литвы, которые после заключения 29 ноября 1920 г. перемирия остались в руках польских войск. Этот захват привел к разрыву дипломатических и экономических отношений между Польшей и Литвой, который продолжался до 1938 г.

Таким образом, к 1920 г. Прибалтийские государства прекратили вести боевые действия с Советской Россией. В результате подписания мирных договоров Советской Россией были признаны независимые Латвия, Литва и Эстония. Россия отказалась от каких-либо территориальных притязаний в их отношении. К Латвии и Эстонии отошли несколько уездов, ранее принадлежавших России, однако все имущественные претензии были урегулированы в пользу Российской Федерации.

Сразу же после ухода немецких войск с территории Латвии в начале мая 1920 г. начало работу Учредительное собрание Латвии, которое просуществовало до ноября 1922 г. Оно приняло конституцию, в соответствии с которой Латвия объявлялась буржуазной республикой. В основном законе Латвийской республики основное внимание уделялось вопросам государственного устройства. Латвийская конституция объявляла Латвию независимой демократической республикой, в которой суверенная власть принадлежит народу. Законодательная власть сосредоточивалась в однопалатном парламенте (сейме), состоящем из 100 народных представителей. Сейм избирался на 3-летний срок всеми гражданами обоего пола, достигшими 21-летнего возраста, путем всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования. Исполнительную власть возглавлял президент, избираемый сеймом⁶⁹.

После падения Советской власти в Литве была принята временная конституция, по которой власть передавалась Тарибе (Государственный совет). Первым президентом был избран А. Смето-

на. В апреле 1920 г. было созвано Учредительное собрание, которое выработало новую конституцию и провозгласило Литву республикой. Обязанности президента временно выполнял председатель Учредительного собрания. Однако конституционные права населения Литвы были сильно ограничены из-за того, что в Литве было объявлено военное положение в связи с польской оккупацией Вильнюса⁷⁰.

В июне 1920 г. эстонское Учредительное собрание приняло конституцию, вступившую в силу с 21 декабря 1920 г. Согласно конституции высшим законодательным органом власти являлся однопалатный парламент — Государственное собрание, избиравшееся в составе 100 депутатов сроком на три года. В его выборах могли участвовать все граждане, достигшие 20-летнего возраста. Исполнительная власть принадлежала образуемому Государственным собранием правительству, состоявшему из государственного старейшины (премьер-министра) и министров. Конституция провозглашала ряд демократических прав и свобод: неприкосновенность личности, равноправие всех граждан перед законом, свободу собраний, слова, печати и т. п.⁷¹

Принятие конституций Прибалтийскими странами ознаменовало собой новый этап в развитии их государственности. Особое внимание в основных законах Латвии, Литвы и Эстонии уделялось государственному суверенитету этих республик, вопросам формирования государственного аппарата.

В январе 1921 г. последовало решение союзных держав о признании де-юре Прибалтийских государств, которым предоставлялась роль «санитарного кордона» между Советской Россией и странами Западной Европы.

Основным источником опасности для своего суверенитета и после окончания Гражданской войны Прибалтийские страны продолжали считать Советскую Россию. И на это имелись все основания — Красная Армия была сильнее, чем армии всех Прибалтийских государств, вместе взятых, советские лидеры неоднократно заявляли о неотвратимости мировой революции. Так, В.И. Ленин еще в марте

1919 г. говорил, что «победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики»⁷². Устойчивость новой власти В.И. Ленин связывал прежде всего с внешним фактором, подчеркивая 6 ноября 1920 г., что победа ее «будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело в расчете на мировую революцию»⁷³. Мировая революция, по мнению советского руководства, должна была обеспечить безопасность и решение сложных задач преобразования общества. В условиях противостояния принцип мирного сосуществования был сведен к стремлению оттянуть, как тогда казалось, неизбежную войну с капиталистическим миром. Идея же мировой революции не означала пассивного выжидания, а предполагала всемерную поддержку революционных выступлений во всех странах. До 1925 г. в европейских странах существовали организованные разведупровские боевые группы, связанные с Коминтерном, и лишь в 1925 г. после обсуждения доклада председателя комиссии Политбюро ЦК РКП(б) В.В. Куйбышева об «активной разведке» Ф.Э. Дзержинским было отдано распоряжение об отзыве этих групп «очень умело и осторожно...»⁷⁴.

Впоследствии Уинстон Черчилль, вспоминая об этом периоде, писал, что Прибалтийские государства «были самыми яркими антибольшевистскими странами в Европе. Все они грубыми методами создавали общества и правительства, главным принципом которых была враждебность к коммунизму, к России...»⁷⁵.

Одним из важнейших направлений внешней политики Прибалтийских стран также являлось стремление объединить свои внешнеполитические усилия. Руководство Латвии, Литвы и Эстонии понимало, что в одиночку им трудно выжить в изменившихся мировых условиях. Поэтому органы власти названных стран прилагали значительные усилия для объединения и координации своей внешней политики. В этих целях их правительствами разрабатывались различные проекты создания «Балтийского союза». Основной целью попыток его создания являлась защита от возможных военных действий со стороны Советской России и «коммунистической угро-

зы». В августе — сентябре 1920 года в Риге состоялась конференция по вопросу создания «Балтийского союза». В ней участвовали Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и представители Украины. Была разработана военная конвенция, подписан совместный политический документ, но усилия по созданию «Балтийского союза» оказались безрезультатными. Помешали разногласия между партнерами по блоку, в первую очередь — острые противоречия между Польшей и Литвой по пограничному вопросу. Тем не менее попытки создания антисоветского блока в составе Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии предпринимались еще неоднократно. Так, марте 1922 г. на конференции министров иностранных дел Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши в Варшаве была выработана «Программа противодействия советской угрозе». По замыслу инициаторов конференции она должна была «...послужить основой для объединения Малой Антанты с Прибалтийскими странами и началом создания непрерывной буферной цепи государств от Северного Ледовитого океана до Черного моря»⁷⁶.

В 1924 г. в Гельсингфорсе (Финляндия) была проведена конференция Прибалтийских стран, основной целью которой было объявлено создание единого антисоветского фронта. Конференция приняла решение объединить разведывательные усилия Прибалтийских государств, направленные против Советского Союза, оказывать всемерную помощь проведению разведывательной работы против СССР другими капиталистическими государствами. После конференции прибалтийские спецслужбы стали обмениваться друг с другом информацией о коммунистическом движении и разведывательными данными. Осенью 1926 г. в Женеве во время сессии Лиги наций состоялась конференция представителей Прибалтийских стран и Польши, созванная для обсуждения планов общего выступления против СССР. Подобные конференции проводились и в последующем.

В условиях послевоенного кризиса экономики в Латвии, Литве и Эстонии активизировалось рабочее движение. Коммунистические партии во всех трех странах были официально запрещены и действо-

вали в глубоком подполье. Местным коммунистам значительную финансовую помощь оказывали РКП(б), впоследствии — ВКП(б) и Коминтерн. С территории Советского Союза в Прибалтику переправлялась нелегальная коммунистическая литература и значительные материальные средства. Правительство Советской России надеялось, что с их помощью в Прибалтике начнется социалистическая революция. Широкое распространение коммунистических идей в Латвии, Литве и Эстонии обуславливалось как непосредственной близостью первого в мире социалистического государства, тесными связями между Прибалтийскими странами и Россией, оставшимися с дореволюционных времен, так и ошибками при проведении национальными правительствами экономических и социально-политических преобразований, в частности реакционностью внутриполитического курса, способствовавшей консолидации политических противников правящих режимов вокруг коммунистических партий.

К концу 1924 г. советские и эстонские коммунисты решили, что в Эстонии назрела революционная ситуация и пора приступить к вооруженной борьбе. 1 декабря 1924 г. ревельские рабочие, руководимые коммунистами, с оружием в руках выступили против буржуазного правительства. Рабочие захватили резиденцию правительства и парламента, вокзалы, телефон, телеграф и полицейские участки. Однако восстание было подготовлено очень слабо. Правительство сумело призвать на помощь верные войска, и в итоге после 4-часового боя рабочие потерпели поражение. По всей стране было введено военное положение, на основании которого были уничтожены все конституционные права и свободы. Все рабочие организации были запрещены.

Несмотря на неудачи прямых революционных выступлений, коммунистические идеи в Прибалтике продолжали пользоваться популярностью. Сочувствующие коммунистам граждане Латвии, Литвы и Эстонии являлись той социальной базой, на которую в своей работе ориентировались не только местные коммунистические организации, но и сотрудники советских разведывательных органов.

1.2. Националистические организации Прибалтийских государств

Экономический кризис 1920-х гг., слабость центральной власти, неурегулированность территориальных вопросов у Эстонии и Латвии с СССР, а у Литвы — с Польшей, а также все более усиливающееся германское влияние привели к появлению в Прибалтийских странах мощного националистического и фашистского движения.

К середине 1920-х гг. в Литве активизировалась деятельность националистических организаций. Самой известной организацией являлся созданный в 1919 г. Союз литовских стрелков («Шаулю Саюнга»). В него входили в основном представители мелкобуржуазных слоев населения Литвы — сельская буржуазия, кулачество, мелкие городские торговцы и т.д. Основной целью его деятельности, в соответствии с Уставом, являлось обеспечение безопасности Литвы от возможных угроз. К 1940 г. организация насчитывала до 60 тыс. членов и была построена по территориальному принципу. В каждом уезде был сформирован отряд, в зависимости от количества членов организации называвшийся полком или батальоном. Всего в Литве насчитывалось 20 таких отрядов. Каждый начальник отряда подчинялся непосредственно начальнику Союза литовских стрелков. На вооружении имелись самолеты, артиллерия, станковые и ручные пулеметы, другое стрелковое оружие. Во главе организации стоял полковник Саладжюс.

Основные задачи Союза заключались в подготовке кадров на случай войны, оказании содействия политической полиции в борьбе с революционными элементами, помощи литовской разведке в сборе сведений против Советского Союза и Польши.

Члены «Шаулю Саюнга» были вооружены и имели специальную полувоенную форму. Они активно занимались начальной военной подготовкой — изучали тактику партизанской борьбы, приемы владения оружием, проводили практические стрельбы под руководством кадровых офицеров литовской армии.

Несколько меньшее распространение получила в Литве организация «Яунои Лиетува» («Молодая Литва»). По информации НКВД СССР, данный союз литовской националистической молодежи представлял собой полувоенную фашистскую организацию, созданную правящей партией «таутинников»⁷⁷ в 1927 г., и насчитывал к 1940 г. около 40 тыс. членов. Характер и методы работы организации были целиком заимствованы у немецкого «Гитлер-югенда». Начальником организации до июня 1940 г. являлся адвокат Гребляускас, который подчинялся непосредственно президенту государства и вождю «таутинников» А. Сметоне. После установления Советской власти в Литве часть активистов перешла на нелегальное положение и начала вести активную антисоветскую работу среди молодежи и интеллигенции. Ряд членов организации затем вступили в организации «Шаулистский батальон смерти» и «Комитет спасения Литвы», которые финансировались Германией.

Также в Литве действовали «Саванарю саюнга» («Союз добровольцев литовской армии») под руководством Г. Гужаса, многочисленные студенческие и клерикальные организации⁷⁸.

В ночь на 17 декабря 1926 г. профашистскими силами при поддержке вооруженных сил был совершен государственный переворот. Президент К. Гринюс был подвергнут домашнему аресту. Были арестованы премьер М. Сляжявичюс и почти все члены правительства, разогнан сейм. После некоторых колебаний 17 декабря М. Сляжявичюс подал в отставку. 19 декабря состоялось специальное заседание сейма, на котором президентом был избран А. Сметона⁷⁹ — лидер профашистской партии «таутинников». Сейм формально работал и после фашистского переворота. Только в апреле 1927 г. он был распущен. Законодательная и исполнительная власть сосредоточилась в руках президента А. Сметоны.

Фашистский режим в Литве был узаконен конституцией 15 мая 1928 г. Президент пользовался неограниченной властью. Срок его полномочий был продлен с трех до семи лет, одно и то же лицо допускалось избирать неограниченное число раз. Избирали президента «особые представители нации». В конце 1931 г. состоялись

первые выборы президента в соответствии с новой конституцией. В каждом уезде на открытом собрании под председательством представителя премьер-министра «особые избиратели» по списку, в который начальник уезда включил только членов местных советов, выбрали «особых представителей нации». Те, в свою очередь, в Каунасе под председательством премьер-министра избрали президентом А. Сметону. По такому же сценарию проходили и выборы в 1938 г.

С установлением Советской власти в Литве члены «Шаулю Саюнга» при помощи германской разведки развернули активную антисоветскую работу по созданию повстанческих групп и организаций в Литовской ССР⁸⁰.

Литовский государственный переворот, а также приход к власти нацистов в 1933 г. в Германии оказали огромное влияние на развитие фашистского движения и в Латвии. Реакционные силы, недовольные политикой правительства, среди которых были партия «Крестьянский союз», профашистское «национальное объединение», руководство вооруженных сил и военно-патриотического общества «айзсаргов» стали готовиться к государственному перевороту.

Организация «айзсаргов» была создана в Латвии в 1919 г. по инициативе «Крестьянского союза» (правящая партия) и под прямым руководством президента страны К. Ульманиса. В первые годы своего существования она создавалась под благовидным предлогом борьбы с бандитизмом, хулиганством и другими криминальными проявлениями в стране, но фактически же эта организация представляла собой военизированную силу правительства для борьбы с революционным движением внутри страны. Также одной из задач «айзсаргов» была подготовка к вооруженной борьбе с внешними врагами в случае начала боевых действий.

В организацию «айзсаргов» в основном принимались крупные землевладельцы, промышленники, торговцы, представители интеллигенции, отставные офицеры, а также политически благонадежные рабочие и крестьяне.

Верховным руководителем «айзсаргов» являлся К. Ульманис, главным идеологом — бывший министр общественных дел Латвии

Альфред Берзьиньш⁸¹, начальником главного штаба «айзсаргов» — генерал Праулс.

Именно эта организация явилась той основной вооруженной силой, при помощи которой был совершен профашистский переворот 15 мая 1934 года, что можно проиллюстрировать выдержкой из приказа по организации «айзсаргов», изданного Ульманисом в тот же день: «Объявляю благодарность «айзсаргам» и «айзсардзем»...

Мы знаем, что в будущем Вы будете истинными стражами нашего нового государства.

Я рад тем узам, которые нас связали во время войны за новый порядок и которые стали неразрывными в те исторические минуты».

Организация «айзсаргов» была приравнена к полиции, иллюстрацией чему может служить выписка из инструкции для «айзсаргов» за 1938 год: «Задача организации — помогать органам государственной безопасности. Когда «айзсарг» исполняет служебные обязанности, он приравнивается к сотрудникам полиции».

Организация насчитывала в своих рядах до 40 тыс. человек (включая молодых «айзсаргов» — «яунсарги» и «айзсардз» — женщин). В том числе командного состава — 3827 человек. Всего в Латвии был создан 21 полк «айзсаргов». Они дислоцировались по одному в каждом уезде, и три полка были расквартированы в Риге. «Айзсарги» располагали 28 тысячами боевых винтовок, пулеметами, самолетами, другой боевой техникой, амуницией и вооружением.

Структура организации была военной. «Айзсарги» были разбиты на полки, батальоны, роты, взвода, группы. Непосредственное руководство по военной организации, снабжению оружием возлагалось на военное министерство Латвии. Однако командирами всех подразделений организации являлись лица, не имевшие ничего общего с военным делом и не получившие никакого военного образования. Начальники полиции районов Латвии занимали должность командиров полков «айзсаргов». Помощниками командиров являлись кадровые военные, прикомандированные из регулярной армии.

«Айзсарги» по роду своей деятельности были тесно связаны с полицией. Они выявляли и передавали сотрудникам политической

полиции коммунистов, просоветски настроенных рабочих, привлекались для проведения обысков и арестов.

В ночь с 15 на 16 мая 1934 г. с помощью сил армии и «айзсаргов» был произведен государственный переворот и установлена диктатура. Руководителем государства с фактически неограниченными полномочиями стал лидер «Крестьянского союза» К. Ульманис.

После переворота правительство Ульманиса ввело в Латвии военное положение сроком на 6 месяцев, но фактически оно продолжалось в течение 4 лет.

Правительство запретило все политические партии, закрыло их печатные органы, разогнало сейм. Были ликвидированы последние остатки демократических свобод. Все без исключения рабочие организации и профсоюзы, спортивные и культурные общества, больничные кассы и т. д. были закрыты и вместо них созданы националистические организации⁸².

На территории страны действовала также созданная еще в 1922 г. (29 августа) экстремистская националистическая организация — «Латвю националайс клубс» («Латышский национальный клуб»). Она не только стремилась к национальному возрождению, но и выражала симпатии итальянским фашистам. Проводимая организацией политика вызывала недовольство. Правительство ее запретило, но активисты организации продолжали действовать, создав сначала Клуб латышских националистов, в 1927 г. — «Угунскруст» («Огонь и крест»), а в 1933 г. — Объединение латышского народа «Перконкруст» («Гром и крест»). В «Перконкруст» вошли также члены распущенной националистической организации «Тевияс саргс» («Страж отечества») и партии «Национального объединения» под руководством адвоката Арвида Бергса⁸³. Позднее оно оформилось в политическую партию.

К осени 1934 г. организация насчитывала около 5000 человек. Социальный состав, по сводкам органов НКВД, представляли выходцы из семей крупной и мелкой буржуазии, помещики и кулаки. Во главе организации стоял Густав Цельминыш. В своей программе организация заявляла, что «политическая и хозяйственная власть в

стране должна находиться в руках латышей — и без каких-либо ограничений». Организация требовала также, чтобы государственные и самоуправленческие учреждения финансировали просветительные и учебные заведения только с латышским языком преподавания. Устав «Перконкруста» разрешал принимать в партию только латышей. В национальной политике организация ориентировалась на «победу латышского духа, нравов и труда», выступая против «чужеземцев», особенно против евреев. Одно время организация требовала причисления немцев и представителей национальных меньшинств к гражданам второй категории. Исключение делалось только для литовцев и эстонцев. Впоследствии в программу были внесены некоторые изменения, но не особенно кардинальные. После 1940 г. в целях сохранения своих кадров группа актива рекомендовала своим членам вступить в компартию Латвии.

С 1931 г. в Латвии действовала группа «Балтише Ференигунг» («Балтийское объединение»), поднявшая вопрос о колонизации Латвии немцами. Она придерживалась концепции о национал-социализме как о продолжении традиций прибалтийских немцев⁸⁴.

В Эстонии, так же как и в других Прибалтийских странах, важную роль в общественно-политической жизни страны играли национально-патриотические организации. Наиболее массовой из них являлся «Кайтселийт».

«Кайтселийт» являлся преемником существовавших в 1917—1918 гг. в Эстонии общественных организаций «Омакайтсе» и «Бюргервер».

В 1917 г. эстонские буржуазно-националистические элементы, испуганные нарастающим революционным движением и усиливающимся влиянием большевиков, провели ряд совещаний, в результате которых было вынесено решение о создании в г. Таллине организации «Омакайтсе» («Самозащита»), которая фактически явилась прародителем более известной организации «Кайтселийт».

Приказ о создании организации и Устав были выпущены 1 октября 1917 года за подписью бывшего коменданта крепости «Петра Великого» в пригороде Таллинна П. Констанди.

Аналогичные организации были созданы в г. Тарту, в уезде Харьюмаа, в ряде волостей, однако централизованного руководства ими еще не было. Во главе организации в Таллинне были поставлены капитан дальнего плавания, впоследствии адмирал, И. Питка и Лев Кеерд⁸⁵. Она создавалась с целью борьбы с уголовной преступностью, членами ее могли быть все граждане Эстонии независимо от национальности и вероисповедания, однако, в соответствии с Уставом, революционно настроенные рабочие и коммунисты в нее не принимались.

После Октябрьской революции по решению советских органов «Омакайтсе» была ликвидирована, однако ее руководство и наиболее активные члены, уйдя в подполье, продолжали вести борьбу с рабочим движением и Советской властью.

Участники «Омакайтсе» организовывали вооруженные выступления против Красной Армии, чем оказали существенную помощь немецким войскам, вскоре занявшим всю Эстонию.

24 февраля 1918 г. Красная Гвардия и отряды Красной Армии отступили из Таллинна под натиском немецких войск.

Оккупировав Эстонию, командование немецкой армии ликвидировало «Омакайтсе» как национальную военную силу, представляющую опасность для немецкой армии.

Весной 1918 г. после обнаружения в г. Таллинне выпущенных коммунистической партией первомайских листовок немецкое командование, боясь развития революционного движения, вынуждено было разрешить восстановление организации самозащиты под названием «Бюргервер».

Во главе ее был поставлен Иоган Питка, а от немцев для осуществления информационного взаимодействия был введен А. Вильде.

На «Бюргервер» возлагалась задача по ведению борьбы с революционно настроенными рабочими и большевиками, их выявлению и розыску с последующей передачей немецким властям.

14 ноября 1918 г. после отступления немецких войск по решению эстонского буржуазного правительства организация «Бюргервер»

была переименована в «Еести Кайтселийт». Согласно тому же решению в «Кайтселийт» должны были вступить все эстонские мужчины в возрасте от 17 до 60 лет⁸⁶.

После начала в 1918 г. вооруженных действий с Советской Россией (в соответствии с западной историографией — «войны за независимость») эстонское правительство сформировало из кайтселийтчиков, годных к воинской службе, дивизию, кавалерийский полк и другие подразделения, после чего направило их на борьбу с Красной Армией⁸⁷. На оставшихся в тылу членов организации возлагались следующие задачи: вести борьбу с революционным движением и любыми просоветскими проявлениями; осуществлять тюремный надзор и транспортировку военнопленных, нести гарнизонную службу.

В 1920 г. после окончания боевых действий «Кайтселийт» в прежнем виде был ликвидирован и его местные организации превращены в так называемые «охотничьи группы», во главе которых были поставлены военные коменданты. Их основной задачей, в соответствии с заявлениями руководства, являлось подавление революционного движения и борьба с коммунистами. Организация играла заметную роль в политической и общественной жизни в стране.

17 декабря 1924 года И. Лайдонер утвердил устав «Кайтселийта», согласно которому эта организация распространяла свою деятельность на всю республику. В 1925 и 1926 годах на нужды «Кайтселийта» был взыскан с населения чрезвычайный налог в размере 200 миллионов марок. При обучении кайтселийтчиков особое внимание уделялось тактике уличных боев. Основная задача, поставленная перед «Кайтселийтом», заключалась, как и раньше, в подавлении революционного рабочего движения.

В начале 1930-х гг. в Эстонии, как и в других Прибалтийских странах, обострился экономический кризис. Уменьшились доходы населения, поднялись цены на предметы первой необходимости. В этой обстановке усилилось недовольство населения политикой правительства, чем сразу же воспользовались реакционные элементы.

Весной 1931 г. состоялся съезд лиги «участников освободительной войны» («ветеранов»), которые выступили с критикой существую-

щей политической системы. Правительству были предъявлены ультимативные требования в трехмесячный срок разрешить вопрос о коренном изменении системы государственного управления. Правительство под руководством К. Пяста назначило комиссию для составления проекта новой конституции.

12 октября 1933 г. был проведен референдум, в результате которого большинство голосовавших высказалось за предложенное «ветеранами» изменение конституции. Воспользовавшись предоставленными ему чрезвычайными полномочиями, правительство К. Пяста объявило 12 марта 1934 г. осадное положение в стране и установило военную диктатуру. Была распущена организация «ветеранов», их вожди арестованы, приостановлена деятельность всех политических партий, отменены выборы президента и распущен парламент, создана новая партия «Отечественный союз», придерживавшаяся крайне правой ориентации. Активную роль во всех этих событиях играли члены националистической организации «Кайтселийт».

Генерал Лайдонер в 1939 г. за неделю до заключения с СССР пакта о ненападении выступил на собрании начальников подразделений «Кайтселийта» с речью, которая транслировалась по радио на всю страну. В этой речи он призывал членов организации с оружием в руках выступить на защиту самостоятельности и независимости Эстонии.

После заключения с СССР пакта о ненападении и ввода в Эстонию частей Красной Армии «Кайтселийт» стал готовиться к активной борьбе против СССР.

По указанию командующего «Кайтселийтом» генерала У. Орасмаа были разработаны планы выступлений и места сборов кайтселийтчиков, одновременно командиры «Кайтселийта» и офицеры эстонской армии проводили активную разведывательную деятельность, собирая сведения о численном составе частей РККА, ее вооружении, настроениях бойцов и т.д.

Так, в г. Хаапсале-Ляянемаа активную разведывательную деятельность в отношении советских войск проводили капитан эстонской

армии К. Веллинг — начальник местного отделения «Кайтселийта», майор О. Линдквист и ряд других лиц из руководства организации, которые одновременно готовились к вооруженным выступлениям против Красной Армии⁸⁸.

В 1940 г., после включения Эстонии в состав СССР, организация была распущена, все имевшееся в ее распоряжении оружие изъято, а наиболее активные члены арестованы.

Также в Эстонии действовали националистические организации молодежи «Молодые орлы», «Домашние дочери», «Скауты», «Объединение сельской молодежи», «Союз молодых христианок» и др. организации, членами которых являлись около 55 тыс. юношей и девушек. Широко известна националистическая организация «Вабс», в состав руководства которой входили агенты германской разведки.

Таким образом, к середине 1930-х годов во всех трех Прибалтийских республиках к власти пришли реакционные прогермански настроенные силы. Несомненно, определенное влияние на это оказал приход к власти нацистов в Германии в 1933 г. и развернутая немцами работа по распространению своего влияния в Прибалтике.

1.3. Белогвардейцы в Прибалтике

Важным элементом политической обстановки в названных государствах являлось наличие большого количества эмигрантских организаций.

Русский белогвардейский Северный корпус, потерпев поражение в боях с Красной Армией, отступил на территорию Эстонии, где его командование 6 декабря 1918 г. заключило соглашение с военным министром эстонского Временного правительства. В соответствии с ним Северный корпус поступал в распоряжение военного командования Эстонии, отводился в тыл для восстановления своей боеспособности, на что давался трехнедельный срок⁸⁹. Таким образом, на западе и северо-западе России борьбу с большевиками помимо прибалтийских войск вели и части Северного корпуса Белой армии (с 19 июня 1919 г. — Северо-западной армии).

При активном участии контрразведки Северного корпуса под руководством «Национального центра»⁹⁰ и по согласованию с латвийским и эстонским командованием в ночь на 13 июня 1919 г. начались вооруженные мятежи гарнизонов фортов Красная Горка, Серая Лошадь, Обручев, которые были подавлены Красной Армией в течение трех дней.

К концу ноября 1919 г. Северо-западная армия была отброшена к эстонской границе. Ее остатки перешли на территорию Эстонии, где были разоружены и интернированы⁹¹.

Поддержкой правительств Прибалтийских государств пользовались и белогвардейские соединения С.Н. Булак-Балаховича, воевавшие против большевиков на северо-западе России. Однако к началу 1920 г. основные их соединения были разбиты частями Красной Армии и отошли на территорию Латвии и Эстонии, где были расформированы, а отдельные подразделения вошли в состав национальных армий⁹². По данным резидента Особого отдела ВЧК в Финляндии, весной 1920 г. в эстонской армии, например, служило до 8% русских офицеров-добровольцев⁹³. В последующем эти части пополнял достаточно большой отряд русских военных эмигрантов в Прибалтике, а некоторые офицеры Северо-западной армии (А.П. Родзянко, П.В. Глазенап, С. Пален, С.Н. Булак-Балахович и др.) стали руководителями и активными участниками белоэмигрантского движения.

Летом 1920 г. в Латвии и Эстонии началась вербовка бывших военнослужащих Северо-западной армии в армию Врангеля.

31 октября 1920 г. Народный комиссар иностранных дел РСФСР заявил правительству Латвии резкий протест в связи с тем, что через Ригу в Крым к Врангелю было направлено 200 белых офицеров. Министр иностранных дел Латвии Э. Мейеровиц вынужден был признать, что действительно на территории страны действовали организации, занимавшиеся вербовкой солдат для Белой армии. Как было впоследствии установлено, вербовкой белогвардейцев непосредственно занимались руководители латвийской армии⁹⁴.

С 1920 г. началось планомерное сотрудничество белогвардейских частей в Прибалтике с генеральными штабами Латвии и Эстонии. В

подтверждение этому можно привести выдержки из письма находившегося в Эстонии поручика А. Берна П.В. Глазенапу: «Приняли предложение Эстонского Генерального штаба работать по освещению Совдепии. Благодаря этому нами все время поддерживается связь с Петроградом», а также предложения по организации антисоветской деятельности в Эстонии подполковника фон Вааля, в которых он говорит, что «с благословения генерала Владимирова мы вступили в связь с эстонцами по работе с Петроградом»⁹⁵.

К началу 1920-х гг. российская белая эмиграция, сосредоточившаяся в ряде стран Европы и Азии и насчитывавшая до двух миллионов человек, по определению В.И. Ленина, стала довольно значительной и организованной силой внешней контрреволюции, сохранившей за границей свою классовую организацию, имевшей там остатки белой армии и поддерживавшей многочисленные связи с международной буржуазией⁹⁶.

За рубежом были созданы монархистские «Союз верных» (СВ) и «Российский общевоинский союз» (РОВС), савинковский «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРиС), «Братство русской правды» (БРП) и многие другие, развернувшие широкую разведывательно-подрывную деятельность против Советской России.

Одной из первых эмигрантских организаций, созданных в Прибалтике и взаимодействовавшей с национальными специальными службами, являлся «Союз верных». Первоначально «Союзом верных» называлась группа монархистов в Эстонии во главе с бывшим членом Государственной Думы Марковым-2. В СВ входили Н.Н. Юденич, генерал-лейтенант К.К. Арсеньев, князь А.Н. Долгоруков, граф С. Пален и многие другие. В тесном сотрудничестве с генеральными штабами Латвии и Эстонии руководители Союза принимали активное участие в отправке добровольцев в Крым, к Врангелю. Однако после окончания Гражданской войны члены СВ встали на позицию отказа от военной интервенции в Советскую Россию. Главная ставка в захвате власти в России делалась на работу в Красной Армии, которая, по их мнению, должна была осуществить

военный переворот, возглавляемый внедренными в нее членами СВ. Попутно осуществлялся сбор различной шпионской информации о состоянии советских вооруженных сил, большая часть которой передавалась в генеральные штабы Латвии и Эстонии⁹⁷.

С территории Прибалтики против России активно действовали эсеры. Парижский центр эсеров (А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов, Н.Д. Аксентьев и др.) и Пражский центр (Черный, Слонимский и др.) под вывеской Внепартийного демократического объединения (ВДО) образовали шпионскую организацию, целью которой являлось свержение Советской власти в России.

Резидентуры ВДО были созданы во всех Прибалтийских странах. Эсеры занимались шпионажем и диверсионной работой преимущественно в приграничных районах запада и северо-запада России, а также на Украине.

Так, например, в начале 1921 года под руководством полковника Белой армии Васильева для нелегальной переброски через границу на территорию Советской России в Эстонской Республике был сформирован отряд в количестве 80 человек. Перед ним ставились задачи: подготовить восстание крестьян к 21 августа 1921 года, распространять листовки среди населения, вешать и расстреливать партийных и советских работников, срывать проведение сбора продналога, совершать диверсии на железных дорогах, уничтожать советские учреждения. Перебрасываемые были снабжены оружием и боеприпасами, листовками, а также специальными удостоверениями, подтверждающими принадлежность к «Союзу защиты Родины и Свободы»⁹⁸.

Эстонское правительство оказало поддержку антисоветскому мятежу, вспыхнувшему в Кронштадте в марте 1921 года. С его разрешения многие активные русские контрреволюционеры во главе с В. Черновым прибыли в Таллинн, чтобы быть ближе к событиям. В Кронштадт были посланы эмиссары, однако из-за быстрого подавления мятежа наладить тесную связь между повстанцами и заграничными эмигрантскими организациями не удалось⁹⁹.

В начале 1920-х гг. с территории Прибалтики против Советской России наиболее активно действовали представители НСЗРиС,

РОВС, БРП. В Приказе ГПУ от 10.03.1922 г. отмечалось, что «полоса латвийско-эстонской границы усеяна бандами и боевыми организациями, руководимыми из Риги и Ревеля (Таллинна), объединившимися савинковскими и монархически-врангелевскими агентами, которых тайно поддерживают правительства этих «демократических» республик».

Организацией БРП в Прибалтике в описываемый период руководил Виктор Сигизмундович Столычво, бывший офицер царской армии. Савинкову подчинялись действовавшие из Прибалтики отряды Булак-Балаховича и Павловского. Крупные воинские соединения и антибольшевистские базы в Латвии и Эстонии были созданы генералом Глазенапом на деньги прибалтийских правительств. Потерпев поражения в Гражданской войне, российская эмиграция пошла по пути выработки новых приемов и методов ведения подрывной деятельности. На первый план в годы восстановительного периода выдвигаются более гибкие формы подрыва Советской власти, так называемая «новая тактика» борьбы, предполагавшая, наряду с оказанием враждебного влияния на Советскую Россию извне, активизацию враждебной деятельности внутри государства. «Новая тактика» нашла свое проявление в двух конкретных формах: первая — это тактика «малых войн», которая выражалась в вооруженных мятежах. Она была характерна в основном для периода конца Гражданской войны и использовалась в начале нэпа, т.е. в 1921—1922 гг. Затем оппозиционные силы основной упор сделали на тактику «тихой контрреволюции», которая сводилась к попыткам подрыва государственного аппарата и разложения партии большевиков, организации мелкобуржуазных масс на борьбу с диктатурой пролетариата. Однако эмиграция была крайне неоднородна, поэтому и во второй половине 1920-х гг. многие ее представители не отказались от планов осуществления военной интервенции в Советскую Россию.

Во второй половине 1920-х гг. с территории Прибалтики против СССР наиболее активно действовал РОВС. В Берлине находился центр второго отдела РОВС (начальник — А.А. фон Лампе), влияние которого распространялось на Латвию, Литву и Эстонию¹⁰⁰.

К началу 1930-х гг. по ряду причин, в том числе и в результате проведения ОГПУ ряда успешных операций, эмигрантские организации практически перестали вести подрывную работу против СССР с территории Прибалтики.

1.4. Деятельность иностранных разведок в Прибалтийских государствах

Исторические и географические особенности Латвии, Литвы и Эстонии — наличие непосредственных границ с Советской Россией, большой процент русскоязычного населения, а также большое количество местных жителей, свободно владеющих русским языком и имеющих родственников и друзей на сопредельной территории, — обусловили повышенный интерес к Прибалтике со стороны разведывательных органов крупнейших государств того времени. На территории Латвии, Литвы и Эстонии вели активную работу английская, немецкая, французская, американская, шведская, японская и польская разведки.

Основной их задачей являлся сбор сведений о Советской России. В своей разведывательной деятельности представители спецслужб указанных государств использовали информацию, получаемую как из прибалтийских спецслужб по официальным каналам, так и от завербованных ими отдельных представителей местных разведывательных и контрразведывательных органов.

Территория Латвии, Литвы и Эстонии стала плацдармом, с которого иностранные разведки проводили свою подрывную работу против СССР.

Иностранные шпионские центры направляли в Советскую Россию не только своих агентов, террористов и диверсантов с целью проведения шпионажа, совершения террористических и диверсионных актов, но и эмиссаров для активизации антисоветского подполья, организации контрреволюционных заговоров и подготовки мятежей.

В 1920-х гг. с территории Прибалтики против нашей страны наиболее активно действовали представители английских спецслужб.

В Англии в 1920—1930-х гг. разведывательной работой занимались несколько самостоятельных специальных служб. К ним относились «Сикрет Интеллежденс Сервис» (СИС), «Индиен Сикрет Сервис» (ИСС), разведывательные отделы при различных министерствах, а также Скотланд-Ярд. Для деятельности против нашей страны в структуре СИС был создан специальный русский отдел. Наиболее активно действующей резидентурой русского отдела являлась резидентура в Риге.

В работе против Советской России участвовали не только кадровые разведчики, но и дипломаты, аккредитованные в Латвии. По данным закордонных источников ИНО ОГПУ, в 1920-е гг. активно занимались разведывательной деятельностью посол Англии Эфиксон, второй секретарь посольства Никельсон, сотрудник посольства Жорж Вильям Берри.

С середины 1920-х гг. центр английской разведки на территории Латвии работал под прикрытием «Паспортного бюро» дипломатического представительства Великобритании в г. Риге и Латвийского акционерного банка. Практически все сотрудники «Паспортного бюро» и ответственные служащие банка, как англичане, так и местные жители, сотрудничали с СИС. В разведывательных целях представители британских спецслужб организовали и финансировали белогвардейские и религиозные организации, в частности, «Русский клуб» и «Армию спасения». Было создано «Англо-латвийское общество культурных связей», которое использовалось как база для изучения и вербовки агентуры из среды интеллигенции и высших чиновников государственного аппарата республики.

С английской разведкой были тесно связаны многие руководящие работники Латвии, придерживающиеся англофильской ориентации: начальник штаба латвийской армии генерал Розенштейн, начальник информационного отдела штаба армии полковник Кикулис, начальник политической полиции Фридрихсон, начальник агентурного отдела политической полиции Штиглиц и многие другие. Их услуги хорошо оплачивались. В частности, Штиглиц получал за сотрудничество с англичанами до 400 лат в месяц.

Однако не вся купленная англичанами информация представляла оперативный интерес. Иногда латыши продавали и заведомо ложные сведения. Например, А. Макферсон в 1928 г. купил за 2000 фунтов стерлингов формулу какого-то газа, изготавливаемого в СССР. Когда он прислал ее в Англию, оказалось, что это никуда не годное средство. За допущенный промах он получил выговор¹⁰¹.

До 1930 г. резидентурой английской разведки на территории Латвии руководил полковник Фарина, его помощником являлся А. Макферсон. После отъезда Фарина в Англию разведку возглавил советник английского посольства Геральд Гибсон. Он, как и Макферсон, до революции жил в России. Причем Артур Макферсон был сыном Артура Давидовича Макферсона, известного петербургского торговца и мецената, первого председателя Всероссийского футбольного союза. Артур-младший и его брат Роберт входили в число лучших российских теннисистов, были чемпионами России в парном разряде, играли в футбол за клуб «Нева»¹⁰².

В Эстонии английская разведка также работала под прикрытием «Паспортного бюро» при английском посольстве в г. Таллинне. Руководителем резидентуры являлся заведующий «Паспортным бюро» майор Гиффи. Штат «Паспортного бюро» состоял из шести служащих, являвшихся кадровыми сотрудниками английской разведки.

Помимо «Паспортного бюро» английская разведка в качестве прикрытия широко использовала находящиеся в Эстонии паромные и транспортные конторы, банки, различные торговые фирмы, а также местные общества по культурным связям с Англией (например, англо-эстонский «Хоккей-клуб» и др.), руководители которых в большинстве случаев являлись агентами английской разведки. По данным закордонных источников ИНО ОГПУ, наиболее активно с территории Эстонии против Советской России работал являвшийся английским агентом директор таллиннской конторы по закупке леса и шерсти «Вышею Лимитед» А. Нинян. Как было установлено на следствии по делу арестованного в 1933 г. в Москве английского разведчика М. Сивицкого, работавшего присяжным поверенным таллиннской фирмы «Централ Эджени Лимитед», его организация

также являлась прикрытием для деятельности английской разведки в Эстонии.

В 1930-х гг. в Латвии существовала широко разветвленная резидентура английской разведки под руководством Романа Судакова, бывшего полковника Белой армии, участника северного похода англичан. Судаков проработал в Латвии 17 лет — с 1922 по 1939 гг. занимал официальную должность в «Паспортном бюро», а с 1939 по 1940 гг. свою разведывательную деятельность прикрывал коммерческой деятельностью фирмы «Роман Судаков», представлявшей в Прибалтике интересы нескольких крупных иностранных компаний. Деятельность Судакова распространялась и за пределы Латвии. Он имел представителей своей фирмы в Каунасе и Таллинне, куда сам часто выезжал для встреч с резидентом английской разведки в Эстонии сотрудником «Паспортного бюро» английского консульства в Таллинне Гиффи.

Несколько менее активно на территории Латвии действовали представители разведывательных органов других государств.

В 1920 г. в Риге был создан центр американской разведки, сразу же начавший вести активную работу против Советской России. Маскируясь под видом общества Красного Креста, Администрации Американской помощи голодающим (АРА) и других организаций, в Латвии работали кадровые офицеры американской разведки. Пункты помощи, клубы, миссии, союзы американцы открывали в небольших латвийских городках, находящихся на границе с Россией. Это было сделано для облегчения сбора сведений о РСФСР, приобретения агентуры из числа местных жителей, поддерживающих родственные и деловые связи с советской стороной. Миссионер В. Фетлер, например, открыто признавал, что организованное им религиозное общество под прикрытием евангельской деятельности вербовало белогвардейских эмигрантов для антисоветской деятельности¹⁰³.

В 1930-х гг. американская разведка в Латвии работала против СССР через своего резидента Майеса Сплицкого — директора отделения «Северного банка» акционерного общества «Норд-кре-

дит». Другую резидентуру возглавлял корреспондент газеты «Чикаго Трибьюн» Дэй Дональд. В разведывательных целях использовался также существовавший в Латвии филиал молодежной организации «Имка», центр которой находился в США.

Японская разведка на территории Латвии в 1930-е гг. в основном действовала через служащих японского посольства в Риге. Непосредственными организаторами работы против Советского Союза являлись посол Японии в Латвии Отака, третий секретарь посольства Ота, сотрудники посольства Иской и Бредерман.

Наиболее известны агенты японской разведки в Латвии П. Вейсманис, активный член профашистской организации «Перконкруст», редактор газеты «Латвис» («Латыш») и М. Куликовская — служащая ресторанов «Янис Берзиньш» и «Альгамбра».

Активную разведывательную работу против Советского Союза с территории Латвии в 1930-х гг. проводил военно-морской атташе шведского посольства. Он использовал в качестве резидента доцента Рижского университета Даго Троцика, который организовал шпионскую сеть, занимавшуюся разведывательной работой под прикрытием научной деятельности.

Шпионская деятельность иностранных разведок проводилась при содействии и под покровительством латвийских властей. В частности, Информационный отдел Генштаба латвийской армии не только не противодействовал, но и оказывал непосредственную помощь в сборе шпионских сведений о Советском Союзе и в переброске иностранных разведчиков на территорию СССР. Для этого он предоставил в их распоряжение свои пограничные разведпункты на границе с СССР — в Индре, Зилуппе, Ритупе. Начальник Зилуппского разведпункта Аккерман, например, сотрудничал с немецкими разведывательными органами. Военные атташе ведущих западных государств поддерживали контакт со штабом латвийской армии, и главным образом — с Информационным отделом. Между военными атташе ряда государств и Информационным отделом в лице его начальников Розенштейна, Винтерса, Стрейпа, Кикулса, Целминьша происходил обмен сведениями разведывательного характера.

Обменивались между собой информацией и полицейские органы. Начиная с осени 1925 г. ежегодно, вплоть до присоединения к СССР, в каждой из Прибалтийских стран по очереди созывались совещания руководящих деятелей политических партий, на которых последние делились опытом борьбы с советской разведкой, докладывались материалы о работе нелегальных коммунистических партий и т.д.

На территории Прибалтики, а в особенности Литвы, существовало множество различных немецких организаций, представительств фирм и предприятий, с помощью которых Германия оказывала влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны и под прикрытием которых проводила активную разведывательную работу.

В Эстонии проживали 18 000 немцев. В Латвии, по данным переписи 1935 г., проживали 62 144 немца, что составляло около 3 % населения страны. Немецкое национальное меньшинство принимало активное участие в политической жизни этой прибалтийской республики.

В Германии до 1935 г. существовало общество Балтикум, объединявшее эмигрировавших прибалтийских немцев и участников Балтийского похода 1919 г. Общество возглавлял бывший командир Железной дивизии Бишофф, ближайшим сподвижником которого стал бывший командующий германскими войсками в Прибалтике генерал фон дер Гольц. В 1935 г. это общество было закрыто, но вместо него был воссоздан в новом обличье Тевтонский орден; почетным магистром Ордена стал фон дер Гольц, а магистром — А.Розенберг.

Были взяты под контроль немецкие меньшинства во всем мире. Общее руководство всеми организациями зарубежных немцев (фольксдойчей) осуществлялось А.Розенбергом и Э.Боле через аппарат посольств и учрежденную в Гамбурге организацию немцев, проживающих за границей. Альфред Розенберг — выходец из прибалтийских немцев, бывший студент Рижского политехнического института, ближайший соратник Гитлера — являлся также руководителем общества «Великогерманский Балтийский Союз». По отзывам со-

временников, это общество фактически являлось прибалтийским филиалом национал-социалистической партии Германии и в его задачи входила координация деятельности всех немцев, живущих за пределами Германии.

Розенберг считал важным «помочь прогерманским элементам захватить власть в Прибалтийских странах», с тем чтобы они затем попросили Германию о «помощи». Для этого на поддержку прибалтийских немцев правительство Германии выделило 5 млн рейхсмарок (в период с 1925 по 1932 г.)¹⁰⁴.

Организацией, сплачивающей всех прибалтийских (и не только прибалтийских) немцев, стало также Немецкое культурное самоуправление, создавшее широкую сеть легальных и нелегальных обществ, проводивших под своей вывеской пропагандистскую и подрывную работу в приграничных странах. Контроль за ними осуществляли германские миссии.

Наиболее известной в Литве была организация «Культурфербанд» («Культурный Союз немцев Литвы»), созданная в 1920 г. в г. Каунасе и отличавшаяся исключительной активностью в деле насаждения германской культуры в Литве. Вскоре после своего возникновения организация приступила к созданию немецких школ, сеть которых росла так быстро, что во многих местах немецкие школы открывались раньше литовских и к 1927 г. в них было больше учащихся-литовцев, чем немцев.

Работа «Культурфербанда» организационно и экономически была связана с «Союзом немцев за границей», который, в свою очередь, подчинялся верховному штабу национал-социалистической партии Германии. По данным советской разведки, работа «Культурфербанда» контролировалась и направлялась гестапо.

Наряду с официальной частью работы, сводившейся к распространению в Литве немецкого влияния, организация проводила глубоко законспирированную разведывательную работу. В немецких школах часто проходили сходки надежных членов организации, которым давались задания по линии разведки, большое внимание уделялось сбору сведений о Советском Союзе и проникновению во властные

структуры и спецслужбы Литвы. Наиболее проверенных членов организации «Культурфербанд» отправлял в Германию для обучения в специальных разведывательных школах, на национал-социалистических курсах и в летних лагерях штурмовиков. Такие школы и курсы функционировали в Гамбурге, Берлине, Дрездене, Мюнхене и др. городах. Окончившие эти курсы возвращались в Литву, открывали мелкие предприятия, которые служили для прикрытия работы немецкой разведки.

Так как литовские власти не препятствовали деятельности общества, «Культурфербанд» развернул активную профашистскую агитацию по всей стране. Члены организации стали открыто носить форму гитлеровских штурмовиков, были созданы вооруженные группы и отряды (аналоги германских «СА» и «СС»).

Во второй половине 1930-х гг. в Литве наиболее активно действовала также немецкая разведка. Работой по созданию массовой агентурной сети занималась посольская резидентура, а также представители торговых компаний и фирм.

Продолжало свою деятельность и общество «Культурфербанд». К моменту ввода советских войск на территорию Литвы в 1939 г. «Культурфербанд» представлял из себя крупную, хорошо экипированную организацию, насчитывавшую свыше 40 тыс. членов.

С января 1939 г. под прикрытием «Культурфербанда» в Литве существовала полувоенная нелегальная фашистская организация «Манншафт» («Команда»). Она была построена по типу немецких штурмовых отрядов «СА». Во главе организации стоял барон Венд фон дер Ропп, его заместителем являлся сотрудник «Культурфербанда» Оскар Кумферт.

«Манншафт» имела свои центры во всех городах и крупных сельских населенных пунктах Литвы. По распоряжению посла Германии в Литве Цехлина все члены организации во время проведения официальных мероприятий носили форму «СА».

Демонстрацией силы нацистов в Литве должно было стать проведение массового спортивного праздника 16 июня 1940 г., которому не суждено было состояться...

Немецкая разведка широко использовала представительства различных немецких торговых и промышленных фирм на территории Литвы. К их числу принадлежало и представительство фирмы «Филлипс», которая, хотя официально являлась голландской, на деле была чисто немецким предприятием. Генеральное представительство фирмы размещалось в г. Каунасе, имелось также большое количество филиалов по всей стране. Под предлогом продажи и починки радиоаппаратуры агенты немецких разведывательных органов ездили по стране, вели профашистскую пропаганду, собирали разведывательные материалы и приобретали агентуру из числа местных жителей.

Немецкой разведкой также широко использовались представительства фирмы по производству швейных машинок «Зингер», радиофабрики «Телефункен» и многие другие предприятия.

Гитлеровская разведка финансировала многие националистические и профашистские организации, такие как «Шаулю Саюнга», «Железный волк», «Комитет свободной Литвы», «Гвардия обороны Литвы» и др.

Германские специальные службы создавали агентурные позиции и в разведывательных и контрразведывательных органах Литовской республики. Так, ими был завербован начальник Политической полиции, с помощью которого немецкие разведчики организовывали на территории республики переправочные пункты для заброски своей агентуры в СССР. В своих показаниях на следствии бывший военный атташе германского посольства в Каунасе генерал Э. Юст показал, что с немецкой разведкой поддерживали связь премьер-министр Вольдемарс, генералы Пундзевичус, Нагюс-Нагевичус, Мустейкис, министр обороны Слижис и многие другие военные и гражданские чиновники¹⁰⁵.

С середины 1930-х гг. германская разведка значительно активизировала свою работу на территории Латвии. Используя проживавших в Латвии этнических немцев, представители разведывательных органов Германии приступили к созданию организаций «национальных меньшинств», основной задачей которых было распространение немецкого влияния на территории Латвийской

республики, сбор разведывательной информации о Советском Союзе. Действовавшие в Латвии немецкие организации: «Немецко-Балтийский Трудовой Центр», «Немецко-Балтийское Народное объединение», «Орден Балтийского Братства» напрямую подчинялись обществу «Великогерманский Балтийский Союз» в Кенигсберге.

«Великогерманский Балтийский Союз» развернул на территории Латвии активную работу по подготовке фашистских агитаторов. Для этой цели в Кенигсберге были созданы специальные курсы, активистов «Союза» возили на экскурсии в Германию «для знакомства с национал-социализмом». 31 декабря 1935 г. правительство Ульманиса приняло решение о ликвидации всех существовавших в Латвии иностранных обществ, в том числе и немецких. Однако несмотря на это, в Латвии продолжали существовать различные организации профашистского толка, такие как «Движенцы», «Балтийское братство», «Система», которые, несмотря на отдельные разногласия в программах деятельности, вели активную организационно-пропагандистскую и политическую работу в прямом контакте с немецкими разведывательными органами.

Наибольшей активностью отличались «Движенцы», которые распространили свое влияние на большую часть немецкой молодежи, проживавшей в Латвии. Члены организации создавали нелегальные молодежные группы количеством в 5–12 человек, которые под прикрытием «пивных вечеров», «благотворительных балов» и т.п. устраивали нелегальные сборища, а там, где позволяла обстановка, проводили военное обучение, используя для этого «общества туризма и спорта». Немецкая разведка считала деятельность этого общества такой же важной, как деятельность организации штурмовиков СА в Германии. В «обществе туризма и спорта» была введена военная дисциплина, наиболее активные члены общества посылались в Германию на стажировку и по возвращении в Латвию назначались руководителями отдельных групп.

Довольно крупной и влиятельной немецкой организацией в Латвии являлось «Немецкое народное объединение», известное также

под названием «Немецко-балтийское народное объединение». Его возглавлял А. Интельман.

На территории республики действовало «Общество германских граждан в Латвии» (руководитель Х. Эсп). Немецкие организации открыто проводили свои собрания, слеты, осуществляли военное обучение молодежи. В их распоряжение поступала нацистская литература из Германии. Лекторы из Берлина и Кёнигсберга чуть ли не каждую неделю прибывали в Латвию. Многие члены немецко-фашистских организаций принимали участие в работе различных курсов и семинаров в Германии.

Был образован так называемый «Институт Гердера», который практически превратился в центр нацистской пропаганды. Это общество ставило своей задачей «дать немецкой молодежи прибалтийских стран первоначальное научное образование в немецком духе». Для этого регулярно организовывались лекции и семинары для изучающих теологию, историю и немецкую культуру.

Во всех этих организациях поддерживалась строгая дисциплина, они были разделены на блоки, районы и секции. Местные немцы активно собирали информацию в пользу Германии.

В 1937–1938 гг. гитлеровцам удалось подчинить своему влиянию и контролю многие немецкие организации и общества и в Латвии. Общее число немецких организаций там доходило до 269.

О размахе деятельности немецких организаций в Латвии можно судить по тому, что к началу 1939 г., по данным Министерства внутренних дел Латвии, в стране насчитывалось 8 общелатвийских немецких организаций с 67 отделениями и, кроме того, 193 местных организаций, которые охватывали своим контролем и идеологическим воздействием почти всё немецкое этническое меньшинство¹⁰⁶.

Все вышеперечисленные общественные организации работали в тесном контакте с германским посольством в Риге, многие из работников которого являлись кадровыми разведчиками. Деятельностью немецких разведчиков руководил германский посол Коце, ему подчинялись представитель гестапо канцлер посольства Шенкельберг и

руководивший работой германской национал-социалистической партии в Латвии второй секретарь посольства Ганс Креггер.

Кроме перечисленных организаций немецкая разведка использовала для сбора информации и распространения немецкого влияния большое количество торгово-промышленных фирм, работающих в Латвии, таких как «Железо и Сталь», «Хельмслинг и Гримм», «Родлауэр и Ко», «Вольдемар Майор» и др.

Следует отметить, что немцы располагали большим количеством источников в государственном аппарате Латвии. Так, например, в Министерстве иностранных дел Латвии долгое время служила некая Хинце — кадровая немецкая разведчица, а личным курьером у министра иностранных дел Мунтерса работал другой немецкий разведчик, который неоднократно предоставлял немецкой разведке важные документы.

Посещали Латвию и немецкие военные корабли, и туристы, которым местные немцы оказывали неизменно радушный прием. Например, во время визита крейсера «Кёльн» (28 мая — 3 июня 1938 г.) рижские нацисты устроили в городе прогитлеровскую демонстрацию¹⁰⁷.

В Эстонии резидентура германской разведки возглавлялась руководителем отдела германской национал-социалистической партии Гельмутом Шиллером. В конце 1930-х гг. немецкая разведка проводила свою работу в Эстонии в тесном контакте с эстонской разведкой и Управлением политической полиции. Начальник 2 отдела эстонского Генерального штаба полковник Мазинг являлся немецким агентом, поэтому немцы в своей работе использовали также и оперативные возможности эстонской разведки¹⁰⁸.

28.09.1939 г. Советский Союз заключил договор о взаимопомощи с Эстонией, 5.10.1939 г. — с Латвией, а 10.10.1939 г. — с Литвой и ввел свои войска на территорию Прибалтийских государств. Хотя в договорах о создании военных баз на территории Прибалтики подчеркивалось, что советская сторона не будет вмешиваться во внутренние дела Латвии, Литвы и Эстонии¹⁰⁹, на деле само присутствие в этих государствах многочисленного воинского контингента не

могло не оказывать влияния на их политику. Значительно активизировалось коммунистическое движение. Вместе с тем в Прибалтийских странах продолжали расти и прогерманские настроения. Этому способствовали военные успехи немцев в Европе, а также то, что экономика Прибалтийских стран была ориентирована на западный, в основном германский, рынок. Поэтому усилия советской внешней политики были направлены на недопущение роста немецкого влияния в Латвии, Литве и Эстонии и постепенное упрочнение своих собственных позиций.

В соответствии с секретным дополнительным протоколом о границе сфер интересов Германии и СССР от 23.08. 1939 г. и секретным протоколом об отказе Германии от претензий на часть территории Литвы от 28.08. 1939 г. правительство Германии отказывалось от территориальных притязаний к Литве в обмен на выплату СССР 7 500 000 золотых долларов, а также были четко разграничены сферы интересов Германии и СССР, в соответствии с которыми Прибалтика попадала в сферу советских интересов¹¹⁰. Поэтому немцы не возражали, когда в середине июня 1940 г. в три Прибалтийские республики практически одновременно под предлогом соблюдения пактов о взаимопомощи были введены дополнительные воинские контингенты, а правительства смещены просоветски настроенными силами. В Латвии, Литве и Эстонии была «восстановлена» Советская власть, а чуть позже эти государства вошли в состав СССР на правах союзных республик.

Таким образом, суверенные Прибалтийские республики в течение всего периода существования с 1918 по 1940 гг. в силу своей политической, экономической и военной слабости ориентировались на требования и рекомендации развитых капиталистических государств того времени. Прибалтийские страны, по замыслу западных политиков, должны были играть роль «санитарного кордона», разделявшего Советский Союз и остальной мир. Ситуация в Прибалтийском регионе зависела от соотношения сил в мире в целом в конкретный период времени. Если в 1920 — первой половине 1930-х гг. в Прибалтике были сильны позиции Англии, Франции и Польши, то

с 1933 г. в регионе значительно возросло влияние фашистской Германии.

В Латвии, Литве и Эстонии заметное влияние имели эмигрантские организации, которые в тесном контакте со спецслужбами Прибалтийских государств активно занимались разведывательной и диверсионной деятельностью против Советского Союза.

С территории Прибалтики против СССР открыто работали разведывательные органы Англии, Франции, США, Германии и других государств. Характерной чертой работы разведывательных резидентур иностранных государств в Прибалтике являлось то, что они не занимались сбором развединформации о Прибалтийских странах, пользовались поддержкой государственных органов стран пребывания.

1.5. Общая характеристика спецслужб Прибалтийских государств

Одновременно с созданием независимых государств в республиках Прибалтики начали формироваться и специальные службы, призванные обеспечивать защиту их внешне- и внутривитических интересов.

Одной из особенностей формирования специальных служб государств Прибалтики являлось то, что первоначально они были сформированы как органы военной разведки и контрразведки и были призваны обеспечивать потребности вооруженных сил в информации, необходимой для ведения боевых действий с Советской Россией.

Определенную информацию они получали от союзных войск и белогвардейского командования, однако ее было явно недостаточно. Поэтому перед командованием вооруженных сил Прибалтийских государств встал вопрос о создании собственных служб, способных как вести планомерный сбор разведывательной информации, так и противодействовать советской разведке и распространению коммунистического влияния среди своих солдат.

Формирование кадрового состава прибалтийских спецслужб с самого начала их существования наталкивалось на определенные трудности. Это происходило в основном из-за того, что подобные органы самостоятельно в Латвии, Литве и Эстонии до Октябрьской революции не существовали и даже более того — никто и предположить не мог, что они когда-либо появятся. После революции в республиках осталось большое количество бывших царских офицеров, имевших опыт оперативной работы в российской разведке и контрразведке. Не стоит забывать и про чинов Отдельного корпуса жандармов, офицеров Отдельного корпуса пограничной стражи, которые также имели определенные оперативные навыки.

Поэтому с первых дней формирования национальных спецслужб Прибалтийских государств основной костяк их оперативного состава составляли лица, ранее выполнявшие подобные функции в российских спецслужбах.

Заграничная агентура ИНО ОГПУ в 1925 году отмечала, что, например, в Латвии «состав служащих политполиции не очень хорош. Канцелярия организована слабовато, хотя работа идет не очень плохо благодаря старым русским жандармским чиновникам, работающим в этой области по 15 лет, имеется которых около 15 человек»¹¹¹.

Большую помощь в формировании прибалтийских спецслужб оказали ведущие западные капиталистические страны — Англия, Франция, США, Польша, Финляндия, Япония и Германия. Наиболее активно в Прибалтике в 1920—1930-е гг. в этом отношении действовали Англия и Франция, а со второй половины 1930-х гг. резко увеличилась активность гитлеровской Германии.

Разведорганы западных стран влияли на формирование и деятельность прибалтийских спецслужб преимущественно двумя путями: с помощью прямых консультаций с руководителями спецслужб и органов власти и управления, а также через внедрение своей агентуры в кадровый состав и агентурный аппарат органов разведки и контрразведки Прибалтики. Также они оказывали существенную материальную и финансовую помощь, которая выражалась как в

поставках обмундирования и предметов экипировки, так и в покупке наиболее значимой развединформации о Советской России.

В Латвии первая спецслужба была сформирована в 1919 г. как специальное подразделение Генерального штаба латвийской армии. В составе оперативной части Генштаба был создан 3 отдел, во главе которого стоял полковник Розенберг, который, по существу, и являлся организатором разведывательных органов Латвийской Республики.

3 отдел Генерального штаба занимался военной разведкой и контрразведывательным обеспечением частей молодой латвийской армии. Первоначально он обслуживал только армейские подразделения и был непосредственно связан с действующей армией. С 1920 г., после окончания боевых действий, принцип функционирования военной разведки Латвии изменился. Это было связано с тем, что в условиях мирного времени для повышения эффективности разведывательной работы необходимы были кардинальные изменения как в структуре, так и в формах и методах деятельности специальных служб.

Были созданы специальные разведывательные пункты и посты¹¹², не связанные напрямую с воинскими частями, а занимавшиеся непосредственно разведывательной деятельностью.

К началу 1930-х гг. функционировало большое количество разведпунктов и постов на латвийско-советской границе. В местечке Зилуппе функционировали как разведывательный пункт, так и пост, что было связано с географическим положением Зилуппе в непосредственной близости от границы с Советской Россией. Также активно действовали голышевский, ритупский и покровский разведпосты¹¹³. Вся их разведывательная работа координировалась 3 отделом Генерального штаба, расположенным в Риге.

Контрразведкой и борьбой с коммунистическим движением¹¹⁴ в Латвии занималась политическая полиция (охранка). Центральное Управление политической полиции находилось в Риге, в каждом из 6 районов Латвии действовали районные отделы политической полиции, а им, в свою очередь, подчинялись пункты политической

полиции. Центральное Управление занималось координацией и руководством всех отделов охраны в республике, а также организовывало оперативную работу в г. Риге.

Каждый отдел политической полиции был разделен на шесть секций:

1) агентурную, которая занималась установлением конфиденциальных отношений с жителями Латвии и иностранцами,

2) иностранцев и большевиков, занимавшуюся разработкой указанных лиц,

3) следственную, которая вела уголовные дела в соответствии с компетенцией политической полиции,

4) наружного наблюдения,

5) фотографирования, занимавшуюся оперативно-технической работой,

6) архивную, где концентрировались оперативные учеты и агентурные данные¹¹⁵.

Латвийская политическая полиция, так же как и уголовная (криминальная) полиция, подчинялась непосредственно министру внутренних дел.

Кроме вышеуказанных спецслужб в Латвии были созданы следующие правоохранительные органы и специальные службы, тесно взаимодействовавшие с 3 отделом Генштаба и политической полицией: префектуры, железнодорожная и криминальная полиция, пограничная охрана, разведка Министерства иностранных дел.

Префектуры (наружная полиция) несли функции охраны общественного порядка в стране, а также выполняли задания военной разведки и политической полиции. В городах префектурами руководили префекты, а в сельских местностях — уездные начальники.

Железнодорожная полиция делилась на два участка — Митавский и Двинский. Насчитывала в своем составе свыше 3 тыс. человек. Обеспечивала охрану порядка на железных дорогах.

Криминальная полиция боролась с уголовной преступностью.

Пограничная охрана осуществляла охрану государственной границы, вела разведку в приграничной полосе СССР, участвовала в

перебросках агентуры военной разведки и политической полиции на советскую территорию. Подчинялась военному министерству Латвии.

Разведка Министерства иностранных дел действовала через дипломатические представительства Латвии за границей. Комплектовалась в основном кадровыми дипломатами, которые занимались сбором легальной информации о политическом и экономическом положении страны пребывания¹¹⁶.

В Литве, в отличие от Латвии, органы разведки и контрразведки начали формироваться только в 1920 году после выборов в литовское Учредительное собрание и образования национальной литовской армии (до 1920 г. литовская армия представляла собой набор полупартизанских воинских формирований, зачастую даже не взаимодействовавших друг с другом). Это связано с тем, что до 1920 г. большая часть территории Литвы была попеременно оккупирована немецкими, польскими и советскими войсками, а государственная власть была чрезвычайно слабой.

Для ведения военной разведки было создано специальное структурное подразделение в Генеральном штабе — 2 отдел. Также при министерстве обороны был создан отдел, занимавшийся военной контрразведкой.

Борьбой с иностранным шпионажем и инакомыслием в Литве занимался Департамент государственной безопасности (другое название — Департамент по охране граждан).

В состав Департамента государственной безопасности входили: полиция государственной безопасности (политическая полиция), уголовная полиция, полиция по охране границ, железнодорожная полиция. Все они подчинялись непосредственно Директору Департамента государственной безопасности¹¹⁷.

Центральный отдел политической полиции, координировавший работу всех территориальных органов, располагался в столице Литвы — г. Каунасе, пункты политической полиции функционировали еще в шести крупных городах Литовской республики¹¹⁸.

В свою очередь подразделения политической полиции состояли из следующих отделов:

1) агентурный отдел занимался всей агентурной работой конкретного подразделения политической полиции,

2) уголовный отдел занимался расследованием по делам о должностных преступлениях чиновников политической полиции, почты и телеграфа, а также железнодорожного транспорта,

3) следственный отдел, в задачу которого входило ведение следствия по делам лиц, арестованных политической полицией,

4) особый отдел, в задачу которого входило наружное наблюдение за лицами, состоящими на учете в политической полиции,

5) осведомительный отдел, ведавший учетом всех лиц, так или иначе скомпрометировавших себя в антигосударственной деятельности,

6) хозяйственный отдел ведал всеми хозяйственными вопросами политической полиции.

В Эстонской республике, в отличие от Латвии и Литвы, спецслужбы были созданы несколько раньше — в ноябре 1918 года. Именно в это время началось формирование регулярной эстонской армии, в составе которой были созданы специальные разведывательные подразделения.

В Эстонии военной разведкой, так же как и в двух предыдущих странах, занимался Генеральный штаб. В его составе был создан специальный 2-й разведывательный отдел, в функциональные обязанности которого входил сбор любой значимой военной информации.

Начальник разведотдела Генштаба был связан с оперативными отделами штабов дивизий, адъютанты которых под непосредственным наблюдением и руководством начальников штабов руководили работой тех разведчиков, которые собирали информацию на определенной территории. Основной задачей деятельности разведывательного отдела являлось собирание сведений об организации и происходящих реорганизациях РККА, вооружении, маневрах, дислокации, передвижении войск, состоянии железных, шоссейных и грунтовых дорог, автотранспорте, авиации и морском флоте, а также добывание приказов, планов, фотоснимков, военных книг и журналов о РККА, РККФ и ВВС¹¹⁹.

После окончания войны с Советской Россией, в 1920 г., в республике началось формирование специального полицейского органа — политической (охранной) полиции, которая помимо борьбы с уголовной преступностью занималась разведывательной и контрразведывательной деятельностью, а также противодействием коммунистическому движению на территории Эстонии.

До 1925 года политическая полиция Эстонии существовала отдельно и возглавлялась Главным управлением политической полиции. Но после того как его начальник У. Сооман арестовал и поместил в тюрьму нескольких депутатов-коммунистов эстонского сейма, по требованию социал-демократов, которые играли заметную роль в эстонском парламенте, права политической полиции были сужены и она стала подчиняться директору общего Управления полиции.

В эстонской политической полиции, так же как в Латвии и Литве, были созданы отделы, занимавшиеся агентурной деятельностью, следственной работой, наружным наблюдением, борьбой с инакомыслием, архивные и хозяйственные подразделения.

Непосредственно оперативная работа на местах (а до 1925 года и в центре) осуществлялась пунктами политической полиции, которые подчинялись Главному управлению политической полиции. Кроме Таллиннского имелось еще три пункта — в Нарве, Печорах и Дерпте. Причем особое внимание уделялось работе нарвского и печорского пунктов, так как они находились в непосредственной близости от границы с Советской Россией¹²⁰. В 1925 г. таллиннский пункт политической полиции вошел в состав Главного управления политической полиции.

Ведение разведывательной и контрразведывательной работы являлось вспомогательной функцией эстонской охранки, а основные ее усилия были сосредоточены на подавлении революционного движения внутри страны и борьбе с коммунистами.

Таким образом, во всех трех прибалтийских республиках специальные службы были сформированы первоначально как органы военной разведки и контрразведки и организационно входили в состав Генеральных штабов. Это связано с тем, что Латвия и

Эстония в первые годы своего существования вели активные боевые действия с Советской Россией, а Литва — еще и с Польшей.

Разведывательные и контрразведывательные органы были созданы, прежде всего, для сбора оперативно значимой военной информации и контрразведывательной защиты своих войск, а также для недопущения разложения армии коммунистическими агитаторами. Только после окончания боевых действий, в 1920 г., в Прибалтийских республиках началось формирование территориальных, не связанных с армией, специальных служб. Образцом для их деятельности служила охранка царской России, которая в свое время, несмотря на малочисленный кадровый состав, действовала довольно успешно.

Военные разведчики генеральных штабов Прибалтийских государств в исследуемый период назывались «постоянными агентами». Например, в соответствии с эстонскими нормативными документами постоянными агентами могли являться только офицеры Эстонской Республики, которые по меньшей мере три года прослужили в эстонской армии и были рекомендованы к разведывательной работе командирами частей. Причем необходима была справка командования о политической благонадежности данного офицера. При Генштабе были открыты специальные курсы, готовившие разведчиков. Срок обучения составлял от 1 до 3 месяцев, преподавание вели как отечественные, так и иностранные, прежде всего — английские и финские — инструкторы.

В разведывательные органы Латвии и Литвы, так же как и Эстонии, сотрудники набирались только после тщательной проверки, важнейшим элементом которой была проверка на политическую благонадежность. Исходя из этого, при подборе кандидатов на службу в органы военной разведки Прибалтийских государств основное внимание уделялось их политической ориентации, членству в политических партиях, а не профессиональным навыкам и личным и деловым качествам. При проведении спецпроверки сочувствующие коммунистам кандидаты отсеивались, предпочтение отдавалось «политически благонадежным» лицам.

В результате в специальных службах Прибалтийских республик работало большое количество хотя и политически благонадежных, но профессионально не компетентных сотрудников.

Военные разведчики в Латвии, Литве и Эстонии, перед тем как приступить к выполнению своих непосредственных должностных обязанностей, в течение нескольких месяцев проходили обучение на специальных курсах при Генеральных штабах.

В контрразведывательных органах кадровая политика была менее строгой, а подбор и изучение кандидатов на службу — менее тщательными, чем в разведке. Нередки были случаи, когда в политической полиции служили бывшие работники уголовной полиции и префектур. Известны случаи, когда чиновники политической полиции открыто брали взятки, пьянствовали, что, несомненно, сказывалось на их профессиональной деятельности¹²¹.

Вербовочной работе спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии в значительной мере способствовало то, что после распада Российской империи сложилась уникальная ситуация — различные части некогда единой страны были разделены государственными границами. Однако особенно в первые годы существования независимых Прибалтийских государств продолжали оставаться тесные родственные и хозяйственные связи между жителями Советской России и Латвии, Литвы и Эстонии.

В ходе Гражданской войны и германской интервенции на Северо-Западе России огромные массы людей перемещались из одного региона в другой, для того чтобы не пострадать в ходе боевых действий. В результате на территории приграничных российских губерний оказалось большое количество беженцев из Прибалтики, которые после окончания войны стремились вернуться домой. Однако по различным причинам многие из них осели в приграничных районах СССР.

В 1921 г. через Прибалтику в Польшу прибыло около 150 тыс. русских эмигрантов¹²². Большое количество белогвардейских солдат и офицеров осталось в Прибалтике. В Латвии, Литве и Эстонии после Гражданской войны осело до 30 тыс. русских эмигрантов¹²³. Многие из них не приняли Советскую власть и старались активно ей

противодействовать, участвуя в деятельности различных белоэмигрантских организаций.

Все перечисленные выше факторы создавали благоприятные условия для деятельности прибалтийских спецслужб, и прежде всего — для вербовочной работы.

Следует выделить два основных вида источников, использовавшихся прибалтийскими спецслужбами, — агентура, работавшая внутри страны и за рубежом. Внутри страны использовалась в основном агентура, завербованная из патриотически настроенных слоев населения, а за рубеж, как правило, посылались источники, имевшие обширные связи за границей или способные их приобрести.

Основной вербовочной базой для деятельности внутри страны являлись члены националистических организаций — «Кайтселийта», «айзсаргов», Союза литовских стрелков, а также другие антикоммунистически настроенные слои населения.

Агентурный аппарат разведывательных органов формировался по другому принципу. Агент, используемый за границей, должен был владеть интересующей разведывательные органы информацией либо иметь связи с людьми, владеющими такой информацией. Источники развединформации, не являвшиеся кадровыми сотрудниками спецслужб, назывались случайными агентами. Например, случайными агентами 3 отделения Генштаба эстонской армии в соответствии с приказом от 20.02 1919 г. «Об организации разведывательной деятельности» могли быть «все агенты и служащие разведки иностранного государства, а также служащие других государственных учреждений, обладающие необходимыми разведсведениями. Сбор сведений об их благонадежности поручается постоянным агентам, которые должны над ними держать строгий контроль, чтобы не было опасений о передаче разведке иностранного государства более ценных сведений. Вознаграждение случайные агенты получают за каждое сведение отдельно, но могут быть и помесечно»¹²⁴.

Случайные агенты работали, как правило, за деньги. Причем вознаграждение за успешно выполненное поручение или получение важной разведывательной информации было довольно большим.

Полученные материалы переправлялись за границу с помощью специально подготовленных агентов-ходоков либо передавались кадровым разведчикам, которые нелегально переходили границу.

Как правило, спецслужбы Латвии, Литвы и Эстонии опирались на агентуру из числа лиц, которые либо имели родственников в Прибалтике, либо были материально заинтересованы в сотрудничестве. Очень часто к сотрудничеству привлекались жители приграничных районов СССР, которые занимались контрабандой. Например, эстонская разведка вербовала не только мужчин, но и женщин, которых задерживали на своей территории с контрабандным товаром. «Указанным женщинам за шпионскую работу помимо жалования разрешалось заниматься в неограниченном количестве контрабандой. Эти же женщины заводили знакомства с коммунистами, выходили за некоторых замуж или просто сожительствовали с ними, дабы таким образом войти в доверие партийных кругов и получать необходимые охранке и военной разведке сведения»¹²⁵.

Основой вербовок служило отрицательное отношение к Советской власти, материальная или иная зависимость и компромат. Информация предоставлялась агентами в письменном виде, агентурные сообщения подписывались псевдонимами¹²⁶.

Прибалтийские разведки не скупилась в оплате своих агентов за предоставленную ценную информацию. Так, например, латвийская разведка выплачивала своему агенту Нефедову за неоднократно добытые шпионские сведения единовременные вознаграждения в размере 1000 и 1500 лат¹²⁷. Директор Департамента государственной безопасности Литвы Павилайтис А. М. на допросе в 1940 г. показал, что платил своим агентам до 300 лит в месяц¹²⁸. Отчасти одной из причин этого являлось то, что наиболее ценные материалы прибалты выгодно продавали разведкам других государств. В частности, Франк (английский резидент в Нарве) указывал, что за сведения о бюджете Коминтерна они заплатили эстонской разведке 1 тысячу фунтов стерлингов¹²⁹.

Специфической чертой деятельности прибалтийских спецслужб являлось то, что помимо агентуры они активно использовали членов различных патриотических организаций.

В Латвии органам разведки и контрразведки помогали «айзсарги». Известны не единичные случаи, когда командиры «айзсаргов» занимались вербовкой агентуры для переброски ее в Советский Союз с разведывательными заданиями.

В Эстонии активную помощь спецслужбам оказывала организация «Кайтселийт». Члены организации тесно сотрудничали с политической полицией Эстонии при проведении контрразведывательных, значительно реже, разведывательных мероприятий. Следует отметить, что руководство «Кайтселийта» самостоятельно не действовало, а во всем подчинялось политической полиции или разведывательному отделению Генерального штаба.

Для Литовской республики также было характерно привлечение широких слоев населения для оказания помощи спецслужбам посредством использования общественной организации «Шаулю Саюнга» (Союза литовских стрелков).

Спецслужбы Латвии, Литвы и Эстонии при проведении оперативных мероприятий на территории своих стран активно использовали такое средство оперативной деятельности, как наружная разведка. Так, в Литве для «выслеживания шпионов и членов противогосударственных организаций употреблялись тайные сотрудники и агенты наружного наблюдения — филеры»¹³⁰. Сотрудники наружного наблюдения, как правило, были хорошо обучены и экипированы. По информации советских загранистчиков, работавших в Эстонии, за 1925 г., «слежка у эстонцев организована хорошо, употребляются даже фотоаппараты типа «Инвизибль»»¹³¹.

Контрразведывательные органы Латвии, Литвы и Эстонии в своей деятельности активно использовали возможности технических подразделений. Уровень развития оперативной техники в 1920—1930-х гг. был еще слабым, а проведение технических мероприятий — малоэффективным. Кроме того, Прибалтийские страны сами не производили сложные технические устройства, поэтому оперативная техника преимущественно закупалась за рубежом — в Англии и Германии, а они стремились продать прибалтам устаревшее оборудование.

Наиболее часто применялась перлюстрация корреспонденции и прослушивание телефонных переговоров. По информации ИНО ОГПУ, «политполиция как в Латвии, так и в Литве и Эстонии имеет своего чиновника на почте, который не пропускает коммунистические газеты. Корреспонденцию же можно цензурировать только тогда, если против какого-либо лица заведено дело. Все это происходит с ведением Почтового управления»¹³².

Важным средством оперативной работы спецслужб являлось прослушивание телефонных переговоров. Для этого на телефонных станциях устанавливались специальные телефонные аппараты с наушниками, на которых постоянно дежурил специально выделенный чиновник, который мог подключиться к любому разговору¹³³. Основной упор при проведении оперативно-технических мероприятий делался на выявление фактов инакомыслия и недовольства существующим режимом, однако известны случаи, когда указанные мероприятия проводились и в контрразведывательных целях.

Таким образом, из-за того что специальные службы создавались в независимых Прибалтийских государствах впервые в их истории, уровень профессионализма сотрудников названных спецслужб, особенно в 1920-е гг., был невысок. При формировании кадрового состава спецслужб предпочтение отдавалось политически благонадежным лицам в ущерб их профессиональным качествам. На уровень подготовки и деятельность сотрудников спецслужб значительное влияние оказывали западные страны, оно выражалось как в оказании помощи в обучении национальных кадров, так и в оказании прямой финансовой помощи прибалтийским спецслужбам. Особенностью прибалтийских спецслужб являлось прямое использование в своей работе массовых военно-патриотических организаций, члены которых официально выполняли отдельные разведывательные и контрразведывательные функции. Это было возможно благодаря проводимой правительствами Прибалтийских государств политики национальной консолидации перед лицом общего врага — Советской России, которая в соответствии с политическими установками правительств провозглашалась как источником постоянной военной опасности, так и носителем деструктив-

ной по отношению к государственному строю названных стран коммунистической идеологии.

1.6. Направления и задачи деятельности прибалтийских спецслужб

Как показывает исторический опыт, специальные службы играют важную роль в проведении внешней и внутренней политики своих правительств. Деятельность спецслужб, как правило, соответствует основным направлениям внешне- и внутривластной доктрины государств.

В 1918—1920 гг. перед странами Антанты и Прибалтики стояла одна и та же основная задача — недопущение переноса революционного движения на собственную территорию и, по возможности, уничтожение Советского государства, поэтому в указанный период спецслужбы Латвии, Литвы и Эстонии действовали согласованно со спецслужбами других капиталистических государств. Совместное участие в боевых действиях обусловило определенный крен в сторону проведения разведывательной и подрывной работы. Это произошло потому, что западные страны в тот период времени были больше заинтересованы в получении развединформации и проведении прямых акций, направленных на уничтожение Советской России, чем в обеспечении безопасности независимых Эстонии, Латвии и Литвы. Поэтому, по согласованию с национальными правительствами, в Прибалтике открыто действовали спецслужбы Англии, Франции, США и других государств, они же и помогали прибалтам проводить контрразведывательную работу и бороться с «коммунистической угрозой». На момент создания национальных спецслужб в 1918—1920 гг. Латвия, Литва и Эстония вели боевые действия против Советской России. Их разведывательно-подрывная работа в первую очередь была направлена против советских вооруженных сил.

Сформированная в 1919 г. как подразделение Генерального штаба, латвийская спецслужба в ходе Гражданской войны занималась в основном разведывательной работой и проведением подрыв-

ных мероприятий в тылу Красной Армии. Контрразведывательное обеспечение частей латвийской армии в ее деятельности было представлено значительно слабее.

Созданные в 1918 г. органы военной разведки Эстонии с первых дней своего существования начали заниматься сбором разведывательной информации о подразделениях Красной Армии и формированием бандитско-повстанческих отрядов для активной борьбы с Советской властью.

В отличие от Эстонии и Латвии в Литве до 1920 г. вообще не существовало не только специальных служб, но и регулярной армии, а большая часть территории была оккупирована польскими и советскими войсками. Сражавшиеся против них полупартизанские формирования, конечно, периодически занимались сбором военной информации, но назвать это проведением разведывательной работы нельзя.

В 1918—1920 гг. спецслужбы Латвии и Эстонии вели широко-масштабную разведывательно-подрывную работу против Советской России. Выбор подобной тактики объясняется тем, что национальные спецслужбы создавались и первое время действовали под непосредственным руководством английских и финских разведорганов и в своей деятельности напрямую руководствовались их указаниями.

Следует отметить, что в 1918—1920 гг. спецслужбы стран Прибалтики друг с другом практически не взаимодействовали, а обменивались информацией только с разведорганами стран Антанты. Так, для координации и взаимодействия в области проведения разведывательной работы к эстонскому Генеральному штабу был прикомандирован английский офицер У. Гаррисон. В Латвии эти же функции выполнял С. Хопкер. Англичанам сообщались все ценные сведения о передвижениях Красной Армии, с ними согласовывались планы проведения важнейших операций¹³⁴. В связи со слабостью государственной власти Латвия, Литва и Эстония в указанный период вообще не предпринимали каких-либо значимых внешнеполитических шагов, что не могло не оказывать влияния на деятельность национальных спецслужб.

В целом в годы Гражданской войны специальные службы Прибалтийских государств действовали малоэффективно и непрофессионально. На это прямо указывали их западные союзники¹³⁵. Основной причиной этого являлось отсутствие практического опыта, недостаток квалифицированных кадров, а также царившая в Прибалтийских странах неразбериха.

После окончания Гражданской войны прибалтийские спецслужбы были вынуждены менять свою тактику в соответствии с изменившейся оперативной обстановкой. Если раньше спецслужбы занимались исключительно проведением разведывательных и подрывных операций в отношении Советской России, после Гражданской войны сфера их деятельности значительно расширилась. Можно выделить следующие направления их деятельности: разведывательная работа, проведение диверсионных и иных подрывных акций в отношении Советской России, контрразведка, борьба с политическими противниками на своей территории.

В 1920-е годы одним из основных направлений в деятельности прибалтийских спецслужб являлось осуществление разведывательной работы.

Поскольку, по мнению руководства Прибалтийских государств, основная военная угроза исходила от Советской России, как и в годы Гражданской войны, разведка занималась в основном сбором информации о состоянии Красной Армии. Так, по данным ИНО ОГПУ, в 1923 г. задачей разведывательного отдела Генштаба эстонской армии являлся сбор сведений об организации и происходивших изменениях в РККА, вооружении, маневрах, дислокации, передвижении войск, состоянии железных, шоссейных и грунтовых дорог, состоянии автотранспорта, авиации и морского флота, а также добытие приказов, планов, фотографических снимков, военных журналов и военных книг о РККА, РККФ и воздушных силах¹³⁶.

В 1925 г. псковскими чекистами были задержаны несколько агентов латвийской разведки, в ходе допросов которых было установлено, что начальник латвийского разведпункта на станции Ритупе (Латвия), сотрудник 3 отделения латвийского Главного штаба Арти-

стский (Артишский) В.В., инструктируя своего агента Нефедова А.А., постоянно проживающего в г. Острове, давал ему задания на сбор информации о дислокации и численности войск Красной Армии в приграничных городах, о размещении военных комендатур и органов ОГПУ¹³⁷.

Одним из наиболее распространенных методов сбора разведывательной информации являлось проведение разведывательных опросов. Сотрудники спецслужб получали большое количество оперативно значимой информации во время проведения разведопросов контрабандистов и перебежчиков из Советского Союза. Важным источником информации являлся опрос дезертиров, бежавших из частей Красной Армии и погранвойск в Латвию, Литву и Эстонию. Так, один из руководителей латвийской разведки Мельбарт П.И. на допросе в 1940 г. показал, что «первое время, в начале 1920-х гг., разведку против СССР я вел путем допроса перебежчиков, от которых получал сведения об экономическом положении в Советском Союзе, о погранохране в СССР, а также о расположении Красной Армии вдоль границы. Примерно в это же время я дал указание начальникам постов о приобретении агентуры и заброске ее в Советский Союз из числа перебежчиков, а также и лиц, проживающих на территории Латвии, но имеющих родственников в Советском Союзе. Поэтому пунктовики¹³⁸, которые находились в приграничной полосе, все имели закордонную агентуру, которую они перебрасывали в Советский Союз, а также приобретали источников непосредственно в СССР из числа красноармейцев и жителей пограничной полосы».

Наибольшую активность в проведении разведывательной деятельности проявляли Латвия и Эстония. Литовцы ограничивались проведением разведывательных опросов перебежчиков из Советского Союза. По отзывам загранисточников ИНО ОГПУ за 1925 г., «литовская разведка поставлена слабо»¹³⁹. Это было связано со сложным внешнеполитическим положением Литовской республики, и в частности с напряженностью в литовско-польских взаимоотношениях.

Так как основные усилия разведок Латвии, Литвы и Эстонии были направлены на сбор военной информации в приграничных областях, агентура приобреталась в основном в северо-западных областях Советского Союза, граничащих с Прибалтикой.

Внедрение агентуры в РККА началось еще в середине 20-х гг., но наиболее активным оно стало с начала 30-х гг. В частности, в отчете ОГПУ об итогах операции по очистке погранполосы весной 1933 г. говорилось, что «для деятельности прибалтийских резидентур характерно внедрить свою агентуру непосредственно на оборонное строительство, в части РККА и РККФ, на железнодорожный транспорт путем вербовки военнослужащих, работников транспорта и молодежи, подлежащей призыву в армию». В отчете Особого отдела (ОО) ОГПУ за период с 1930 по 1933 гг. также указывалось, что «для эстонской разведки по линии разведывательной работы характерно стремление проникнуть в штабы и военные склады РККА».

Вербовке военнослужащих предшествовало тщательное изучение. Для изучения и втягивания солдат и командиров РККА в разведывательную работу использовалась как агентура из окружения военных объектов, так и близкие связи, родственники военнослужащих. «...Иноразведки одним из основных, наиболее оправдывающих себя методов проникновения в РККА считают обработку жен командного состава. Обработка производится через зарубежные, родственные и местные связи с последующим втягиванием в работу мужей, причем разведки не останавливаются перед любыми средствами (ухаживание, преподношение подарков, шантаж, прямой подкуп и т.д.). Наряду с этим иноразведки практикуют «подставы» женской агентуры с прямым заданием сожительства, «женить» на себе командира и т.д.».

Особое внимание прибалтийские спецслужбы уделяли агентурному проникновению в кадровый состав органов государственной безопасности. Так, в 1921 г. из Эстонии в Россию была выслана как бывшая политзаключенная М. Однако на самом деле она являлась агентом эстонской разведки и имела задание поступить на службу в

Ленинградскую ЧК. Она проработала в ленинградской ЧК — ГПУ несколько лет, регулярно снабжая эстонцев важной разведывательной информацией¹⁴⁰. Известны случаи, когда агенты прибалтийских спецслужб вербовали сотрудников органов или войск ОГПУ и получали от них важную разведывательную информацию. Например, в сентябре 1924 г. упомянутый агент латвийской разведки Нефедов «для шпионской работы привлек сотрудника Чудской флотилии отряда судов Балтийской погранохраны ОГПУ Баркова Петра Ивановича, 1893 года рождения, уроженца города Новоржева, проживавшего в городе Пскове. Через Баркова и других лиц Нефедов собрал сведения о дислокации и примерном количестве войск в городе Пскове, о количестве судов Чудской военной флотилии и её командном составе, а добытые сведения передал латвийской разведке. За неоднократно добытые шпионские сведения Нефедов А.А. много раз от Артистского (начальника пункта латвийской разведки на ст. Ритупе, Латвия) получал по 1000 и 1500 лат»¹⁴¹.

С первых дней своего существования одной из важнейших задач деятельности прибалтийских спецслужб являлось выявление и перевербовка агентуры органов государственной безопасности СССР. С помощью агентов-двойников латвийская, литовская и эстонская спецслужбы владели информацией об основных направлениях деятельности и задачах, стоявших перед органами ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД. Кроме того, прибалтийские разведки получали информацию о формах и методах работы советских органов госбезопасности против них. Знание форм и методов работы советской спецслужбы позволяло прибалтам не только прогнозировать возможные угрозы своей национальной безопасности, но и использовать некоторые приемы работы органов ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД при проведении своих разведывательных операций.

Выявление и перевербовка агентуры органов государственной безопасности в приграничных районах Советского Союза и агентов-ходоков, собиравших информацию за кордоном, значительно облегчалась благодаря тому, что советская агентура была зачастую плохо подготовленной, отсутствовали убедительные легенды прикрытия, со-

ответствующие документы. Примитивно прорабатывались пути перехода границы и способы связи, что и являлось причиной провала агентов, их перевербовки с последующей переброской обратно в СССР.

Эффективность деятельности агентов-двойников была очень высокой. Они не только занимались сбором разведывательной информации, но и участвовали в оперативных играх прибалтийских спецслужб по дезинформации советской стороны.

Однако нужно отметить, что не всегда дезинформация исходила от иностранной разведки. Известны многочисленные случаи, когда инициатива и авторство дезинформации принадлежало самому агенту. Это происходило в тех случаях, когда агент был не в состоянии выполнить поручение оперработника, но, опасаясь наказания, сообщал заведомо неверную информацию.

Эффективность деятельности эстонской и латвийской разведок по агентурному проникновению в агентурный аппарат органов государственной безопасности была настолько велика, что руководство ОГПУ в «Циркуляре об усилении закордонной работы» от 02.03.1932 г. отмечало, что «по линии латвийской и эстонской работы, ввиду особого насыщения агентуры провокаторами, необходимо приступить к полной ликвидации всех двойнических линий и обеспечить углубленным следствием выявление методов и конкретных фактов подставы нам двойников. Дальнейшие агентурные комбинации на закордон строить абсолютно изолированно от старых линий и связей».

Помимо работы в приграничных областях военная разведка занималась сбором информации и в столичных городах — Москве и Ленинграде. В основном разведывательная деятельность проводилась с позиций дипломатических представительств. Как правило, руководители военных атташатов являлись одновременно и руководителями разведывательных резидентур. Так, например, военным атташе эстонской миссии в 1922—1924 гг. являлся кадровый эстонский разведчик Роман Бирк¹⁴².

По данным советской контрразведки за 1922 г., в эстонской миссии, консульстве и военном атташате в Москве из 15 сотрудников

4 являлись установленными разведчиками, в латвийской миссии, консульстве и военном атташате из 15 сотрудников — 5 выявленных разведчиков, в литовском консульстве и военном атташате из 12 сотрудников — 3 выявленных разведчика.

Разведчики, действовавшие под дипломатическим прикрытием, в основном занимались легальной разведкой. Однако это не означает, что они совсем не занимались вербовкой агентуры из числа советских граждан. Агентам за предоставление важной информации выплачивались деньги. За мобилизационный план Московского военного округа в 1922 г., например, было выплачено 15 тысяч фунтов стерлингов и 150 млн рублей. Собранная информация переправлялась по дипломатическим каналам или лично разведчиками во время выездов на родину.

Уже в начале 1920-х гг. органами ОГПУ было отмечено стремление агентов прибалтийских спецслужб проникнуть в партийные органы СССР. «Латыши рекомендуют своим шпионам устраиваться в агитпропотделах партийных комитетов, откуда представляется возможным раньше всего узнавать о предстоящих событиях, так как, мол, всякому мероприятию соввласти предшествует агитационная кампания. Являясь из-за границы, шпионы, пользуясь старым знакомством с партийными людьми, получали от них рекомендации»¹⁴³. Агенты прибалтийских разведывательных органов стремились проникнуть как в местные, так и в центральные органы ВКП(б). По сообщениям советских заграничников в Латвии за 1924 г., «у Полит. охраны имеется в Москве агент латыш — коммунист, входящий в какой-то центральный коммунистический орган, так как она немедленно получала сведения из Москвы об отправляющихся нелегально в Латвию видных коммунистических деятелях»¹⁴⁴.

Объектом особых устремлений прибалтийских разведывательных органов на территории СССР являлся Коминтерн. Так, в рапорте об оперативно-следственных данных ОГПУ за 1933 г. указывалось, что с конца 1920-х гг. в разработке по латвийской линии находится дело «Двойник». По делу проходил по подозрению в провокации в КП Латвии и латвийском шпионаже бывший депутат

латвийского сейма Межуль. Он предпринимал попытки «как можно глубже войти в курс работы латвийской секции Коминтерна. В этом направлении им предпринимался ряд шагов, в частности, он пытался сблизиться с секретарем латвийской секции Коминтерна Круменем». С помощью агентуры в Коминтерне латыши владели информацией о планируемых Коминтерном мероприятиях по пересылке на территорию Латвии коммунистической литературы и денег и принимали необходимые меры по пресечению этих операций. Наибольшей активностью во внедрении своей агентуры в ВКП(б) и Коминтерн отличалась Латвия. Это связано с тем, что «красные латыши» считались оплотом революции и среди руководителей партийных организаций было немало этнических латышей. Наличие у них родственников и других близких связей в Латвии облегчало спецслужбам как проведение вербовочной работы, так и ввод своей агентуры в различные партийные организации.

В 1920-е годы по сравнению с годами Гражданской войны при проведении разведывательной деятельности больше внимания стало уделяться политической разведке. Это было связано с тем, что военные действия закончились, правительства Прибалтийских государств понадобилась объективная информация о внутреннем положении Советского Союза.

Политической разведкой занимались в основном сотрудники охранной полиции, в то время как военной разведкой руководили соответствующие подразделения генеральных штабов. Однако между ними существовала тесная координация и взаимодействие, и агентура зачастую выполняла смешанные задания по сбору как военной, так и политической информации.

Например, осенью 27 мая 1928 г. агент разведотдела 2-й эстонской дивизии, дислоцировавшейся в г. Юрьеве, Вихма Е.И., псевдоним «Вильман», нелегально перешел советско-эстонскую границу с письменным заданием. В задании указывалось:

1. Собрать сведения об авиационной части, расположенной в районе г. Луга, и воинских частях, находящихся в лагерях в районе этого города.

2. В районе города Новгорода добыть сведения об артиллерийских частях.

3. Добыть журнал «Военный вестник».

4. По своей инициативе собирать военные и экономические сведения, которые могут представлять интерес для эстонской разведки¹⁴⁵.

При задержании агента латвийской разведки П. Овчинникова-Гульбиса в апреле 1925 г. сотрудниками ОГПУ были обнаружены пистолет «маузер» с пятью боевыми патронами, две листовки анти-советского содержания, письменное задание по выявлению численного состава войск и сотрудников ОГПУ в г. Острове¹⁴⁶.

В соответствии с «Инструкцией Генерального штаба литовской армии по собиранию военно-политической информации о Советском Союзе» от 11.12.1925 г. литовские разведчики должны были «изучать мероприятия Советского правительства в отношении советских национальных республик и отношения последних к центральному правительству. Ввиду того, что идеологическая пропаганда Советской России в отношении иностранных государств, а в особенности в отношении Литвы, проводится очень активно... на втором месте после собирания военных секретных сведений ставить собирание материалов по этому вопросу»¹⁴⁷.

Несмотря на важность политической разведки, ее организация была слабой. Из-за того что агентура была нацелена на сбор и политической, и военной информации, а уровень ее подготовки был низок, эффективность ее деятельности была крайне невелика. Кроме того, в этот период для разведок Латвии, Литвы и Эстонии приоритетным оставался сбор военной информации, а политической разведке уделялось значительно меньше внимания.

В 1920-е гг. продолжалось сотрудничество и обмен информацией с разведками Англии, Франции, США, Скандинавских стран, однако основное внимание стало уделяться сбору информации в собственных интересах. Спецслужбы Прибалтийских государств начали активно сотрудничать друг с другом и с разведками других капиталистических государств. В годы Гражданской войны и в первой поло-

вине 1920-х гг. на территории Прибалтики довольно успешно действовали английская, французская и американская разведки, а с середины 1920-х гг. до середины 1930-х гг. на территории Прибалтики наиболее активно работала английская разведка. Первые контакты прибалтов с немецкими разведывательными органами начались еще в первой половине 1920-х гг., но постоянными они стали только после прихода к власти в Германии А. Гитлера.

По данным советской контрразведки, в ходе сотрудничества с разведками ведущих капиталистических стран и друг с другом спецслужбы Прибалтийских государств получали большое количество важной разведывательной информации в отношении Советского Союза а, например, разведорганы Литвы почти всю оперативно значимую развединформацию получали от разведок других государств¹⁴⁸.

Важным направлением деятельности прибалтийских спецслужб являлась диверсионно-террористическая работа. До конца 1920-х гг. прибалтийские разведки, как и в годы Гражданской войны, давали своим агентам задания на проведение диверсионных мероприятий и террористических актов. Ф.Э. Дзержинский в своей записке А. Х. Артузову от 23 ноября 1925 г. отмечал: «...Ленинград является объектом очень усиленного внимания и по линии шпионажа и по линии активной диверсии со стороны Англии (и Германии?) через эстонцев и финляндцев».

Объектами диверсий, как правило, служили военные сооружения, склады, важные народнохозяйственные предприятия. Так, «в конце мая 1927 года в Ленинграде был подожжен огнесклад, причем виновным оказался эстонец Усилд, работавший по заданию эстонских агентов английского правительства».

Для ведения диверсионной работы разведорганы Эстонии и Латвии использовали агентуру из числа белогвардейцев и эмигрантов из России, проживающих на территории Прибалтики.

Литва практически не принимала участия в диверсионной работе против СССР, хотя и предоставляла свою территорию для базирования диверсионных отрядов.

Для проведения диверсионных мероприятий прибалтийскими спецслужбами активно использовались эмигрантские организации: «Братство русской правды», РОВС, «Административный центр», «Народный союз защиты родины и свободы», руководимый Б. Савиновым, другие антисоветские организации.

Например, советскими пограничниками при переходе латвийской границы были задержаны трое вооруженных лиц, оказавшиеся бывшими офицерами В.А. Самойловым, Н.П. Строевым и А.Э. Адеркасом.

Эта группа была послана парижским центром русских монархистов, сторонников бывшего великого князя Николая Николаевича Романова, для организации (согласно собственному признанию арестованных) ряда террористических актов против отдельных партийных и советских работников в г. Ленинграде. Эти лица признались в том, что они являются профессиональными шпионами и латвийская контрразведка систематически оказывала им помощь в обмен на шпионские сведения.

Однако зачастую подготовка диверсионных актов эмигрантскими организациями была очень слабой. Об этом свидетельствует такой пример. В 1920 г. в Эстонии белогвардейцем Кронмелем при содействии эстонской разведки была создана «Кронмелевская организация», одной из основных задач которой являлось проведение диверсионной работы на территории СССР. Получив от эстонцев задание тайно перейти эстонско-советскую границу и совершить ряд диверсионных актов, Кронмель начал подготовку диверсионной группы. Отряд был вооружен 16 маузерами, 24 ручными гранатами, имелось также два пуда взрывчатых веществ, бикфордов шнур, капсули и взрывная машинка. В ноябре 1920 г. Кронмель получил конкретное задание — выехать на станцию Печоры, перейти границу и взорвать Псковскую губернскую чрезвычайную комиссию. Но это мероприятие потерпело неудачу, так как на станции Печоры отряд разбился на две части, а проводник заблудился, поэтому отряду пришлось вернуться обратно на территорию Эстонии¹⁴⁹.

К концу 1920-х гг. спецслужбы Латвии и Эстонии отказались от проведения диверсионной деятельности на территории Советского Союза. Это было связано с тем, что эффект от проведения диверсий и терактов был крайне низок. Кроме того, прибалтийские спецслужбы не имели практического опыта в организации силовых акций на сопредельной территории, поэтому большое количество диверсионных мероприятий провалились из-за плохой подготовки.

В 1930-х гг. в приграничных районах и в окружении военных объектов приобреталась агентура, которой давались задания на возобновление диверсионной деятельности в случае начала проведения СССР всеобщей мобилизации или боевых действий с прибалтийскими республиками.

Следующим важным направлением деятельности прибалтийских спецслужб являлась контрразведка. Для борьбы со шпионажем в основном использовалась та же агентура политических полиций, которая была нацелена на борьбу с коммунистическим движением. Так, на допросе в январе 1941 г. бывший начальник районного отделения латвийской политической полиции Я.Т. Аншлихт говорил о том, что особой агентуры по контрразведывательной линии он не имел, это была «та же агентура, которая сообщала о революционно настроенных лицах из своего окружения». По линии контрразведывательной работы органы разведки и контрразведки поддерживали тесный контакт. Например, «по линии борьбы с иностранным шпионажем Департамент государственной безопасности Литвы поддерживал связь с 2 отделом литовского Генштаба. Практически это выражалось в том, что все работники центра и провинции поддерживали на местах связь с работниками Генштаба»¹⁵⁰. То же самое было и в Латвии и в Эстонии. В приграничной полосе и в окружении военных объектов работали контрразведывательные подразделения генеральных штабов. Так, «разведка и контрразведка эстонского Генштаба находятся между собой в самом тесном контакте, в особенности на границе, где все агенты, числящиеся в контрразведке штаба 2-й эстонской пехотной дивизии и состоящие на службе в пограничной страже, обязаны кроме внутреннего наблюдения собирать сведения

разведывательного характера, и наоборот — все агенты разведки должны помогать в осуществлении внутреннего наблюдения»¹⁵¹.

Контрразведывательные органы Латвии, Литвы и Эстонии проводили активную работу в отношении советских диппредставительств и торговых миссий. Наиболее часто использовался подвод агентуры с якобы «ценными для Советского Союза сведениями» и слежка за советскими гражданами. Выявленные связи советских дипломатов тщательно изучались, многие из них вербовались в контрразведывательных целях.

Важным направлением деятельности прибалтийских спецслужб являлось противодействие коммунистическому движению на территории своих стран. Борьба с деятельностью коммунистических партий входила в должностные обязанности сотрудников политических (охранных) полиций Латвии, Литвы и Эстонии. Поэтому подпольные коммунистические ячейки и подразделения Коминтерна в Прибалтийских странах были буквально наводнены провокаторами и агентурой политических полиций. В 1924 г. заграничник органов ОГПУ сообщал, что латвийская охранка передала корреспонденту газеты «Таймс» в Латвии Эргу подлинные материалы о деятельности Коминтерна в Латвии и о его связи с СССР.

Об эффективности работы политических полиций Прибалтийских государств свидетельствует и тот факт, что ни в Латвии, ни в Литве, ни в Эстонии коммунистические партии, несмотря на помощь Советского Союза, не смогли поднять народные массы на открытую вооруженную борьбу с правительствами. Конечно, компартии являлись инициаторами забастовок и мелких стычек, но в открытую революционную борьбу они не переросли.

С 1939 г. характер деятельности разведывательных и контрразведывательных органов Латвии, Литвы и Эстонии резко изменился. Это было связано с существенным изменением обстановки в Прибалтике и в мире в целом. В связи с подписанием между СССР и Прибалтийскими государствами договоров о ненападении и соглашений о создании советских военных баз в Латвии, Литве и Эстонии национальные правительства поставили перед спецслужбами новые задачи.

Все силы разведывательных и контрразведывательных органов были брошены на оперативное обеспечение контингента советских войск. Работа велась по двум основным направлениям — агентурное проникновение на советские военные базы и деятельность в окружении военных объектов. При этом преследовалась одна основная цель — не допустить вмешательства частей Красной Армии во внутренние дела Латвии, Литвы и Эстонии¹⁵². Агентурное проникновение в части Красной Армии строилось преимущественно двумя способами — через вербовку красноармейцев и устройство агентуры на работу на территории военных баз. Например, в Литве сотрудниками спецслужб был завербован советский военнослужащий Бутаев. Он был привлечен к сотрудничеству на основе зависимости от литовских разведорганов. Сотрудники 2 отдела Генштаба дали ему задание на сбор информации о частях Красной Армии, их вооружении, о военных грузах, прибывающих из СССР в Литву, о настроениях среди красноармейцев¹⁵³. За предоставленную информацию Бутаеву выплачивались деньги.

Деятельность прибалтийских спецслужб в окружении военных объектов сводилась к фиксации и последующей разработке связей советских военнослужащих, прямой слежке за красноармейцами. Агентура приобреталась в основном из числа хозяев квартир, где проживали военнослужащие, женщин, с которыми они имели связи. Наибольшее внимание уделялось контактам красноармейцев с местными коммунистами, предотвращению возможных фактов проведения ими коммунистической агитации.

С 1939 усилились контакты прибалтийских спецслужб с абвером и гестапо и друг с другом. Однако если раньше основное внимание уделялось обмену информацией военного характера, то теперь все силы разведки и контрразведки Латвии, Литвы и Эстонии были брошены на борьбу с коммунистическим движением в своих странах. Так, уже с лета 1940 г. были установлены непосредственные связи между литовской Жвальгибой и германским гестапо. Для этого были использованы личные контакты руководителя Жвальгибы А. Повилайтиса с ответственными сотрудниками гестапо и его поездка в

Берлин в конце февраля 1940 г. — для ознакомления с криминалистическими лабораториями Германии. Во время этой поездки президент А. Сметона поручил руководителю спецслужбы встретиться с представителями правящих кругов Германии и проинформировать их о полной переориентации политики правительства Литвы, об их надеждах на помощь Германии, а также выяснить, согласится ли она принять Литву под свой протекторат. В Берлине к предложению президента отнеслись благосклонно. А. Повилайтису было заявлено, что Германия сможет взять Литву под свой протекторат к осени 1940 г., но, во всяком случае, не позднее завершения войны на Западе. Одновременно А. Повилайтис заключил с гестапо соглашение о сотрудничестве в борьбе против агентов английской и французской разведок в Литве и против коммунизма¹⁵⁴. В соответствии с ним осуществлялось координирование работы между этими организациями «по вопросам борьбы с польскими националистическими организациями, английскими, французскими и советскими шпионами, находящимися на литовской территории и работающими против Германии и Литвы, осуществлялся обмен уголовными преступниками без всяких дипломатических процедур, взаимный обмен коммунистической литературой, изымаемой гестапо в Германии, а Департаментом государственной безопасности — в Литве»¹⁵⁵.

Подобные договора были также заключены между гестапо и политическими полициями Латвии и Эстонии. Абвер оказывал финансовую помощь эстонской разведке, сотрудники которой передавали немцам важную развединформацию¹⁵⁶.

Таким образом, в годы Гражданской войны прибалтийские спецслужбы в основном занимались ведением разведывательной работы и осуществлением подрывных акций в прифронтовых областях Советской России. После окончания войны сфера деятельности спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии значительно расширилась. Кроме разведывательно-подрывной деятельности они стали заниматься также контрразведывательной работой и борьбой с политическими противниками. Изменилось содержание разведдеятельности — помимо военной появилась и политическая разведка. Однако, несмотря на

важность политической разведки, ее организация была слабой. Эффективность деятельности агентуры на этом направлении разведработы была крайне невелика. Кроме того, в этот период для разведок Латвии, Литвы и Эстонии приоритетным оставался сбор военной информации, а политической разведке уделялось значительно меньше внимания.

Одной из характерных черт деятельности разведорганов Прибалтийских государств являлось повышенное внимание, уделявшееся ими агентурному проникновению в Красную Армию, органы государственной безопасности, партийные и советские органы СССР. Особенно активно в этом направлении работали спецслужбы Латвии и Эстонии.

К концу 1920-х гг. спецслужбы Латвии и Эстонии отказались от проведения диверсионной деятельности на территории Советского Союза, что было связано с невысокой ее эффективностью, а также изменением оперативной обстановки.

После ввода на территорию Прибалтики частей Красной Армии в 1939 г. направления деятельности специальных служб Латвии, Литвы и Эстонии существенно изменились. Все силы разведывательных и контрразведывательных органов были брошены на оперативное обеспечение контингента советских войск.

В течение всего периода существования независимых Прибалтийских государств основные усилия в проведении их разведывательно-подрывной деятельности были направлены против Советского Союза, что объяснялось, с одной стороны, тем, что СССР, по мнению руководства стран Прибалтики, представлял собой основную угрозу политической и экономической независимости названных стран, а с другой стороны — это целиком и полностью соответствовало геополитическим интересам западных государств — противников СССР, которые оказывали спецслужбам Латвии, Литвы и Эстонии существенную помощь.

Исходя из анализа материалов о работе прибалтийских спецслужб, можно выделить следующие основные периоды их деятельности:

1. 1918—1920 гг. Для этого периода характерно начало формирования разведывательных и контрразведывательных органов, их участие в прямой вооруженной борьбе против Советского Союза. Прибалтийские спецслужбы функционируют в качестве органов военной разведки и контрразведки, что обусловлено ведущимися в тот период боевыми действиями.

2. 1920—1924 гг. Спецслужбы организационно оформляются, наряду с военной появляется и политическая разведка. Основным противником, как и в предшествующий период, является Советская Россия. Проведение диверсионных актов на территории СССР. Сотрудничество с английской, французской, скандинавскими разведками, белоэмигрантским движением.

3. Вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг. Сотрудничество с английской разведкой, начало контактов с разведорганами Германии. Начало контактов прибалтийских спецслужб друг с другом.

4. 1933—1939 гг. Сотрудничество с германской разведкой. Отказ от проведения диверсионных акций в Советском Союзе.

5. 1939—1940 гг. Все внимание спецслужб сосредоточено на контрразведывательном обеспечении советских войск в Прибалтике. Разведка на территории СССР ведется слабо.

ГЛАВА 2

Чекисты в борьбе с прибалтийским шпионажем в 1918–1940 гг.

2.1. Образование отечественной спецслужбы

25 октября 1917 года в результате вооруженного переворота было свергнуто Временное правительство — наверное, одно из самых демократичных правительств того времени и власть в стране перешла в руки восставших солдат, рабочих и крестьян. II Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов принял постановление о создании нового правительства — Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным.

Становление новых органов власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров, различных народных комиссариатов — проходило на фоне сложной борьбы как внутри самой партии большевиков, так и борьбы большевиков с многочисленными политическими противниками. Фактически в первые дни после революции руководство государством осуществлялось Центральным комитетом РСДРП(б), поскольку все ключевые посты в центральных органах власти заняли большевики — в основном члены ЦК партии.

Несмотря на то что власть в стране перешла в руки Советов практически без жертв, в самом Петрограде становление и удержание новой власти, а также первые социалистические преобразования натолкнулись на значительные трудности. Остановка промышленных предприятий, расстройство коммунальных служб, отсутствие подвоза продуктов питания вели к голоду, расцвету спекуляции, дезорганизации всех сфер жизни столицы. Большое количество населения Петрограда игнорировало новую власть, считало ее неспособной навести порядок как в городе, так и в стране.

Перед правительством была поставлена задача создания механизма защиты государственного суверенитета как от внутренних, так и от внешних угроз, для чего было необходимо образовать новый орган, способный в короткие сроки решить поставленные задачи.

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности — первая советская специальная служба¹⁵⁷ — была создана по инициативе В.И. Ленина 7 (20) декабря 1917 года. В этот день было принято постановление СНК РСФСР, определившее место ВЧК в механизме государства.

Большинство членов правительства, так же как и В.И. Ленин, считали формирование ВЧК временным, необходимым исключительно для защиты революции и осуществления диктатуры пролетариата. ВЧК была создана и функционировала в соответствии с ленинской концепцией государственной безопасности, поэтому основной задачей деятельности ВЧК в первые месяцы ее работы являлась борьба с контрреволюцией. Ф.Э. Дзержинский на заседании Совнаркома 6 (19) декабря 1917 г. сделал доклад «об организации и составе Комиссии по борьбе с саботажем». Задачи нового органа были определены следующие:

«1) Пресек. и ликвидир. все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, от кого бы они ни исходили.

2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер по борьбе с ними.

3) Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения»¹⁵⁸.

Большевистскому руководству для претворения в жизнь своих планов требовалась организация, перед которой можно ставить задачи специфического характера. Партийные органы для этого не годились. В борьбе с политическими противниками (от членов антибольшевистских партий до оппозиции) самое большее, что они могли сделать, — это оказать моральное воздействие, исключить из партии, в крайнем случае — выгнать с работы. Но они не могли арестовывать,

допрашивать, проводить судебные процессы и тем более исполнять приговоры. Такие функции были возложены на органы государственной безопасности. Это было и одной из причин постоянного уточнения компетенции и функциональных обязанностей органов ВЧК — ОГПУ, неизменного возрастания их роли в жизни страны, в том числе и в совершенно не свойственных им сферах деятельности. Очень часто они наделялись полномочиями, выходящими за рамки социалистической законности, действовали по принципу политической целесообразности. В последующем органы безопасности даже стали орудием внутрипартийной борьбы с оппозиционными группами внутри самой коммунистической партии¹⁵⁹.

Первоначально аппарат ВЧК состоял из трех основных отделов: Информационного, занимавшегося сбором политической и оперативной информации, Организационного, в обязанности которого входила организация борьбы с контрреволюцией, и Отдела борьбы, непосредственно занимавшегося борьбой с контрреволюционерами и саботажниками. Через несколько дней, 11 (24) декабря 1917 г., в ВЧК был создан Отдел по борьбе со спекуляцией, 18 марта 1918 г. Организационный отдел был преобразован в Иногородный, 20 марта был создан Отдел по борьбе с преступлениями по должности.

В первые месяцы существования молодого Советского государства параллельно с ВЧК существовали Следственная комиссия при Петроградском совете, Военно-морская следственная комиссия, Комитет по борьбе с погромами при ВЦИК, градоначальство, Наркомат внутренних дел, Наркомат юстиции, которые выполняли сходные функции. К середине 1918 г. все эти учреждения за исключением наркоматов внутренних дел и юстиции были упразднены.

В конце 1917 — начале 1918 гг. ВЧК занималась тем, что в тот период представляло наибольшую опасность для страны, — боролась с саботажем и контрреволюцией. Однако в тот период времени чрезвычайная комиссия практически не занималась противодействием иностранному шпионажу (что, как известно, является одной из основных задач специальных служб).

Руководство ВЧК стало рассматривать вопрос о создании органов военной контрразведки только с первых месяцев 1918 г., так как в условиях начавшейся Гражданской войны усилилась разведывательно-подрывная деятельность разведорганов иностранных государств, назрела необходимость эффективного противодействия им.

9 апреля 1918 г. на заседании Президиума ВЧК было вынесено предложение выделить в Отделе по борьбе с контрреволюцией специальное подразделение для борьбы с контрреволюцией в военной среде.

В соответствии с нормативными документами ВЧК основной задачей Отдела по борьбе с контрреволюцией являлось наблюдение за контрреволюционными проявлениями и действиями различных враждебных новому строю организаций и лиц и пресечение такой деятельности путем проведения обысков, арестов, высылки, передачи суду и расстрелов.

Для большей эффективности при решении вышеперечисленных задач Отдел по борьбе с контрреволюцией был разделен на 3 отделения: первое отделение занималось учетом всех боеспособных военных сил, наблюдало за настроением солдат и командного состава, именно оно первоначально и выполняло функции противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб; второе — боролось с монархистами, духовенством, различными контрреволюционными организациями; третье — вело оперативную работу в политических партиях, профессиональных союзах, националистических организациях и домовых комитетах.

Но это был довольно слабый контрразведывательный аппарат, не имевший своих органов на местах. Фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии, созданные значительно позднее — в июле 1918 г., не взаимодействовали с этим отделением, а поддерживали связь со специально созданным столом при Иногороднем отделе ВЧК¹⁶⁰.

Особо следует отметить, что весной 1918 г. в приграничных с Прибалтикой Псковской, Петроградской и Тверской губерниях в соответствии с Постановлением ВЧК от 22 марта 1918 г. велось создание местных чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией¹⁶¹. Будучи образованными в губернских

городах, комиссии в первые месяцы после своего создания работали в очень непростой обстановке — отсутствовали надлежащие инструкции, не были четко определены штаты, с трудом решались финансовые вопросы.

2.2. Создание и деятельность Псковской губернской чрезвычайной комиссии в 1918—1922 гг.

Процесс создания Псковской губернской чрезвычайной комиссии имел весьма сложный и тернистый путь. 18 февраля 1918 года начинается немецкое наступление по всей линии фронта от Карпат до Балтики. За первые же дни передовые отряды германских войск на Северо-Западе продвинулись более чем на 200 км. Сопrotивления не было. «Армии не стало — есть огромная, усталая, плохо одетая, с трудом прокармливаемая, озлобленная толпа людей», — писал генерал Посохов в штаб Северного фронта. М.Д. Бонч-Бруевич сообщал о полном расстройстве фронта: «обороняться нечем и нечем»¹⁶². «Армия бросилась бежать, бросая все, сметая все на своем пути», — писал об этих днях первый советский главнокомандующий русской фронтовой армией Н.В. Крыленко. После заключения 3 марта Брест-Литовского мирного договора демаркационная линия рассекла Псковскую губернию. Псков находился под властью немцев, и советские органы переехали на ст. Дно, а затем в г. Великие Луки. И только спустя два месяца после окончания военных действий, в условиях стабилизации положения, губернская Советская власть продолжает налаживать новую жизнь.

В начале мая, как следует из доклада председателя управления Псковского губернского исполкома И.М. Кригера, губернский исполком получает задание из Москвы создать Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. И.М. Кригер отмечал, что подобных организаций до этого времени не существовало и поэтому «никто не знал, что надо делать»¹⁶³. Из Москвы были запрошены инструкции и одновременно был намечен круг задач.

Первым появляется отдел уездной ЧК в Великих Луках, ставший базой для ГубЧК, 15 мая на станции Дно создается Псковская губернская чрезвычайная комиссия. 23 мая 1918 г. в составе отдела управления Псковского губисполкома был создан отдел по борьбе с контрреволюцией, который в соответствии с функциональными обязанностями также занимался и контрразведывательной деятельностью. 5 июля 1918 г. на базе Великолукской уездной ЧК решением губисполкома создана Псковская губернская ЧК во главе с Г.П. Матсоном (до января 1922 г.)¹⁶⁴.

Первому председателю псковской ЧК Г.П. Матсону в тот период исполнилось только 23 года. К этому времени этот молодой человек, окончивший церковно-приходскую школу и получивший профессию столяра, считался опытным революционером и большевиком. Он воевал на фронтах Первой мировой, а после октября 1917 года служил в разведотделах подразделений Красной Армии. О деятельности ГубЧК в этот период практически ничего не известно, за исключением сведений о комплектации штатов из числа красноармейцев-большевиков и некоторых работников губернского и уездного исполкомов. С первых же дней существования ЧК партийные и советские органы становились контролирующими и руководящими инстанциями, оказывающими на деятельность ЧК важнейшее влияние.

В «Докладе о деятельности Псковской ЧК и уездных ЧК за 1918 год» Г.П. Матсон писал, что в период с мая по август 1918 года «комиссия работала довольно слабо за неимением подходящего кадра ответственных работников и технической силы, а также за неимением инструкций»¹⁶⁵. Однако летом 1918 года в ряде уездов Псковской губернии вспыхивают крестьянские волнения. И усилия первых псковских чекистов были направлены на ликвидацию восстаний. Для достижения цели были использованы части действующей армии, а в качестве руководящих документов выступали указания Губкома, Губисполкома и принципы «революционного правосознания». Так, сотрудники ГубЧК и уездные чекисты при поддержке красноармейцев подавили крупное волнение в Торопецком уезде в июне 1918 г.

Недовольство крестьян вызывали действия комбеда по реквизиции скота и продовольствия. Лишь с помощью отряда Красной Армии во главе с сотрудниками Торопецкой Уездной ЧК удалось ликвидировать восстание и арестовать наиболее активных участников¹⁶⁶.

11–14 июля 1918 года в Москве состоялась 1-я Всероссийская конференция ЧК. Делегатами от Псковской губернии стали Г.П. Матсон и О.Нодев-Беров, будущий руководитель секретного оперативного отдела. Конференция приняла постановление об организации во всех губерниях, на узловых железнодорожных станциях и приграничной полосе «стройной сети» чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. В Москве были определены права и задачи губернских и уездных ЧК, их примерная структура и функции отделов. В составе ГубЧК создавались три ведущих отдела: по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией и оперативная часть. Первый из них занимался работой по пресечению противогосударственных акций со стороны организаций и отдельных лиц, производством обысков и арестов, а также следствием, судом и расстрелами. Оперативная часть проводила обыски, аресты, прием и отправку арестованных. В штатах ГубЧК также предполагалось создание революционного полка. При транспортных (железнодорожных) ЧК были организованы военизированные отряды для поддержания порядка и охраны путей сообщения¹⁶⁷. Подобные формирования впоследствии сыграли важнейшую роль в ликвидации массовых крестьянских волнений, прошедших в уездах губернии в 1918–1919 гг.

Позднее, в сентябре 1918 г., Коллегией ВЧК было принято «Положение о губернских и уездных ЧК». В октябре ВЦИК принимает «Положение о Всероссийской и местных Чрезвычайных комиссиях». «Положения» регистрировали систему подчинения ЧК и ее место и роль в системе местных органов власти, порядок финансирования и действий.

15 августа была созвана Губернская конференция ЧК, где «после выявления положения на местах и обмена мнениями» были приняты решения о направлениях деятельности. ГубЧК в этот период проводила следствия и аресты в основном по контрреволюционным, дол-

жностным и спекулятивным делам. Г. П. Матсон, впрочем, отмечал, что работа чекистских организаций шла весьма трудно, «иногда тормозилась, выливаясь в неправильные формы». Причину этого руководитель ГубЧК видел в отсутствии «ответственных партийных работников» и регламентирующих указаний. В течение лета происходит создание ЧК не только в уездах, но и в поселках. В августе — сентябре 1918 года были созданы Дновские поселковая и железнодорожная чрезвычайные комиссии. Причем на железной дороге появляется и вооруженный чекистский отряд численностью до 30 человек, действовавший на линии Дно — Новосокольники — Великие Луки¹⁶⁸. Поселкова ЧК создается в посаде Сольцы. Во всех уездах также появляются чрезвычайные комиссии. Их численный состав был невелик, от 10 до 24 человек.

В этот период происходит и дальнейшее формирование чекистских организаций. Г. П. Матсон в «Докладе о деятельности» за 1918 год пишет, что «с мая по ноябрь при Губчрезвомке были организованы следующие отделы: 1) спекулятивный, 2) контрреволюционный, 3) железнодорожный, 4) пограничный, 5) финансово-хозяйственный, 6) секретная часть с информационным столом, 7) комендантская часть, 8) следственная комиссия, которая для продуктивной работы была объединена со следственной комиссией Ревтрибунала, получив название Межведомственной следственной комиссии. Иногородний отдел не мог быть сформирован по причине отсутствия подходящих кадров». Но он все же был создан немного позже, на основе расформированной Новосокольнической ЧК¹⁶⁹.

Первый обнаруженный документ Псковской уездной ЧК датируется 6 ноября 1918 года. Председателем ЧК был Крабец, члены — Ускин, Рейтер и представитель Всероссийской чрезвычайной комиссии Зорнис, а на местах, т.е. в уездах и волостях, вся власть осуществлялась уездными и волостными военно-революционными комитетами как временными чрезвычайными органами военной и гражданской власти, которые подчинялись реввоенсовету 15-й армии Западного фронта.

Численность сотрудников ГубЧК к концу 1918 года составила 92 человека (в июле — 21 человек), без учета уездных и железнодорожных комиссий¹⁷⁰.

О деятельности псковских ЧК в этот период можно судить по количеству заведенных уголовных дел по обвинению в контрреволюции, спекуляции и иных преступлений. Всего за период май — ноябрь 1918 года было возбуждено около 3 тысяч дел, из них немногим более 800 в отношении контрреволюционеров, 1173 против спекулянтов и 428 за должностные преступления¹⁷¹. Цифры явно занижены и отражают лишь те случаи, когда ЧК удавалось выявить виновных и организаторов многочисленных крестьянских волнений, задержать и подтвердить виновность спекулянтов. В «Отчете о деятельности Псковской губчека за 1918 год» совершенно не отражены случаи внесудебной расправы и общее количество арестов и задержаний, осуществленных за отчетный период. Так, в отчете начальника Новоржевской уездной ЧК говорится о «начале борьбы с контрреволюцией» уже летом 1918 года. В деревнях только начали появляться недовольные политикой Советов, и до поступления «указаний из центра были приняты энергичные меры» — было произведено несколько расстрелов, что «положительно повлияло на местную буржуазию». Всего летом 1918 года Новоржевской УЧК было расстреляно более 16 человек без каких-либо санкционирующих судебных решений.

Летом — осенью 1918 года отличились Новоржевская, Опочецкая, Островская и Порховская ЧК — в районах наибольшей крестьянской активности, а также находящихся вблизи демаркационной линии. В этот же период появляются и первые документы ГубЧК — воззвания и обращения, адресованные местному населению. Они были вызваны ситуацией, возникшей в губернии в связи с разгулом уголовной преступности, крестьянскими выступлениями, началом формирования белогвардейских частей. Так, в «Объявлении», которое появляется, видимо, в августе — сентябре 1918 г., говорится о «массовых обысках, арестах, предпринятых Чрезвычайными комиссиями» в связи с активизацией контрреволюции. Псковская ГубЧК

ставила своей задачей «уничтожение как отдельных паразитов, сосущих кровь трудящихся, так и их организаций». Г.П. Матсон, обращаясь к жителям губернии, заверил, что аресты и преследования не коснутся «невиновных лиц», а те, кто по случайности все же был арестован, «будут немедленно освобождены после выяснения непричастности их к лагерю контрреволюционеров»¹⁷². Эксцессы и ошибки впоследствии объяснялись недостаточностью квалификации работников ЧК и общим хаосом, царившим в губернии.

В сентябре 1918 года в губернии начинается «красный террор». В сентябре в Губком РСДРП (б) и ГубЧК пришел «Приказ о заложниках», подписанный Г. Петровским. В нем говорилось о явной недостаточности и «ничтожном количестве серьезных репрессий» против «контрреволюционной сволочи». Наркомвнудел приказывал арестовывать всех известных эсеров, брать из числа «буржуазии и офицеров... значительное количество заложников». Все вышеуказанные меры должны были приводиться в исполнение немедленно, а в случае «малейшего движения в белогвардейской среде» следовало применять «безоговорочный массовый расстрел». Ответственность за исполнение возлагалась на ЧК, милицию и губисполкомы. Столь же жесткие меры должны быть применены к сотрудникам правительственных учреждений, обвиненных в «волоките и саботаже»¹⁷³.

В большинстве случаев «красного террора» уголовных и следственных дел не заводилось. Г.П. Матсон пишет о многочисленных расстрелах в губернии «реакционного элемента» и арестах заложников. Родственники арестованных обращались в ЧК с просьбой об освобождении, в том числе и за выкуп. Однако Матсон специально разъяснял, что подобные шаги являются «исключительными случаями» и ЧК не намерено практиковать данный опыт¹⁷⁴. Общее число арестованных и расстрелянных в августе — октябре 1918 года точно установить весьма сложно — в ряде случаев списки заложников даже не публиковались в газетах, как это было в ноябре — декабре 1918 года, после освобождения г.Пскова. В «Отчете о деятельности Губчека за 1918 год» говорится о 301 расстрелянном уездными, железнодорожными и губернской ЧК¹⁷⁵. Однако 301

человек приходится на период май — декабрь 1918 года, и в отношении большинства этих лиц в архивных фондах содержатся уголовные дела. Но практиковались и расстрелы без проведения судебно-следственных мероприятий. Если доказательства были весьма вескими или участие и принадлежность обвиняемых к контрреволюционным элементам не вызывала сомнения, то решение о расстреле выносилось достаточно быстро. Подобная практика более всего была характерна для уездных ЧК, действовавших зачастую бесконтрольно и автономно, что отмечает и Г.П. Матсон, констатируя, что у ГубЧК не было даже сил для посылки в уездные комиссии работников для ревизии и контроля¹⁷⁶. В 1918 году также было заведено более 428 уголовных дел за должностные преступления — саботаж и различные «злоупотребления»¹⁷⁷.

Другим важнейшим направлением деятельности ГубЧК было противодействие формирующимся под покровительством немецких оккупационных сил частям Псковского белогвардейского корпуса. В ГубЧК поступали разнообразные разведданные о процессе создания Белой армии в Пскове и прилегающих районах. 1 ноября 1918 года Губисполком созвал срочные совещания для принятия мер по «противодействию белогвардейским отрядам». Итогом заседаний стало решение об объявлении губернии на военном положении, регистрации населения и создании уездных «диктаторских троек»¹⁷⁸. ГубЧК приняло самое активное участие в реализации данного постановления: в ходе регистрации и переписи населения выявлялись «скрытые контрреволюционеры» и представители мелкобуржуазных партий, а также те, кто скрывался под чужим именем. Ко многим был применен расстрел, некоторые арестованы и заключены под стражу.

В начавшихся в ноябре 1918 года боевых действиях активное участие приняли и формирования ГубЧК — железнодорожные части и революционный полк. Г.П. Матсон еще 11 ноября предлагал начать немедленное наступление против немцев и белогвардейцев по демаркационной линии, а в районе Торошино и Карамышево 22—24 ноября 1918 года чекистские отряды начали атаку на передовые части Псковского белогвардейского корпуса. 25 ноября 1918 года в 16

часов 30 минут «доблестными красноармейскими частями Торошинского участка с боя взят Псков... В городе приступлено к восстановлению Советской власти»¹⁷⁹.

В первые дни вся полнота власти находилась в руках Военно-революционного комитета. Торошинская прифронтовая чрезвычайная комиссия в эти дни произвела большое количество арестов и реквизиций. «Тюрьма была загружена арестованными белогвардейцами и случайными гражданами... Здание Государственного банка было завалено всевозможными вещами, ценностями и оружием»¹⁸⁰. ВРК принял решение об аресте 600 заложников из представителей буржуазии, часть из них была расстреляна. Сведения о количестве расстрелянных в первые дни освобождения весьма разнятся. Псковская ЧК сообщает о 56 человеках¹⁸¹, в Острове по инициативе ВРК было расстреляно 12 человек¹⁸². В «Отчете о деятельности Псковского губчека за 1918 год» фиксируется цифра в 67 человек за ноябрь — начало декабря 1918 года. П.А. Николаев приводит цифру до 100 человек¹⁸³. Видимо, это количество расстрелянных в течение первых 10 дней наиболее соответствует действительности. Но впоследствии, по мере работы ГубЧК, ВРК и установления виновности тех или иных лиц, расстрелы были продолжены. 20 и 21 декабря ГубЧК, рассмотрев дела по организации Северной армии, заявила, что «считает их врагами, как паразитов труда, которым не может быть места в наших пролетарских рядах» и постановляет расстрелять 22 человека¹⁸⁴. 30 декабря было расстреляно еще 12 человек¹⁸⁵. Но и в начале 1919 года выявление участников Белого движения было продолжено. Ряд известных псковских деятелей были впервые арестованы весной 1919 года. В ГубЧК совместно с революционным трибуналом была создана «особая Следственная комиссия, производящая допрос всех содержащихся в тюрьме... прибегая ко всевозможным опытам допроса... Работа была закончена, и арестованные были подразделены на несколько категорий, которые частью расстреляны, приговорены на общественные работы и освобождены»¹⁸⁶. По данным ГубЧК, опубликованным в «Псковском набате», к январю 1919 года было освобождено 113 человек, чьи имена «не были обнаружены в документах белогвардейского корпуса, захва-

ченных в Пскове». Впоследствии, в 1919 году, некоторые активные деятели восстановленной немцами Псковской Думы, выпущенные в декабре 1918 года, были повторно арестованы ГубЧК и после следствия расстреляны¹⁸⁷. Судьба других (около 300 человек из 600), взятых в заложники, остается неясной. Несмотря на стремление многих современников тех событий и ряда исследователей многократно увеличить число расстрелянных в эти месяцы 1918 и 1919 гг., мы не можем однозначно утверждать, что все они были уничтожены.

В последнее время появляются «свидетельства о чудовищных зверствах» псковских чекистов в 1918—1919 гг. Никаких достоверных документальных материалов об этом обнаружено не было, ни одно из «свидетельств» не подтверждено сколь-нибудь точными данными. Да и вряд ли белогвардейцы, отряды Булак-Балаховича, а тем более белоэстонцы, занявшие Псков в мае 1919 года, не воспользовались бы свидетельствами очевидцев или слухами, неминуемо расплзшимися по городу и его окрестностям о якобы имевших место «страшных казнях, совершенных ЧК и красноармейцами». Подобные факты обязательно были бы использованы в идеологической борьбе, ведь даже «незначительные и маломасштабные факты красного террора» скрупулезно собирались различными комиссиями, белогвардейской контрразведкой для последующего опубликования и использования в пропагандистских целях¹⁸⁸.

Несмотря на понятное желание революционных властей не афишировать реальные масштабы своей репрессивной политики, для этого периода характерны и иные тенденции. «Расстрельные» списки и жестокие меры подавления контрреволюционеров «всех мастей» придавались гласности почти без искажений и имели откровенную цель — уstrasить сомневающихся, показать всю мощь «железного кулака» новой власти. Тем более что к подобным информационным шагам обязывали и документы, поступавшие из Москвы.

В 1919—1920 гг. во всех уездах Псковской губернии были образованы Политбюро ЧК. К маю 1920 года в связи с развернувшимися боевыми действиями и мобилизацией на польский фронт численность ГубЧК сокращается до 72 человек¹⁸⁹, а в уездах — от

двух до пяти человек. Основной проблемой губернской и местных ЧК продолжает оставаться низкий образовательный уровень сотрудников, а также отсутствие элементарных оперативных и следственных навыков.

Борьбой с иностранным, в том числе и прибалтийским, шпионажем в указанный период времени занимались также подразделения пограничных Чрезвычайных комиссий. В соответствии с принятой на I Всероссийской конференции ЧК 12 июня 1918 г. и дополненной Коллегией Ингородного отдела ЧК в августе того же года инструкцией «на обязанности пограничных ЧК, комиссаров и их агентов лежит строгое наблюдение за иностранными шпионами, контрреволюционерами...».

На территории Псковщины были созданы четыре пограничных отряда: Гдовский под номером 8, Псковский — 9, Островский — 10, Великолукский — 11. При каждом отряде имелось четыре комендатуры, в каждой из них по 3 оперативных работника.

Одной из основных задач советской спецслужбы была борьба со шпионажем. В 1918 г. в частях действующей армии контрразведывательной работой занимался специальный орган, являвшийся преемником военной контрразведки Временного правительства, — Военный контроль. Первоначально он подчинялся штабу Наркома по военным и морским делам, а после создания в сентябре 1918 г. Реввоенсовета перешел в его подчинение.

В соответствии с «Инструкцией о контрразведывательной службе Военного контроля» его задача в тылу действующей армии «сводится к воспрепятствованию шпионам заниматься изучением и освещением военной, экономической и политической жизни Советской Республики и к противодействию всем планам и способам (например, взрывам мостов, фабрик и т.п.), при помощи которых неприятельские шпионы могут воздействовать на вышеуказанные стороны жизни, и на фронте — к противодействию проникновению неприятельских шпионов в армию с целью выяснения ее боеспособности, стратегических и тактических планов и начинаний, морального состояния масс, их продовольствия и снабжения»¹⁹⁰.

Таким образом, к концу 1918 г. контрразведывательные органы Советской России находились в стадии формирования. Поиск различных организационно-правовых форм деятельности отечественных спецслужб был обусловлен сложностью внутри- и внешнеполитической обстановки, отсутствием практического опыта разведывательной и контрразведывательной работы у советских руководителей, стремлением дистанцироваться от «наследия самодержавия» и желанием построить новые спецслужбы, опираясь прежде всего на классовые принципы. В связи с этим в указанный период не существовало четких функциональных обязанностей первых контрразведчиков, не были определены основные направления их деятельности и линии работы.

К осени 1918 г. в аппарат Военного контроля входило 8 фронтовых и окружных отделов, 16 отделений и 23 пункта. Органы военного контроля приобрели неплохой опыт борьбы со шпионажем, было разоблачено немало вражеских разведчиков. Именно органы Военного контроля впервые стали заниматься борьбой со шпионажем со стороны Прибалтийских государств. Так, в финансовом отчете отдела Военного контроля Управления Реввоенсовета Республики за ноябрь 1918 г. указывалось, что на организацию контрразведки в Прибалтике было потрачено 63 тысячи рублей¹⁹¹. По тем временам это была очень большая сумма, что свидетельствует о важности борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб для молодого Советского государства¹⁹².

Именно специалисты Военного контроля впервые в истории послереволюционных спецслужб дали определение шпионажу. «Шпионом называется всякий, кто, несмотря на свою принадлежность к гражданству того или другого государства, сообщает иностранным правительствам и агентам или кому-либо из состава их вооруженных сил или каким-либо частным лицам, действующим от их имени, по их поручению или в их интересах с целью воспрепятствования обороне Советской Республики, а равно и тот, кто такие сведения сам или при посредстве других лиц для той же цели собирает или доставляет

материальные средства, или оказывает другого рода помощь — как-то: дает советы, указания, подстрекает к этому других, или же знал о совершившемся шпионаже, но не сообщил властям»¹⁹³. Как видим, к шпионажу относили сбор и передачу иностранным государствам либо иностранным военным служащим любых сведений, могущих помешать обороне Советской России. Отсутствовало разделение шпионажа и измены Родине в форме шпионажа. К шпионажу относили даже недонесение о преступлении, что, несомненно, являлось ошибочным. Однако, несмотря на такие серьезные недочеты, в указанном определении были выявлены все наиболее существенные признаки шпионажа, которые в дальнейшем были доработаны при составлении Уголовного кодекса.

Руководствуясь решением Бюро ЦК РКП(б) от 19 декабря 1918 г. об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля, 1 января 1919 г. приказом председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского был создан Особый отдел ВЧК¹⁹⁴. К середине января 1919 г. «органы Военного контроля были слиты с фронтовыми и армейскими чрезвычайными комиссиями и образовали Особые отделы, на которые возлагалась борьба со шпионажем и контрреволюционными элементами во всех частях и учреждениях Красной Армии». В Особый отдел перешли не только лучшие специалисты Военного контроля. ВЧК были переданы и теоретические разработки по тактике противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб. Таким образом, в структуре ВЧК было создано подразделение, в функциональные обязанности которого входила борьба с иностранным, в том числе и прибалтийским шпионажем. Однако борьба с разведывательно-подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб в тот период времени не была выделена в качестве отдельной линии работы. Это было связано с тем, что контрразведка не являлась приоритетным направлением работы ВЧК, и поэтому ей уделялось мало внимания по сравнению с борьбой с контрреволюцией.

На Особый отдел, в отличие от Военного контроля, помимо борьбы со шпионажем была возложена функция борьбы с контрре-

волюцией. Созданная как орган противодействия различным контрреволюционным проявлениям, Чрезвычайная Комиссия ставила своим подразделениям задачу даже при проведении контрразведывательной работы обязательно обращать внимание на возможную связь шпионской работы с контрреволюционной деятельностью. Этот подход сохранился и в последующие годы. В первые несколько лет после Октябрьской революции это было, безусловно, оправдано, так как перед правительствами западных стран стояла одна основная цель — уничтожение Советского государства, и вся антисоветская деятельность была подчинена ей. Это обстоятельство отмечали и руководители ВЧК. В частности, в рапорте начальника Секретно-оперативного отдела Атарбекова председателю Особого отдела ВЧК прямо говорилось, что «Российская Советская Республика есть военный лагерь, в котором шпионская деятельность белогвардейцев сводится к уничтожению Советской власти, но эта политическая задача осуществляется всеми доступными путями и выливается как в форме открытой борьбы на фронте, так и тайной разрушительной работы многочисленных белогвардейских агентов в тылу, таким образом, шпионская деятельность во всех проявлениях носит характер исключительно политической борьбы и составляет неотъемлемую часть контрреволюции в целом»¹⁹⁵.

Таким образом, применительно к ВЧК установленная для нее компетенция содержала только тот объем полномочий, который был адекватен соответствующим задачам, стоящими как перед спецслужбой, так и перед всем государством в целом. В связи с этим следует подчеркнуть, что изначальным составным элементом правового положения органов государственной безопасности являлись возлагаемые на них обязанности, которые конкретизировали вид, направления и содержание практической работы. (А как известно, обязанности есть не что иное, как предписанный нормами права определенный круг действий, которые данному органу надлежит совершать, исходя из их назначения и используемых методов и форм деятельности¹⁹⁶.) Таким образом, Особый отдел ВЧК, выполняя задачи, стоящие в целом перед ВЧК, занимался в основ-

ном борьбой с контрреволюцией, а контрразведывательная деятельность носила второстепенный характер.

В соответствии с «Инструкцией по управлению ОО ВЧК» от 25.12.1919 г. Особый отдел ВЧК представлял собой военную организацию с централизованным управлением, во всех отношениях непосредственно подчиненную ВЧК, а в оперативном отношении — РВС Республики в пределах даваемых им заданий и их выполнения¹⁹⁷.

Особые отделы подразделялись на ОО фронтов, ОО армий с подчиненными им особотделениями, особопунктами и особбюро и ОО губчека.

В составе ОО были образованы Секретно-оперативные отделы, состоявшие из 4 отделений — Информационного, Оперативного, Агентурного, Следственного. В соответствии с названной Инструкцией на Оперативное отделение было возложено выявление новых форм и методов деятельности иностранных шпионских и контрразведывательных организаций¹⁹⁸.

На местах Особые отделы при губчека были созданы в конце января 1919 г. Их сотрудники занимались в основном разоблачением контрреволюционеров в военной среде. Контрразведывательная работа была организована значительно слабее.

В течение 1919 г. происходило становление работы Особого отдела. Его сотрудники накапливали опыт оперативной работы, осуществлялось организационное строительство центральных и местных контрразведывательных органов.

К концу года были более четко определены контрразведывательные задачи деятельности Особого отдела: раскрытие, предупреждение и пресечение работы шпионских организаций как осведомительного, так и вредительного характера; организация закордонной агентуры с целью выявления контрреволюционных организаций, посылки шпионов на территорию Советской республики и пр. Одинаковые задачи контрразведывательной деятельности были поставлены как перед центральными, так и перед местными органами¹⁹⁹.

В конце 1919 г. на фронтах Гражданской войны Красная Армия убедительно доказала свою силу, одержав решающие победы над

превосходящими силами противника. Гражданская война вступила в завершающую стадию. Роль Особых отделов в победах Красной Армии была велика, так как именно они проводили мероприятия по защите частей действующей армии от происков контрреволюционных сил, боролись со шпионажем и преступлениями по должности. Однако внешнеполитическая обстановка продолжала оставаться сложной. Англия, Франция, США, Польша, лимитрофные государства, хотя и поняли бесперспективность военных действий, от идеи уничтожения Советской России не отказались. Значительно активизировалась деятельность их спецслужб, которые не только занимались сбором разведывательной информации, но и участвовали в диверсионных и террористических акциях.

После окончания Гражданской войны в связи с образованием пограничных отрядов в 1920 году в Пскове был создан Особый отдел ВЧК эстонско-латвийской границы. Кроме того, в том же 1920 году в городе Пскове дислоцировались Особые отделы 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, в г. Великие Луки ОО 15-й и в Опочке — ОО 48-й дивизии 15-й армии. В 1920 году также действовали транспортные ЧК на станциях Псков, Себеж, Новосокольники, Дно и Великие Луки.

Для ведения закордонной работы в 1920 г. согласно приказу ВЧК от 20.12.1920 г. в составе ВЧК был образован Иностранный отдел (ИНО).

В компетенцию ИНО ВЧК входило ведение всех дел ВЧК и ее местных органов с НКВД и ИККИ и ее представителями за границей. Также ИНО согласовывал все мероприятия органов ЧК по отношению к иностранным подданным, дипломатическим представительствам и их сотрудникам, различным миссиям, торговым делегациям. Сотрудники ИНО занимались сбором материалов о контрреволюционной и шпионской деятельности иностранных граждан и членов иностранных дипломатических представительств, осуществляли руководство контрразведывательной и агентурной работой за границей. В ведении ИНО находился контроль за въездом в Советскую Россию и выездом из нее советских граждан и

иностранцев, ведение агентурных разработок и дел в наших загранпредставительствах.

Организационно ИНО состоял из Канцелярии, которая вела переписку по всем вопросам, связанным с работой отдела, Специального отдела, руководившего закордонной агентурой, Осведомительного отдела, занимавшегося контрразведывательным обеспечением деятельности иностранных диппредставительств, миссий и делегаций иностранных подданных на территории Советского государства, а также агентурно-осведомительной работой в советских учреждениях, связанных с границей, Бюро виз, которое вело работу на канале въезда-выезда советских и иностранных граждан.

В составе Осведомительного отдела ИНО была выделена специальная должность уполномоченного по окраинным государствам, который занимался разведывательной и контрразведывательной работой в отношении Прибалтийских государств²⁰⁰. Как видим, впервые противодействие спецслужбам Латвии, Литвы и Эстонии как отдельная линия работы была выделена в ИНО в 1920 г. До этого органы ВЧК, конечно, также занимались борьбой с прибалтийскими шпионами, однако как отдельное направление деятельности это выделено не было. Основной причиной этого являлось то, что в соответствии с указаниями руководства ВЧК основное внимание в деятельности этой организации уделялось борьбе с «внешней и внутренней контрреволюцией», от которых, по мнению советского руководства, исходила основная опасность. Поэтому в описываемый период было очень мало нормативных документов, регламентирующих контрразведывательную деятельность ВЧК в целом, а противодействие отдельно взятым прибалтийским спецслужбам не рассматривалось вообще.

Таким образом, к началу 1920-х гг. в структуре ВЧК существовали 2 подразделения, в функции которых входило проведение контрразведывательной работы, — Особый и Иностранный отделы. Причем ИНО был ближе к контрразведке в современном понимании этого слова, так как его деятельность по сравнению с деятельностью ОО была более ориентирована на решение задач противодей-

ствия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, а уклон в сторону борьбы с контрреволюцией был несколько меньшим. Однако существовал некоторый параллелизм в работе этих двух подразделений: Особый отдел мог заниматься закордонной агентурной работой, а ИНО осуществлял контрразведку как внутри страны, так и за границей. Такой параллелизм, безусловно, вел к ненужному дублированию, а иногда и к взаимной расшифровке сил и средств, что значительно снижало эффективность оперативной деятельности.

После окончания Гражданской войны коренным образом изменилась внешнеполитическая обстановка и положение внутри страны. Значительно активизировалась разведывательно-подрывная работа капиталистических государств против Советской России. Помощник начальника ОО ВЧК Р. Пиляр отмечал в 1921 году, что «если раньше, во времена Гражданской войны, при наличии фронтов и красного террора разведывательная работа была чрезвычайно рискованной и опасной для агентов буржуазных государств, если раньше генеральным штабам этих государств налаживание шпионской сети в республике стоило громадных средств и усилий, то теперь им предоставлена возможность вести разведывательную работу почти без всякого риска, с минимальной затратой денежных средств, пользуясь своими дипломатическими, торговыми и другими представительствами»²⁰¹.

В январе 1921 г. было создано Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК, занимавшееся контрразведывательной работой в армии, борьбой с меньшевистскими партиями, духовенством. В состав СОУ входили: Секретный отдел, Особый отдел, Иностранный отдел, Восточный отдел, Транспортный отдел, Оперативный отдел, Информационный отдел, Отдел политконтроля, Отдел центральной регистратуры, внутренняя тюрьма, концлагерь при внутренней тюрьме²⁰². Функции противодействия прибалтийским спецслужбам были сосредоточены в Особом отделе СОУ, где был выделен специальный оперработник, боровшийся с прибалтийским шпионажем.

Советское правительство понимало исключительную опасность разведывательно-подрывной деятельности спецслужб иностранных государств для существования государства. Поэтому борьба со шпионажем наряду с подавлением любых признаков контрреволюции постепенно начала становиться одним из приоритетных направлений деятельности отечественных органов безопасности.

2.3. Органы ОГПУ – НКВД в 1920–1930-е гг. Псковский отдел ОГПУ – НКВД в структуре органов государственной безопасности

В связи с переходом страны к новой экономической политике, окончанием боевых действий перед руководством страны встал вопрос о более радикальной перестройке деятельности ВЧК, изменении ее компетенции. В.И. Ленин говорил, что назрела «необходимость подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее работу задачами политическими... Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков»²⁰³. В письме к Народному комиссару юстиции Д.И. Курскому (20 февраля 1922 г.) подчеркивалась важность создания «нового гражданского законодательства» в стране: «Прежде боевыми органами Соввласти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю НКЮста»²⁰⁴.

6 февраля 1922 г. ВЦИК издал декрет, по которому вместо Всероссийской чрезвычайной комиссии было образовано Государственное политическое управление.

На местах вместо чрезвычайных комиссий были созданы политические отделы, которые находились в подчинении НКВД через ГПУ.

Сущность реформы органов государственной безопасности 1922 г. заключалась в реорганизации ВЧК — преобразовании ее из временного, чрезвычайного института Советской власти с широкими разноплановыми полномочиями в постоянно действующий государственный орган со строго определенной в законодательном порядке компетенцией. Безусловно, преемственность с ВЧК оставалась, но вновь созданное 6 февраля 1922 г. ГПУ при НКВД РСФСР не было определено как чрезвычайное учреждение ни по задачам, ни по своим правам.

Таким образом, реформирование органов государственной безопасности явилось прямым следствием изменения внешне- и внутриполитической обстановки в стране. Конечно, говорить о принципиальной перестройке деятельности спецслужбы нельзя, однако можно отметить, что борьба с иностранным, в том числе и прибалтийским, шпионажем стала являться одним из важнейших направлений ее деятельности. Это связано с тем, что ранее основная опасность существованию Советского государства исходила от внешней и внутренней контрреволюции. После окончания Гражданской войны внутренняя контрреволюция была практически разгромлена, а оставшиеся немногочисленные политические противники Советской власти вынуждены были эмигрировать или уйти в подполье.

В начале 1920-х гг. значительно активизировалась разведывательно-подрывная деятельность спецслужб Прибалтийских государств. Ведущие капиталистические государства того времени в своей деятельности против России активно использовали территорию и специальные службы граничащих с Россией государств Прибалтики. Однако, несмотря на заметное реформирование деятельности органов государственной безопасности, основной их задачей оставалась борьба с политическими противниками — как внутренними, так и внешними. Поэтому даже отделы, занимавшиеся контрразведкой, в первую очередь должны были бороться с контрреволюцией. И хотя руководство органов уже разделяло понятия «шпионаж» и «контрреволюция», считалось, что все шпионы одновременно являются и контрреволюционерами. Однако, как показывает практика оператив-

ной деятельности, спецслужбы гораздо более эффективно занимаются противодействием разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, когда контрразведывательные подразделения не наделены также и другими функциями, в частности борьбой с политическими противниками, которые в 20-е годы именовались значительно проще — контрреволюционерами.

Впервые в истории отечественных органов государственной безопасности ВЦИК РСФСР была издана серия декретов, указывающая на компетенцию и организационно-правовые основы деятельности ГПУ. ВЦИК РСФСР принял: Положение о ГПУ, Положение о губернских и областных отделах Госполитуправления, Положение об уездных (кантонных, улусных) уполномоченных губернских и областных отделов Госполитуправления, Положение об особых отделах Госполитуправления (при нормальном положении) и Положение о транспортных отделах Госполитуправления.

Председателем ГПУ являлся народный комиссар внутренних дел, назначавшийся СНК РСФСР, при председателе действовала коллегия, состав которой также утверждался СНК. Была создана система местных органов ГПУ — губернские органы ГПУ при губисполкомах, областные отделы ГПУ при ЦИК автономных республик и областей, в вооруженных силах — особые отделы ГПУ фронтов, военных округов и армий и особые отделения дивизий и охраны границ, на железных дорогах — транспортные отделы (ТО) ГПУ, для координации и руководства деятельностью местных органов на окраинах в автономных республиках и областях — уполномоченные представительства ГПУ.

В распоряжение ГПУ были выделены особые войска, которые подчинялись председателю ГПУ.

В соответствии с «Положением о Государственном политическом управлении и его органах» к задачам ГПУ были отнесены предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений (политических и экономических), борьба с бандитизмом и вооруженными восстаниями, борьба с контрреволюционными организациями и лицами, деятельность которых направлена на подрыв

хозяйственных органов, охрана государственной тайны и борьба со шпионажем, охрана путей сообщения, борьба с хищениями и вредительством на транспорте, охрана границ РСФСР, борьба с незаконными переходами границ, с экономической и политической контрабандой, выполнение специальных заданий ВЦИК и СНК по охране революционного порядка²⁰⁵.

Интересно отметить, что борьба со шпионажем входила в задачи всего Наркомата внутренних дел, о чем прямо было записано в нормативных документах. Таким образом, указывалось на важность противодействия разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, закладывалась правовая основа взаимодействия ГПУ с другими подразделениями НКВД по этой линии работы.

С целью укрепления законности на Народный Комиссариат Юстиции была возложена функция осуществления надзора за деятельностью органов ГПУ²⁰⁶.

Однако реорганизация органов госбезопасности 1922 г. не ограничивалась упразднением ВЧК и образованием ГПУ. Реформа включала в себя также и мероприятия по дальнейшему организационному строительству самого аппарата ГПУ. Следует особо отметить организацию летом 1922 г. полномочных представительств ГПУ (ПП ГПУ) для объединения руководства местными органами госбезопасности. Компетенция ПП ГПУ ограничивалась пределами территорий военных округов. Все органы ГПУ и сотрудники, работавшие на территории ПП ГПУ, по всем вопросам (как служебным, так и частным) должны были обращаться только в ПП ГПУ. Все директивы ПП ГПУ были обязательными для подчиненных ему органов наравне с приказами Центра. Противодействием прибалтийским спецслужбам занимались сотрудники ПП ГПУ по Петроградскому (впоследствии — Ленинградскому) военному округу (ЛВО). В его состав входили также Псковское и Тверское ГПУ.

Руководство страны и органов государственной безопасности в первые годы после Гражданской войны особое внимание уделяло поддержанию порядка и установлению контроля над вооруженными силами, которые использовались не только в борьбе с внешними

агрессивными нападками капиталистических держав, но и служили орудием для подавления выступлений внутренних противников Советской власти. В указанный период времени Красная Армия стала основным объектом разведывательно-подрывной деятельности иностранных, в том числе и прибалтийских, спецслужб и организаций. Поэтому в соответствии с «Положением об Особых отделах Госполитуправления (при нормальном положении)» перед ними ставились следующие задачи: борьба с контрреволюцией и разложением в армии и на флоте, борьба со шпионажем во всех видах его проявления (разведывательным и вредительным), направленным против интересов РСФСР как со стороны окружающих республику государств и их отдельных партий, так и со стороны русских контрреволюционных партий и групп, борьба с открытыми контрреволюционными выступлениями и бандитизмом путем разведки сил противника и разложения его рядов, охрана границ РСФСР и борьба с политической и экономической контрабандой и незаконными переходами границ, для чего в пограничных военных округах при особых отделах военных округов создавались пограничные особые отделы и посты, выполнение специальных заданий Реввоенсовета республики и реввоенсоветов фронтов, армий и военных округов в связи с охраной интересов Красной Армии и флота²⁰⁷.

В соответствии с приказом ГПУ от 12.07.1922 г. борьбой со шпионажем во всех его проявлениях, контрреволюционными и белогвардейскими заговорами, бандитизмом, контрабандой, незаконным переходом границ стал заниматься вновь созданный Контрразведывательный отдел (КРО).

Таким образом, основными подразделениями, занимавшимися контрразведывательной работой, являлись Особый и Контрразведывательные отделы. Выполнение отдельных функций по противодействию иностранным разведкам было также возложено на ИНО и Восточный отдел.

Ведущим подразделением ГПУ, борющимся с деятельностью прибалтийских спецслужб на территории страны, являлся КРО, а с прибалтийскими шпионами в армии и на флоте боролся Особый

отдел. Было налажено четкое взаимодействие между ними. В частности, несмотря на то что постоянная агентурная работа в частях Красной Армии и флота проводилась силами Особых отделов, их осведомительный аппарат должен был выполнять задания других отделов Секретно-оперативного управления, в основном — КРО и СО.

В составе КРО в первые годы его существования не было выделено специального структурного подразделения, занимавшегося оперативной работой в отношении спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии. Этим занимались несколько оперативных работников 2 отделения. В составе Особого отдела было выделено 13 специальное отделение, в функции которого входило «наблюдение и разработка латышских, эстонских и литовских дел». В приграничных с Прибалтикой Псковском, Петроградском и Тверском аппаратах ГПУ в составе КРО и Особого отделов было выделено по 1—2 оперработника, занимавшихся борьбой с прибалтийскими спецслужбами. Работа велась в тесной координации и взаимодействии с работниками центрального аппарата, с которыми согласовывалось проведение всех оперативных мероприятий на данной линии работы.

Руководство ГПУ понимало, что в новых условиях необходимо применять какие-то новые, более эффективные методы работы. Поэтому с учетом «сужения свободы действий ГПУ в области оперативных мероприятий» была высказана необходимость «всемерного содействия органам ГПУ в их ответственной работе членами партии»²⁰⁸, которые должны были помочь в агентурно-осведомительной работе. В этих целях «в каждом государственном, общественном, кооперативном и частном учреждении или предприятии, а также в ВУЗе и там, где это представляется возможным наличием коммунистов» были организованы «Бюро Содействия» Губотделу ГПУ. В «Бюро Содействия» входили только ответственные руководители предприятия с партийным стажем не менее 2—3 лет. Члены «Бюро Содействия» должны были систематически заниматься сбором информации обо всех антисоветских проявлениях в учреждениях, где они работали, выявлением различного контрреволюционного

элемента. Для выполнения специальных заданий «Бюро Содействия» могло на условиях строжайшей конспирации привлекать надежных коммунистов²⁰⁹.

После окончания интервенции и Гражданской войны серьезно изменились государственные границы бывшей Российской империи. Необустроенность пограничной зоны, бурный расцвет контрабанды, незаконное перемещение через границу большого количества людей, среди которых были как жители приграничных территорий, так и вооруженные формирования, совершавшие диверсионные и террористические акты в приграничной полосе, обусловили необходимость скорейшего и эффективного решения данного вопроса. Поэтому данная задача была поручена органам государственной безопасности.

Особенно актуальной эта проблема являлась для границы РСФСР с Прибалтийскими странами, так как ранее Северо-Запад России приграничным не был, соответственно, не существовало и соответствующей инфраструктуры.

Еще в ноябре 1920 г. постановлением СТО РСФСР охрана всех границ России из ведения наркомата внешней торговли передавалась в Особый отдел ВЧК по охране границ. Для руководства пограничными войсками был создан специальный штаб. Однако в связи с развитием в пограничных районах так называемого «закордонного бандитизма» войска ВЧК по охране границ были расформированы. Военному ведомству предлагалось выделить для охраны границ строевые части, что, безусловно, явилось шагом назад в плане организации наиболее рациональных форм пограничной охраны²¹⁰. Строевые части были более приспособлены для ведения боевых действий, чем для борьбы со шпионажем и контрабандистами. Поэтому СТО 27 сентября 1922 г. постановил передать охрану сухопутных и морских границ СССР в ведение ГПУ, для чего создавался отдельный пограничный корпус войск ГПУ. Отныне погранвойска и подразделения, осуществлявшие контрразведывательные функции на границе, были сосредоточены в одном ведомстве — ГПУ, что позволило более успешно решать задачи обеспечения безопасности государства. Следует особо отметить работу пограничных с Прибал-

тикой псковского и петроградского отрядов погранвойск ГПУ, которые во взаимодействии с территориальными подразделениями непосредственно осуществляли мероприятия по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Прибалтийских государств.

30 декабря 1922 г. было провозглашено создание Союза Советских Социалистических Республик в составе РСФСР, УССР, БССР и ЭСФСР. Это политическое событие повлекло за собой необходимость объединения усилий субъектов вновь созданного государства для борьбы с особо опасными преступлениями. Таким образом, борьбой с прибалтийскими спецслужбами помимо сотрудников КРО и Особого отдела ГПУ в г. Москве, контрразведчиков Псковского, Тверского, Петроградского политотделов, пограничников стали заниматься еще и белорусские чекисты. В силу того что с Эстонией и Латвией граничили Псковская, Тверская и Петроградская губернии РСФСР, основная борьба со спецслужбами указанных государств была сосредоточена на их территории, а противодействие литовской разведке осуществлялось в основном на территории Белорусской ССР, которая единственная из союзных республик граничила с Литвой.

После образования СССР все правоотношения, связанные с Государственной границей, находились в компетенции союзных органов. В целях объединения управления охраной границ СССР приказом ОГПУ от 28.07.1923 г. № 315 был сформирован Отдел пограничной охраны ОГПУ, которому в оперативном отношении были подчинены пограничные войска и погранфлотилии. По вопросам борьбы со шпионажем и политической контрабандой начальник отдела подчинялся КРО ОГПУ.

Проблемы охраны Государственной границы и безопасности СССР были связаны не только с организацией погранвойск и спецслужб, но и с созданием специфических социально-экономических условий развития пограничных районов. Как показано в исследованиях А.М. Егорова²¹¹, для улучшения советских настроений среди приграничного населения руководство страны использо-

вало разнообразные методы. Среди них следует отметить улучшение экономических показателей, поднятие жизненного уровня населения при помощи «оказания семенной и продовольственной поддержки, понижение единого сельскохозяйственного налога, увеличение средств райсоюзов всех видов коопераций, переселение из пограничной полосы избыточного населения, стимулирование розничной торговли, улучшение снабжения местечкового населения, усиление культурно-массовой работы в пограничных районах»²¹². Большинство этих методов были использована в Псковской губернии в 1920-е годы.

В ноябре 1923 г. была создана единая для всего СССР спецслужба — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. В соответствии с Положением об Объединенном государственном политическом управлении от 15 ноября 1923 г. ему вменялось в обязанность «принять решительные меры к охране страны от иностранных шпионов, поджигателей и убийц вместе с их монархическими и белоэмигрантскими союзниками».

Председатель ОГПУ назначался Президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР. Он входил с правом совещательного голоса в СНК СССР. При председателе образовывалась Коллегия, члены которой утверждались СНК СССР²¹³. Таким образом, новый орган имел более высокий статус по сравнению со своим предшественником — ГПУ. В его компетенцию входило руководство работой ГПУ союзных республик и подведомственных им органов, непосредственное руководство особыми отделами фронтов и армий, оперативная работа в общесоюзном масштабе и организация охраны Государственной границы СССР.

В 1924 г. была принята Конституция СССР, в IX главу которой были включены статьи, регламентирующие правовой статус ОГПУ и его место в структуре государственного механизма²¹⁴.

Таким образом, образование ОГПУ СССР означало, прежде всего, признание необходимости объединения органов госбезопасности республик, вошедших в СССР, с целью обеспечения безопасно-

сти нового государственного образования. Законодательством было определено правовое положение ОГПУ как специального государственного учреждения, непосредственно отвечавшего за безопасность страны. С принятием Конституции СССР 1924 г., определившей статус ОГПУ, завершилась реформа органов госбезопасности, начатая в 1922 г. Вместе с тем и в дальнейшем, в зависимости от изменений внутренней и международной обстановки, формулировались новые задачи, происходили структурные изменения в системе органов госбезопасности.

Большое значение имело принятие в 1926 г. Уголовного кодекса РСФСР, в котором появляется глава 1 «Преступления государственные», в первом разделе которой «Контрреволюционные преступления» содержались статьи 58-1 — 58-10, в которых в числе прочих были определены понятия «измена Родине» и «шпионаж»²¹⁵. Контрразведчики получили четкие, законодательно оформленные составы преступлений, что значительно облегчило их деятельность²¹⁶.

В 1926 году произошли некоторые изменения в структуре Секретно-оперативного управления ОГПУ. Особый отдел был выведен из СОУ. В составе управления остались Секретный отдел, КРО, ИНО, Восточный отдел, Оперативный отдел, Отдел информации и политконтроля, Отдел центральной регистратуры²¹⁷.

Однако такая структура Секретно-оперативного управления существовала недолго. В соответствии с Приказом ОГПУ в 1927 г. Особый и транспортный отделы вновь вошли в состав управления²¹⁸.

В 1927 году территория Псковской губернии вошла в состав Ленинградской области. В соответствии с постановлением правительства от 18 июля 1927 года вся территория бывшей Псковской губернии была разделена на два округа: Псковский и Великолукский.

Территория Псковского округа была разделена на 18 районов, а в составе Великолукского округа было образовано 19 районов.

В связи с образованием Псковского пограничного округа в городе Пскове был создан Окружной отдел ОГПУ с подчинением ППОГПУ Ленинградского военного округа. Кроме того, в городах Пскове и Великие Луки были созданы окротделы ОГПУ, в штат

которых входили до 20 оперативных работников, в том числе начальник отдела, два его заместителя и 4 нач. отделений (ОО, КРО, СПО, ЭКО), а в районах — райуполномоченный ОГПУ и 1–2 оперсотрудника.

На железнодорожных узлах в г. Псков и Великие Луки были созданы ДТО (дорожно-транспортные отделы) ПП ОГПУ, которые затем были преобразованы в ДТО ГУГБ НКВД с штатом около 10 человек.

В городе Пскове также функционировали Особые отделы Псковского оперативного сектора под командованием ОО Ленинградского военокруга, ОО 25-й кавалерийской дивизии, а несколько позже — ОО 30-й механизированной дивизии и в городе Порхове — ОО 11-й отдельной механизированной бригады.

В 1929 году Великолукский округ из Ленинградской области полностью отошел в состав вновь образованной Западной области с центром в городе Смоленске. Постановлением СНК «О ликвидации округов» в июне 1930 года Псковский и Великолукский округа были ликвидированы. Территория районов, входивших в Псковский округ, осталась в составе Ленинградской области, а территория районов, входивших в Великолукский округ, осталась в составе Западной области.

К началу 1930-х гг., в связи с напряженной внешнеполитической обстановкой, руководство страны и органов безопасности посчитало целесообразным активизировать деятельность внешней разведки и сосредоточить ее как на работе против основных капиталистических государств — Англии, Франции, Германии, Японии, Польши, Румынии, Финляндии, так и Прибалтийских стран «с целью своевременного вскрытия агрессивных антисоветских планов их правящих кругов».

Перед контрразведывательными органами, так же как и раньше, была поставлена задача организовать борьбу с подрывной деятельностью иностранных разведок и эмигрантских антисоветских центров, подавлять выступления кулачества и оказывать содействие партийным и советским органам в проведении сплошной коллективизации сельского хозяйства в стране, продолжать борьбу с подрывной

деятельностью остатков контрреволюционных партий и другими антисоветскими элементами, обеспечивать охрану государственной границы и выполнять отдельные задания Центрального комитета ВКП(б) и правительства.

Решение этих задач возлагалось в основном на Секретно-оперативное управление. Такая организационная структура имела существенные недостатки. Секретно-оперативное управление оказалось не в состоянии решать возложенные на него задачи. Имело место дублирование отдельных участков работы, отсутствовала необходимая координация в работе разных подразделений СОУ.

Поэтому руководством страны и ОГПУ было решено сосредоточить в одном оперативном подразделении всю работу по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных, в том числе и прибалтийских, разведок, зарубежных антисоветских центров и связанных с ними контрреволюционных организаций внутри страны.

Таким образом, аппарат Секретно-оперативного управления был существенно реорганизован. В сентябре 1930 г. Особый, Контрразведывательный и Восточный отделы Секретно-оперативного управления были преобразованы в единый Особый отдел, подчиненный непосредственно руководству ОГПУ. На вновь созданный Особый отдел ОГПУ и его органы на местах были возложены задачи как контрразведывательного обеспечения частей Красной Армии и флота, так и организация контрразведывательной работы в территориальных органах: выявление, предупреждение и пресечение шпионажа и иной подрывной деятельности иностранных разведок и зарубежных контрреволюционных организаций, борьба с бандитизмом и кулачеством, диверсионно-террористическими, националистическими и другими антисоветскими организациями и группами. В задачу Особого отдела ОГПУ и его органов на местах входило также оперативное обслуживание Осоавиахима, начальствующего состава запаса РККА, профессоров, преподавателей, служащих военных кафедр гражданских вузов. Реввоенсовет был лишен права давать Особому отделу задания и контролировать их выполнение²¹⁹.

Руководство ОГПУ понимало важность борьбы с разведчиками не только ведущих капиталистических государств, но и стран Прибалтики. Поэтому в составе Особого отдела было создано 12-е отделение, в должностные обязанности сотрудников которого входило «ведение борьбы со шпионажем, диверсией, национальной контрреволюцией Польши, Румынии, Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии и Чехословакии, с провокацией в компартиях этих стран, а также обслуживание римско-католического и лютеранского духовенства, связанное с этими странами».

12-е отделение занималось не только противодействием разведывательно-подрывной деятельности, но и боролось с национальной контрреволюцией и даже поддерживало коммунистическое движение в указанных, в том числе и Прибалтийских, странах. Таким образом, даже несмотря на существенное сокращение несвойственных контрразведке обязанностей, чекисты продолжали выполнять прежде всего политические функции и только во вторую очередь занимались тем, чем должны заниматься спецслужбы, — борьбой с иностранными шпионами.

В таком виде контрразведывательные органы просуществовали до 10 июля 1934 г., когда в соответствии с постановлением ЦИК СССР Объединенное Государственное политическое управление было упразднено, а на его базе было создано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), которое вошло в состав союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД СССР), образованного этим же постановлением.

На Народный комиссариат внутренних дел возлагались задачи обеспечения государственной безопасности страны и революционного порядка, охрана социалистической собственности, охрана государственной границы СССР. Непосредственное обеспечение политической безопасности Советского государства возлагалось на Главное управление государственной безопасности. В состав ГУГБ входили следующие оперативные подразделения: Иностранный, Секретно-политический, Особый, Оперативный, Экономический, Транспортный, Специальный и Учетно-статистический отделы.

Система органов государственной безопасности в армии и на флоте включала в себя особые отделы и особые отделения ГУГБ НКВД в частях и соединениях РККА и ВМФ с непосредственным подчинением особым отделам военных округов и особым отделам управлений государственной безопасности НКВД республик и УНКВД краев и областей по территориальности.

Основным органом, занимавшимся борьбой со спецслужбами Прибалтийских государств, оставался Особый отдел. Он вел контрразведывательную работу; боролся со скрытой антисоветской деятельностью отдельных представителей дипмиссий, консульств и торговых представительств иностранных государств, с попытками проникновения в секции Коминтерна и МОПРа враждебных, шпионских и провокационных элементов; вел учет подданных иностранных государств на территории СССР и их связей среди граждан СССР.

Для выполнения перечисленных задач в отношении разведывательных органов Прибалтийских государств в составе Особого отдела было образовано 4-е отделение.

С образованием в январе 1935 года Калининской области большая часть районов бывшего Великолукского округа, а также некоторые районы бывшего Псковского округа вошли в состав Калининской области.

В марте 1935 г. в составе Калининской области был вновь восстановлен Великолукский округ, а 22 марта 1935 г. в составе Ленинградской области вновь восстановлен Псковский округ. В соответствии с этим были восстановлены и Окротделы НКВД.

Постановлением ВЦИК от 11 мая 1937 г. был образован как пограничный Опочецкий округ. В городе Опочка был создан Окротдел НКВД.

В последующие годы продолжился поиск более совершенной структуры органов государственной безопасности. Так, в 1936—1937 гг. в целях усиления борьбы с подрывными действиями иностранных разведок и более интенсивного использования оперативной техники для решения контрразведывательных задач в центральном

аппарате ГУГБ были образованы Контрразведывательный и Оперативно-технический отделы.

В соответствии с Положением о Контрразведывательном отделе ГУГБ НКВД СССР КРО должен был решать в ходе своей деятельности следующие задачи: борьба с террористической деятельностью иностранных разведок, генеральных штабов и тайных полиций на территории СССР; противодействие террористической деятельности закордонных белогвардейских организаций; недопущение террористической деятельности возникающих внутри СССР контрреволюционных, белогвардейских, фашистских образований; борьба с изменой Родине, диверсионной, шпионской и вредительской деятельностью иностранных разведок и штабов и антисоветских формирований внутри Советского Союза; подавление повстанческих контрреволюционных организаций и политического бандитизма.

В составе КРО было выделено 3-е отделение, которое вело работу против террора, диверсии и шпионажа, организованного разведками и генеральными штабами Польши и Литвы. Указанное отделение оперативно обслуживало дипломатические учреждения и представительства этих стран, подданных, перебежчиков, выходцев из этих государств, политэмигрантов и население приграничных районов. Также сотрудники 3-го отделения вели работу на промышленных предприятиях по вскрытию диверсионной, вредительской и шпионской деятельности агентуры этих стран и с помощью закордонной и маршрутной агентуры проводили мероприятия, направленные на внедрение в разведывательные органы Польши и Литвы²²⁰.

Такую же работу, но только в отношении разведок Латвии, Эстонии и Скандинавских государств проводило 7-е отделение КРО²²¹.

Таким образом, КРО, как и в 1920-е годы, продолжал решать не свойственные контрразведке задачи, направленные прежде всего на борьбу с политическими противниками. Однако в рассматриваемый период несколько сменились приоритеты в деятельности отдела — руководство НКВД признало важность противодействия шпионажу, и эта задача стала одной из основных в работе отдела. Было выделено два главных направления деятельности КРО — внутреннее

и внешнее. За границей работа проводилась в разведывательных центрах и организациях иностранных спецслужб. Внутри СССР сотрудники КРО вели работу во всех иностранных посольствах, консульствах, военных атташатах, торговых и промышленных представительствах и среди иностранцев, посещавших Советский Союз. Следующим важным направлением деятельности являлось оперативное обслуживание политэмигрантов, перебежчиков, иностранных колоний, выходцев из иностранных государств. Контрразведывательный отдел занимался также оперативным обслуживанием Государственной границы и важнейших промышленных предприятий, прежде всего оборонной промышленности, внешней торговли, в морских портах и на иностранных судах²²².

Контрразведывательную работу в частях Красной Армии и флота проводил Особый отдел. С 1937 г. деятельность ОО была ограничена армией и флотом, и сотрудники отдела занимались борьбой с контрреволюцией, деятельностью иностранных разведок, направленных к насаждению в армии шпионской агентуры, вели работу по выявлению диверсионной агентуры иностранных разведок и контрреволюционных организаций на оборонных объектах, боролись с попытками измены Родине со стороны военнослужащих²²³.

Следовательно, контрразведывательная работа в отношении Прибалтийских государств вновь была сосредоточена в двух отделах — КРО и ОО. Только КРО получил более широкие полномочия по работе за кордоном и стал действовать там так же активно, как и ИНО. 5-й сектор первого отдела ИНО также занимался работой в отношении Прибалтийских государств. Однако основные усилия Иностранного отдела были направлены на решение задач по добыванию разведывательной информации. Деятельность ОО была ограничена армией и флотом, а структурные подразделения, боровшиеся с разведками Латвии, Литвы и Эстонии, были образованы только в КРО.

Таким образом, правовое положение подразделений, боровшихся с прибалтийскими спецслужбами за время их существования, претерпело ряд значительных изменений. Если в годы Гражданской

войны руководство ВЧК уделяло борьбе с прибалтийскими спецслужбами, да и контрразведке в целом недостаточное внимание, что было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных причин, то после ее окончания ситуация кардинально изменилась. В структуре контрразведывательных органов были образованы специальные подразделения, боровшиеся с разведками Латвии, Литвы и Эстонии. Основными подразделениями, осуществлявшими противодействие спецслужбам Прибалтийских государств, являлись КРО и Особый отдел, в составе которых со второй половины 1920-х гг. были образованы «прибалтийские» отделения. Несмотря на происходившие в 1920—1930-х гг. многочисленные преобразования контрразведывательных органов, в их структуре всегда функционировали отделы, боровшиеся с прибалтийскими спецслужбами. Правовое положение указанных подразделений не отличалось от правового положения органов контрразведки в целом. Вид, направление и содержание их практической работы детерминировались исходя из возлагаемых на них обязанностей. В связи с тем что основной задачей деятельности отечественных органов государственной безопасности являлась борьба с контрреволюцией, работа контрразведывательных подразделений в определенной мере также была подчинена решению этой задачи, что неоднократно подчеркивалось в нормативных документах, регламентирующих деятельность как «прибалтийских» отделов, так и контрразведки в целом.

2.4. Борьба органов государственной безопасности со спецслужбами Латвии и Эстонии. Псковские чекисты против прибалтийских разведок

В первый год после образования ВЧК перед комиссией стояли основные задачи: борьба с контрреволюцией, саботажем, преступлениями по должности. Противодействие разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб считалось менее важным.

Только с весны 1918 г., в связи с начавшейся Гражданской войной, возникла потребность в специальных органах, занимавшихся

противодействием разведкам капиталистических, в том числе и прибалтийских, государств.

Отдельной линии работы по противодействию прибалтийским спецслужбам у первого советского контрразведывательного органа — Военного контроля — не было. Это было связано как с тем, что в 1918 г. отечественная контрразведка была очень слабой, так и с тем, что государства Прибалтики представляли для молодого Советского государства значительно меньшую опасность, чем внутренняя контрреволюция и ведущие западные державы того времени.

С образованием Особого отдела ВЧК «раскрытию, предупреждению и пресечению работы шпионских организаций как осведомительного, так и вредительного характера»²²⁴ стало уделяться значительно больше внимания.

При этом наибольшие усилия прилагались к разработке иностранных разведцентров, так как только в этом случае можно было максимально эффективно противодействовать подрывной деятельности иностранных разведок.

В «Общей инструкции по управлению Особого отдела ВЧК» от 25.12.1919 г. говорилось, что ОО ВЧК фронтов и армий в этих целях должны заниматься постановкой дела закордонной агентуры с целью выявления контрреволюционных организаций, посылки шпионов на территорию Советской республики.

Разработкой иностранных разведывательных центров занимались Особые отделы, начиная с фронтовых и армейских, а более мелкие (дивизионные и полковые) подразделения к самостоятельной работе на этом направлении допущены не были. Это свидетельствует о значении, которое руководство ВЧК придавало координации в деятельности различных структурных подразделений Особого отдела.

В начале 1920-х гг. работа Особого отдела по борьбе со специальными службами Прибалтийских государств находилась еще в стадии становления. Основную деятельность на данном участке работы в Латвии, Литве и Эстонии развернул Иностранный отдел, основной функцией которого являлось проведение разведывательных мероприятий за пределами РСФСР.

В частности, к 1923 г. уже было определено приоритетное направление его деятельности — «связь с охранкой». Например, в Латвии отрабатывались следующие способы проникновения в аппарат политической полиции: вербовка агентуры из числа агентов-сыщиков охранки, непосредственное внедрение в кадровый и агентурный аппарат полиции членов латвийского союза молодежи, у которых имелись какие-либо выходы на охранку²²⁵.

Как отмечало руководство Особого отдела, контрразведка начала вести активную работу за рубежом только с 1926 г., а «до тех пор эту работу вел непосредственно ИНО ОГПУ»²²⁶.

До середины 1920-х гг. существовало два самостоятельных субъекта проникновения в прибалтийские спецслужбы в контрразведывательных целях — Особый отдел и ИНО. Из-за плохого согласования мероприятий на данном участке контрразведывательной работы, а также из-за того что указанные подразделения в своей деятельности решали разные задачи, эффективность ее была невелика. Только после того как ведущим подразделением, занимавшимся проникновением в прибалтийские спецслужбы, стал Особый отдел, появились первые успехи.

Тактика проникновения в специальные службы Прибалтийских государств окончательно выделилась только к середине 1920-х гг. Объектами оперативного интереса отечественных органов государственной безопасности служили местные и центральные органы политических полиций и разведывательные и контрразведывательные подразделения генеральных штабов Латвии, Литвы и Эстонии. При этом широко практиковалась перевербовка выявленных иностранных разведчиков.

Однако, несмотря на отдельные немногочисленные успехи, работа по проникновению в прибалтийские спецслужбы была, по мнению руководства органов государственной безопасности, недостаточно эффективной. Это отмечалось и руководством органов госбезопасности: «Начальники губотделов и погранотрядов и их заместители уделяют недостаточно внимания нашей закордонной работе и мало контролируют ее, вследствие чего работа принимает не всегда жела-

тельное направление, упускается целый ряд подходящих моментов и т.д. ... Сравнительно мало изучен ответственный состав погранохраны противника, и мало проводятся вербовки из среды ответственных лиц погранохраны и рядовых полицейских, солдат и т.д. Незначительный процент наших агентов влит в контрразведки, разведки, монархические организации »²²⁷.

Причиной указанных недостатков руководство органов считало низкую активность и подготовку руководителей и сотрудников органов ОГПУ, непродуманные способы связи с загранисточниками, нарушение правил конспирации при встречах с агентурой. Налицо были вербовка бесполезных лиц, по своим качествам и занимаемому положению неспособных эффективно выполнять даваемые им поручения.

Активными мероприятиями по проникновению в разведывательные и контрразведывательные органы Прибалтийских государств занимались в основном сотрудники приграничных аппаратов ОГПУ. По согласованию с Центром определялись основные направления работы на данном участке, вырабатывались конкретные мероприятия.

К концу 1920-х гг. появились первые успехи. Довольно успешно осуществлялась разработка приграничных подразделений латвийской разведки. Так, из отчета ОКРО ПП ОГПУ за 1928 г. следует, что, например, «после ликвидации ОГПУ разведывательной группы в составе 49 человек работа на Покровском посту латвийской разведки прекратилась... Вся работа Жоговского разведпоста на 100 процентов протекала через наших источников и полностью контролировалась ОГПУ. Также через наших источников проходило около 75% информации о деятельности Гольшевского поста»²²⁸.

В результате предпринятых органами ОГПУ усилий к концу 1928 г. в г. Риге имелось 2 резидентуры, занимавшихся разработкой латвийских спецслужб²²⁹.

Во второй половине 1920-х гг. значительно снизилась активность эстонской разведки. В отчете ОКРО ПП ОГПУ ЛВО за 1927 г. говорилось, что «после ликвидации в течение 1925—27 гг.

систематически, целыми группировками эстонских разведчиков, а равно сотрудников охраны, в настоящий момент эстонская разведка большой сети разведчиков на нашей территории не имеет»²³⁰.

В марте 1928 г. было успешно реализовано агентурное дело «Серые бароны», заведенное на эстонскую резидентуру, действовавшую в приграничных областях СССР, в результате чего к ответственности было привлечено несколько сотен человек, а двое из них — осуждены и расстреляны²³¹.

Принимая во внимание серьезные успехи в проникновении в агентурный аппарат и кадровый состав политических полиций и генеральных штабов Прибалтийских стран во второй половине 20-х гг., органы ОГПУ значительно активизировали деятельность по вербовке источников, которые могли бы быть полезными на данном участке работы. Увеличилось количество наших загранисточников в окружении прибалтийских спецслужб. Однако из-за возросшего количества заграничной агентуры значительно ухудшилась качество работы с нею. В результате «эстонская и латвийская контрразведки подставили ОГПУ такое огромное количество своих агентов, что к 1932 году наши контрразведчики вынуждены были, ввиду особого насыщения агентуры провокаторами, приступить к полной ликвидации всех двойнических линий и обеспечивать углубленным следствием выявление методов и конкретных фактов подставы нам двойников».

Из-за активного противодействия контрразведывательных органов Прибалтийских стран в начале 1930-х гг. проникновение в их спецслужбы несколько уменьшилось.

Однако, несмотря на указанные недостатки, проникновение в спецслужбы противника являлось одним из основных направлений деятельности отечественных органов безопасности. Это отмечали и руководители отечественных органов безопасности. Так, комбриг Е. Давыдов на собрании практикантов 19 августа 1937 г. говорил, что «весь смысл и успех контрразведывательной работы состоит в том, чтобы действовать активно, проникая в центры разведывательной работы противника»²³².

Работа по проникновению в спецслужбы Прибалтийских государств проводилась в основном в отношении разведывательных и контрразведывательных органов Латвии и Эстонии. Разведорганы Литвы работали значительно пассивнее, поэтому проникновение нашей агентуры в литовскую разведку и контрразведку осуществлялось значительно менее активно.

Следующим важным направлением деятельности отечественных органов государственной безопасности по борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб являлась разработка посольских резидентур. Эта работа развернулась практически сразу же после установления дипломатических отношений между Советской Россией и Латвией, Литвой и Эстонией.

Уже в 1921г. помощник начальника ООВЧКР. Пилляр отмечал, что после окончания Гражданской войны иностранные державы начнут проводить свою разведывательную работу, используя дипломатические представительства, так как это намного выгодней в материальном отношении и безопаснее для иностранных разведчиков²³³.

И действительно, в этом же году советские контрразведчики выявили значительную активизацию разведывательной деятельности спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии с использованием своих дипломатических представительств. Вскоре появились и первые результаты этой деятельности.

Было установлено, что латвийский Генеральный штаб ведет разведывательную работу на территории Советской России с использованием возможностей латвийского представительства в г. Москве. Была выявлена активная работа по вербовке советских военспецов, которую проводили военный атташе Бах, его секретарь Медау и сотрудник миссии, офицер латвийского Генерального штаба Нюренберг. Дипломаты завербовали некоего Гольдейнвейзера — заместителя начальника Высших государственных мастерских, который передал им много важной военно-технической информации. Причем в ходе разработки было установлено, что латвийские разведчики активно обменивались полученной информацией со своими французскими коллегами²³⁴.

Литовский Генеральный штаб также довольно активно проводил разведывательную работу против Советской России с использованием своего дипломатического представительства в Москве. Так, было установлено, что руководителем посольской резидентуры являлся военный атташе Свилос, его заместителем — сотрудник атташата Авиженис, также был установлен еще один разведчик — сотрудник представительства Шарко. С ними тесно сотрудничал председатель комиссии по исполнению советско-литовского мирного договора с литовской стороны инженер Соболевский.

В результате было выявлено, что Свилос руководит тщательно законспирированной агентурной сетью, которая занимается сбором информации военного характера. Контрразведчиками была арестована некая Баева — дочь бывшего генерала, находившаяся на связи у литовского разведчика. В ходе проведения следственных действий было установлено, что, помимо сбора секретных сведений об обороноспособности Российской Федерации, Баева также работала у Свилоса в качестве машинистки. Она занималась перепечаткой материалов, доставленных Свилосу другими его агентами. В результате активной разведдеятельности в руки литовцев попали все секретные приказы штаба РККА за 1921 г., сведения о дислокации войск на западном фронте, доклад о состоянии Красной Армии²³⁵.

Контрразведывательная работа отечественных органов государственной безопасности в окружении иностранных дипломатических представительств была недостаточно эффективной. Получаемые нашими источниками материалы были фрагментарными и отрывочными. Исправить положение могло только приобретение источников из числа персонала дипломатических представительств. Поэтому руководством ВЧК перед контрразведчиками была поставлена задача осуществлять вербовочную работу и среди дипломатов, а особенно — среди сотрудников резидентур. В частности, был привлечен к сотрудничеству атташе эстонского посольства Роман Бирк.

Бирк первое время использовался «втемную», а затем был завербован. Сотрудниками ВЧК было установлено, что он в первые

годы после революции служил в Красной Армии, а затем поступил на воинскую службу в Эстонии, но скрыл это. На основе этих материалов была осуществлена его вербовка. Впоследствии Бирк был одним из самых результативных наших агентов — сотрудников дипломатических представительств Прибалтийских стран.

Сотрудничество Бирка с советскими органами государственной безопасности продолжалось 15 лет. Работая помощником военного атташе, Бирк активно участвовал в знаменитой разработке «Трест». По словам сотрудника ВЧК В.С. Кияковского, у которого Бирк долгое время состоял на связи, от него он получал такое количество разведывательной информации, что «ломились сейфы». С помощью Бирка осуществлялся нелегальный переход финской и эстонской границ руководителем «Треста» Якушевым и его курьерами²³⁶.

В начале 1920-х гг. связь прибалтийских разведчиков со своими разведцентрами осуществлялась в основном с помощью специальных агентов-связников либо добытые разведматериалы передавались непосредственно разведчиком после перехода им границы.

После установления дипломатических отношений между Советской Россией и Прибалтийскими государствами и открытием в Москве и Петрограде дипломатических представительств сотрудники посольских резидентур стали активно использовать для пересылки развединформации возможности дипломатической почты. Однако менее важная информация могла отправляться и обычной почтой. Сотрудники контрразведки довольно эффективно отслеживали международный почтовый канал. Еще в декабре 1918 г. был издан приказ о проверке корреспонденции и посылок на почтах, в соответствии с которым работникам ЧК было предоставлено право проверки корреспонденции контрреволюционеров, в чем чекистам должны были помогать комиссары почтовых отделений²³⁷.

Поиск агентов-связников также являлся одной из основных задач контрразведывательной деятельности. В инструкции органам ВЧК по осведомительной службе за 1921 г. говорилось, что основными задачами при работе на данном направлении является получение информации о том, как иностранные агенты поддерживают связь с

заграницей, какие пути пересечения границы установлены для курьеров, о сроке их прибытия и явках, средствах и способах агентурной связи²³⁸. Основной целью этой работы являлось получение оперативной информации о лицах, возможно связанных с разведками Латвии, Литвы и Эстонии.

В соответствии с этими данными контрразведчиками была развернута работа на железнодорожном транспорте по выявлению служащих, связанных со спецслужбами.

Однако основная работа по выявлению агентов-связников прибалтийских спецслужб была развернута в приграничной полосе. Работа на данном направлении была начата чекистами сразу же после окончания Гражданской войны. Первоначально ее целью являлось выявление и противодействие не только шпионажу, но и диверсионной работе связанных с прибалтийскими спецслужбами бандформирований.

К началу 1920-х гг. разведки Латвии, Литвы и Эстонии интересовали в основном сведения о военных и промышленных объектах, состоянии частей Красной Армии, социально-экономическая и политическая ситуация в приграничных районах, а также секретные сведения, напрямую не относящиеся к Прибалтийским государствам, но которые можно было выгодно продать западным странам.

Оперативные мероприятия на данном участке работы были определены в качестве приоритетных к середине 1920-х гг.

Так, в инструкции по работе контрразведывательных отделений Губотделов ОГПУ Ленинградского военного округа говорилось, что необходимо вести учет «пораженных мест» границы, то есть тех приграничных районов, где наиболее велика разведывательная активность прибалтийских разведок, и должен также вестись учет всех учреждений, всех занимающихся секретной работой, секретной перепиской, имеющих соприкосновение с секретными приказами лиц²³⁹. Рекомендовалось усилить агентурно-информационную работу по осведомлению заводов и приграничных городов. Все подозрительные лица — недавно приехавшие из-за границы, бывшие белогвардейцы — брались на учет. В соответствии с нормативными документами эта работа должна была строиться при полном содействии членов ВКП(б),

работающих на оборонных и других промышленных предприятиях, а также имеющих доступ к секретным сведениям²⁴⁰.

Для контрразведывательной работы ОГПУ на данном направлении было характерно то, что она строилась не в зависимости от информации, могущей заинтересовать прибалтийские разведки, а в зависимости от лиц, которые потенциально могли сотрудничать с иностранными разведками. Исходя из этого, проводилось тщательное изучение всех подозрительных социальных групп с использованием всех имевшихся в наличии сил и средств.

К началу 1930-х гг. органы ОГПУ значительно усилили работу по выявлению иностранных агентов на оборонных объектах, к которым относились укрепрайоны в приграничных с Прибалтикой областях, оборонное строительство, железнодорожные узлы, промышленные предприятия, электростанции, склады оружия и боеприпасов. Целью указанных мероприятий служило выявление возможно действующих агентурных и диверсионных групп, работающих на указанных военных объектах.

Поисковые контрразведывательные мероприятия на оборонных объектах проводились в основном по контингентам лиц, «чуждых Советской власти», таких как бывшие белогвардейцы, лица, поддерживающие родственные и иные связи с Прибалтийскими странами, этнические латыши, литовцы и эстонцы, компактно проживающие в приграничных областях, лица, ранее занимавшиеся контрреволюционной деятельностью.

Несомненно, среди членов указанных групп было немало лиц, сотрудничавших с прибалтийскими разведками, однако это не могло служить достаточным основанием для разработки всех членов этих социальных групп.

После ввода в 1939 г. частей Красной Армии на территорию Прибалтийских государств и образования там советских военных баз контрразведчиками был отмечен неослабевающий интерес спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии к расквартированным в их странах гарнизонам. Органами государственной безопасности был предпринят ряд мер по выявлению иностранной агентуры как в окружении, так и

непосредственно на военных объектах. Была издана специальная Директива НКВД СССР «Об оперативном обслуживании частей Красной Армии и военно-морского флота, дислоцированных на территории Эстонии, Латвии и Литвы», в которой указывалось, что иностранные разведорганы несомненно предпримут все зависящие от них меры для широкого использования открывающихся для них возможностей по проникновению в части РККА и РККФ в разведывательных целях. Для более полного выявления фактов и признаков такой деятельности, а также недопущения опасных последствий органам НКВД предписывалось значительно активизировать работу как внутри воинских частей, так и в окружении военных объектов.

Наряду с контрразведывательной работой важным направлением деятельности отечественных органов государственной безопасности по противодействию разведывательно-подрывной деятельности прибалтийских спецслужб являлась борьба с подрывными акциями, проводившимися агентами спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии.

Тесную связь разведывательной и диверсионной деятельности агентов прибалтийских спецслужб хорошо понимали отечественные контрразведчики. Так, в Положении и инструкциях чрезвычайным комиссиям по борьбе с контрреволюцией, принятых на 3-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий 03.06.1919 г., указывалось, что Особые отделы наряду с борьбой со шпионажем и контрреволюцией «имеют своей основной задачей... раскрытие, предупреждение и пресечение работы шпионских организаций по устройству взрывов и повреждений фабрик, заводов, путей сообщения и складов артиллерийских и огнестрельных припасов и инженерного и интендантского имущества»²⁴¹. На лекциях по повышению чекистского мастерства в 1931 г. преподаватели говорили, что «практика показывает, что контрреволюция по полочкам не разложена и часто, если мы имеем дело с подлинной сетью разведки, она переключается от сбора сведений на диверсионную и террористическую работу. С этой точки зрения наша борьба со шпионажем не может быть ограничена расшифровкой работы противника по сбору шпионских сведений»²⁴².

В связи с тем что характерной чертой подрывной деятельности иностранных спецслужб помимо диверсионной и террористической работы являлось проведение контрреволюционной агитации и пропаганды, что особенно четко прослеживалось в приграничных районах, противодействию им уделялось также большое внимание. В Приказе ВЧК от 28.10.1920 г. «Об оперативных мероприятиях органов ЧК в связи с третьей годовщиной Октябрьской революции», например, говорилось, что «белогвардейские агенты... по-прежнему с неослабевающей энергией стремятся ослабить моральное влияние коммунистических элементов в РСФСР путем лживой демагогической агитации, распространением ложных панических слухов... Они всячески тормозят транспортную и продовольственную работу, разлагают фронтовые воинские части и войска внутренней службы, подстрекают население к неисполнению советских декретов и распоряжений, провоцируя массы той или иной местности на открытые восстания...»

Однако на основании имеющихся материалов можно сделать вывод о том, что в качестве отдельного направления борьбы с подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб противодействие контрреволюционным акциям спецслужб Латвии, Литвы и Эстонии в исследуемый период не прослеживалось.

В ходе решения задач по борьбе с подрывной деятельностью прибалтийских спецслужб особо важное значение приобретало проникновение в диверсионно-террористические отряды и группы. Объектами этой деятельности являлись действовавшие в приграничных областях бандформирования и дислоцированные на территории Прибалтики антибольшевистские и белогвардейские формирования.

Распространенным было внедрение агентуры в состав бандформирований. Наиболее часто это применялось контрразведчиками приграничных областей РСФСР, где действовало большое количество бандформирований, связанных с Прибалтийскими республиками. Так, например, в 1920 г. в Псковской и Петроградской областях активно действовал сформированный в Эстонии для проведения

диверсионной работы отряд «Гатчинского направления». Благодаря полученной в срок оперативной информации осенью 1920 г. при очередном переходе границы отряд был полностью уничтожен²⁴³.

В Приказе ГПУ от 10.03.1922 г. говорилось, что «полоса латвийско-эстонской границы усеяна бандами и боевыми организациями, руководимыми из Риги и Ревеля, объединявшимися савинковскими и монархически-врангелевскими агентами, которых тайно поддерживают правительства этих демократических республик»²⁴⁴. В связи с этим предписывалось усилить агентурно-оперативную работу в приграничной полосе и наиболее важных военных и промышленных объектах.

Интересна одна разработка, проведенная сотрудниками ОГПУ на этом направлении работы. В начале 1925 г. в Ревеле был создан из бывших белогвардейцев подрывной отряд для направления в СССР. Руководителем отряда являлся Николай Владимирович Падерна, тесно сотрудничавший с майором эстонской разведки Триком. Членам отряда было поручено произвести ряд диверсионных мероприятий в СССР: совершить подрывы железных дорог при проезде по ним воинских эшелонов, уничтожить ряд складов. В качестве отдельного задания был выделен поджог ангаров гатчинского аэродрома. Отряд был снабжен специальными бомбами с часовым механизмом, майор Трик разработал четкую схему их закладки на аэродроме. В результате контрразведывательной работы в середине апреля органами безопасности было получено сообщение о нескольких перешедших советско-эстонскую границу контрабандистах. 24 и 25 апреля в Ленинграде они были задержаны по подозрению в контрабанде. В ходе следствия контрабандисты признались, что они являются членами отряда Падерна и получили задание провести подробную разведку мест предстоящих диверсий. Сотрудниками ОГПУ была начата оперативная игра с эстонской разведкой, в результате которой при переходе границы в мае 1925 г. были арестованы около 10 членов отряда, а в г. Кингисепе Ленинградской области по обвинению в шпионаже и способствовании нелегальным переходам границы был задержан эстонский консул Э.Г. Таар²⁴⁵.

В ходе осуществления контрразведывательной деятельности ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД обязательно уделялось внимание недопущению проведения иностранными разведчиками деятельности, направленной на нанесение ущерба интересам государства. Уже в 1919 г. в инструкции Губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом говорилось, что «в работе чрезвычайных комиссий необходимо учесть два момента: предупреждение... преступлений и пресечение их. Причем последний момент играл отнюдь не первую роль»²⁴⁶.

Отечественными органами безопасности был проработан ряд оперативных и административно-правовых мер, направленных на решение указанных задач.

В Приказе ГПУ от 19.10.1923 г. говорилось, что сотрудникам ГПУ необходимо обратить особое внимание на беспартийных латышей и эстонцев, служащих в Красной Армии и учреждениях, работающих на оборону, и имеющих родственные и иные связи с иностранными государствами. Все оптанты и репатрианты должны были в обязательном порядке быть уволенными с военных объектов. Также всех лиц административного и командного состава — участников белогвардейских и националистических формирований на территории Прибалтийских государств предписано было немедленно уволить, а подозрительных представить к высылке в установленном порядке²⁴⁷.

Все таможенные органы и милиция были «очищены» от беспартийных поляков, эстонцев, латышей, литовцев, финнов, чьи семьи после Гражданской войны находились на территориях, занятых Польшей, Румынией, Прибалтийскими государствами, а также от лиц, заподозренных в пособничестве контрабандистам, шпионаже и контрреволюционной деятельности. Для этого в органах ГПУ приграничных областей были созданы специальные фильтрационные комиссии, в которые входили кроме чекистов также и представители Советской власти. Были составлены списки профессиональных контрабандистов, прочих лиц, подозреваемых в шпионаже и контрреволюции, по которым впоследствии была осуществлена их высылка из приграничных районов. Погранполоса также была очищена от всех

подозрительных лиц, проживающих без определенных занятий и не имеющих постоянного места жительства, уроженцев других областей. Не желающих выехать добровольно выселяли за пределы 150-верстной полосы под конвоем. Беженцев, имевших семьи в указанных странах, направляли обратно на родину²⁴⁸.

В целях борьбы с контрреволюционной агитацией и пропагандой, а также для недопущения возможности проведения подрывной деятельности оперативным путем были выявлены, а впоследствии и выселены все проживавшие в приграничных районах «подстрекатели и пособники бандитов», то есть лица, которые «путем устной и письменной агитации стремились ввести темные массы в заблуждение и склоняли других лиц к активному выступлению против Советской власти, а также лица, которые не принимали непосредственного участия в выполнении преступных действий бандитов, однако содействовали им словом или делом, советами, дачей сведений о частях Красной Армии и т.д.».

В апреле — мае 1926 г. Председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский направил руководителям трестов и заведений ВСНХ, имевших значение для целей обороны государства, циркуляр, в котором, в частности, сообщалось, что английским Генеральным штабом разработан план в ближайшем будущем начать с помощью генеральных штабов Польши и лимитрофных государств работу по разрушению, взрывам и поджогам наших важнейших хозяйственных предприятий и складов, что преследует задачу ослабить СССР в случае возможной войны. Руководителям предприятий предписывалось проверить надежность и бдительность охраны предприятий, принять меры по обеспечению предприятий противопожарными средствами, совместно с ОГПУ пересмотреть личный состав предприятий, уволив в кратчайший срок иностранцев и русских реэмигрантов, «политическая физиономия которых вызывает сомнение», перебежчиков не принимать, а иностранцев при особой на то необходимости только по согласованию с органами ОГПУ.

Все выявленные перебежчики из Прибалтийских стран после детального опроса направлялись на жительство во внутренние губер-

нии, где они сразу по прибытии ставились на учет в органах ГПУ и находились под гласным надзором милиции. Если на перебежчиков имелись какие-либо компроматериалы, их дела рассматривались в комиссии НКВД по административным высылкам с целью решения вопроса о последующем заключении в лагерь²⁴⁹.

Подразделения ГПУ, занимавшиеся выдачей разрешений на въезд в СССР, не выдавали въездных виз подозрительным лицам. Органы ГПУ могли выслать за пределы СССР любого «неблагонамеренного иностранного гражданина». В случае наличия компроматериалов на советского гражданина, если их было недостаточно для его уголовного преследования, он под благовидным предлогом отстранялся от секретных сведений либо увольнялся с предприятия. В крайних случаях практиковалась административная высылка в отдаленные районы СССР.

К началу 1930-х гг. ОГПУ значительно ужесточило меры по недопущению подозрительных лиц к важным военным и промышленным объектам, а также государственным секретам. Командирам воинских частей, а также руководителям оборонных предприятий предписывалось незамедлительно уволить всех лиц, ранее служивших в Белой армии, бывших участников различных националистических формирований на территории Латвии и Эстонии. Исключение делалось только для членов ВКП(б)²⁵⁰.

Все политэмигранты независимо от их партийной принадлежности были взяты на оперативный учет. При этом особое внимание обращалось на выходцев из лимитрофных государств.

Были серьезно усилены режимные меры в приграничных с Прибалтикой областях. В частности, был запрещен въезд в погранзону иностранных граждан, ужесточен режим охраны Государственной границы.

Повсеместно проводились мероприятия, направленные на привлечение широких слоев населения к выявлению и предупреждению возможной разведывательно-подрывной деятельности прибалтийских спецслужб. Так, крестьянам, жителям погранполосы, выдавали денежное вознаграждение за задержанных нарушителей границы, а

также за сообщение о любых посторонних лицах, находившихся в погранполосе без видимой причины. Среди населения проводились специальные занятия, граждане призывались к повышению бдительности²⁵¹. Результаты проводимой работы не заставили себя ждать. Так, в приграничных с Латвией районах Тверской области благодаря помощи населения в течение только одного августа 1922 г. были задержаны 15 укрывавшихся в лесах бандитов и обезврежена пришедшая с территории Латвии банда некоего Муравьевского по кличке «Рыжий»²⁵².

В ходе проведения знаменитой оперативной игры «Трест» чекисты, кроме разложения эмиграции, провели большую работу по борьбе с иностранными разведками. Первой в эту игру была вовлечена эстонская разведка. В результате в течение нескольких лет осуществлялось дезинформирование эстонцев.

В ходе оперативной игры Д-7 наряду с разработкой генерала Кутепова чекисты также осуществляли мероприятия по дезинформированию и затруднению работы латвийской разведки.

Помимо захвата с поличным, компрометации и т.д. практиковалось выманивание разведчиков и диверсантов на территорию СССР с целью последующего ареста. Однако когда подобные мероприятия не приносили должного успеха, чекисты зачастую похищали их с территории сопредельных государств. Так, в конце 1925 г. начальник разведпоста латвийской разведки Петр Титович Романенко был выкраден агентами ОГПУ с территории Латвии. Вместе с ним было украдено канцелярское дело, в котором содержались копии разведывательных донесений, денежная отчетность, расписки агентуры из числа советских граждан в получении денег, совершенно секретные задания руководства латвийской разведки по проведению разведывательно-подрывной деятельности на территории СССР. Впоследствии Романенко П.Т. был приговорен к расстрелу, но расстрел ему был заменен тюремным заключением сроком на 5 лет²⁵³.

Помимо внедрения своей агентуры в разведывательно-диверсионные отряды чекисты активно проводили войсковые операции по уничтожению бандформирований. Так, при проведении одной из

операций во второй половине 1921 года псковскими чекистами были убиты главарь одного из отрядов савинковцев поручик царской армии Михайлов и его помощник поручик Баринов, арестованы и Революционным Военным Трибуналом осуждены 91 человек²⁵⁴.

За март 1922 г. только в приграничных районах Псковской губернии в ходе проведения серии войсковых операций были арестованы 31 и убит 1 человек из банды Завьялова, действовавшей с территории Латвии²⁵⁵.

Став приграничной в 1920-м году, Псковская губерния, а затем территории Псковского и Великолукского (с 1935 года в составе Калининской области) округов привлекали неизменное внимание прибалтийских спецслужб. Это было связано с разведкой местонахождения и дислокации в приграничной зоне военных объектов, а также со строительством укреплений и оборонительных сооружений на участке Себеж — Опочка — Остров — Псков. Для спецслужб Прибалтийских государств немаловажный интерес представляли сведения о настроениях населения в пограничной полосе, создание «окон» на границе и вербовка советских жителей.

Уже в период Советско-польской войны начинается заброска польской агентуры на территорию пограничных районов и тылы Красной Армии с целью проникновения в Белоруссию, Ленинградскую область и Москву. Территорией, с которой осуществлялась переброска сотрудников II отдела Польского Генерального штаба, была Псковская губерния ввиду «неустроенности границы и возможности использовать прибалтийские каналы». Так, только в Плюсее в июле 1920 года были задержано несколько польских агентов. В сентябре 1920 г. от «закордонной агентуры» были получены сведения о проникновении на территорию Петроградской губернии трех польских шпионов. Под пристальным наблюдением псковских чекистов П., Б. и С. сумели перейти границу через «Изборское окно». Сотрудники Псковской ЧК вели наблюдение за поведением шпионов, их встречами и перемещениями. После нескольких часов пребывания агентов на территории РСФСР чекисты сумели выявить

нескольких «подозрительных лиц, с которыми они встретились и переговорили». Г.П. Матсон принял решение об аресте польских агентов. На центральной площади Пскова они были захвачены, кроме того, были арестованы и их «осведомители и подручные, ранее проникшие в Псковскую губернию через Псковское и Чудское озеро». В ходе проведенного следствия псковским чекистам удалось выяснить, что сотрудников спецслужб Польши интересуют армейские подразделения, находившиеся в Псковской и Петроградской губерниях, возможности их перегруппировки, какими резервами располагает Красная Армия, политико-моральное состояние населения и красноармейцев и экономическое положение приграничных территорий.

В 1920—1930-х годах псковские чекисты смогли раскрыть несколько резидентур латвийской разведки в Псковском и Островском районах, были арестованы шпионы, имевшие своей целью проникновение в советские учреждения и сбор сведений о сотрудниках ОГПУ. Так, в 1925 году после удачно разработанной и осуществленной псковскими чекистами операции был арестован О., агент III отдела Латвийского Генерального штаба, неоднократно переходивший границу под Островом и имевший разнообразные разведзадания.

Нередко псковским контрразведчикам приходилось проводить довольно сложные операции, связанные с «выманиванием, через подставную агентуру, шпионов Латвии». Так, в 1926 году был арестован некий К-ов, один из разведчиков Латвийского Генерального штаба, служивший еще в Северном добровольческом корпусе и ставший после 1920 года сотрудником одного из руководителей латвийской разведки В.В. Артышского. К-ов неоднократно переходил границу недалеко от станции Жогово, его неизменно интересовали места расквартирования пограничников, командование, привычки советских людей, их настроения и вооружение красноармейцев. Особое внимание шпиона было направлено на работу правоохранительных органов СССР. Ему удалось завербовать нескольких советских граждан, среди которых «оказался секретный сотрудник ОГПУ». После нескольких встреч с К-овым руководителем КРО Псковского ОГПУ Соколо-

вым было принято решение «выманить его на нашу территорию и арестовать». При очередной встрече, которую К-ов назначил прямо на границе, сотруднику Псковского ОГПУ при помощи пограничников удалось арестовать латвийского шпиона.

Псковским чекистам и пограничникам удавалось задерживать различных перебежчиков и «агентов-маршрутников», засылаемых на советскую территорию «штабами погранстражи Эстонии и Латвии». «Штабы Эстпогранстражи», действовавшие под контролем политической (охранной) полиции, находились в Изборске («недалеко от завода») и в Печорах («почти в самом центре»). При штабах действовали «различные сотрудники и уполномоченные из числа русских белогвардейцев-эмигрантов». Они проводили вербовку различных советских перебежчиков и русскоязычного населения Эстонии для службы в «Армии генерала Юденича во Франции либо в фашистских отрядах в Германии». «Они заявляли, что хотели бы разгрузить Эстонию от лишнего населения; ...только приди в этот штаб и объяви, что ты безработный — тебя сразу же отправят в Ригу (там находился переправочный пункт. — авторы), а там перебросят во Францию... или же в германские фашистские отряды... Завербованный получал от местного уполномоченного известную сумму денег и бесплатный проезд... Первая денежная поддержка довольно заманчива и соблазнительна для многих».

Ряд перебежчиков после нескольких дней подготовки засылали обратно в СССР, снабжая их разведзаданиями, паролями и явками. Наиболее распространенными были задания по изучению «советских погранпостов», количеству красноармейцев в Пскове, Струтах Красных, Гдове, их материальном обеспечении. В качестве связников эстонские спецслужбы использовали жителей приграничной полосы. Такие агенты должны были собирать информацию, а затем передавать ее связным либо самостоятельно переходить границу.

У многих агентов латвийской и эстонской разведки сотрудники Псковского ОГПУ—НКВД изымали различные планы, в которых были указаны места расположения военных объектов, планы аэродромов, записки о настроениях жителей Псковщины.

В 1933—1939 гг. были задержаны многие латвийские шпионы, проникшие на территорию Псковского округа или завербованные агентами прибалтийских спецслужб. Большую работу по их выявлению и разоблачению проводили руководители и сотрудники Псковского ОГПУ А.С. Невернов, В.Ф. Поличкевич, К.П. Берзин, И.И. Смирнов, О. Нодев-Беров, М.К. Бальцевич, А.Г. Аверов, А.В. Гусев, К.Ф. Лукин, А.А. Тойсов, Ф.М. Михайлов и многие другие.

Однако в ходе борьбы с прибалтийскими спецслужбами сотрудниками отечественных органов государственной безопасности были допущены и определенные перегибы. Начиная с середины 1930-х гг. в связи с проводившейся руководством страны и органов государственной безопасности политикой значительно увеличился процент репрессированных по обвинению в сотрудничестве с прибалтийскими спецслужбами советских граждан. Зачастую основанием для ареста служила национальная принадлежность. Первыми от массовых арестов пострадали латыши. Это было связано с тем, что с первых дней существования Советского государства в партийных и советских органах СССР, вооруженных силах большое количество выходцев из Латвии занимали ответственные и руководящие посты. Постепенно начинает использоваться тезис о связи бывших оппозиционеров с иностранными разведками. Например, нота протеста со стороны латвийского правительства вызвало упоминание в ходе следствия о связях оппозиционеров с латвийским консулом. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 г. консул назывался и «агентом немецко-фашистских интервенционистов». В дипломатических кругах получила распространение оценка действий советского руководства, суть которой заключалась в том, что И.В. Сталин боится и не хочет раздражать Германию, а для косвенных нападок было вызвано более безответное и безопасное для СССР государство.

В соответствии с телеграммой за подписью Н.И. Ежова от 1 февраля 1938 г. говорилось, что «...операцию по разгрому шпионско-диверсионного контингента из... латышей продолжить до 15 апреля сего года. Одновременно начать операцию по разгрому шпионско-

диверсионного контингента из... эстонцев как иностранных подданных, так и советских граждан... При проведении операции обратить особое внимание выявлению и изъятию всех перебежчиков, независимо от стран и времени прибытия в СССР, а также политэмигрантов и всех связанных с иностранными миссиями, с посольствами, консульствами, концессиями и иными иностранными учреждениями»²⁵⁶.

В связи с тем что в приграничных с Прибалтикой областях РСФСР было довольно много перебежчиков и эмигрантов из Латвии и Эстонии, руководством НКВД в территориальные органы в 1937—1938 гг. были разосланы телеграммы за подписью Ежова, в которых говорилось, что «всех задерживаемых перебежчиков вне зависимости от мотивов перехода их на территорию СССР немедленно арестовывать и подвергать тщательному допросу. Всех перебежчиков, в отношении которых будет прямо или косвенно установлено, что они перешли на территорию СССР со шпионскими, диверсионными и иными антисоветскими намерениями, предавать суду военного трибунала с обязательным применением расстрела. Дела о всех перебежчиках, в отношении которых будет установлено, что они перешли на территорию СССР не злонамеренно, передавать на рассмотрение Особого совещания НКВД с применением меры наказания к десяти годам тюремного заключения»²⁵⁷.

В 1937, а особенно в 1938 году в приграничных с Прибалтикой областях РСФСР было заведено большое количество агентурных и следственных дел на советских граждан, необоснованно подозреваемых в связях с прибалтийскими разведками.

Сотрудники Псковского отдела НКВД «перестарались и перусердствовали» в «изобличении»²⁵⁸ националистических элементов. Такая оценка была сделана в 1937—1940-х гг. в ходе работы специальной комиссии НКВД СССР. Помимо действительных агентов прибалтийских спецслужб, действовавших в приграничных районах, было «раскрыто» много «предателей и изменников Родины», дела на которых были искусственно сфабрикованы. Всего за 1937—1938 гг. Псковским окротделом НКВД, возглавляемым С.Г. Южным, к ответственности за шпионаж и предательство было

привлечено 4836 человек²⁵⁸. Среди них более одной трети — так называемые «националы», т.е. советские граждане нерусских национальностей, заподозренные в шпионстве, национализме и пособничестве. Из них было репрессировано 739 эстонцев, 667 — латышей, 246 — поляков, 43 — немца. Кроме того, в списки для выселений из приграничной полосы, составленные С.Г. Южным и некоторыми его сотрудниками в 1937—1938 гг., попало 9800 «бывших людей»²⁵⁹. Для обеспечения своевременного выполнения операции по выселению в распоряжение С.Г. Южного было направлено 60 курсантов из Петергофской пограничной школы.

В это время С.Г. Южным, по «рекомендациям и нажиму» со стороны областных партийно-советских структур, было искусственно организовано несколько групповых дел на секретарей Псковского окружкома ВКП(б) П.И. Петрунина и П.Л. Низовцева, председателей окрисполкома И.Е. Глушенкова и Е.А. Березина, работников районного звена Г.С. Глазкова, И.К. Андреева, И.С. Камкина, Н.Т. Мартынова, М.П. Усачева, Ф.И. Тарасюка и многих других. Почти все они обвинялись в «связях с антисоветской диверсионно-вредительской организацией правых». Всего было арестовано 182 человека партхозактива Псковщины.

Всего же, по данным профессора П.А. Николаева, в 1937—1938 гг. Псковским окротделом НКВД было репрессировано 14985 человек, из которых, как писал начальник ПОО НКВД (с 1938 года) Г.Г. Карпов, «с наличием компрометирующих материалов 1556 человек и 13429 человек без материалов»²⁶⁰. Столь большое количество репрессированных (в том числе и без «компрометирующих материалов») можно объяснить не только общими для всей страны мотивами, но и приграничным положением Псковщины. Такой размах репрессий и массовая фальсификация дел стали предметом специального разбирательства. В конце 1938 — начале 1939 гг. «поступили данные о нарушениях революционной законности и извращениях в оперативно-следственной работе в Псковском окружном отделе НКВД». В Псков из Ленинграда прибыла специальная комиссия, начато расследование. В результате были арестова-

ны ряд сотрудников НКВД, «выполнявших преступные указания Южного». В январе — феврале 1941 года Военный трибунал войск НКВД СССР Ленинградского округа постановил осудить 10 бывших сотрудников Псковского Окротдела НКВД к разным срокам лишения свободы (С.Г. Южный, не дожив до суда, умер в камере в сентябре 1940 года)²⁶¹.

В приграничных районах Калининской области в 1938 году «была вскрыта и ликвидировалась эстонская фашистско-шпионская организация, созданная резидентом эстонской разведки, бывшим работником эстонской секции Коминтерна Кяспертом по заданию эстонского Генерального штаба. Следствием было установлено, что ...организация являлась филиалом разветвленной фашистской организации, действовавшей на территории Советского Союза. В 11-ти районах Калининской области вскрыты и ликвидированы шпионско-повстанческие группы этой организации. По делу проходило 165 участников, из коих арестовано 108 человек. Вскрыта и ликвидирована латвийская фашистско-шпионская организация, существовавшая при великолукском нацмен-клубе. Организация проводила шпионскую и диверсионную работу, организовывала повстанческие кадры из бывших латышских стрелков. По делу арестовано 43 участника»²⁶². И таких примеров были сотни.

Число необоснованно арестованных советских граждан по подозрению в шпионаже в пользу Прибалтийских государств составляло тысячи человек. Несомненно, среди них были и лица, действительно сотрудничавшие со спецслужбами, однако их количество было минимальным. Однако, несмотря на значительные перегибы в проведении карательной политики, нельзя говорить о проведении репрессий по национальному признаку.

Рассмотрим это на примере пограничных районов Калининской области²⁶³. Органами НКВД было арестовано за 1937 г. по обвинению в латвийском шпионаже 334 человека, из них русских — 141 (42,2%) человек, латышей — 163 (48,8%) человека. По обвинению в эстонском шпионаже 117 человек, из них русских — 6 (5,1%), эстонцев — 110 (94%). Всего за указанный год было арестовано 235

латышей и 192 эстонца. Однако, несмотря на столь значительное количество арестованных, осуждено было за латвийский шпионаж — всего 19 (5,7% от общего количества арестованных за латвийский шпионаж), а за эстонский — 3 (2,6% от общего количества арестованных за эстонский шпионаж) человека.

В первой половине следующего года в связи с ужесточением репрессивной политики было арестовано за латвийский шпионаж уже 1105 человек, из них 539 (48,8%) русских и 494 (44,7%) латыша, а за эстонский шпионаж — 93 человека, из которых 26 (27,9%) русских, а 63 (67,7%) эстонца. Всего было арестовано 599 латышей и 102 эстонца. За этот же период было осуждено за латвийский шпионаж 137 (12,4% от общего количества арестованных за латвийский шпионаж), а за эстонский — 12 (12,9% от общего количества арестованных за эстонский шпионаж) человек.

Для сравнения в этом же Управлении в 1937 г. было всего арестовано 11364 человека, а осуждено — 9423, а в первой половине 1938 г. — арестовано 4905, а осуждено — 2746 человек²⁶⁴.

Таким образом, в 1937 г. количество арестованных за латвийский шпионаж составляло 2,9% от общего количества арестованных, за эстонский — 1%, осужденных за латвийский шпионаж — 0,2% от общего количества осужденных, за эстонский — 0,03%. В первой половине 1938 г. количество арестованных за латвийский шпионаж составляло 22,5%, за эстонский — 1,9%, осужденных за латвийский шпионаж — 5% от общего числа осужденных, за эстонский — 0,4%.

Всего, как следует из статистического отчета о работе органов НКВД за 1937—1938 гг., было арестовано в 1937 г. 7371 латвийских и 1206 эстонских, а в 1938 г. — 11490 латвийских и 5401 эстонских шпионов. Количество репрессированных за литовский шпионаж составляет единицы, что в общем процентном соотношении составляет тысячные доли процента.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на то что по данной линии работы было арестовано и осуждено значительное количество советских граждан, их доля в общем количестве репрессированных минимальна. Основной пик репрессий при-

шелся на 1937—1938 гг. Говорить о проведении репрессий по национальному признаку можно также с большой натяжкой, так как среди арестованных за латвийский шпионаж доля русских составляла чуть меньше 50%, а за эстонский шпионаж — чуть больше 20% от общего национального состава арестованных.

В результате проводившихся в 1937—1938 гг. органами НКВД массовых арестов граждан по подозрению в шпионаже в пользу Прибалтийских стран в приграничных с Прибалтикой областях арестовывались не только лица, в поведении которых просматривались признаки проведения шпионской работы в пользу Латвии, Литвы и Эстонии, но и большое количество абсолютно невиновных граждан, которые были впоследствии реабилитированы.

Однако, несмотря на определенные перегибы в 1930-х гг., борьба с прибалтийскими специальными службами являлась важной задачей контрразведывательной деятельности отечественных органов государственной безопасности.

Помимо репрессивной политики, проводимой в приграничных районах Псковской земли, Советской властью были использованы и социально-экономические мероприятия для «более успешного и спокойного развития пограничных территорий». При поддержке Госплана РСФСР были разработаны специальные меры, направленные на увеличение финансирования разного рода социальных и промышленных программ по созданию в Псковском, Опочецком, Себежском, Островском районах «благоприятного положения». Предполагалось увеличить дотации на производство основных видов сельхозпродукции, ввести специальные цены на отдельные товары, расширить сроки и размеры денежного кредитования крестьянских хозяйств. Кроме того, предполагалось ввести налоговые льготы для крестьян приграничных районов. Однако по разным причинам не все задуманные мероприятия удалось реализовать, центральные власти пытались переложить решение многих задач и их финансирование на местные бюджеты, что существенно ограничило действие программ социально-экономического развития приграничных территорий. Но, как подчеркивает

А.М. Егоров, специально исследовавший эти процессы, все подобные мероприятия носили не экономический, а «скорее, политический характер» и были направлены для «содействия охране границ».

Таким образом, подводя итоги, можно выделить следующие основные периоды борьбы органов государственной безопасности с прибалтийскими спецслужбами:

1. 1918—1920 гг. Отечественные контрразведывательные органы находятся в стадии формирования. Определяются основные цели и задачи деятельности, формы и методы работы. Большое внимание уделяется борьбе с контрреволюцией, противодействию разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб уделяется значительно меньше внимания.

2. 1920 — вторая половина 1920-х гг. Организационно оформляются контрразведывательные подразделения, в мирное время осуществляющие противодействие разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб. Борьба с разведками Латвии, Литвы и Эстонии выделяется в качестве одной из основных линий контрразведывательной работы.

3. Конец 1920-х — вторая половина 1930-х гг. Совершенствуются тактические приемы деятельности отечественных контрразведывательных органов, что позволило значительно снизить активность разведывательно-подрывной деятельности прибалтийских спецслужб.

4. 1939—1940 гг. В связи с организацией советских военных баз в Латвии, Литве и Эстонии основной упор в контрразведывательной деятельности переносится на обеспечение безопасности советских воинских контингентов в Прибалтийских республиках, противодействие как прибалтийским спецслужбам, так и действовавшим с их территории разведкам западных государств, и прежде всего — Германии, Англии, Франции и США.

После присоединения Прибалтийских государств к СССР перестали существовать суверенные Латвия, Литва и Эстония. Не стало и их спецслужб, которые являлись одной из составных частей государственного механизма.

ГЛАВА 3

Борьба советских правоохранительных органов с прибалтийскими формированиями на Северо-Западе страны в годы войны

3.1. Вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР и прибалтийский национализм 1939—1941 гг.

23 августа 1939 года в ситуации накалившейся международной обстановки был подписан Пакт о ненападении с фашистской Германией. Этот шаг был вынужденным, и И.В.Сталин стремился всячески обезопасить территорию страны от реальной внешней угрозы. На это и был направлен аморальный по своей сути, но имевший аналоги в международной практике того периода секретный протокол от 23 августа 1939 г., определявший «сферы интересов» СССР и Германии в Восточной Европе. Молниеносный разгром Польши и «странная война» в Европе поставили перед советским руководством ряд очень важных вопросов о необходимости создания стратегического предполя, о безопасности западных регионов и жизненно важных центров страны в предвидении войны с Германией. В этих условиях Москва стала большое внимание уделять Прибалтийским государствам, попавшим в «сферу влияния» СССР. В конце сентября 1939 г. советское руководство предложило правительствам стран Прибалтики заключить договоры о взаимной помощи, которые им объективно так же были выгодны, поскольку предполагали поставки различных товаров и сырья, тем самым повышая занятость населения в промышленности и сельском хозяйстве и компенсируя потери торговых связей с Западом. Этими договорами предусматривалось создание военных баз и размещение на них небольших контингентов — по 25 тысяч в Латвии и Эстонии и 20 тысяч в Литве. Свое полное согласие и понимание в необходимости размещения военных баз проявили руководители Латвии и Литвы, находившихся со Стали-

ным и Молотовым в «доверительных секретных отношениях» и, по словам П.А. Судоплатова, «много выторговавших для себя лично, а не для своих стран» во время переговоров с советскими лидерами²⁶⁵.

После Советско-финской войны СССР оказался в полной политической изоляции, что предполагало еще большую подготовку к возможной войне. Действительно, вскоре началось сосредоточение немецких армий в Восточной Пруссии и Польше, проводились и другие мероприятия, свидетельствующие о подготовке фашистской Германией вторжения в Прибалтику и СССР. В Прибалтийских странах росли враждебные настроения по отношению к Советскому Союзу, усиливалась антисоветская пропаганда, укреплялись связи различных общественных организаций и правительственных органов стран Балтии с германскими спецслужбами. К тому же в годы зимней войны Прибалтийские государства в нарушение договоренностей оказывали помощь Финляндии. Это не могло не тревожить руководство СССР, которое приняло меры, выражавшиеся в активизации внешнеполитических и военных усилий по обеспечению безопасности страны. В течение лета 1940 года правительствам Прибалтийских государств были направлены ноты, в которых говорилось о необходимости увеличения советских воинских контингентов и изменении руководства в этих странах. Вступление дополнительных войск Красной Армии на прибалтийскую землю было встречено населением весьма сдержанно, не считая перестрелки между латвийскими пограничниками и красноармейцами в районе деревни Масленки Аугшпилской волости.

После выборов 14–15 июля 1940 года в Прибалтийских странах была провозглашена Советская власть, а новое руководство приняло решение просить Верховный Совет СССР принять эти республики в состав Советского Союза, что и произошло в конце 1940 года. Таким образом, именно геостратегические интересы СССР и стремление обезопасить себя в условиях надвигающейся войны привели к присоединению Прибалтики.

Однако именно этот шаг и вызвал множество проблем. Западные страны, с пониманием относившиеся к усилению военного присутствия СССР в Балтии и смене авторитарных правительств в

Эстонии, Латвии и Литве, категорически не приняли вхождение этих стран в Советский Союз. Для Англии и США были вполне понятны стратегические цели и конкретные шаги Москвы по обеспечению своей безопасности. Один из величайших и вдумчивых политиков XX века Уинстон Черчилль признавал, что присоединение Прибалтики было необходимой и вынужденной мерой, призванной обеспечить безопасность СССР. Он писал, что «Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не завершив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время Первой мировой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно-расчетливой, то она была также в тот момент в высшей степени реалистичной»²⁶⁶.

Вместе с тем ликвидация независимости Прибалтийских стран сразу была названа «проявлением имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства»²⁶⁷.

Вступление новых республик в состав СССР сопровождалось кардинальными изменениями в их общественной жизни. Введение советских порядков проводилось силовыми методами, жесткое насаждение командно-административной и партийной машины шло с нарушением национальных традиций, без учета местных особенностей. Но других методов советское руководство не знало, они были неоднократно апробированы в СССР, и экономико-социальные, а также политические успехи социалистического государства подтверждали правильность выбранных методов. Кроме того, международная обстановка и приближающаяся война диктовали максимально быструю советизацию региона. Подобные шаги вызвали многочисленное недовольство населения, выражавшееся, в том числе, и в создании вооруженных повстанческих бандгруппинок, которым ока-

зывали помощь как фашистские спецслужбы, так и разведки западных стран.

После событий 1939—1940 гг. многие члены фашистских организаций в Латвии, Эстонии и Литве ушли в подполье, начали создавать нелегальные объединения в лесах и на хуторах. Особенно эти процессы активизировались в конце 1940 — начале 1941 гг. при непосредственном участии немецкой разведывательной и пропагандистской сети²⁶⁸. В своих произведениях и директивах идеологи Третьего рейха неоднократно указывали на необходимость возбуждения национальной розни, которая, по мнению нацистов, должна была основываться на вековых межнациональных конфликтах. Жители Балтийских республик рассматривались А. Гитлером, А. Розенбергом как «союзное население» в борьбе с большевиками. В неофициальных беседах немцы неоднократно подчеркивали, что приветствуют создание «Великой Эстонии» и «Великой Латвии». Именно в этот период на территории Латвии, Эстонии и Литвы начинают активно действовать подпольные националистические группы. Подобная обстановка складывалась также на Карельском участке Советской границы, в Молдавии, Западной Украине, Западной Белоруссии. На территории Псковщины крупных террористических актов и иных бандпроявлений в этот период не фиксируется. Однако доклады отделов УНКВД и УНКГБ отмечают, что немецкое влияние среди прибалтийского населения очень велико, а «Абвер» в этот период подготовил специальные диверсионные группы для подрывной деятельности в Прибалтийских республиках с участием националистов. Так, еще в марте 1941 года в Риге была «вскрыта и ликвидирована резидентура германской разведки в Латвии и связанная с ней антисоветская организация латышских буржуазных националистов «Тевияс саргс» («Страж отечества»), ставившая своей задачей «объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооруженного восстания»²⁶⁹. «Тевияс саргс» объединил подпольные ячейки в более чем 16 населенных пунктов Латвии, выпустил 6 номеров газеты «Занэтайс» («Вестник») и брошюру с речью гитлеровских идеологов о

послевоенном устройстве мира. Основной целью «Стражей отечества» была подготовка к свержению Советской власти. Для этого в ряде городов были созданы повстанческие отряды.

На вновь присоединенных территориях продолжали нелегальную работу большое количество созданных ранее национальных организаций, таких как «Изамаалит» («Отечественный союз»), «Кайтселийт» («Союз защиты»), Объединение эстонских националистов, Легионерское движение Востока, Национальные кадры.

Кроме упомянутых организаций на территории Эстонии действовали Партия домовладельцев, националистические военизированные организации молодежи — Молодые орлы, Домашние дочери, скауты, Объединение сельской молодежи, Союз молодых христианок, объединявшие около 55 000 юношей и девушек.

Осенью 1940 и зимой 1941 года в районе эстонского города Килинги-Нымме действовал крупный отряд лесных братьев в составе до 350 человек, организованный бывшим командиром полка «Кайтселийта» П. Лиллехтом. Ими были захвачены исполкомы пяти волостей, расстреляно несколько сотен человек.

Помимо латышского националистического подполья германская резидентура активно вербовала также агентов среди русских белоэмигрантов. В мае 1941 года в Латвии, при активном участии немцев, была создана антисоветская организация «Латвияс сарга», включавшая в себя латышей и «кулацкие, белогвардейские элементы». В 1940—1941 гг. националисты устраивали террористические акты против советского актива, поджоги, налеты на кооперативы и сельсоветы, убивали руководителей и сочувствующих Советской власти, учителей, комсомольцев и членов ВКП(б), похищали имущество, угоняли скот, проводили диверсии, выпускали листовки с призывами к борьбе с советским строем, распространяли «анонимные письма террористически-повстанческого содержания».

Руководство НКГБ СССР подчеркивало, что «с начала 1941 года наблюдается значительный рост убийств и бандпроявлений...», при этом «большинство террористических актов остается нераскрытыми». Бандитские группы на вооружении имели автоматы, винтов-

ки, револьверы и пистолеты, гранаты, сигнальные ракеты, у многих были радиоаппараты Морзе, коды, шифры, средства для тайнописи, для координации действий и связи с немецкими органами. Некоторые имели отличительные знаки — нарукавные повязки и знамя. Члены бандформирований должны были вести активную борьбу с Советским государством, а в период военных действий между СССР и Германией они должны были выполнять «следующие задания: арестовывать всех комиссаров и других активных коммунистов; занимать центры компартии, но не уничтожать архив, освободить политзаключенных, заставить евреев покинуть страну... занять учреждения, предприятия, почты, телеграфы и крупные склады товаров... обрывать телефонные, телеграфные, электрические провода... уничтожать железные дороги... арестовывать и разоружать красноармейские отряды, милицию, агентов ГПУ, создавать панику»²⁷⁰.

Заместитель начальника внешней разведки НКВД СССР П.А. Судоплатов вспоминал, что «именно в это время мы напрямую столкнулись с деятельностью немецкой разведки в будущей полосе фронтовых операций... Чем дальше вместе с войсками мы продвигались на запад, тем ощутимее становилось непосредственное соприкосновение с вероятным противником... опирающееся на националистические и военизированные организации Прибалтики»²⁷¹.

В условиях подобной активизации иностранных разведок и антисоветских организаций, реальной опасности действий националистических формирования ОУН на Украине, Фронта литовских активистов, Белорусского комитета самопомощи, Комитета спасения Эстонии, Железной гвардии в Молдавии советское руководство 16 мая 1941 года подготовило проект Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по очистке Литовской, Латвийской и Эстонской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента», по которому предполагалось привлечение к уголовной ответственности и выселение «активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических организаций»²⁷². 19 мая 1941 подобные операции начали готовиться органами Госбезопасности. В течение апреля — июня 1941 г. НКГБ СССР

направил на места несколько директив о подготовке операций по ликвидации вооруженных бандитских групп. В документах указывалось на постоянно нарастающее количество «антисоветских проявлений», тесной взаимосвязи националистов с германской агентурой. 17 июня 1941 года в «Докладной записке» народного комиссара государственной безопасности В.Н. Меркулова говорилось, что в трех Прибалтийских республиках по обвинению в организации и участии в националистических и антисоветских организациях было арестовано 14 467 человек, выселено 25711²⁷³, в ходе операции имели место несколько случаев вооруженного сопротивления. В.Н. Меркулов, обобщая опыт проведения оперативно-чекистских мероприятий по ликвидации бандформирований, обращал внимание на активное сопротивление местного антисоветского элемента, а также на «неподготовленность операций, беспечность и слабую боевую подготовку оперативных работников, которые приводили к провалам операций и уходам бандэлемента».

Депортация, без сомнения, нанесла удар по националистическому подполью Прибалтики. На это указывалось и в обзоре Полиции безопасности и СД Латвии, составленном в декабре 1942 г., где отмечалось, что «советами весной 1941 г. было арестовано около 5000 лиц, связанных с германской агентурой».

Одной из мер, направленных на усиление борьбы с националистическими бандформированиями, было создание 4 апреля 1941 года Отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) в структуре Главного управления милиции НКВД СССР. В сферу его компетенции входила борьба со всеми видами политического, антисоветского и уголовного бандитизма и подполья, «изъятие дезертиров и лиц, уклоняющихся от службы в Красной Армии, очистка СССР от нелегалов, изъятие оружия у населения, а также разработка профилактических мероприятий»²⁷⁴. Первоначально в его составе было создано 2 отделения: агентурно-оперативное и следственное. Однако ОББ успели появиться не везде. В Ленинградской области, куда входил и Псков, ОББ был создан в середине апреля, а на Псковщине он так и не успел оформиться: 22 июня

началась война, а уже 9 июля 1941 года город Псков был захвачен немецкими войсками.

Вместе с переносом границы в Прибалтику на Псковщине начинается работа по расформированию советских партизанских отрядов и групп, которые организовывались сотрудниками районных отделов ОГПУ—НКВД вблизи госграниц для подготовки к борьбе с возможной агрессией начиная с середины 1920-х годов. Отряды должны были возглавляться сотрудниками ОВД либо партийными и советским деятелями, в отрядах предполагалась введение строгого порядка и конспирации, определялись не только руководители, но и среднее командное звено, явочные квартиры в городах и селах. Каждому партизанскому отряду намечался район сосредоточения и боевых действий, а также готовились склады оружия, боеприпасов, продовольствия, одежды и медикаментов. В конце 1939 — начале 1941 года многие отряды были расформированы, а базы уничтожены, что оказало пагубное влияние на борьбу с фашистами на оккупированной территории в первые месяцы войны.

Как уже отмечалось, на территории Псковского края в течение 1940—1941 года крупных террористических актов и бандитских вылазок не было зафиксировано. Отсутствие сведений отчасти объясняется тем, что в составе Эстонской и Латвийской ССР до 1944—1945 годов продолжали оставаться печорские и пыталовские (Абренский уезд) земли, вошедшие в состав Эстонии и Латвии по условиям Тартуского и Рижского договоров. Поэтому данные о деятельности «буржуазных повстанческих группировок» в этих районах не вошли в официальные отчеты псковских советских и партийных органов 1939—1941 гг. Отдельные документы этого периода обязывают псковских милиционеров содействовать поиску лиц, покинувших постоянное место жительства в Абренском (Пыталовском) и Печорском уезде Латвийской и Эстонской ССР и находящихся в розыске, в связи с контрреволюционной деятельностью. Между тем у многих жителей этих районов были веские причины для активного сопротивления вводимым советским порядкам.

До 1938 года отторгнутые от России пыталовские земли входили в состав Яунлатгальского уезда, а с 1938 года они составили вновь созданный в Латвии Абренский уезд. По переписи 1935 года, в его составе находилось 15 волостей, 55 процентов населения составляли латыши и 41 процент русские²⁷⁵. На территории уезда (так же как и в районе Печор) после «Освободительной»²⁷⁶ войны и мирных договоров 1920 года правительства Прибалтийских государств передали в руки некоторых бывших добровольцев из «Белогвардейского латышского легиона» и демобилизованных русских воинов эстонской и латвийской армий достаточно большое количество земель. К «середняцким» (по терминологии периода коллективизации) и даже зажиточным можно было отнести некоторые хозяйства бывших белогвардейцев-добровольцев. Так, по архивным данным, многие из них получили в собственность от 12 до 50 гектаров земли²⁷⁷, отчасти именно вблизи границ с СССР. Отдельные лица владели площадями до 90 гектаров. Были, конечно, и более бедные хозяйства, имевшие всего до 1 гектара и вынужденные наниматься батраками к кулакам и потому попадавшие под их «идеологическое влияние».

Следует отметить, что судьба очень многих белогвардейцев, служивших в Северно-западной армии (до 1919 года Псковского белогвардейского добровольческого корпуса) генерала Н.Н.Юденича, была печальна. После поражения под Петроградом армия отступила в Эстонию и была разоружена и расформирована генералом И.Лайдонером (это требование было включено в Тартуский договор по настоянию В.И. Ленина, но эстонцы охотно выполнили его), ее имущество — поезда, орудия, продовольствие, медикаменты — было реквизировано по решению Эстонского правительства. Солдаты и офицеры были разоружены, им запрещалось ношение знаков отличия, они были помещены в специальные лагеря, откуда их отправляли на тяжелые физические работы в сланцевые шахты и торфяники. Паспорта правительство Эстонии отказывалось им выдать. В 1919—1920 гг. по лагерям белогвардейцев пронесся тиф, унесший многие сотни жизней, а могилы умерших были почти сразу же забыты и уничтожены²⁷⁸. В 1920 году МВД Эстонии организо-

вало принудительные работы для лиц «без определенных занятий», к числу которых были отнесены русские добровольцы, им было запрещено удаляться от места работы более чем на 3 километра, а также без разрешения уходить на сельские работы в качестве батраков. Несколько белогвардейцев были убиты после целой серии нападений на бывших офицеров в 1920—1921 гг. Некоторые решали вернуться и переходили границу зимой по льду Чудского озера, испытывая всяческие унижения от эстонских пограничников²⁷⁹.

Многие бывшие белогвардейцы участвовали в разорительных «партизанских рейдах» отрядов Павловского, Васильева, Семенова по территории Белоруссии, Псковской и Новгородской губерний в начале 1920-х годов²⁸⁰. Впоследствии часть добровольцев вступили в военизированные формирования «айзсаргов» в Латвии и «Кайтселийт» в Эстонии, восприняв националистическую и антисоветскую идеологию этих организаций. Поэтому для многих из тех, кто жил в Печорском и Пыталовском (Абренском) уездах, установление Советской власти грозило не только потерей земли и имущества в ходе проведения аграрной реформы, но и возможностью ареста за прошлую деятельность.

В 1940 году, после вхождения в состав СССР, в Прибалтийских республиках начинают проводиться социально-экономические реформы, задевшие интересы многих бывших белогвардейцев. Одной из наиболее важных была реформа в аграрном секторе. В Эстонии и Латвии был создан государственный земельный фонд, к которому отошли владения церкви и местных самоуправлений, лиц, покинувших республики, а также земли, отрезанные от крупных хуторских хозяйств. Максимальная величина хутора была установлена в 30 гектаров, что привело к изменению количества земли у многих бывших белогвардейцев. Мелкие земельные отрезки распределялись между малоземельными и бедняцкими хозяйствами, что сильно обострило социальные противоречия. Кроме того, в Прибалтике создавались совхозы и колхозы. Однако коллективизация в этот период не стала всеобщей и не проводилась форсированными темпами, как в послевоенное время.

В начале 1941 года в Печорском и Пыталовском уезде, как и в целом по Эстонии и Латвии, прошла волна арестов непримиримых противников Советской власти, а также тех, кто совершал террористические акты против активистов либо участвовал в вооруженной борьбе с СССР. Следует обратить внимание, что на эти категории «подучетного элемента» амнистии не распространялись²⁸¹. В Докладных записках НКГБ Эстонской, Латвийской и Литовской ССР указывались категории лиц, намеченных к арестам и принудительному выселению в связи с «ростом активной враждебной деятельности». Среди таких категорий следует назвать членов контрреволюционных партий (троцкистов, активных эсеров и меньшевиков), сотрудников репрессивных органов этих республик, членов белогвардейских и националистических формирований, бывших крупных фабрикантов, помещиков, чиновников госаппарата, участвовавших в борьбе с Советской властью, и ряд других²⁸². Для Советской власти вину этих арестованных не нужно было специально доказывать. Для многих советских людей, а тем более для сотрудников НКВД белогвардейцы, участники «банд» Булак-Балаховича и Павловского, совершавшие «грабительские рейды» по советской земле, были явными и убежденными врагами трудового народа. Директива НКВД о задачах работы в «освобождаемых районах Западной Украины, Прибалтики и Белоруссии» обязывала «выявлять и задерживать участников, стоящих на оперативном учете, контрреволюционных белогвардейских формирований, таких как «Братство русской правды», «Российский общевоинский союз»²⁸³, поскольку эти организации продолжали оставаться базой для антисоветской работы и шпионажа на отошедших к Советскому Союзу территориях»²⁸⁴.

По некоторым данным, в этот период в Печорском и Пыталовском (Абренском) уездах было арестовано несколько десятков человек, членов белогвардейских формирований, совершавших бандитские набеги на территорию СССР. Многие из них являлись членами «Народного Союза защиты Родины и Свободы», возглавляемого Б. Савинковым, что только отягощало их вину.

В 1940 году некоторая часть мужчин Абренского уезда попыталась скрыться в лесах не только из-за возможного ареста, но и опасаясь мобилизации в Красную Армию²⁸⁵.

Советские правоохранительные органы уже в 1940—1941 гг. на территории Печорского и Пыталовского районов впервые столкнулись с организованными «контрреволюционно-повстанческими террористическими группами». Ушедшие в лес создали небольшие отряды по 5—10 человек, объявили себя «айзсаргами»²⁸⁶ и членами «Омокайтсе», а в лесных массивах и отдаленных хуторах оборудовали бункера с оружием (в основном в это время использовалось охотничьи ружья, обрезы либо винтовки, оставшиеся от времен Гражданской войны) и продуктами. «Озлобленные» на Советскую власть проводили «аресты и грабежи русских активистов»²⁸⁷, сжигали постройки, распространяли слухи о зверствах «красных» и о скорой помощи немцев, убивали советских работников. Как вспоминал Ю., один из зажиточных крестьян Абренского уезда, «затаив злобу на советскую власть еще в 1939 году, мы создали группу «айзсаргов» из 8 человек, устраивали засады на дорогах, грабили советских активистов и арестовали к началу июля 1941 года 150 человек, которых мы хотели расстрелять и которых передали пришедшим немцам, а те их почему-то отпустили»²⁸⁸.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. С первых дней войны резко увеличилось число людей, ушедших в лес. «Лесные братья» довольно быстро организационно оформились по образцу военизированных формирований буржуазного периода и стали совершать нападения и диверсии в тылу Красной Армии. В первые дни июля были совершены нападения на советские учреждения и небольшие подразделения Красной Армии. «Лесные братья» захватили десятки волостных правлений, арестовали большое количество советско-партийных деятелей и бойцов истребительных батальонов. В «освобожденных от большевиков» районах они восстанавливали органы местного самоуправления периода буржуазных республик.

«Узнав 22 июня об объявлении войны и зачатке боевых действий Великой Германии против России, отпала от сердца каждого эстонца

давившая его напряженность. **Началась-то, наконец, война, которую ожидали, как мессию»** (выделено нами. — авторы), — писал начальник штаба «Омокайтсе»²⁸⁹.

В первые же дни войны отряды «лесных братьев» составили довольно внушительную силу — только в трех приграничных с Псковскими землями районах Эстонии насчитывалось порядка 260 больших и малых отрядов²⁹⁰, которые ставили перед собой задачи по «дезорганизации тылов, разрушению мостов, линий связи, обстрелу красноармейцев и арестам советских активистов»²⁹¹. В ходе подобных боев Красная Армия (а в отчетах «Омокайтсе» — «неприятель») понесла ощутимые потери — 946 убитых, 146 раненых и 287 пленных²⁹², было захвачено в плен 4919 человек. Наиболее большие отряды были созданы в Петсерима (Печорах), Тарту, Выру и Вильянди, которые еще до наступления фашистов «установили связь с немцами и сумели завязать бои с истребительными батальонами и красногвардейцами в районе Печор и поднять восстание в Тарту»²⁹³.

4 июля 1941 года немцы вошли в Пыталово, 8 июля Красная Армия оставила Печоры, а 9 июля был захвачен Псков. Начались три долгие года оккупации.

3.2. На службе фашизму. Организация и деятельность эстонских и латышских националистических формирований в 1941—1944 гг.

Великая Отечественная война против фашистской Германии была самой тяжелой из всех войн, какие знает человечество. Немецкие фашисты двинули против нашей страны громадную, заранее отмобилизованную армию, вооруженную новейшей для того времени техникой. Наряду с открытой вооруженной борьбой развернулась ожесточенная война, которая по своему размаху и напряжению также не имела себе равных в истории. Псковская земля в течение более чем трех лет находилась в оккупации. За эти годы были уничтожены практически все промышленные предприятия, коммунальное хозяйство, учреждения культуры и здравоохранения, были расстреляно,

повешено и сожжено 391 607 мирных жителей, угнано в Германию и другие страны более 150 000 человек, сумма ущерба составила 13 460 182 502 рубля (в ценах 1946 года)²⁹⁴.

За 3 года фашистской оккупации Псков стал одним из крупнейших центров в немецком тылу, где были сосредоточены разведывательные и контрразведывательные структуры и карательные органы врага. Среди них три разведшколы, разведывательно-диверсионный отдел армейской разведки Абвер «Норд — 1-Ц», несколько абверкоманд и абвергрупп, гестапо, «СД», главная команда «Предприятия Цепелин», более 10 карательных батальонов, карательные отряды. В районе Невеля карательные акции проводила «Казачья сотня СС» под руководством Н.Н. Кононова, на территории Псковщины действовали ягдкоманды (специальные антидиверсионные и контрпартизанские подразделения) и другие специальные подразделения фашистской Германии²⁹⁵. В Пскове помещались центры по концентрации культурных ценностей, вывозимых в Третий рейх, здесь находилась «Православная миссия в освобожденных областях России», активно сотрудничавшая с немецкими спецслужбами, в городе были созданы коллаборационистские органы власти и управления, издавались газеты и брошюры с антисоветским содержанием. На территории области действовали части власовской армии (РОА)²⁹⁶ и Русской национальной народной армии (РОНА). Вели активную антисоветскую пропаганду Комитет по Освобождению народов России (КОНР), созданный Гиммлером, и Национально-Трудовой союз Нового поколения (НТСНП — НТС), Братство русской правды и другие антисоветские партии и «патриотические организации»²⁹⁷.

Абверкоманды и абвергруппы, состоявшие при штабе войсковой разведки и контрразведки Абвер-Норд, вели сбор информации о Красной Армии, о промышленном потенциале СССР, вербовали агентов среди мирного населения и военнопленных, обучали и забрасывали в советский тыл диверсионные отряды, боролись с партизанами. В Пскове размещались абверкоманды № 104 (в казармах Омского полка), № 204 (на Советской улице в доме № 47), № 304 (на Октябрьской улице)²⁹⁸. В Изборске и Каменке

были созданы переправочные разведпункты, а переброска диверсантов в советский тыл происходила самолетами с псковского аэродрома. В подчинении абверкоманд находились абвергруппы. В Пскове и Псковской области действовали 111-я, 112-я, 118-я, 211-я, 212-я и 311-я абвергруппы.

Советская разведка успешно действовала против этих абверкоманд и групп. Так, в абверкоманде 104 с лета 1942 года работал советский контрразведчик М. О. Малышев, внедрившийся в школу под видом перебежчика.

Еще накануне войны немцы из числа эстонцев подготовили и забросили в советский тыл диверсионно-разведывательные группы численностью до 900 человек. В течение 1941—1944 годов немецкие разведывательные органы вели целенаправленную работу по вербовке агентов и подготовке диверсантов из числа эстонских и латышских формирований²⁹⁹. Местом их деятельности должны были стать стратегические районы советского тыла, а в случае немецкого отступления им поручалось проведение диверсий в Псковской и Ленинградской областях, а также в районе Чудского озера.

«Предприятие Цеппелин» было создано Кальтенбрунером, руководителем РСХА, для дестабилизации советских тыловых структур, для чего предприятие вербовало и готовило агентов для заброски в глубокий советский тыл. Основной задачей агентов был не только сбор стратегической информации, но и проведение антисоветской, националистической пропаганды, организация повстанческого движения, осуществление терактов. С 1943 года штаб службы «Россия-Центр» размещался в Стремутке, а позднее в самом Пскове, в деревне Печки находилась ваффеншулле (разведывательно-диверсионная школа), в деревне Халахальня — лагерь для подготовленной и ожидавшей переброски агентуры³⁰⁰. Деятельность «предприятия» и разгром псковскими партизанами ваффеншулле в Печках неоднократно рассматривались в литературе, здесь же следует заметить, что география усилий «Цеппелина» была достаточно обширна — от Волги до Белого моря, включая Белоруссию и Прибалтику³⁰¹. Его деятельность была связана с созданием националистических повстан-

ческих комитетов и вооруженных формирований из представителей грузинских, армянских, азербайджанских, татарских и прибалтийских фашистских организаций.

В декабре 1943 года оперативная группа под руководством начальника особого отдела 1-й Ленинградской партизанской бригады Г.И. Пяткина подготовила и осуществила операцию по захвату ваффеншулле в деревне Печки. Во время ее проведения в руки партизан и чекистов попал один из руководителей разведшколы.

Активное участие в осуществлении оккупационного режима на территории Псковской области кроме немецко-фашистских захватчиков приняли и националистические формирования Прибалтийских государств.

Для идеологов Третьего рейха расистская теория была одной из доминирующих в обосновании разного рода внутри- и внешнеполитических действий. В многочисленных «теоретических и практических изысканиях» на эту тему неоднократно подчеркивалось, что прибалтийские народы не являются «расово чистыми», но их вполне можно использовать для нужд немецкого народа, «...неприятные для русского населения мероприятия будет проводить, например, не немец, а используемый для этого немецкой администрацией латыши или литовцы... Представителям этой прослойки следует прививать чувство и сознание того, что они представляют собой нечто особенное по сравнению с русскими»³⁰². Постоянные разговоры о создании «Великой Эстонии» или «Великой Латвии» должны были, с точки зрения фашистских идеологов, привлечь на их сторону большинство населения государств Балтии. Для форсирования этих процессов летом и осенью 1941 года у немцев возникают планы по расширению территорий Генеральных комиссариатов Эстонии и Латвии до «исторической границы области германского влияния» — линии Ленинград — Новгород — озеро Ильмень — река Ловать. Таким образом, территория Эстонии и Латвии должна была увеличиться почти в два раза.³⁰³ Кроме того, эстонцам и латышам, «вставшим на борьбу с большевиками», обещались обширные земельные владения на территории Псковской³⁰⁴, Новгородской и Ленинградской областей.

Все эти пропагандистские лозунги нашли своих сторонников и привели в формируемые немцами воинские подразделения большое количество населения стран Балтии³⁰⁵. Но в действительности ни о каком выполнении обещаний речь и не шла.

В течение 1941—1943 годов комплексная программа колонизации и германизации «восточного пространства» постоянно видоизменялась и уточнялась. Несмотря на громкие заявления об увеличении территорий Эстонии и Латвии, в реальности дела обстояли совершенно иначе. В большинстве немецких документов отмечалась возможность германизации не населения, а территории! Рейхсфюрер СС Гиммлер в своей статье «Германизировать ли?» писал: «Наша задача не германизация Востока в старом смысле слова, не обучение местного населения немецкому языку и немецким законам. Наша задача — обеспечить, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой, германской крови...»³⁰⁶. В последующее время принимается документ с красноречивым названием «Принципы обращения с латышами», основополагающие положения которого переносились и на другие Прибалтийские страны. В документе говорилось, что «прибалтийские земли будут онемечиваться, из чего следует, что живущие здесь народы частично подлежат ассимиляции, частично выселению»³⁰⁷. Немецкие идеологи предполагали свести к минимуму политическую самостоятельность латышей, неизбежную бесправность компенсировать «хорошим экономическим обеспечением», направив самостоятельность латвийского народа «в сферу народного искусства (песни, национальные костюмы, традиционные праздничные обряды)». Расселение большей части эстонцев, латышей и литовцев должно было проходить в освобождаемые от большевиков области, не исключая Урал и Сибирь, где предполагалось наделить каждую семью 100 гектарами земли. Эстонских, латышских и литовских горожан и аграриев предполагалось выселить в восточные районы, отобрав у них земельные наделы, дома и предприятия.

Вопрос о выселении части прибалтийских народов был вполне решен к 1942 году, и речь шла лишь о количестве выселяемых — по данным Б.Н. Ковалева, должны быть переселены около 50% эстон-

цев, свыше 50% латышей и 85% литовцев³⁰⁸. Часть населения должна была стать своего рода карантинным барьером между вновь образуемыми немецкими территориями в Прибалтике (так называемой «Ингерманландией») и русскими поселениями. Взамен выселенных прибалтов предполагалось заселить эту местность ветеранами вермахта.

21 июля А. Розенберг направил немецким властям в Латвии и эстонии письмо, в котором указывал, что «рейхскомиссариат... должен препятствовать любым поползновениям на создание эстонского, латышского и литовского государств, независимых от Германии...»³⁰⁹.

С конца 1941 года, после поражения под Москвой, немецкая агитация среди эстонцев, латышей и литовцев усиливается, поскольку перед фашистами встает вопрос о необходимости пополнения армии, а также формирования карательных и охранных батальонов для борьбы с партизанами и поддержания порядка на оккупированной территории. По мнению А. Гитлера и А. Розенберга, прибалтам будет легче поручить проведение карательных мероприятий и специальных акций по уничтожению местного населения, поскольку они не связаны со славянами на расовом уровне. С 1942—1943 года в Прибалтике становятся массовыми мобилизации, причем количество мобилизованных связывается с проведением политических мероприятий по введению автономии в Эстонии и Латвии.

Сразу после вступления вермахта на территорию СССР в тылу немецких армий создаются комендатуры и особые штабы для управления «тыловой зоной». Фактически вся полнота власти в Прибалтике перешла в руки представителя Восточного министерства при Главном командовании сухопутных войск. Ему подчинялось 5 полевых и 17 гарнизонных комендатур, батальон полевой жандармерии, охранные дивизии вермахта и «охранные батальоны», сформированные на оккупированных территориях из числа местных жителей и военнопленных³¹⁰.

По мере продвижения линии фронта на восток тыловая зона отодвигалась и управление передавалось в руки гражданской администрации. 17 июля 1941 года на захваченных землях Прибалтики и Белоруссии был создан рейхскомисариат «Остланд», а в каждой из республик был назначен генеральный комиссар. Территория Эстонии, Латвии и Литвы были разделены на округа, во главе которых стояли городские или сельские областные комиссары. Отдельный округ составил Печорский уезд. В Печорском городском округе во главе администрации стал штандартенфюрер СС Л. Бомбе, а уездным старшиной был назначен Р. Коолман. Абренский (Пыталовский) уезд вошел в состав Дюнабургского (Даугавпилсского) округа.

В обязанности штадткомиссаров входил контроль за местными органами самоуправления и за мобилизацией рабочей силы, а также в сферу их компетенции входило проведение карательных акций против населения и партизан³¹¹.

Местное самоуправление в Прибалтике было основано на деятельности политических сил, существовавших до 1940 года. Структура самоуправлений была следующей: территории Эстонии, Латвии, Литвы делились на уезды и волости во главе со старостами. Но полномочия этих должностных лиц, а также советников (директоров) в уездах или провинциях были весьма ограничены. Им разрешалось лишь решать отдельные хозяйственно-фискальные вопросы.

Одновременно с учреждением гражданской администрации в оккупированных областях была создана и полицейская структура, подчиненная рейхсфюреру СС Гиммлеру. Основу полицейского аппарата составили айнзатцгруппы, созданные еще в мае 1941 года. По своей сути эти немногочисленные структуры (всего 600 человек на территории группы армий «Север») являлись неким подобием штаба, руководившего всей карательно-полицейской деятельностью. Перед группами стояли следующие задачи:

— захват и обыск помещений, где располагались советские партийные и правоохранительные органы;

- выявление советской разведсети и подполья;
- проведение карательных и розыскных мероприятий, уничтожение сотрудников НКВД, политработников; партизан;
- ликвидация партийного актива, советской агентуры, евреев.

В подчинении айнзатцгруппы А («Север») находились айнзатцкоманды № 2 и № 3, действовавшие в Псковской области и Латвии, а также зондеркоманда № 1Б, располагавшаяся в поселке Локня, затем (с осени 1942 г.) в Порхове³¹². В Невеле действовала айнзатцкоманда № 9. Эти органы организовывали и проводили карательные акции против мирного населения и партизан.

Кроме того, в Эстонии, Латвии и Литве были созданы территориальные органы полиции безопасности и СД с центрами в Таллинне, Риге и Каунасе, аппарат этих органов был разделен на две части — национальную и немецкую. В Гдове, Новоржеве, Острове, Пскове, Печорах, Плюссе, Стругах Красных были организованы местные подразделения, в которых служили в основном члены националистических формирований. Основной задачей этих структур была агентурная деятельность по выявлению подполья, подготовка разведывательно-диверсионных групп для действий в советском тылу и выполнение разнообразных заданий фашистов по проведению карательных акций против населения, охране лагерей и тюрем. Псковичи, пережившие оккупацию, вспоминали, что наибольший страх внушали именно эстонская и латвийская полиция безопасности.

В качестве агентов насаждаемой в оккупированных районах агентурной сети выступали старосты, полицейские, лесники, владельцы рюмочных, пивных и закусовых, обязанные сообщать о подозрительных людях, происшествиях и активистах Советской власти. Агентурная сеть сводилась в резидентуры, во главе которых стояли коллаборационисты из числа служащих немецких оккупационных учреждений. Некоторая часть агентов проходила специальную подготовку и даже могла засылаться в другие населенные пункты³¹³. Основная деятельность органов полиции безопасности была направлена на уничтожение советских партизанских отрядов и подполья. Подразделения полиции организовывали карательные операции, к

участию в которых привлекались местные (вспомогательные) полицейские формирования и «охранные батальоны».

На территории Прибалтики, в пограничных территориях и в самой Псковской области действовало немало подобных структур. Формирование вспомогательной полиции из эстонцев, латышей и литовцев проходило поэтапно. В их основу были положены «отряды самообороны» и «стражи отечества», существовавшие до 1940 года и стихийно восстановленные в период июня — июля 1941 года³¹⁴. После отступления Красной Армии местные жители подбирали брошенные винтовки и патроны, а члены националистических формирований «Омокайтсе» и «Айзсарги» раскрывали тайники с оружием и создавали формирования для охраны хуторов и деревень. Немцы ставились перед фактом существования вооруженных отрядов и использовали их для борьбы с партизанами. С лета 1941 года из многих таких самостийных отрядов были созданы регулярные батальоны для проведения антипартизанских действий, охраны военных объектов и концлагерей. С осени 1941 года все подобного рода вспомогательные полицейские формирования были объединены в «Охранную службу полиции порядка», состоящую из полицейских, несших участковую службу в населенных пунктах, полицейских, состоявших в «сплоченных подразделениях» (*schuma*-батальоны*) и используемых прежде всего для карательных экспедиций, пожарной службы, а также полицейских, мобилизуемых в чрезвычайных ситуациях.

Особое внимание следует обратить на деятельность так называемых *schuma*-батальонов, находившихся в постоянной боевой готовности и игравших одну из основных ролей в контрпартизанской борьбе, а позднее сражавшихся и на передовой против частей Красной Армии. Всего в период 1941—1944 годов было создано около 45 латышских и порядка 40 эстонских полицейских боевых формирований общей численностью до 180 тысяч человек³¹⁵. Помимо этого в Эстонии и Латвии были сформированы легионы СС

---

* *Schuma*-батальон — сокр. с нем.: *Schutzmannschaft der Ordnungspolizei* — вспомогательная полицейская служба порядка.

(5300 человек в Эстонии и около 17 900 человек в Латвии³¹⁶) и отряды, вошедшие во вспомогательные службы вермахта, — до 20 тысяч человек³¹⁷. Приводя вышеуказанные цифры, следует оговориться, что количественные данные у многих авторов специальных исследований разнятся, кроме того, по справедливому замечанию Б.Н. Ковалева, служба в этих формированиях для многих была не «политическим выбором, а стратегией выживания»³¹⁸.

Деятельность латышских полицейских формирований на территории Псковской земли оставила печальные следы. 273-й и 276-й полицейские *schuma*-батальоны (в каждом до 500 человек) были сформированы в Абренском (Пыталовском) уезде. В период 1942 года они, вместе с немецкими и балтийскими формированиями, принимали участие в различных контрпартизанских операциях — «Болотная лихорадка» и «Зимнее волшебство», — проводившихся в основном в Белоруссии и отчасти на юге и юго-западе Псковщины. В результате только одной карательной акции «Зимнее волшебство» были убито, сожжено заживо до 15 тысяч человек, а многие были отправлены в лагерь и угнаны в Германию.

Осенью 1943 года в Россонско-Освейском районе (Себеж — Пустошка — Невель — Полоцк — Дрисса — Освея — Себеж) силами немецких карательных отрядов и 11 латышских *schuma*-батальонов была проведена операция «Генрих», во время которой погибло до 7 тысяч человек и было сожжено 12 деревень. Созданные в 1943 году в связи с активизацией деятельности партизан и наступлением Красной Армии, латышские полицейские полки (№№ 1, 2, 3) участвовали в нескольких боевых операциях под Островом и Невелем. Так, в 1943 году в районе Идрицы, Себежа и Невеля карательные акции осуществлял 1-й полицейский полк «Рига», состоявший из 277-го, 278-го, 312-го и 282-го полицейских батальонов общей численностью до 2300 человек. За «храбрость, проявленную в боях с большевиками», националисты получили право носить специальные отличительные знаки (ленты) на форме. В 1944 году 2-й и 3-й латышские полицейские полки, состоявшие из 8 *schuma*-батальонов, вошли в специальную карательную группу под

командованием обергруппенфюрера СС Ф. Еккельна, действовавшую против псковских партизан и Красной Армии на бывшей советско-латвийской границе.

После поражений в боях с Красной Армией (в ходе Великолукской операции) 1943—1944 годов некоторые подразделения латышских полицейских отрядов были расформированы либо вошли в состав дивизий СС. Отдельные батальоны самостоятельно действовали в 1944 году в лесах во время советского наступления. Часть латышей и эстонцев, не желая продолжать служить, дезертировали из формирований и вернулись домой, уклонились от мобилизации в 1944 г. в Советскую Армию, став основой для формирований «лесных братьев».

В течение 1942—1944 гг. на территории Псковского края действовали несколько крупных латышских полицейских формирований, использовавшихся немцами для антипартизанских действий и уничтожения «пособников партизан». О карательных акциях прибалтийских формирований на русской земле остались некоторые свидетельства. Немцы зачастую поручали национальным формированиям наиболее грязную и кровавую «работу», пытаясь усилить межнациональную рознь и остаться в стороне от «античеловеческих поступков националистов Балтийских стран». Очень большую работу по установлению злодеяний этих батальонов провели сотрудники УНКГБ — УМГБ — УКГБ по Псковской области, выявлявшие палачей и предателей Родины в послевоенное время. Жесткий, кровавый и необоснованный террор против мирного населения поражал не только свидетелей тех событий, но и многое повидавших следователей Управления. Даже солдаты и офицеры РОА (Русской освободительной армии генерала Власова) писали о кровавых деяниях латышей в Белоруссии и на Псковщине: «Когда немецкие части... ушли, им на смену пришли части латвийского СС. И сразу же начался страшный беспричинный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам и скрываться в них, как дикие звери... Латышские эсэсовцы говорили, показывая на сотни трупов: «Мы их убили, чтобы уничтожить как можно больше русских...»³¹⁹. Пережившие

это страшное время крестьяне Псковщины рассказывали, что немцы перед своим уходом предупреждали их о том, что следует спастись и уходить из деревень, поскольку «скоро придут эстонцы (латыши) и сожгут всех».

В десяти километрах от Пскова есть небольшая деревня Моглино. В годы войны неподалеку от нее, в постройках бывшей советской погранкомендатуры, находился пересыльный лагерь для согнанных мирных жителей, военнопленных и партизан. Здесь же содержалось большое количество цыган и евреев. В лагере работали немецкие спецслужбы, «отбирая» кандидатов для дальнейшей разведдеятельности, направляя их в распоряжение «предприятия Цеппелин». Начальником охраны лагеря был немец по фамилии Кайзер, охрану лагеря осуществляла «рота особого назначения» 37-го эстонского полицейского батальона, которым командовал майор Бергман. Батальон был сформирован под Тарту осенью 1941 года и первоначально размещался на территории Печорского района, впоследствии некоторые подразделения были направлены в Псков, другие в его окрестности. С марта 1942 года батальон был придан боевой группе «Йекельн», с июля передан в охранную дивизию, большинство его подразделений с 1943 года были выведены из фронтовых районов, сосредоточившись в окрестностях Пскова³²⁰. Штаб батальона располагался на Плаунер Штрассе (до оккупации — ул. Ленина), на втором и третьем этажах в доме № 3, там, где в 1900 году жил В.И. Ленин.

В Моглинский лагерь направлялись не только военнопленные, но и мирные жители, среди которых было много женщин, детей, стариков. В помещении бывшей конюшни погранотряда, разделенной на несколько секций, содержались мужчины, женщины и дети, отдельно находились цыгане и евреи. Заключенных использовали на разнообразных ремонтно-восстановительных работах, а также на лесоповале. В течение 1942—1943 гг. здесь было уничтожено более 550 мирных советских граждан. За малейшую провинность заключенных избивали плетью и палками, специально изготовлявшимися для этих целей. Эстонские каратели Лукас, Торн, Лумисте, Лепметс, Веедлер из «роты особого назначения» под командованием немецко-

го офицера Кайзера проводили расстрелы женщин и стариков, а грудных детей убивали, «дробя им головы об телегу», или забивали прикладами «для экономии боеприпасов»³²¹. Расстрелы производились недалеко от Моглино и Пскова.

В октябре 1943 года подразделения 37-го эстонского полицейского батальона во главе с Э. Оодла и Э. Пяхном сожгли вместе с жителями деревню Ланёва Гора — за «связь с партизанами». Чудом спасшаяся А.И. Данилова рассказывала: «Каратели окружили деревню... Все — кто куда. Мы кинулись в окоп, тут, за домами. Пять семей нас было. И, может быть, уцелели бы, но ребятишки от страха плакали и нас выдали... Согнали всех к колодцу... поставили пулемет. С нами говорили по-русски, а меж собой по-эстонски. О чем-то совещались, в колодезь поглядывали и на нас смотрели... А потом приказали расходиться по домам... Как вошли в дом, нас к стенке... меж окон, и давай стрелять. Маму с отцом сразу убили, меня ранили... как дом загорелся, я в окно выползла...» Всего в этой деревне каратели 37-го эстонского батальона уничтожили 63 человека, из них 29 детей³²².

Кроме того, в 1942—1944 гг. карательный 37-й эстонский батальон действовал в Опочечком, Пустошкинском, Себежском и других районах.

Другое подразделение 37-го полицейского эстонского батальона, известное как «взвод тяжелых пулеметов», «действовало» на гдовском и стругокрасненском направлениях. «Взвод тяжелых пулеметов» под командованием А. Пиигли проводил массовые карательные акции, захватывая и расстреливая заложников, сжигая дома и постройки мирных жителей, проводя облавы. С марта по ноябрь 1942 года в Гдовском, Карамышевском и Полновском районах эстонскими карателями было расстреляно более 60 мирных жителей³²³.

После советского наступления 1944 года 37-й батальон был отведен в Латвию, в подчинение вермахта, в июле 1944 года был переименован в 1-й батальон 2-го эстонского полицейского полка. На советско-латвийской границе батальон участвовал в боях с Крас-

ной Армией, а потом вместе с немецкими частями отступил в Германию, в Силезию, где и был расформирован. Основная часть личного состава была передана в 20-ю гренадерскую дивизию СС. После марта 1945 года часть его личного состава сдалась союзникам и осела в странах Западной Европы и Америки. Другие вернулись в Эстонию и зажили «тихой и спокойной» жизнью.

После войны во время работы Комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков страшная история Моглинского лагеря стала известной. Из могил были извлечены сотни трупов со следами огнестрельных ранений, а у детей комиссия зафиксировала «переломы костей черепа от удара тяжелым, твердым, тупым предметом или же от удара головой ребенка о что-то твердое»³²⁴. В послевоенное время были найдены и торжественно перезахоронены останки псковичей, погибших от пуль карателей «взвода тяжелых пулеметов». Было проведено следствие и по другим «следам деятельности» эстонских формирований.

В 1960-е годы благодаря скрупулезной работе следователей и оперативных работников Управления КГБ по Псковской области судьбы практически всех карателей из 37-го батальона «роты особого назначения» и «взвода тяжелых пулеметов» были установлены, а многие были разысканы и привлечены к уголовной ответственности. Сотрудники Псковского управления М.П. Пушняков, В.М. Петровичев, В.Я. Агibalов, В.Н. Рябчук, М.Д. Дерюго и многие другие в 1960—1970-е годы провели кропотливую работу по розыску преступников, поиску свидетелей и очевидцев тех далеких событий, просмотрели тысячи архивных фондов, чтобы собрать неоспоримые улики и доказательства преступной деятельности карателей на Псковской земле³²⁵.

В Эстонии создание националистических формирований происходило одновременно с Латвией. В названиях некоторых батальонов были указания на место дислокации и деятельности. Так, известны восточные батальоны «Пихква» и «Плескау», выполнявшие карательные функции в Псковском, Невельском и Островском районах. Некоторые подразделения патрулировали улицы Пскова, Дно, Ос-

трова и охраняли военные объекты или концлагеря (как 37-й батальон). Большинство из них после тыловых функций в 1943—1944 гг. были направлены на фронт, затем отведены в Германию или Польшу, доукомплектованы и действовали как на восточном, так и на западном фронтах. Очень многие сдались в плен союзникам, но были переданы советским войскам, кое-кому удалось пройти фильтрацию и вернуться домой, впоследствии большая часть этих людей была арестована органами НКВД — НКГБ, некоторые избежавшие ареста продолжали борьбу и в послевоенное время.

Помимо этих формирований немцы создали из числа эстонцев и латышей отряды «пограничной охраны», в задачи которой входила охрана границ Эстонии и Латвии, установленных в 1920 году, не допуская прорыва партизан, советских разведывательно-диверсионных отрядов. Как показывал на следствии один из «айзсаргов», переведенный в 1942 году в «пограничную стражу», они должны были охранять бывшую границу СССР и Латвии, не допуская прохода партизан и советских диверсантов в немецкий тыл³²⁶. Всего немцы в конце 1942 — 1944 году создали четыре пограничных полка, насчитывающих до 2,5 тысячи человек в каждом. Однако в апреле — мае 1944 года два из них были расформированы по причине «недостаточности вооружения», а также в связи с большим числом дезертиров. Участники полицейских батальонов и «пограничники» массовым порядком уходили на свои хутора, ожидая советского наступления и понимая, что немцы не смогут долго сопротивляться.

Помимо подобных формирований, используемых для подавления советского сопротивления, немцы в 1943 и 1944 гг. создали несколько саперно-строительных и железнодорожных батальонов, занимавшихся в основном восстановлением коммуникаций после партизанских диверсий. Иногда эти батальоны привлекались для создания заградительной линии при облавах в лесных массивах.

Рассматривая деятельность националистических формирований в Прибалтике в годы войны, следует отметить, что с началом немецкой оккупации были восстановлены массовые вооруженные организации «Кайтселийт» в Эстонии и «Айзсарги» в Латвии.

По мере продвижения линии фронта отряды «Кайтселийта» образовывались в различных населенных пунктах. Немцы, стакнувшиеся с вооруженными формированиями, первоначально решили изъять оружие и распустить отряды. Но уже 2 августа 1941 года было решено восстановить «Кайтселийт» под названием «Омокайтсе» («Корпус самообороны»).

«Омокайтсе» имело четкую структуру и подчинялось немецким органам военного полицейского управления. В составе Главного Управления «омокайтсе» находилось 4 отдела — оперативный, кадровый, снабжения и «женский», курировавший «Найскудакакте» — «женскую защиту»³²⁷. Всего было создано 10 полков «омокайтсе». В приграничных с Псковщиной районах было организовано 4 полка (в Выру, Тарту, Вильянди, Петсерима-Печорах) с общей численностью в 28010 человек³²⁸. В Печорах полк «омокайтсе» назывался «Службой порядка Петсерима», состоявший из 4 территориальных батальонов, во главе полка стоял майор Я. Тамм³²⁹.

Полки делились на батальоны (по 500—700 человек), роты (150—200), взводы (36—40 человек) и отделения (10—12 человек). Впоследствии эта организационная структура будет неоднократно использоваться бандформированиями для проведения крупных акций против Советской власти.

Вооруженные винтовками, автоматами и пулеметами, отряды, созданные в деревнях и городах, должны были, как и ранее, охранять населенные пункты и нести караульную службу на близлежащих дорогах и лесных массивах, защищая их от партизан. Время от времени члены отрядов призывались для участия в «учениях и сборах». Для вступления в отряд было необходимо доказать, что кандидат не состоял в коммунистической партии и не имеет родственников-евреев³³⁰. В условиях военного времени отряды «омокайтсе» использовались далеко не только для самообороны. Они участвовали в облавах и карательных экспедициях. Немцы использовали «омокайтсе» в проведении массовых карательных экспедиций. Плохо пригодные для ведения открытых боевых действий, «омокайтсе» несли большие потери в борьбе с

партизанами. По данным ГАРФ, летом 1941 года отрядами «омокайтесь» было проведено 5033 облав, 1850 «операций». Особенно активно эти «операции» проводились в Печорском округе³³¹. Во время облав, проводимых «омокайтесь», было арестовано «14 советских парашютистов-диверсантов», 5632 партизана, 20989 красноармейцев»³³².

По некоторым данным, летом — зимой 1941 года националисты из эстонских полицейских формирований убили более 10000 советских активистов и красноармейцев, скрывавшихся в лесах, арестовали более 50 000 человек (30 000 партизан, 12 000 беглых заключенных из лагерей, 8 000 человек из «других категорий»), из которых 7357 уничтожили на месте³³³.

Особой задачей «айзсаргов» и «омокайтесь» была охрана границ от «подозрительных и голодающих людей», прибывающих из России. Националисты под руководством офицеров из немецких спецслужб проводили фильтрацию беженцев, «ограждая населенные пункты от советских диверсантов».

В Латвии после установления немецкого оккупационного режима также были воссозданы националистические вооруженные формирования «айзсаргов», выполнявших, как и в Эстонии, разнообразные задачи — от охраны населенных пунктов и дорог до участия в арестах и контрпартизанских операциях. Все доводы бывших «айзсаргов» о том, что они были насильно мобилизованы и только охраняли правопорядок в населенных пунктах, не участвуя в карательных акциях, совершенно необоснованны. Все это говорилось ими на следствии ради того, чтобы их действия не были квалифицированы как измена Родине и вооруженная борьба против Советской власти (статья 58, часть 1 УК РСФСР 1926 года). Однако в действительности эти отряды, прежде всего, привлекались для участия в карательных акциях, проводившихся как вблизи их «зоны ответственности», так и в отдаленных местностях³³⁴. «Айзсарги» и члены «омокайтесь» «грузились» в машины, на подводы и вместе с подразделениями СС и немецкими частями выезжали на «акции» против партизан и подполья. Иногда подобные операции локального характера продолжались в течение нескольких недель.

Зимой 1942—1943 года латышские полицейские отряды, «айзсарги» и schuma-батальоны на юге Псковщины и в северной части Белоруссии провели операцию по созданию так называемой «нейтральной зоны» («белой полосы») шириной до 40 километров с целью «устранения партизан и обустройства будущих границ». В этой зоне были сожжены и разорены почти все деревни и уничтожены, угнаны в Германию и «выселены в лагерь» почти 200 тысяч человек.

Все члены националистических формирований были обязаны сообщать немецкому командованию о передвижениях неизвестных лиц, а тем более партизан. Очень часто многие «айзсарги» добровольно участвовали в арестах, обысках, допросах и казнях советских активистов и партизан. Причем особенным истязаниям подвергались именно те, кто 1940 году проявил себя в первой советизации республик Прибалтики. Латвийскими националистическими формированиями в июле — августе 1941 года в двух уездах было расстреляно около 160 человек из числа обнаруженного советского актива.

В 1944 году во время советского наступления большинство этих формирований были объединены с schuma-батальонами. Немцы решили попросту заткнуть брешь в линии фронта, бросив против 10-й советской гвардейской армии национальные формирования и спасти свои войска от неминуемого поражения³³⁵. Отряды «омокайтсе», «айзсаргов» и schuma-батальоны были практически сметены частями Красной Армии, «они бежали, бросая оружие и сдаваясь в плен». Под Новоржевом и Опочкой в июле 1944 года было разбито и уничтожено около 20 тысяч участников национальных эстонских и латышских формирований.

Подводя итоги, можно констатировать, что судьбы многих националистических организаций были похожи. С началом войны они принимали участие в нападениях на отступающие части Красной Армии и расправлялись с большевистскими деятелями, добывали разведывательные данные для немцев. При их содействии немецкой полиции безопасности удалось составить подробные списки партийных и советских активистов (в Латвии они назывались «списки

разыскиваемых лиц» и были разосланы в отпечатанном виде всем уездным и волостным учреждениям).

Из националистов на оккупированной территории формировались полицейские части. Немцы использовали их для охраны гетто в Польше, в Югославии, для охраны лагерей и тюрем, для карательных организаций против партизан на оккупированной территории СССР (в Ленинградской и Псковской областях, в Литве, в Белоруссии и на Украине).

Правда, нацисты не доверили своим союзникам руководство полицейскими батальонами — их возглавляли немецкие офицеры. Только в период коренного перелома в ходе войны часть полицейских батальонов гитлеровцы стали направлять на фронт. В 1943 г. на базе нескольких таких батальонов были созданы легионы СС, в 1942 г. — Эстонский легион СС-2 под командованием А.Ребане и т.д. Но создание карательных органов, естественно, не решило основного вопроса, поставленного националистами, — обретение независимости. Поэтому многие националистические организации распадались, а отдельные партии и группы переходили на нелегальное положение. Большинство их надеялось выждать и посмотреть, кто из двух гигантов — Германия или СССР — выиграет в противостоянии.

3.3. НКВД и псковские партизаны в борьбе с националистическими формированиями в 1941–1944 гг.

Великая Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для советского народа. Противостояние фашистскому агрессору потребовало сосредоточения всех сил страны, реорганизации всей системы управления. Особое значение в сложившейся ситуации приобрела деятельность правоохранительных органов. Они должны были обеспечить безопасную жизнедеятельность советского тыла и принять непосредственное участие в борьбе с вторжением немецко-фашистских оккупантов. На Северо-Западе СССР, в условиях длительной оккупации Псковского края, органы внутренних дел и государственной безопасности вели активную работу в тылу против-

ника, возглавляя подполье и проводя разведывательно-диверсионную работу на оккупированной территории.

Накануне войны органы государственной безопасности и внутренних дел существовали в едином НКВД СССР, которым руководил Л.П. Берия. 3 февраля 1941 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) НКВД был реорганизован — в связи с «необходимостью максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности и возросшим объемом работы, проводимой Народным комиссариатом внутренних дел СССР, ее многообразием». Было признано целесообразным выделить из него Главное управление государственной безопасности, преобразовав его в самостоятельный союзно-республиканский наркомат — НКГБ. Во главе Народного комиссариата внутренних дел остался Л.П. Берия, народным комиссаром государственной безопасности был назначен В.Н. Меркулов. На НКГБ СССР возлагалось ведение разведывательной работы за границей; борьба с подрывной, шпионской, диверсионной, террористической деятельностью иностранных разведок внутри СССР; оперативная разработка и ликвидация остатков антисоветских партий и контрреволюционных формирований среди различных слоев населения СССР; охрана руководителей партии и правительства; руководство мобилизационной работой. За НКВД сохранялись: «охрана общественной собственности, личной и имущественной безопасности», чем руководило Главное управление милиции (ГУМ), а также борьба с детской беспризорностью, запись актов гражданского состояния (ЗАГС), «учет, охрана, научная и оперативная разработка государственных архивных фондов», горнотехнический и котлонадзор, войсковая охрана государственных границ, особо важных предприятий, руководство местами заключения и конвойными войсками. На НКВД возлагалось также руководство местной противовоздушной обороной (МПВО), освоение новых районов в отдаленных северных областях СССР, организация «трудового использования осужденных для проведения крупнейших работ»³³⁶.

В соответствии с директивой НКВД и НКГБ СССР в марте 1941 года в Псковском районе и на всей территории будущей Псков-

ской области были созданы районные и межрайонные отделы (РО) НКВД и НКГБ. В структуре РО НКГБ были созданы контрразведывательный и секретно-политический отделы, следственная часть, особая инспекция, административный финансово-хозяйственный отдел и ряд других подразделений. Существовали органы государственной безопасности на железной дороге. В ведение РО НКГБ передавались многие незаконченные следственные дела, документы оперативного учета, архив и другие материалы. Следует отметить, что время для реорганизации НКВД было выбрано неудачно. Процесс выделения отделов НКГБ занял много времени в условиях надвигающейся войны. В работе отделов появилась разобщенность, участились разногласия между сотрудниками. Даже вышедшее 19 апреля 1941 года Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которое должно было улучшить координацию деятельности НКВД и НКГБ, не внесло кардинальных изменений в процесс реорганизации правоохранительных структур. Процесс разделения органов госбезопасности и внутренних дел был сложный, и к началу войны он так и не был завершен.

Основные усилия псковских чекистов в связи со стратегическим положением Псковщины в эти предвоенные месяцы были сосредоточены на борьбе с деятельностью немецких и прибалтийских диверсионных и шпионских групп. Районы Псковского края представляли для немецкой разведки особый интерес. В 1938—1939 годах в Псковском, Островском и Себежском укрепленных районах велось строительство 210-километровой непрерывной линии обороны³³⁷. Однако после событий 1939—1940 гг. граница была перенесена, в связи с чем вооружение (пулеметы, минометы и пушки) с готовых объектов было снято и хранилось на складах, а большая часть сооружений была засыпана землей либо законсервирована. Всего же на территории Псковщины (вдоль линии южный берег Чудского озера — Псков — Палкино — Остров — Опочка — Себеж) имелось около 230 долговременных огневых сооружений³³⁸. При подготовке наступления на Ленинград в условиях «молниеносной войны», на которую рассчитывали агрессоры, сведения о дислокации частей

Красной Армии и военных объектах на территории Псковщины имели для немцев первостепенное значение³³⁹.

Еще в январе 1941 года в директиве, направленной в управления и отделы НКВД, говорилось об активизации «разложенческой и вербовочной работы» немецкой разведки среди неустойчивого населения СССР, о массовом насаждении агентуры, о сборе шпионских сведений³⁴⁰. Позднее в ориентировке Третьего управления Народного комиссариата обороны (военная контрразведка) от 25 мая 1941 года «О подрывной деятельности германских разведывательных органов» указывалось на объекты, вызывающие особый интерес «агентуры германских разведывательных органов»: «это места дислокации моторизированных и бронетанковых частей Красной Армии, места расположения аэродромов, места расположения артиллерийских частей и калибр их орудий», местонахождение военных складов и другой военной инфраструктуры³⁴¹.

В директивах НКГБ весны — лета 1941 года указывалось на необходимость постоянной и усиленной работы РО НКГБ по обезвреживанию шпионов и их пособников, ведущих «диверсионно-подрывную работу» среди частей Красной Армии и гражданских служащих, по предотвращению террористических актов в тыловых районах СССР. Особое значение придавалось «вскрытию антисоветского, бандитского подполья» и противодействию проникновению нелегальных националистических формирований из Эстонии и Латвии, которым в 1940 году «был нанесен серьезный удар, однако полностью ликвидировать подполье не удалось»³⁴².

«Ориентировки» военной контрразведки обращали особое внимание РО НКГБ на «контингент вражеской агентуры, забрасываемой к нам через западную границу». Около 52% составляли поляки (крестьяне, бывшие военнослужащие польской армии), примерно 30% агентов приходилось на украинских националистов, и около 20% составляли литовцы, латыши, эстонцы, белогвардейцы и белоэмигранты³⁴³. Значительное количество агентов, заброшенных в советский тыл, было арестовано псковскими чекистами накануне войны.

С началом Великой Отечественной войны деятельность правоохранительных органов определялась обстановкой на фронтах и в тыловых районах СССР. Основные принципы деятельности органов НКВД — НКГБ были сформулированы в ряде постановлений и директив партийно-советского руководства. Одним из основополагающих нормативных актов, которыми руководствовались органы госбезопасности и ОВД, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении», согласно которому на НКВД было возложена охрана путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, а также производство обысков и задержаний подозрительных лиц, выселение в административном порядке лиц, признанных социально опасными, в том числе и без санкции прокурора. Кроме того, подразделения НКВД — НКГБ СССР должны были обеспечить выполнение следующих мероприятий: привлечение граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, конфискацию автомобильного и автогужевого транспорта и всех необходимых средств и имущества для нужд обороны, обеспечение контроля за деятельностью торговых учреждений (рынки, магазины, склады, предприятия общепита), коммунальных предприятий (бани, прачечные, парикмахерские и т.д.), культурных учреждений (театры, кино и т.п.), осуществление запрета на организацию всякого рода собраний, шествий, появление на улице после определенного времени, въезд и выезд в местности, объявленные на военном положении; ограничение уличного движения.

В последующие дни Президиум Верховного Совета, СНК СССР, ЦК ВКП(б), наркоматы обороны, внутренних дел, госбезопасности издадут ряд нормативных актов, предопределивших деятельность правоохранительных органов в период войны. Уже утром 22 июня в областные управления и РО НКВД — НКГБ поступила директива В.Н. Меркулова «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией», в которой говорилось: «В связи с начавшимися военными действиями с Германией приказываю немедленно провести следующие мероприятия:

1) привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ — УНКГБ;

2) провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента;

3) мобилизовать внимание всей агентурно-осведомительной сети на своевременное вскрытие и предупреждение всех возможных вредительно-диверсионных актов в системе народного хозяйства, и в первую очередь на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта;

4) при поступлении данных о готовящихся государственных преступлениях — шпионаж, террор, диверсии, восстания, бандитские выступления, призыв к забастовкам, контрреволюционный саботаж и т.д. — немедленно принимать оперативные меры к пресечению всяких попыток вражеских элементов нанести ущерб Советской власти;

5) совместно с НКВД — УНКВД обеспечить:

а) строгую охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций, мостов, радиотелефонных, телеграфных станций, аэродромов, банков и т.д.;

б) мобилизовать внимание работников милиции на борьбу с возможными проявлениями паники;

в) привести в боевую готовность пожарные команды»³⁴⁴.

Все проводимые мероприятия НКВД — НКГБ должны были согласовываться с партийно-советскими органами.

В июне — июле 1941 года были изданы несколько директив о необходимости изъятия у населения радиоприемников и «передающих устройств», о «мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции», вводившая военную цензуру и обязывающая НКВД контролировать переписку. Был издан Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР об ответственности за распространение ложных слухов, возлагавший на органы НКВД — НКГБ выявление «паникеров»³⁴⁵. 25 июня 1941 г. было принято решение СНК СССР о возложении на НКВД функций охраны тыла действующей Красной Армии. На основе

войск НКВД и милиции началось формирование специальных частей и подразделений.

29 июня и 1 июля принимаются Директивы №№ 136 и 168 НКГБ СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени», дополнявшие и конкретизировавшие предыдущие указания. Областным управлениям и районным отделам предлагалось:

«1. Форсировать эвакуацию арестованных, в первую очередь из районов, в которых создалось напряженное положение.

2. Архивные материалы и другие секретные документы, не являющиеся необходимыми для текущей оперативной работы, тщательно упаковать и отправить в тыловые органы НКГБ под надежной охраной...

4. Ни в коем случае не покидать обслуживаемой территории без специального разрешения вышестоящих органов НКГБ. Виновные в самовольной эвакуации, не вызванной крайней необходимостью, будут отданы под суд.

5. Совместно с органами НКВД организовать решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и бандитско-повстанческими группами, организованными контрреволюционными элементами.

6. В каждом органе НКГБ создать крепкие, хорошо вооруженные оперативные группы с задачей быстро и решительно пресекать всякого рода антисоветские проявления...

...Чекистский аппарат, как гласный, так и секретный, должен быть подготовлен для активной борьбы с врагом в любых условиях, в том числе в подпольных.

В этих целях... немедленно приступить к осуществлению следующих мероприятий:

1. Весь негласный штатный аппарат НКГБ, сохранившийся от расшифровки, подготовить для оставления на территории в случае занятия ее врагом для нелегальной работы против захватчиков.

Аппарат должен быть разделен на небольшие резидентуры, которые должны быть связаны как с подпольными организациями

ВКП(б), так и с соответствующими органами НКГБ на территории СССР.

Способы связи (радио, шифры, оказии и пр.) должны быть заблаговременно определены. Перед резидентурами поставить задачу организации диверсионно-террористической и разведывательной работы против врага.

2. Из нерасшифрованной агентурно-осведомительной сети также составить отдельные самостоятельные резидентуры, которые должны вести активную борьбу с врагом.

... В качестве основной задачи перед работниками НКГБ, переводимыми на нелегальное положение, необходимо ставить задачу по организации совместно с органами НКВД партизанских отрядов, боевых групп для активной борьбы с врагом на занятой им территории СССР.

... Эвакуироваться можно только с последними частями Красной Армии, приняв предварительно необходимые меры к проверке, насколько тщательно уничтожено на занимаемой противником территории СССР народное Достояние (фабрики, заводы, склады, электростанции и все, что может оказаться полезным врагу в его борьбе с советским народом), подготовив и полностью осуществив мероприятия, изложенные выше»³⁴⁶.

Для централизации руководства обеспечением государственной безопасности в условиях войны на повестку дня встал вопрос о слиянии органов НКВД — НКГБ. В результате 20 июля 1941 года издается Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении бывшего НКВД, включившего в себя НКГБ и органы военной контрразведки. Во главе объединенного НКВД был назначен Л.П.Берия. Территориальные органы НКВД также были реорганизованы. В 1943 году без каких-либо объяснений³⁴⁷ НКВД вновь преобразуется, и из его состава выделяются «оперативно-чекистские управления и отделы», на базе которых воссоздается НКГБ, который занимался, в основном, разведывательной деятельностью и контрразведкой. Вместе с тем из НКВД выделяется Главное управление военной контрразведки («Смерш»), начальник

которого (В.С.Абакумов) стал подчиняться непосредственно И.В.Сталину³⁴⁸. Такое положение дел сохраняется до 1946 года, когда было предпринято новое реформирование правоохранительных органов.

Особое значение для работы Народного комиссариата внутренних дел СССР в годы войны сыграла совместная директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г. Она определила основные задачи деятельности партийно-государственных органов в условиях войны. В том числе она устанавливала приоритеты функционирования органов внутренних дел.

На них возлагалась борьба с дезертирством, мародерством, очистка городов и оборонно-хозяйственных пунктов от преступных и антисоветски настроенных элементов, выявление и изоляция агентов вражеских спецслужб, паникеров и распространителей пораженческих слухов, охрана государственных и промышленных объектов, железнодорожного и водного транспорта, борьба с хищениями эвакуируемых и военных грузов, разгрузка транспортных путей от пассажиров, чье передвижение не было связано с военной или хозяйственной необходимостью, обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, различных хозяйственных грузов. Кроме того, органы НКВД, как было сказано выше, обеспечивали проведение в жизнь приказов и распоряжений военных властей, регламентировавших режим военного положения. Весь комплекс этих новых задач не освобождал органы и подразделения внутренних дел от выполнения своих основных функций — охраны общественного порядка и безопасности граждан, борьбы с преступностью и нарушениями административного и уголовного законодательства, изоляции и трудоустройства лиц, признанных преступниками.

Важную роль в обеспечении безопасности тыла, наряду с войсками НКВД, играли истребительные батальоны НКВД. Управление истребительными батальонами, их боевая подготовка и оперативное использование возлагались на органы НКВД. 25 июня 1941 г. был издан приказ НКВД СССР «О мерах по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», опре-

деливший основные принципы организации и деятельности истребительных батальонов.

На истребительные батальоны возлагались следующие функции:

- обеспечение надежной охраны важнейших объектов народного хозяйства, предприятий промышленности, транспорта, линий электропередач, телефонной и телеграфной связи, всего народного достояния;

- охрана и оборона тыла действующей Красной Армии от подрывной деятельности вражеских агентов, шпионов и диверсантов, обеспечение сохранения всех материальных ценностей, доставляемых на фронт, обеспечение подвоза и эвакуации, поддержание бесперебойной связи;

- поддержание в стране, особенно в прифронтовой зоне, общественного порядка, дисциплины и организованности;

- решительная борьба с вооруженными националистическими группировками³⁴⁹.

В приказе НКВД СССР «О создании в прифронтовых республиках и областях истребительных батальонов с возложением руководства ими на органы НКВД» говорилось, что штатная численность батальона должна была составлять 110 человек во главе с командиром, назначенным из числа оперативных сотрудников НКВД — НКГБ или внутренних войск НКВД. Комплектовались батальоны из «числа проверенных, смелых, самоотверженных коммунистов и комсомольцев советского актива, способных владеть оружием; бойцы должны были действовать без отрыва от производства»³⁵⁰. 26 июня 1941 года УНКВД по Ленинградской области издало приказ, обязывающий территориальные подразделения начать работу по формированию батальонов. Для обеспечения этой работы была создана оперативная группа во главе с заместителем начальника УНКГБ по ЛО старшим майором государственной безопасности С.И. Огольцовым, а с позднее это подразделение возглавил майор госбезопасности И.И. Иванов.

Структура истребительного батальона состояла из группы управления, трех взводов, каждый из которых состоял из трех отделений.

Численность одного взвода определялась в 90 человек, позднее штатная численность была увеличена до 220 человек. Вооружение батальона составляли винтовки, 2 пулемета, пистолеты и ручные гранаты³⁵¹.

К концу июня 1941 года в Псковском и Островском районах было создано 23 истребительных батальона по 150–220 человек в каждом, во главе которых встали сотрудники НКВД – НКГБ. На вооружении батальонов имелись винтовки, пулеметы, охотничьи ружья, мелкокалиберные винтовки, револьверы, гранаты. С момента создания началось обучение бойцов батальонов. Командиры и опытные сотрудники НКВД и НКГБ обучали навыкам подрывного дела, тактическим приемам действий по поимке десанта противника и стрелковой подготовке. Однако в связи с быстротой немецкого наступления псковские истребительные батальоны не сумели пройти полного курса боевой подготовки и организационного оформления.

С первых же дней войны псковские РО НКВД – НКГБ оказались в чрезвычайно сложной обстановке в связи с быстрым наступлением группы армий «Север» на Ленинград³⁵². Уже в конце июня Псковский край почувствовал приближающуюся войну. С 22 июня начинается мобилизация, шла подготовка к эвакуации промышленных предприятий и органов власти, велась работа по светомаскировке объектов. Первый налет немецкой авиации на Псков и Великие Луки был совершен 2 июля 1941 года, а впоследствии бомбардировки повторялись ежедневно.

К вечеру 22 июня были определены посты наблюдения и созданы команды МПВО, руководимые сотрудниками РО НКВД – НКГБ. В Пскове при участии милиционеров происходит оборудование бомбоубежищ в подвалах домов и учреждений³⁵³. Истребительные батальоны несли службу по охране заводов в Пскове, вели наблюдение за местами вероятной высадки немецких парашютистов. Начальник Псковского городского отдела НКВД лейтенант милиции В.Н. Шубников информировал руководство об обстановке в городе. В период с 23 июня по начало июля «личный состав Псковского ГО НКВД совместно с истребительными батальонами... находились в городе, осматривая чердаки, подвалы и другие места укрытия». Для этих

целей, а также «для усиления в г. Пскове охраны рев. порядка в помощь участковым уполномоченным за 23.06.41 г. было использовано управхозов 29 человек, комендантов — 6 человек, дворников — 70 человек, упол. част. сектора — 30 человек, по пожаротушению — 25 человек; звеньев охраны рев. порядка — 615 человек, членов бригады — 10 человек, по санпостам — 90 человек, взвод охраны революционного порядка — 15 человек». В ходе осмотров дезертиров обнаружено не было, в местечке Корытово «был обнаружен парашют немецкого происхождения». Обстановка в городе, по наблюдениям В.Н.Шубникова, была «вполне нормальная», «политико-моральное состояние населения города удовлетворительное, панических настроений пока не имеется». Среди происшествий начальник горотдела милиции отмечал задержание пьяных, а также случай убийства военнослужащего и угон автомобиля. В.Н.Шубников также констатирует, что после начала войны в магазинах увеличиваются очереди за продуктами («у торговых точек очереди в среднем достигают до 100 человек»), в преобладающем большинстве — за счет населения сельской местности, ввиду того что «последние недостаточно обеспечиваются через торговые точки печеным хлебом»³⁵⁴.

27 июня недалеко от Пскова в местечке Подборовье, рядом с железнодорожной станцией Стремутка после сообщений местных жителей о ночных полетах немецких самолетов сотрудники милиции обнаружили в лесу замаскированные парашюты. Из Пскова была направлена оперативная группа, усиленная сотрудниками РОНКГБ и бойцами истребительных батальонов. После почти двухчасовых поисков удалось выйти на группу автоматчиков численностью 8 человек, направлявшихся в район Пскова. Бой продолжался несколько часов, в результате немецкие десантники были уничтожены, а при них были найдены взрывчатка и даже отравляющие вещества. Помимо этого, сотрудники НКВД и НКГБ наводили порядок на дорогах Псковщины, не допуская паники и мародерства.

Аппарат чекистских органов Псковской земли был сориентирован на выявление вражеских диверсантов, лазутчиков и агентов-сигнальщиков. Проводилась большая работа по охране железнодо-

рожных путей, предприятий и линий связи. Особое внимание сотрудников Псковского межрайотдела НКГБ было обращено на охрану спешно восстанавливающихся линий обороны. Из Пскова и окрестностей в период 23 июня — 7 июля 1941 года на создание противотанковых заграждений было направлено около 25 тысяч человек. Для предотвращения диверсий на участке Псков — Остров сотрудники НКГБ создали целую систему охранных и пропускных пунктов.

Еще одним направлением деятельности правоохранительных органов Псковщины в этот период было осуществление проверки (филтрации) отступавших по лесам и дорогам военнослужащих, а также гражданских беженцев из Белоруссии и Прибалтики, поток которых усилился в конце июня 1941 года. В результате подобных проверок в районе Пскова и Острова было задержано около 2 тысяч подозрительных лиц³⁵⁵, выявлено 160 диверсантов, в числе которых было немало эстонцев и латышей, завербованных немецкой разведкой и готовящих террористические акты в советском тылу. Большое количество диверсантов было задержано в пограничных с Латвией и Эстонией районах. Многие из них представляли собой переодетых в советскую форму «агентов немецкой разведки», получивших задание по ведению разведки в укрепрайонах и уничтожению военных объектов.

Одновременно развернулась активная деятельность по созданию советского подполья. С начала июля 1941 года организуются будущие подпольные комитеты партии, одним из руководителей этого важнейшего участка работы становится начальник разведотдела Ленинградского управления НКВД Л.И. Кожевников*, чьи директивы направлялись в районы.

---

*Леонид Иванович Кожевников родился в 1904 году. В середине 1930-х годов возглавил Водный отдел УНКВД по Ленинградской области, с июня 1939 года — начальник следственной части УНКВД г. Ленинграда, в марте 1941 года назначен начальником разведотдела УНКВД по Ленинградской области. В ноябре он становится руководителем 4-го отдела УНКВД Ленинградской области, в сферу его компетенции входила организация зафронтовой работы — диверсии, агентурная и войсковая разведка, создание и деятельность партизанских отрядов, координация действий истребительных батальонов³⁵⁶.

7 июля 1941 года Постановлением Военного Совета Северо-Западного фронта в каждом городе и районе прифронтовой полосы были созданы тройки в составе секретаря горкома ВКП(б), председателя исполкома горсовета и начальника городского отдела НКВД. Тройки работали в контакте с командирами воинских подразделений. На них возлагалась организация нормальной работы всех хозяйственных органов: разработка мероприятий по наведению строгого порядка и борьбе с паникерами. Решениями тройки были предприняты шаги по минированию стратегически важных объектов в Пскове и районах. Вместе с командирами саперных подразделений Красной Армии ответственность за подрыв мостов и зданий была возложена на НКВД. Однако не все решения Псковской тройки были выполнены в связи со стремительным немецким наступлением. Уже через два дня, 9 июля, Псков был оставлен частями Красной Армии. Вместе с красноармейцами покинули Псков и сотрудники НКВД.

Следует обратить внимание на еще одно направление деятельности псковских чекистов и сотрудников милиции. Это организация партизанских отрядов в немецком тылу. История партизанского движения в Псковской области в советское время была изучена достаточно подробно³⁵⁷. В настоящей работе авторы не ставят перед собой целью исследование партизанского движения на Псковщине и роли органов НКВД в организации и деятельности партизан³⁵⁸. Мы лишь обратим внимание на непосредственную деятельность псковских партизан и сотрудников НКВД по борьбе с националистическими формированиями.

На страницах этой книги мы уже писали, что подготовка партизанских отрядов велась в СССР со второй половины 1920-х годов. Наиболее активные действия велись в западных районах. Опыт партизанских действий был накоплен в годы Гражданской войны, и многие военные теоретики писали о выгодах партизанской войны³⁵⁹. На территории Псковской губернии, а затем и районов Ленинградской области сотрудники ОГПУ, РККА и НКВД создали несколько специальных школ и учебных пунктов по подготовке людей, предназначенных для деятельности в диверсионно-партизанских от-

рядах. Отряды готовились для возможной работы в случае «осложнения социально-экономической ситуации в Прибалтике и Польше, к которым присоединится Германия»³⁶⁰. В них обучался как «рядовой» состав, так и командиры и комиссары из числа партийно-советского актива, работников НКВД, а также участников Гражданской войны. В партизанские отряды набирали не только комсомольцев и членов партии, важным критерием для отбора являлось хорошее знание местности и «военные умения». В каждой школе велись разнообразные занятия по основам конспирации, подрывному делу, агентурной работе, стрелковой подготовке. Возрастной состав будущих партизан был различным — от совсем молодых людей, которые должны были составить костяк партизанского отряда, до людей пожилого возраста, не подлежащих мобилизации в годы войны и могущих взять на себя проведение террористических актов, не привлекая особого внимания противника. Привлекались для обучения и женщины в возрасте от 20 до 40 лет³⁶¹. Сроки обучения были различны — от нескольких недель до нескольких месяцев. На каждого подготовленного партизана в районах, предназначенных для действий отряда, закладывался тайник с оружием и боеприпасами. Подготовленные таким образом партизаны нередко принимали участие в специальных и в общевойсковых учениях³⁶². Партизаны и диверсанты должны были создать хорошо законспирированную сеть в городах и вблизи крупных железнодорожных узлов для проведения «массовых диверсий в тылу врага»³⁶³.

А. Ю. Попов пишет, что почти все усилия по подготовке партизан в 1924—1936 гг. прошли даром и в начальном периоде войны пришлось все создавать заново, поскольку в период 1937—1938 годов «практически все партизанские кадры были уничтожены в результате репрессий». Перенос границы в Прибалтику привел к расформированию системы тайных складов и дезорганизовал оставшиеся партизанские кадры.

На территории Себежского района была создана военная школа НКВД СССР, которая вела многопрофильную подготовку сотрудников. Среди прочих направлений была и подготовка будущих парти-

зан и диверсантов. Возглавлял школу Михаил Федорович Орлов, опытный чекист, прошедший Гражданскую войну, участвовавший в подавлении Кронштадтского мятежа, а позднее, в 1930—1931 гг., боровшийся с басмачами в Средней Азии и Азербайджане. В 1941 году он стал командиром уникальной Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), созданной П.А. Судоплатовым для подготовки и заброски в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и отрядов.

Внезапность нападения фашистской Германии и отсутствие подготовленных партизанских кадров сыграли свою роковую роль в организации первых партизанских отрядов в СССР и на территории Псковской земли. Истребительные батальоны³⁶⁴, специальные отряды, состоящие из сотрудников НКВД, и стихийно организовавшиеся из «окруженцев Красной Армии» немногочисленные партизанские отряды столкнулись с большими трудностями. У многих не хватало опыта ведения скрытной борьбы в тылу врага, остро ощущалась недостаточная агентурно-оперативная подготовка, явной была нехватка связи и координации со стороны центральных структур. Рассматривая деятельность первых партизанских отрядов, костяк которых составили истребительные батальоны, можно отметить, что их действия носили неорганизованный характер. Сводки и «записки о деятельности истребительных батальонов» на Псковщине говорят о «захватах мотогрупп противника... обстрелах гарнизонов... уничтожении живой силы фашистских оккупантов». Начальник Ленинградского управления НКВД, будущий начальник Управления НКГБ по Псковской области Н.М. Лагунов сообщал, что в первые недели войны основная работа УНКВД по Ленинградской области проводилась по налаживанию связей с оставленными в немецком тылу партизанско-диверсионными группами³⁶⁵. НКВД в это время проводит очень серьезную работу по активизации агентуры, оставшейся на оккупированной территории, в том числе еще и со времен 1930-х годов. Велась оперативная работа по приобретению новой разведывательной сети на немецкой территории. Особенные трудности возникали у советских партизан и разведчиков на территории Прибалтийских республик.

Очень многие жители, оставшиеся на оккупированной территории, самостоятельно стали оказывать всевозможную помощь партизанам и «окруженцам», многие включились в активную борьбу с немцами. Летом — осенью 1941 года организуются подпольные партийные группы, а в ноябре 1941 года создается подпольный партийный центр во главе с секретарем Псковского горкома ВКП(б) А.В.Гудиным, который координировал политические и диверсионные действия и связь с партизанами. В 1941 году на основе истребительных батальонов начинают формироваться крупные партизанские отряды, где большую роль играли сотрудники НКВД. Так, руководителями партизанских отрядов стали Н.П. Ефремов — начальник Плюсского РО НКВД, В.А. Пашкин — начальник Гдовского межрайотдела НКГБ, начальник Гдовского РО НКВД П.В.Сохин, сотрудник Гдовского РО НКВД И.Л.Кошелев, П.Е.Кривонов — сотрудник Плюсского РО НКВД, капитан милиции Л.П. Грибасов и многие другие. Беспредельную преданность Родине, смелость и находчивость проявили в тылу врага псковские чекисты В.В. Филин и В.А. Ивановский, погибшие в боях с карателями.

Партизанский отряд В.Н.Шубникова был сформирован в г. Луге, его численность составила около 50 человек³⁶⁵. Его направили для партизанских действий в Псковский район. 12 августа 1941 года была установлена связь между отрядом и псковским подпольным райкомом. Отряд не располагал продовольственной базой, питание бойцов было недостаточным, мало было боеприпасов. Партизаны вели разведку и наблюдение за силами противника на станции Торошино. Для диверсионной деятельности не хватало взрывчатки. В связи с этими факторами было принято решение о соединении отряда с другим — А.Г.Казанцева. Объединенный отряд действовал на участке железной дороги Торошино — Молоди. Он взорвал мост, выводил из строя телеграфно-телефонную связь, пускал под откос эшелоны врага. Однако вскоре взрывчатка кончилась, но после установления связи с другими отрядами партизаны под командованием В.Н.Шубникова и А.Г. Казанцева получили взрывчатку и боеп-

рипасы, что позволило активизировать боевые действия. Но в ноябре 1941 года В.Н.Шубников погиб³⁶⁶.

В октябре 1942 года Бюро Ленинградского обкома партии приняло решение о создании во временно оккупированных районах области 11 подпольных межрайонных партийных центров. Они должны были координировать действия партизан и подпольщиков, формировать новые отряды. В состав Псковского межрайонного подпольного партийного центра входил старший оперуполномоченный областного управления НКВД В.М.Яковлев. Позже, в 1943 году, он вошел в состав Карамышевской районной организационной тройки, в функции которой входило обеспечение деятельности партизанских отрядов, административное управление в сельсоветах, освобожденных из-под власти фашистов партизанских зонах, общее руководство хозяйственной жизнью и восстановлением Советской власти.

Сам В.М.Яковлев вспоминал: «Включение чекиста в состав центра продиктовала сама жизнь... Необходимо было знать тактику и методы работы вражеских разведывательных и контрразведывательных служб... Передо мной, чекистом, стояла задача организовать в районе действий нового подпольного партийного центра контрразведку, знакомить подпольщиков с основными приемами и способами деятельности фашистских секретных служб...» В основе работы оргтройки были законы Советского государства, конечно, «с учетом военной обстановки и особенностей фашистской оккупации», как писал один из деятелей партизанского движения.

К осени 1942 года ситуация меняется: складывается система руководства партизанским движением, увеличивается численность партизанских соединений, изменяется тактика их действий. Деятельность партизан в это время стала для немцев весьма опасной, поскольку приводила к гибели личного состава и разрушению коммуникаций, а также отвлекала на себя большие силы фашистской армии.

Для координации подпольной работы в Псковском крае в октябре 1942 года был сформирован межрайонный подпольный

центр во главе с В.Ф. Михайловым. В его подчинении находились типография, радиостанция и постоянная связь с «большой землей». Всего же на территории современной Псковской области действовало 29 партизанских бригад общей численностью до 57 тысяч человек, а также множество мелких групп и отрядов³⁶⁷.

С первых же дней войны перед НКВД СССР встал вопрос о подготовке и проведении диверсий в тылу врага. Основную работу по разведке и диверсиям в оккупированных немцами псковских районах проводило 6-е отделение особого отдела НКВД Ленинградского фронта. Первоначально оно занималось «переброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп... Завербованные для этой цели люди проходили краткосрочную специальную подготовку... затем, получив вооружение и радиоаппаратуру, перебрасывались в тыл противника». Только за период с июля по ноябрь 1941 года отделение забросило в тыл врага 7 групп, уничтожавших военные объекты, совершавших налеты на автоколонны противника, взрывавших железнодорожные составы.

Среди чекистов, выполнявших задания на псковском направлении, следует назвать имена В.И. Чечина, Е.Г. Синицына, А.В. Смирнова, К.А. Львова, Н.А. Смыслова, Н.В. Козырева, А.И. Иванова, П.И. Бесчастнова, А.В. Кадачигова, Л.В. Каменского, Н. Кузьмина и многих-многих других.

В конце 1941 — начале 1942 гг. группа разведчиков под руководством Н.М. Филаретова после тщательной подготовки совершила рейд по оккупированным районам Псковщины. В ходе его чекисты сумели проникнуть в Псков и собрать множество сведений о размещении немецких разведотделов и деятельности националистических подразделений в городе и прилегающих районах. Неоднократные рейды в тыл врага совершали П.А. Соснихин, А.М. Алов, Н.Ф. Ковалдин, Б.А. Соломахин и другие сотрудники Ленинградского УНКВД.

Огромный размах на Псковщине приобретала партизанская деятельность: были созданы «Партизанские края», сформированы

партизанские бригады. Они нападали на большие гарнизоны противника и на разведывательные объекты фашистов. Это приводило к тому, что немецких специальных ягдкоманд не хватало, фронт требовал все больших усилий по концентрации солдат вермахта против частей Красной Армии, и в связи с этим значительная часть контрпартизанских действий была поручена прибалтийским националистическим формированиям.

Эстонские и латышские полицейские, пограничные и *schutzbatalьоны* были расквартированы на территории Псковского, Порховского, Себежского, Невельского, Новоржевского, Опочецкого районов. Отдельные подразделения присылались с территории Эстонии и Латвии для выполнения конкретных задач по ликвидации партизанских отрядов. За три года оккупации немцы при активном участии националистических формирований организовали и провели около 15 крупных (с охватом нескольких районов и привлечением армейских подразделений и авиации) и более 200 локальных карательных экспедиций³⁶⁸. Как правило, подобные акции отличались особой жестокостью и в ходе их проведения сжигались целые деревни и уничтожалось большое количество мирных жителей³⁶⁹.

Фашистские спецслужбы координировали и другое направление деятельности националистов. Под видом красноармейцев и беженцев члены различных нацформирований (как правило, славянской внешности) проникали к советскими партизанам для выведывания сил и мест расположений, совершения терактов, ведения антисоветской пропаганды по разложению партизанских формирований. Группами по 3—10 человек они ходили по лесам и в случае обнаружения партизан один из группы пытался уйти к немцам для сообщения сведений, другие «пристраивались к партизанам под видом окруженцев или бойцов других партизанских отрядов». Были случаи, когда подобные группы под видом партизан совершали налеты на деревни, организовывали грабежи мирного населения для провокации контрпартизанских действий и дискредитации советского партизанского движения.

Деятельность националистических формирований вызывала необходимость поиска путей борьбы с ними не только с оружием в

руках, но и используя специальные силы и средства. Прежде всего, это относилось к «агентурной разработке националистических элементов», поиску тех, кто мог бы быть завербован для «ведения подрывной и идеологической работы по разложению националистов». Чекисты, находившиеся в партизанских отрядах, должны были выявлять и приобретать «надежную агентуру для внедрения в бандформирования», так в официальных советских документах именовались практически все «добровольческие фашистские отряды». Псковские чекисты использовали разнообразные варианты внедрения в подобные формирования: от дезертирства из Красной Армии и «добровольной сдачи брошенного советского агента» до немецкого (эстонского, латвийского) «происхождения беженца, желающего участвовать в борьбе с большевизмом»³⁷⁰. Очень удачными были легенды о «белогвардейском происхождении», разработанные чекистами для проникновения в «националистическую бандитскую среду». Благодаря подобным разработкам сотрудники НКВД – НКГБ провели в годы войны несколько крупных операций³⁷¹. В задачи оперативных сотрудников НКВД, работающих в немецком тылу, входила и непосредственная ликвидация «отдельных руководителей банд», и вербовка членов формирований.

Весьма активной была деятельность чекистов и партизан по «разложению антисоветских отрядов и частей». В документах, направленных в партизанские соединения в 1942 году, говорилось о необходимости выявления дислокации, организации, численности и порядка комплектования «добровольческих фашистских отрядов»³⁷². В их подразделения должна была засылаться партизанская агентура, распространявшая листовки и проводящая разъяснительные беседы. Б.Н. Ковалев, исследовавший процессы пропагандистского воздействия на коллаборационистов, пишет о переменном успехе подобных мероприятий³⁷³.

Многие националистические формирования, набранные в конце 1943 — начале 1944 гг., по своему «боевому духу» существенно отличались от прежних времен. Победа Красной Армии становилась все очевиднее, а в Прибалтике постепенно нарастало недовольство

политикой немцев, так и не создавших «Великих Эстонии и Латвии» и проводивших мобилизации в части СС и другие формирования. «Идейный» и моральный уровень «легионеров» и полицейских в 1944 году был крайне низким, что отмечалось даже командирами националистических формирований. Дело доходило до дезертирства и массовых побегов, а в одном из полков в 1944 году произошел даже бунт³⁷⁴. Командиры объясняли этот инцидент «работой большевистской агентуры, развернувшей свою пропагандистскую деятельность прямо в частях».

Более удачным было вооруженное сопротивление карательным акциям, проводимым немецкими и националистическими формированиями. Псковские партизаны в феврале 1942 года в Дедовичском районе провели успешную операцию по блокированию и уничтожению латышско-немецкого карательного отряда. В августе — сентябре 1942 года объединенными силами 2-й партизанской бригады была сорвана крупная карательная акция, в ходе которой были разбиты несколько подразделений эстонских и латышских *schuma*-батальонов. В 1943 — начале 1944 гг. ряд *schuma*-батальонов после карательных операций «Зимнее волшебство», «Болотная лихорадка» и «Генрих» были отведены в Латвию и Эстонию и переформированы в связи с большими потерями, после чего часть подразделений была направлена на Западный фронт.

Восстановление Советской власти на освобождаемых территориях проходило весьма трудно, в условиях разрухи и острой нехватки кадров. Большую роль в воссоздании органов государственной власти, в том числе и органов внутренних дел и госбезопасности, сыграли чрезвычайные органы — организационные тройки. Они решали все важнейшие организационные вопросы по созданию госаппарата, подбору кадров, оказанию помощи фронту и др. Однако не во всех районах оргтроечки были образованы. Там, где их не было, расстановку и подбор кадров осуществляли областные партийно-советские органы, подбирая руководящих работников из числа партизанского партийно-командного актива и сотрудников ОК ВКП(б) и облис-

полкомов. Подобным же образом шло комплектование и правоохранительных органов. На особое положение освобожденных территорий указывалось в газете «Правда», где говорилось о задачах ОВД: «Выловить всех до единого шпионов, диверсантов и вражеских агентов, засылаемых фашистскими оккупантами... установить атмосферу высокой бдительности и настороженности... не дать житья ни одному шпиону...»³⁷⁵.

По мере освобождения Псковщины перед советским руководством вставали трудные задачи по восстановлению хозяйства и системы управления в освобожденных районах. В 1943 году на части территории Великолукского района по решению партийных органов создавались городские и районные группы НКВД. В их обязанности входило восстановление советских органов на освобожденной территории, оказание помощи Красной Армии, обеспечение общественного порядка и решение других вопросов, встававших перед местными органами власти. Одновременно организовывались и оперативно-чекистские подразделения, занимавшиеся выявлением предателей, сотрудников немецкой полиции, оставшихся в населенных пунктах, дезертиров и прочих антисоветских элементов.

В течение 1942—1943 гг. УНКВД по Ленинградской области неоднократно ставило вопрос о работе райотделов на освобожденной территории. Директивы обязывали сотрудников «постоянно повышать революционную бдительность, укреплять дисциплину, повышать боевую и политическую подготовку, улучшать показатели в деятельности»³⁷⁶. В директивных документах НКВД говорилось, что комплектование воссоздающихся горрайотделов НКВД на освобожденной территории следует производить «в первую очередь из работников, ранее находившихся на данной территории и хорошо знающих особенности района... Подготовленные таким образом чекистские резервы следовало сосредоточивать в прифронтовой полосе и после освобождения территорий немедленно направлять работников НКВД». Среди наиболее «спешных» обязанностей РО НКВД в первые же дни после освобождения был «подбор, вербовка и переброска агентуры с разведзаданиями в тыл врага».

В феврале 1942 года в целях четкой и правильной организации оперативно-чекистской работы в районные отделы был направлен приказ о необходимости активной борьбы с агентурой противника, оставленной фашистами: «Для восстановления... революционного порядка... следует организовать выявление и изъятие агентуры немецких разведывательных органов... В этих целях: а) восстановить связи с агентами и осведомителями, оставленными в тылу противника, а также приступить к насаждению новой агентурно-осведомительной сети; б) установить связи с действовавшими в тылу противника партизанскими отрядами... в) установить и арестовать предателей, изменников и провокаторов, как состоявших на немецкой службе, так и способствовавших им в проведении анти-советских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских граждан»³⁷⁷. Кроме того, в приказе указывались и иные направления деятельности правоохранительных органов на освобожденных территориях — охрана общественного порядка, борьба с бандитизмом («привлекая к этой работе в необходимых случаях выделенные в распоряжение начальника... войска НКВД»), организация безопасного движения поездов, создание пожарных команд, проведение мероприятий по изъятию у населения оружия и радиоаппаратуры. На органы НКВД была возложена задача по воссозданию тюрем и проведению следственной работы³⁷⁸.

Еще одной задачей, стоявшей перед милиционерами Псковщины в 1943—1944 гг., было воссоздание истребительных батальонов, начавших наиболее активно формироваться с апреля 1944 года. Штаб истребительных батальонов организационно вошел в структуру РО НКВД. На бойцов были возложены обязанности по патрулированию улиц, дорог, охране объектов и сбору оружия, брошенного врагом. Помимо истребительных батальонов милиционеры создавали из жителей группы для содействия органам внутренних дел для поддержания общественного порядка.

В 1944 году восстанавливалась работа военно-учетных бюро, паспортных и адресных столов.

14 апреля 1943 года был воссоздан Народный комиссариат госбезопасности (НКГБ СССР), что вызвало некоторые трудности по восстановлению милиции на Псковщине, поскольку часть квалифицированных работников были направлены в РО НКГБ, а у вновь набираемых сотрудников «отсутствовал оперативный опыт, так необходимый для борьбы с бандитским и подрывным элементом». Проблема подбора и подготовки кадров решалась в течение всех послевоенных лет. Для комплектования РО НКВД и НКГБ направлялись сотрудники из Ленинграда и Калининской области, мобилизовывались партизаны и партийно-комсомольский актив. Так, на службу в псковскую милицию пришли А.В. Николаев, М.И. Антонов, И.С. Трегубов и многие другие.

По мере освобождения южных и восточных районов Псковщины здесь создавались оперативно-чекистские группы. В 1943 году насчитывалось всего три таких группы, в начале 1944 уже действовало семь групп, выявлявших изменников Родины и боровшихся с преступностью³⁷⁹. В каждой группе насчитывалось около 15 сотрудников. Для проведения оперативных мероприятий привлекались подразделения войск НКВД и Красной Армии. Так, в мае 1944 года для проведения оперативно-чекистской операции по «очистке территории Великолукского района от преступного и бандитского элемента»³⁸⁰ было привлечено три батальона внутренних войск НКВД. В результате были уничтожены «две бандитские шайки, состоявшие из воровского и националистического элемента, общей численностью в 53 человека», скрывавшиеся в лесах и отдаленных деревнях. Эти банды нападали на проезжий транспорт, грабили и убивали людей, захватывали целые небольшие деревни. В апреле — мае 1944 года милиционеры приняли активное участие в поимке 28 дезертиров, совершавших грабежи у советских граждан. Кроме того, сотрудники ОВД задержали 32 члена латвийских полицейских батальонов, пытавшихся скрыться на территории Белоруссии. Однако развертывание полномасштабной оперативно-агентурной работы по поддержанию общественного правопорядка и борьбе с преступностью в 1943—1944 годах было затруднено. Псковщина еще не была полностью осво-

бождена и являлась прифронтовой, что не могло не сказываться на деятельности сотрудников милиции и госбезопасности. Однако и в этих очень сложных условиях работа правоохранительных органов была успешной и способствовала восстановлению Советской власти на освобожденных территориях.

ГЛАВА 4

Борьба с националистическими бандформированиями на северо-западе России в 1944–1953 гг.

4.1. Образование Псковской области и советизация ее западных районов

С 1942 года начинается освобождение территории Псковского края. Осенью 1942 года советское командование начало проведение Великолукской наступательной операции силами Калининского фронта. В результате кровопролитных боев в декабре 1942 года были окружены Великие Луки, а 17 января 1943 года силами 257-й и 357-й стрелковых дивизий Калининского фронта город был полностью освобожден. От врага были очищены Куньинский и Усвятский районы, а затем наступление Красной Армии развернулось и в северных районах Псковского края. Летом — осенью 1943 года началось освобождение Невельского района. В ходе тяжелых боев в сентябре 1943 года немецкое руководство, не в силах сдерживать наступление советских войск, бросило в бой латвийские полицейские батальоны и отряды «айзсаргов». В ходе первых боев под озером Ясное латыши встретились с передовыми частями Красной Армии и, понеся тяжелые потери, все-таки сумели выстоять под первыми ударами. В течение осени — зимы 1943—1944 гг. отряды латышских националистов направлялись на различные участки фронта на территории Псковского края, играя роль «пожарной команды». Не имеющие боевой подготовки, без поддержки немецких бронетанковых частей, латышские полицейские формирования, использовавшиеся, как правило, в качестве карательных подразделений, были разбиты и отступили на территорию Белоруссии и Латвии, где были переформированы (при этом многие солдаты дезертировали и скрывались по домам и хуторам).

Зимой 1944 года войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов начали крупномасштабное наступление, имевшее целью полностью освободить Ленинградскую и Калининскую области и Псковский край для дальнейшего освобождения Прибалтийских республик. В январе 1944 года были освобождены Новосокольники, в феврале Гдов, Плюсса и крупный железнодорожный узел Дно. В течение февраля — марта 1944 года были освобождены многие восточные и южные районы Псковщины. В боях под Новоржевом, Опочкой, Пустошкой, Себежем Советская Армия неоднократно сталкивалась с сопротивлением латышских и литовских (13-го литовского *šūma*-батальона) националистических формирований. Под Новоржевом 15-я и 19-я латышские дивизии СС должны были прикрывать отступающие немецкие части. 10 июля 1944 года советские части прорвали оборону немецких и латышских формирований, уничтожив большинство «легионеров СС» в течение почти 14 часов. Наиболее боеспособные части националистов перестали существовать, став «пушечным мясом». От обеих дивизий СС остались около трех батальонов.

После разгрома под Новоржевом в июле 1944 часть солдат из латышских полицейских формирований, усиленные «айзсаргами», «латышскими пограничниками» и двумя (39-м и 286-м) эстонскими полицейскими батальонами, должны были занять оборону во втором эшелоне немцев на границе РСФСР и Латвии, в районе Зилупе — Лудзы — Карсавы, по рекам Лжа и Утря. Следует отметить, что личный состав этих отрядов был набран в спешке, многие мобилизованы в мае — июне 1944 года и получили оружие только на линии фронта. В результате мощнейших ударов Красной Армии формирования были сметены и бежали. Лишь отдельные части 2-го и 6-го полицейских полков оказали достаточно серьезное сопротивление в районе Вышгородка, но после наступления 1214-го полка 364-й Сибирско-Тосненской дивизии Красной Армии они были разбиты.

Аналогичные события развернулись и в Печорском районе. Эстонские 183-й, 185-й и 186-й охранные батальоны, общей числен-

ностью до 1200 человек, в 1944 году были направлены на охрану и защиту бывшей советско-эстонской границы. Позднее они были усилены «восточными батальонами», сформированными в Пярну и Тарту. В 1944 году 659-й остбатальон был придан группе армий «Север» и принял активное участие в боях с наступающими советскими войсками в районе южного побережья Чудского озера, во время штурма линии «Пантера». Кроме того, различные полицейские латышские и эстонские формирования, отряды «омокайтсе» и «айзсаргов» весьма активно участвовали в обороне Пскова, Печор, Абрене, Даугавпилса, Острова, Дно, Невеля в июле — августе 1944 года, но были разгромлены Красной Армией и отступили на территорию Латвии и Эстонии. Часть солдат, не дожидаясь переформирования, дезертировали и ушли в подполье еще при немцах.

23 июля 1944 года после кровопролитных боев Псков был полностью очищен от врага. 24 июля была освобождена территория Абренского (Пыталовского) района, а 11 августа 291-я и 376-я стрелковые дивизии овладели городом Печоры.

22—23 августа 1944 года в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР были созданы Псковская и Великолукская области. Вслед за этим на территории вновь образованных областей разворачивается масштабная работа по налаживанию мирной жизни, организации советских органов власти и учреждений. Псков и многие другие районы многострадаальной Псковщины в первые послевоенные годы представляли собой мрачное зрелище: «безжизненные улицы, изрытые траншеями, горы мусора и щебня, черные скелеты разрушенных домов»³⁸¹. За период 1943—1944 гг. фашисты разрушили в городе более трех тысяч домов, специальные команды взрывали здания и сооружения, стремясь все после себя уничтожить. Почти такую же картину можно было видеть повсеместно в городах и населенных пунктах Псковского края.

В январе 1945 года в составе Псковской области были созданы Качановский, Пыталовский и Печорский районы. С присоединением этих районов были восстановлены исторические границы Псковской земли, ведь еще в 1476 году на территории будущего Пыталовского

района, на границе с Ливонским орденом, псковичами была построена крепость Вышгородок, ставшая одним из пригородов Господина Пскова. В XVII—XVIII веках крепость теряет свое значение, а земли Вышгородка постепенно превращаются в Вышгородецкий уезд в составе Псковского наместничества. С 1719 года Вышгородок находился в Островском уезде Псковской провинции Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии. Новый толчок к развитию этих земель был сделан в 1860-е годы, когда на берегу реки Утрои были проложены пути Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги. Здесь была построена станция Пытылово, вскоре ставшая центром близлежащей территории, входившей в состав Островского уезда Псковской губернии. После событий Гражданской войны и Рижского мирного договора 1920 года пыталовские земли отошли Латвии, а в 1925 году Пыталово было переименовано в Яунтлатгале (т.е. «Новая Латгалия»). В 1938 году город получил новое название — Абрене. Вхождение в состав Псковской области в 1945 году вернуло историческое название этим землям.

История Печорской земли насчитывает не одно столетие. С IX века (г. Изборск был впервые упомянут в «Повести временных лет» под 862 годом) она была русской пограничной заставой Псковской земли и первой встречала врага. Лишь события 1917—1920-х годов привели к отторжению печорско-изборских территорий от России, и восстановление Печорского района в составе Псковской области в 1945 году стало закономерным итогом «собирания» коренных русских земель.

Особенностью этих территорий было их вхождение в 1920—1940 гг. в состав буржуазных Эстонии и Латвии. Короткий период установления Советской власти в 1940—1941 гг. не мог привести к полному изживанию буржуазных порядков. Установление фашистского режима в Прибалтике и создание различных профашистских и националистических формирований лишь усилило отличия эстонских и латышских земель от порядков в Советском Союзе. Поэтому основной и главной задачей советских органов власти на территории Качановского, Пыталовского и Печорского районов было не только

послевоенное восстановление хозяйства, но и, прежде всего, проведение мероприятий по советизации этих районов.

Целью деятельности партийно-советских областных и районных органов было, по выражению Е.Ю. Зубковой, «встраивание» регионов в советскую систему, приведение прибалтийских политических и социально-экономических структур в полное соответствие с советской моделью³⁸². Для достижения этой цели использовались различные способы, апробированные в СССР в течение 1920—1930-х годов, — и политические, и силовые. По мнению исследователей процессов советизации Прибалтики в послевоенный период, первоначально у московского руководства не было четкого плана «восстановительной» политики. Она складывалась под влиянием международной обстановки, конкретной ситуации в СССР и в Прибалтийских республиках. Эта политика проводилась под лозунгами «восстановления» народного хозяйства и Советской власти, однако фактически можно говорить о разрушении привычных и традиционных для прибалтийских народов политических и экономических укладов³⁸³. Е.Ю. Зубкова отмечает, что в советизации Прибалтики можно выделить два этапа — от 1945 до середины 1947 гг., когда советское руководство «старалось избежать жестких действий, используя их главным образом по отношению к вооруженной оппозиции» — «лесным братьям». Второй этап — с середины 1947 до 1953 года, в это время была проведена насильственная коллективизация, состоялись массовые депортации «кулаков и членов их семей», в результате которой из Прибалтийских республик было выселено 90 тысяч человек³⁸⁴.

Советизация региона приобретала еще большее значение в условиях развернувшейся вооруженной борьбы, которую вели прибалтийские националистические бандформирования. В последний год войны и после ее завершения в леса ушло большое количество эстонцев, латышей и литовцев, сотрудничавших с фашистским режимом, уклонявшихся от призыва в Красную Армию и просто скрывавшихся от Советской власти. Они составили костяк бандформирований лесных братьев, совершавших убийства и захваты заложников, нападения на активистов Советской власти, грабежи и поджоги

магазинов, хуторов и сельских Советов, диверсии на железных и проселочных дорогах. Подобные, по сути террористические, действия создавали атмосферу страха и тормозили проведение восстановительной политики. Действия бандгрупп были бы невозможны без массовой поддержки, которую оказывало им местное население. Именно хуторяне снабжали лесных братьев продуктами, давали им приют, делились информацией, ведя наблюдения за действиями советских властей.

В этих условиях проведение только специальных операций силами исключительно правоохранительных органов не могло принести быстрого и окончательного решения проблемы. Позиция центральных и республиканских властей в вопросе борьбы с лесными братьями никогда не ограничивалась принципом «террором — на террор», и репрессивные акции против нацформирований сопровождались политическими и экономическими мерами, призванными создать перелом в настроениях населения.

Советское руководство и НКВД — НКГБ уже имело опыт успешной борьбы с националистическими бандитскими группировками. В 1920-е годы при ликвидации басмачества в Средней Азии успешно использовалось сочетание спецмероприятий органов ВЧК — ОГПУ с общевоинскими операциями и экономическими и хозяйственно-политическими мерами. Советское руководство в то время указывало, что для полной и безоговорочной победы Советской власти «необходимо найти в местных крестьянах прочную политическую опору, обеспечить в них верных и убежденных союзников партии и пролетариата. В частности, новая хозяйственная политика, дополненная усиленной политработой среди узбеков, поможет... окончательно вырвать почву из-под ног басмачества, являющегося теперь одним из важных факторов хозяйственного разложения»³⁸⁵. Среди хозяйственно-политических мероприятий того времени следует отметить изменение административного деления, позволившее постепенно сломать традиционные родственно-хозяйственные связи. Промышленному развитию Среднеазиатских республик Москва уделила самое пристальное внимание, одновременно огром-

ная материальная помощь была оказана сельским жителям: бесплатно выдавались семена и продукты первой необходимости, выплачивались денежные ссуды, отпускались средства на ирригационные работы. Проведенные выборы в местные Советы позволили вовлечь в управление новых, классово близких большевикам людей. Все эти мероприятия (в сочетании со спецоперациями ВЧК — ОГПУ) позволили в относительно быстрое время склонить на сторону Советской власти большинство местного населения и покончить с бандитскими проявлениями.

«Восстановление» Прибалтики и Западной Украины проходило в схожих условиях. Только система общегосударственных социально-экономических, политических и идеологических мер, идущих одновременно с акциями органов госбезопасности и милиции, должна была положительно повлиять на советизацию региона. Экономические и политические мероприятия Советской власти были необходимым условием и одновременно одним из способов ликвидации националистических бандформирований в Прибалтике. Это позволило достаточно быстро «встроить» новые республики в советскую систему.

Первыми шагами по «восстановлению» была организация новых органов власти и управления. Были созданы республиканские Центральные комитеты ВКП(б), Народные комиссариаты, в 1947 году прошли выборы в Верховные советы ЭССР, Латвийской и Литовской ССР. Кадровый состав руководящих органов был сформирован из коммунистов, этнических латышей и эстонцев, которые воевали в прибалтийских частях Красной Армии или были направлены для «усиления» руководства.

В 1944—1945 гг. было проведено новое административно-территориальное разделение. Из Эстонии и Латвии были выделены Печорский край (в 1920—1940 гг. Петсеримаа), часть Нарвского уезда, от Латвии отошли пытыловские земли. Во всех уездах Прибалтийских республик первоначально сохранялось прежнее административное деление на уезды и волости, в волостях были созданы советские органы низшего уровня — сельские Советы. В 1950-м году в Прибалтике были созданы новые области и районы.

В экономике Прибалтийских республик в 1945—1953 гг. также были проведены существенные изменения. Если ранее основу экономического развития Эстонской республики составляло сельское хозяйство, развивающееся по хуторскому пути, то Советская власть видела в хуторской системе определенную опасность. Опора на мелких хозяев-собственников расходилась с традиционными представлениям большевиков о социалистической системе хозяйствования, в которой должны были доминировать крупные государственные агро- и промышленные предприятия, частная собственность на средства производства отменялась безоговорочно. Именно этот подход и был выбран для реализации в Прибалтике. В Эстонии, Латвии, Литве создаются крупные промышленные объекты: машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, предприятия по добыче и обработке сланцев, легкая промышленность, строительные комбинаты. Параллельно с этим идет процесс национализации промышленности. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в 1940—1941 гг., однако начавшаяся война прервала это процесс. Немецкая оккупация не привела к денационализации — многие промышленные объекты перешли в руки Германии и ее предпринимателей. В 1945 году процесс национализации был возобновлен, и первоначально Советская власть экспроприировала лишь крупные предприятия, а к 1947 году были национализированы и мелкие промышленные объекты.

В 1944 году были приняты законы о введении в Прибалтийских республиках новых аграрных отношений, в общих чертах повторяющих законы 1940 года о реформе сельского хозяйства. В 1945—1947 гг. были проведены мероприятия по перераспределению и изъятию части земель, были введены обязательства по продаже продукции государству по установленным ценам, вводились конкретные различные трудовые повинности.

Впервые вопрос о необходимости скорейшей коллективизации в Прибалтике был поставлен в 1947 году и, по мнению Е.Ю. Зубковой, совпал с «кризисом продовольственного обеспечения... В этой ситуации проблема хлебозаготовок приобрела почти такую же остро-

ту, как в период кризиса 1927—1928 гг., своеобразным выходом из которого стало решение о сплошной коллективизации»³⁸⁶.

К 1949 году были использованы все известные большевикам меры принудительной коллективизации, среди которых доминирующим являлось выселение кулаков и членов их семей, а также массовое выселение всех неблагонадежных элементов, «сопротивляющихся» советизации региона.

Одним из итогов коллективизации стало изменение демографической ситуации — рост городского населения, резкое сокращение хуторских хозяйств (неблагонадежных, с точки зрения правоохранительных органов, в связи с активной помощью «лесным братьям»). В Прибалтике в 1949—1953 гг. наблюдался массовый приток рабочей силы с территорий Северо-Запада РСФСР. Переселенцы, или, как их именуют в современной Прибалтике, — мигранты, принесли с собой отличные от местных привычки, обычаи и традиции, создав тем самым прочную опору Советской власти. В итоге шаги, предпринятые советскими властями, позволили решить многочисленные проблемы, связанные с «встраиванием» Прибалтийских республик в государственную систему СССР.

Все основные проблемы восстановления и введения советских порядков на территориях, передаваемых в состав РСФСР, были весьма схожи с вышеописанными. Пыталовский и Печорский районы, вошедшие в состав Псковской области, ранее принадлежали буржуазным государствам, и, с точки зрения руководства, советизация и восстановление этих территорий должны были состояться в кратчайшие сроки.

Однако сам процесс вхождения вновь образованных районов в состав Псковской области был достаточно затяжным. После принятия решения о создании Псковской области в августе 1944 года уже в сентябре возникает вопрос о подготовке передачи части Эстонии и Латвии Советской России. Правовой основой передачи стала Инструкция ВЦИК и СНК РСФСР от 20 января 1932 г. «О порядке передачи территорий, выделяемых в новую административную единицу или перечисленных из одной административной единицы в

другую». Согласно этому документу передача территорий, «во избежании ломки бюджетных смет», должна была проходить «лишь в период с 15 по 31 декабря»³⁸⁷.

Для подготовки передачи необходимо было создать согласительную комиссию из представителей законодательных и исполнительных органов субъектов, комиссия должна была подготовить все материалы по передаче земель, построек, народнохозяйственных объектов и проч. В случае возникновения спорных ситуаций роль арбитра играл СНК, имевший право отменить решение комиссии.

Сложности и проблемы по передаче районов из состава Эстонии и Латвии начались с первых же дней работы согласительной комиссии. Псковская делегация, отправившаяся в Латвию для рассмотрения вопросов по размежеванию земель, в течение нескольких недель не могла встретиться с представителями латвийской стороны. За это время латышские власти, покидавшие Абренский (Пыталовский) уезд, вывезли большую часть различного сельскохозяйственного и коммунального оборудования, вплоть до телефонных аппаратов и другой техники³⁸⁸. Практически аналогичная картина наблюдалась и с эстонской стороны, которая затягивала подписание Акта о передаче, «используя различные законные и незаконные предлоги».

Тексты Актов содержат подробное описание территорий, вошедших в состав Псковской области. Так, Абренский уезд на 15 октября 1944 года в своем составе имел 6 волостей и один город с общей численностью населения 36 000 человек, из которых в Абрене проживало всего 650 человек. По национальному признаку большинство населения составляли русские — 98%, латышей числилось всего 0,7%³⁸⁹. Общее количество деревень достигало 492. Промышленность практически отсутствовала — Акт зафиксировал всего 4 завода с общим числом рабочих в 19 человек. Наиболее развитыми были различные промышленные артели и кустарные мастерские (29 предприятий с 96 работниками). В Абрене существовала одна электростанция, телефонная станция на 10 номеров, 40 школ, 2 фельдшерских пункта, 2 библиотеки³⁹⁰.

Несколько лучше обстояли дела в Печорском районе. От Эстонии в Псковскую область отошли 2 гипсовых завода, один кирпичный, типография, 2 мельницы, инфекционная больница и 4 фельдшерских пункта, школы, ясли, библиотеки и избы-читальни³⁹¹.

Эти данные приводятся по состоянию на октябрь 1944 года, в начале 1944 года немцы, готовясь к отступлению, провели несколько карательных акций против партизан и советских диверсионных групп, в результате которых было сожжено несколько хуторов, деревень и крупных промышленных объектов. Итогом деятельности немецко-фашистских захватчиков стало уничтожение почти 65% промышленно-хозяйственных объектов, 50% жилого фонда, повреждение мельничных хозяйств, угон скота и вывоз большого количества сельхозинвентаря³⁹².

По итогам работы согласительных комиссий и деятельности Псковского облисполкома в Верховный Совет СССР была направлена «Объяснительная записка» с предложениями по созданию на новых территориях трех районов — Качановского, с центром в поселке Качаново, с населением в 16 557 человек, Печорского, с центром в Печорах, с населением в 34 699 человек, и Пыталовского, с центром в городе Абрене (вскоре переименованного в Пыталово), с населением в 24 538 человек. Секретарь Обкома ВКП(б) Антюфеев и председатель облисполкома Семин аргументировали свои предложения особенностями указанных территорий: «Существенной особенностью районируемой территории, отличающей ее от существующих районов области и окрепшей социалистической системы земледелия, является частнособственническая система ведения сельского хозяйства...» Кроме того, руководство Псковской области указывало на отсутствие хороших шоссейных дорог, что вызывало необходимость «равномерного удаления центра от окраин»³⁹³. В «Записке» нет ни слова о проблемах, связанных с деятельностью националистических бандформирований, но среди перечисляемых особенностей районов указывалось на «непохожесть» этих территорий и важность скорейшего их «встраивания» в советскую систему. Следует обратить внимание на тот факт, что перешедшие земли не

были присоединены ни к одному ранее существующему району для более четкого и жесткого управления в условиях специфического состояния и положения населения этих земель³⁹⁴.

Более подробная характеристика обстановки во вновь создаваемых районах содержится в отчетах и докладах начальников РО НКВД и РО НКГБ в 1945–1946 гг. Начальник Пыталовского РО НКВД в начале 1945 года, объясняя сложность ситуации, сложившейся в районе, пишет, что «в районе на протяжении ряда лет проводилась системная идеологическая обработка населения... Район засорен кулаками, буржуазными и белогвардейскими элементами»³⁹⁵. В 1946 году была дана еще более яркая характеристика специфики региона: «Пыталовский район образован из бывшей Латвии, территория района составила 92,2 тыс. км². Население в районе 28 000 человек, из них 97% русские, 3% латыши и поляки. В городе Пыталово проживает 1882 человека, населенных пунктов 455, разбитых на 6500 отдельных хуторов, в районе 18 сельсоветов, в марте — апреле было зарегистрировано 42 колхоза. В политическом отношении район засорен неблагонадежными людьми, бывшими добровольцами Латвийской пограничной стражи и немецкой армии, полициями и айзсаргами, а также кулацкими элементами. При немецком отступлении многие из них ушли в банды, дислоцирующиеся на территории Качановского района и Виялского уезда Латвийской ССР... В числе специфики обслуживаемого района следует назвать отстояние многих хуторов от центра более чем на 45 километров, отсутствие транспорта... В районе только за 1945 год было зафиксировано 124 крупных бандпроявлений»³⁹⁶.

Похожую картину рисуют отчеты и доклады руководителей правоохранительных органов Качановского и Печорского районов: «Под воздействием буржуазии и фашистского воспитания народ имеет особую психологию... Народ воспитан в духе частной, индивидуальной собственности... Многие свои интересы ставят выше, прежде всего и с интересами государства считаются мало...» Руководителей РО НКВД и РО НКГБ заботит активная массовая помощь националистическим повстанческим группам, оказываемая местными

жителями. Хуторская система землепользования, частнособственнические настрояния, отдаленность населенных пунктов как нельзя лучше подходят для деятельности террористов и бандитов. Поэтому во многих докладах указывается на необходимость принятия разнообразных мер, направленных на ликвидацию бандгруппировок, в том числе идеологическую, просветительскую работу, проведения комплекса мер по укрупнению населенных пунктов, увеличению числа колхозов и совхозов.

Подобные документы, по сути, содержали программу мероприятий по советизации районов. Предложения сотрудников НКВД — НКГБ аналогичны (а возможно, и лежат в основе) предложениям партийно-советских органов власти, связанных с восстановлением советского строя. На заседаниях Бюро Обкома ВКП(б) неоднократно обсуждались мероприятия по советизации Печорского, Пыталовского и Качановского районов. В 1945 году при обсуждении работы Качановского райкома ВКП(б) указывалось, что «работники райкома не учитывают специфики населения, воспитанного живой национально-буржуазной и немецко-фашистской пропагандой... Жители имеют превратное представление о колхозах и социалистической системе хозяйствования... поэтому надо особое внимание обратить на партийно-организационную, партийно-политическую и агитационно-массовую работу»³⁹⁷. Эти меры должны способствовать созданию колхозного строя и положительным изменениям в районе. Здесь следует заметить, что созданию колхозов на территориях, отошедших к РСФСР, в 1945—1946 гг. не уделяется первостепенного внимания. Подобные шаги рассматриваются в череде других мероприятий.

Необходимость скорейшей советизации приводила к необходимости выработки специальных мероприятий по «встраиванию» новых районов в советский уклад. Руководство Псковской области не проводило специфических и самостоятельных решений. Как правило, использовался общий для Прибалтийских республик «набор» идеологических, политических, экономических и социальных мер. С февраля 1945 года перед партийно-советским руководством районов

ставятся конкретные задачи по подготовке хозяйств к весеннему севу, по ремонту дорог, по «введению плановых показателей развития хозяйства», по борьбе с болезнями животных, всеобщему образованию, массовой пропагандистской работе среди населения, по разъяснению правил советской торговли, по советской кооперации и проч.

Одной из первых мер советского руководства стало проведение земельной реформы в 1945—1946 гг. Как и в Прибалтийских республиках СССР, в новых районах Псковской области были установлены предельные нормы землепользования. В Псковском ОК ВКП(б) в январе — феврале 1945 года была подготовлена «Справка о землепользовании в Качановском, Пыталовском и Печорском районах», направленная в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В документе говорилось, что в трех районах количество единоличных крестьянских хозяйств составляет 17 588 со средним размером земли в 11,5 гектаров на хозяйство. Наибольшее количество хозяйств (7 262) имело от 5 до 10 гектаров земли, от 1 до 5 гектаров находилось в руках у 4 696 хозяйств, от 10 до 15 гектаров обрабатывало 3 211 хозяйств, 1 020 крестьянских хозяйств имели от 15 до 20 гектаров. В районах насчитывалось 1 157 зажиточных хозяйств, имевших от 20 гектаров и более (до 86 га)³⁹⁸. Количество малоземельных (до 1 гектара) составляло 242 хозяйства, а 6 800 хозяйств были безлошадными.

Кроме того, в районах насчитывалось более 200 хозяйств с 6 408 гектарами, владельцы которых изменили Родине или бежали с немцами, в районах было 250 гектаров церковных земель. Все они должны были быть реквизированы.

Псковский ОК ВКП(б) предлагал «в целях правильного надения земель и удовлетворения нужд батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств... установить высшую норму надела в 20 гектаров, с наделом от 3 до 20 га, в зависимости от наличия рабочих рук и тягловой силы». В апреле 1945 года СНК согласился с предложениями псковских товарищей, и указанные предельные нормы землепользования были установлены в трех западных районах. В районах в ходе реализации Постановления СНК СССР были составлены

списки тех, у кого «земли обрезались», и тех, кому они были прирезаны, — в основном семьям военнослужащих Красной Армии, «бывшим батракам и бедняцким семьям». В целом проведение реформы продолжалось в течение одного года, и к маю 1946 года перераспределение земель было завершено.

Изъятие земель у изменников Родины было проведено достаточно быстро. Местные сельсоветы, совместно с правоохранительными органами, составили списки тех, кто активно сотрудничал с немцами в годы войны, райисполкомы, начиная с лета 1945 года, на заседаниях рассматривали конкретные вопросы по «изъятию имущества у изменников Родины». В подобных решениях излагались причины изъятия (служба в полиции, shuma-батальонах, пребывание в «айзсаргах», отрядах «омокайтсе», пограничных подразделениях и т.п.), переписывалось имущество, передаваемое в собственность государства (скот, лошади, сельхозинвентарь, техника, дома и хозяйственные постройки). После изъятия, производившегося по Постановлению СНК СССР от 25 апреля 1945 года, имущество передавалось семьям бедняков, красногвардейцев, переводилось на баланс райисполкомов для последующего использования «для нужд районов», отдавалось районным организациям (прокуратуре, военкомату, райпотребсоюзу и др.)³⁹⁹. В результате проведения земельной реформы получили землю 3,5 тысячи малоземельных, а также вновь прибывших и безземельных крестьян⁴⁰⁰.

С 1947 года в районах началась большая агитационная и культурно-просветительская работа, направленная на пропаганду достоинств и выгод советского колхозного строя и убеждение единоличников в необходимости вступления в колхоз. Во время проведения земельной реформы крестьянам были розданы «Акты долгосрочного пользования земли», однако уже с конца 1946 года активизируется деятельность по созданию колхозной системы в западных районах области. Этому способствовали не только проблемы с хлебозаготовками и продовольственный кризис послевоенных лет, свою роль сыграла оперативная обстановка в этих районах. В протоколах заседаний райисполкомов в 1946—1947 гг. отмечает-

ся, что «происходит учащение появлений классово-чуждых элементов, совершающих теракты и грабящих государственное имущество и индивидуальные хозяйства»⁴⁰¹. Отчеты начальников РО МГБ и РО МВД конца 1946 — начала 1947 гг. более резки в своей оценке ситуации: «...в районах насчитывается большое количество индивидуальных хозяйств, многие хутора находятся в лесных массивах, и их оперативное обслуживание весьма затруднено, а большинство единоличников прямо или косвенно оказывают помощь бандитским националистическим повстанческим группировкам... Для полного их уничтожения необходимо проведение экономико-социальных мер и активизации оперативно-чекистских мероприятий... Любые эпизодические акции будут бессильны и не принесут результата».

Но все же определяющее значение при проведении коллективизации в западных районах Псковской области, как и в Прибалтийских республиках, имела общая политико-идеологическая направленность преобразований в некогда буржуазных республиках. «Встраивание» этих регионов в советскую систему было невозможно без изменений в системе землепользования и коренной ломки всех аграрных отношений.

Одним из первых шагов по советизации районов и Прибалтийских республик было увеличение налогообложения кулаков и всех живущих на нетрудовые доходы (неземледельческие доходы, использование наемного труда). В 1947 году было издано Постановление Совета Министров «Об обложении налогами крестьянских хозяйств Псковской и Ленинградской областей на территории, отошедшей от Латвийской и Эстонской ССР», в котором было рекомендовано определить принадлежность единоличных крестьянских хозяев к середнякам, кулакам и проч. Местным органам власти рекомендовалось провести учет всех кулаков, проживающих в сельсоветах, затем списки сверялись и отправлялись на рассмотрение райисполкомов. Всего в Печорском, Пыталовском и Качановском районах было выявлено 450 кулацких хозяйств, которых обложили налогом на общую сумму в 4 млн рублей⁴⁰².

Проблемы, связанные с коллективизацией в Псковской области, еще нуждаются во всестороннем изучении, и в задачу авторов не входит подробное рассмотрение этой темы⁴⁰³. Однако следует отметить, что роль правоохранительных органов в этом процессе была очень заметной. В различных работах говорится о постоянном произволе, царившем при проведении аграрных преобразований в трех западных районах Псковщины⁴⁰⁴. Безусловно, факты, приводимые в документах, показывают обстановку достаточно жестких мер, проводимых по отношению к крестьянам. Но ситуация в районах в 1945—1947 гг. была очень сложной и напряженной, количество недовольных проводимой политикой было велико, наличие крупных и устойчивых бандитско-повстанческих группировок лишь усугубляло обстановку. Иногда, по воспоминаниям сотрудников ОББ, было чрезвычайно сложно отделить правду от оговора, от сведения личных счетов, а точную оперативную информацию от сознательной дезинформации. Для большинства сотрудников ОВД проводимые мероприятия были необходимым условием успешной борьбы с бандитами и были продиктованы условиями времени: шла война, количество скрывавшихся коллаборационистов на территории Псковщины было достаточно велико, население, «пораженное буржуазным духом частнособственнических отношений», часто было враждебно настроено к Советской власти. Для сотрудников правоохранительных структур ситуация того времени была сравнима с боевыми действиями, где «все средства хороши». Конечно, в то время было зафиксировано много незаконных изъятий, обысков, избиений и арестов⁴⁰⁵. В 1989—2004 гг. грандиозная работа, проведенная прокуратурой Псковской области, УВД, УКГБ — ФСБ, Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий, позволила восстановить честное имя большинства незаконно репрессированных. Многие сотрудники, повинных в незаконных действиях в это время, понесли наказание, практически по каждому такому случаю проводились проверки, в которых участвовала прокуратура и следователи МВД — МГБ. Ряд сотрудников ОВД были осуждены, как это случилось с первым начальником ОББ УНКВД

А.В. Николаевым, начальником Пыталовского РО НКГБ В.З. Лехановым и рядом других сотрудников.

Форсирование коллективизации происходило в 1949 — 1950 гг. Но даже в тот период на 1 января 1950 года количество колхозов в этих районах достигло всего 34,5%. В Качановском районе было создано 92 колхоза при сохранении 3 978 единоличников, в Пыталовском — 131 колхоз, и оставались не коллективизированными 4 371 хозяйство⁴⁰⁶. Всего же к 1950 году в западных районах был создан 361 колхоз (в 1946 году их было всего 42).

Не желая вступать в колхозы, которые связывались в крестьянских представлениях с разрушением всего жизненного уклада, сложившегося в течение десятилетий, они уходили в леса, пытались «перевестись в город», освобождались от скота, посевов, техники. В «Справке о ходе коллективизации и организационно-хозяйственном укреплении колхозов в Качановском, Пыталовском, Печорском районах» 1949 года говорилось, что «необходимо усилить работу с единоличниками по дальнейшей коллективизации». По мнению руководителей ОК ВКП(б), необходимо было преодолеть «сезонность и кампанейщину в коллективизации... активнее разоблачать противоколхозные элементы»⁴⁰⁷.

Региональные власти, выполняя директивы Москвы, попытались решить эту проблему, используя советский опыт конца 1920-х — начала 1930-х годов, т.е. делая ставку на репрессивные методы. Начались массовые депортации крестьян, попавших в списки кулаков, и членов их семей. Специальное постановление по этому вопросу было принято Советом Министров СССР в январе 1949 года⁴⁰⁸.

На совещании, прошедшем в УМГБ в начале 1950 года, где присутствовали руководители облисполкома и ОК ВКП(б), указывалось, что необходимо провести операцию в максимально сжатые сроки, не допуская «побегов лиц, осужденных на общих собраниях колхозников и признанных кулаками»⁴⁰⁹. Начальник УМВД полковник Н.А. Алмазов, выступая перед сотрудниками, подчеркивал, что «наши органы имеют большой опыт в этой работе по УССР и

Кавказскому району... Есть лишь некоторые ошибки, которые следует учитывать при проведении операции».

Проблемы выселения в течение последних десятилетий неоднократно становились предметом многочисленных научных, публицистических и псевдонаучных и конъюнктурных публикаций. Следует обратить внимание на некоторые черты этой политики. Война обострила социально-экономическую обстановку в стране, углубила криминогенную ситуацию в тылу и прифронтовой зоне, создала условия для открытых выступлений различных групп населения против режима и его политических мероприятий. Особенно это было характерно для тех республик, где и в годы Гражданской войны ситуация отличалась особой внутренней и национальной нестабильностью. То же можно сказать и о вновь присоединенных республиках. По данным ОББ НКВД СССР, всего с июня 1941 года на территории страны было ликвидировано 7 163 повстанческие группы, объединявшие в своих рядах 54 130 человек⁴¹⁰. Руководители органов внутренних дел неоднократно подчеркивали, что вместе с «активными» бандитами большое значение имели «бандпособники и сочувствующие». Официальная позиция правительственных органов, объясняющая причины выселения, выражалась в стремлении стабилизировать этими мерами общественно-политическую обстановку, обеспечить безопасность страны и упрочить государственность, ликвидировать бандитизм, наказать пособников гитлеровских оккупантов. Эти доводы выглядят логичными для того времени (подобным образом поступали правительства многих государств в различные исторические эпохи), но нельзя не обращать внимание на то, что карательные акции носили ярко выраженный антигуманный и противоправный характер, превращаясь в страшный механизм насилия и беззакония. Ведь суровому наказанию подвергались не только повинные в преступлениях против государства и советских граждан, но и невинные люди. Именно поэтому такие меры не могут быть признаны справедливыми, и они получили решительное и заслуженное осуждение.

Все акции по переселению тех или иных категорий населения имели юридические основания — постановления ГКО, Указы Пре-

зидиума Верховного Совета, решения ЦК партии, указы СНК, приказы и директивы различных комиссариатов и министерств. Однако большое место для произвола оставляла конкретная деятельность местных партийно-советских органов власти, составляющих списки на выселение и проводящих эти мероприятия.

В 1991 году в Законах «О реабилитации репрессированных народов» и «О жертвах политических репрессий» была дана критическая и правовая оценка этим акциям.

Депортации народов Кавказа в 1941–1944 гг. проводились с использованием значительного количества войск НКВД, для этих акций были выработаны специальные постановления и инструкции. Одновременно с выселением проходили серии других оперативно-чекистских мероприятий⁴¹¹.

Впервые операции по выселению людей с территории Псковщины были проведены еще в 1920–1930-е годы. Они были вызваны необходимостью «укрепления советских настроений среди приграничного населения». После мирных договоров с Эстонией и Латвией многие семьи остались по разным сторонам границ. В приграничных районах проживало большое количество лиц, «которые оказывали прямую помощь белогвардейцам, бандитским формированиям в 1917–1922 годах... Эти элементы используются мировой буржуазией для борьбы с Советской властью», как писалось в одном из отчетов Псковского РО НКВД. «Для охраны интересов СССР, ее госграниц и недопущения проникновения иностранных и бандитских элементов в пограничные округа» было решено провести выселение «бывших дворян, царских офицеров, полицейских и белогвардейцев»⁴¹². Имущество высланных изымалось и продавалось различным организациям. Всего по губернии (а в списках на выселение было больше всех жителей именно приграничных районов) на 1 декабря 1926 года было занесено в списки 590 глав семейств с 2577 членами семей, впоследствии этот список был сокращен почти вдвое⁴¹³.

В 1930-х годах в ситуации «обострения классовой борьбы и активизации зиновьевского троцкистского к.-р. блока» и нарастаю-

щей военной угрозы контроль за безопасностью в приграничных районах был чрезвычайно важен. Советское правительство рассматривало возможность возникновения антикоммунистических организаций вблизи границ СССР из «числа бывших дворян, бандпособников Булак-Балаховича, Павловского и Савинкова». Начальник управления НКВД по Ленинградской области Л.М. Заковский в докладной записке «О бывших людях», направленной Г.Г. Ягоде, указывал, что «по данным оперативного учета устанавливается серьезная засоренность предприятий, ВУЗов... остатками разгромленной буржуазии, родственниками расстрелянных террористов, диверсантов и шпионов». «Бывшие» собирались в «салоны», обсуждали и критиковали в антисоветском духе мероприятия Советской власти⁴¹⁴. В условиях приграничных районов подобная деятельность была недопустима и опасна. В марте 1935 года Г.Г. Ягода подписал приказ НКВД СССР № 55709 об «очистке пограничной полосы Ленинградской области и Карелии от кулацкого и антисоветского элемента». Предполагалось в течение апреля 1935 года очистить 22-километровую пограничную полосу от «антисоветского элемента». Для выселения были подготовлены списки «бывших людей» — дворян, полицейских, жандармов, торговцев, бывших эсеров, меньшевиков, кулаков, граждан, лишенных избирательных прав, участников банд Булак-Балаховича, религиозных деятелей, безработных. Сохранилось 8 подобных документов: «Список бывших активных белобандитов и авантюристов, занимавшихся антисоветской деятельностью», «Список перебежчиков, сохранивших свои связи с заграницей», «Списки на кулачество», «Список бывших людей»⁴¹⁵. Мотивы к выселению, как правило, звучали так: «враждебно настроен к существующему строю», «антисоветски настроен, подозревается в шпионаже», «поддерживает связь с белой эмиграцией» и проч.⁴¹⁶ Всего в списки для выселения, подготовленные в РОНКВД, попало около 1500 семей (более 8200 человек)⁴¹⁷. Для выселения были созданы оперативные группы из числа работников НКВД, которые в сжатые сроки провели операцию по выселению. На сегодняшний день, по материалам УВД Псковской области, реабилитировало

более 7500 безвинных людей, выселенных в 1935 году в Казахстан, Сибирь и на Урал.

«Третья очередь» выселений произошла в 1938—1939 гг. На территории трех пограничных участков в Псковском, Палкинском, Гдовском, Островском и Полновском районах НКВД фиксировало «насыщенность пришлым элементом... до 360 семей, имевших родственную связь с Эстонией... Эстонская разведка использует часть населения для вербовки агентуры... Выявлено 245 человек, бывших участников банд Булак-Балаховича»⁴¹⁸. По оперативным данным, в районах проживало более 1500 человек, служивших в белых армиях⁴¹⁹. К сожалению, эти цифры не отличались правдивостью и точностью, многие дела были сфабрикованы без достаточного основания, а «начальник ОКРО НКВД С.Г. Южный лично устанавливал лимиты на аресты людей... стремясь перевыполнить лимит на производство арестов, спущенный из УНКВД Ленинградской области, для того чтобы выслужиться»⁴²⁰. В результате были репрессированы многие совершенно безвинные люди⁴²¹. Подобная «практика» деятельности НКВД получила заслуженную оценку еще в 1939—1941 гг., когда была арестована группа работников Псковского ОКРО НКВД во главе с Южным за грубое нарушение советской законности, массовые аресты ни в чем не повинных граждан и искусственное создание антисоветских и шпионских организаций⁴²².

В конце 1940-х годов в Псковской области, как и в других регионах, спецоперация по выселению проводилась поэтапно. Еще в течение первых послевоенных лет на оперативный учет были взяты лица, в той или иной степени сотрудничавшие с немецкими властями на территории Печорского, Пыталовского и Качановского районов, эти категории были дополнены «бандпособниками» и легализованными бандитами. Затем в 1947—1949 годах были составлены списки кулаков и членов их семей. В марте — апреле 1950 года прошла секретная организационная фаза подготовки, предполагавшая создание «оперативных троек», оперативных групп и уточнение списков выселяемых. «Оперативные тройки» создавались в районах для общей координации деятельности советских и правоохранительных

органов по выселению. В состав оперативной группы входил оперработник и два сотрудника, которые должны были проводить аресты, задержания и выселения. Другие подразделения были использованы для осуществления поисковых мероприятий и охраны населенных пунктов. В мае 1950 были выселены в основном кулаки⁴²³, а в ноябре этого года, после постановления Особого совещания при МГБ, началось массовое выселение «пособников националистических повстанцев и террористов».

В итоге проведенных спецопераций из районов было выселено 1415 кулаков, «бандпособников» и членов их семей. Начальники РО МГБ в 1951 году отмечали, что после выселений «работа по выявлению и уничтожению националистического подполья и бандгрупп идет значительно успешнее, арестованные бандиты на допросах показывают, что из бандотрядов начался уход людей... В большинстве населенных пунктов ликвидированы бандитские гнезда... Разрушена сеть бандпособников». В письме на имя Г.М. Маленкова указывалось, что западные районы Псковской области «очищены от кулацко-бандитских элементов». Это позволило к 1951 году охватить колхозами до 92% крестьянских хозяйств, тем самым практически завершить процесс советизации районов⁴²⁴.

Однако коллективизация и выселение «бандпособников» не были единственными общеполитическими мероприятиями, проведенными партийно-советскими и правоохранительными органами для борьбы с националистическими бандформированиями. Весьма активно использовались идеологические методы. Как уже отмечалось, в отчетах и докладах различных руководителей НКВД — НКГБ, а также партийных лидеров неоднократно подчеркивалась мысль о «буржуазном характере воспитания, имевшем место в период двадцатипятилетнего господства частнобуржуазных интересов» на территории западных районов. «Поэтому агитационно-массовая и культурно-просветительская работа представляет собой особое значение и является главной задачей партийной организации в деле перестройки сознания населения нашего района», — говорилось в Отчете о работе Качановского райкома партии⁴²⁵. Это прекрасно понимали и руково-

дители Псковского обкома, неоднократно указывая на необходимость усиления идеологической работы в западных районах. Среди мер, направленных на воспитание советского человека и «изживание мелкособственнических интересов», были шаги по развертыванию школ и введению обязательного обучения. Партийные органы требовали, чтобы местные властные структуры добивались стопроцентного охвата населения школьным начальным, средним и вечерним образованием. В районах создавали школы рабочей молодежи, специальные кружки и агитационно-просветительные лектории при библиотеках и школах. Среди предметов, которые преподавались населению, были история СССР, история ВКП(б), политическая география, история Великой Отечественной войны Советского Союза. Специальные темы охватывали широкий круг вопросов: «Блестящие победы Красной Армии», «Права и обязанности граждан СССР», «Сила и могущество Советского строя», «Что дала Советская власть народу», «Советская конституция — самая демократическая конституция в мире» и другие⁴²⁶. Лекторская группа только одного Качановского района в 1946 году охватила своими лекциями около 8 тысяч человек.

Особое внимание уделялось пропаганде советских законов и Конституции СССР 1936 года. «Вопросы пропаганды советских законов и соблюдение революционной законности имеют в наших районах большое значение, ибо все законы буржуазной Латвии и Эстонии были на стороне капиталистической собственности, направлены на угнетение рабочих и бедняцких слоев населения. Сама буржуазная идеология воспитывала среди людей низменные чувства по пословице — человек человеку волк. Перед нами стоит большая задача показать все выгоды Советской власти... а правоохранительные органы должны...развернуть широкую борьбу с ворами, расхитителями и разбойниками»⁴²⁷. Псковский обком партии направил в районы большое количество разнообразных книг, сборников с Конституцией СССР, плакатов с разъяснением основного закона и других советских нормативных актов. Пропаганда «самых гуманных советских законов» прослеживалась даже

с точки зрения объявлений о «помиловании скрывающихся в лесах в случае добровольной сдачи».

Постановления СНК СССР, обращения Президиума Верховного Совета СССР, директивы НКВД — МВД с призывами и гарантиями для тех, кто решил добровольно сложить оружие, регулярно публиковались в прессе, распространялись в виде листовок, плакатов и писем. Только за период с сентября 1944 по июль 1945 года было обнародовано четыре обращения с обещанием амнистии всем, кто покинет ряды националистических повстанческих бандформирований и добровольно сдастся советским властям. Но те, «кто продолжит сопротивление, будет беспощадно уничтожен».

В Псковской области случаев добровольной сдачи («легализации») членов националистических бандформирований было достаточно много. Так, только в «Записке о борьбе с бандитизмом в Псковской области» на первую половину 1946 года фиксируется 31 «легализованный» бандит⁴²⁸. В 1947 году в ходе проведения комплекса войсковых и оперативно-чекистских операций после долгих и непростых переговоров, которые вел начальник 2-го отдела ОББ УМВД по Псковской области Г.И. Мисуркин, была легализована большая банда численностью 49 человек. По согласованию с обкомом и облисполкомом сдавшимся бандитам разрешалось проживать на своих хуторах, заниматься земледелием, но проходить обязательную регистрацию два раза в месяц в РО МВД или органах госбезопасности.

Очень важной идеолого-политической мерой были попытки вести просветительскую и агитационную работу среди хуторян по «вскрытию истинных целей фашистов и их пособников, по уничтожению всего человечества... разъяснению устремлений мировой буржуазии... показу классовой природы современного мира и прогрессивной роли СССР». Тем самым были сделаны шаги по разложению «повстанческой базы».

Важнейшим шагом по советизации западных районов области стала подготовка и проведение выборов в Верховный Совет СССР в 1946 году, тем самым населению давалась возможность участвовать в формировании советских, «подлинно народных» органов вла-

сти, коренным образом отличающихся от «псевдодемократических парламентов западных стран».

В районах были открыты партшколы для членов и кандидатов в члены ВКП(б). Отдельное внимание уделялось созданию в деревнях изб-читален, где должна была вестись постоянная идеологическая и просветительская работа. С 1945 по 1947 год в западных районах области было создано около 40 изб-читален, куда было направлено большое количество «советских книг и произведений Маркса, Ленина, Сталина». Там же сосредоточивались советские центральные и местные газеты и «плакаты с наглядной агитацией».

Среди идеологических мер по пропаганде советского строя большое внимание уделялось газетам, наглядным агитационным материалам, книгам советских авторов и «лучшим произведениям писателей XIX века». Правоохранительные органы обязывались в кратчайшие сроки изъять у населения (прежде всего у бывших полицейских) «фашистские листовки и книги, не допуская их распространения среди жителей».

Следуя указаниям ЦК ВКП(б), в районах создавались кинотеатры, студии художественной самодеятельности, в которых ставились пьесы советских авторов. По деревням и селам разъезжали передвижные киноустановки, показывавшие разнообразные советские фильмы 1930–1940-х гг.

Все эти меры должны были способствовать успешному и скорейшему «встраиванию» районов в советскую систему и «идейному перерождению жителей новых советских земель».

4.2. «Лесные братья» на Северо-Западе России в 1944–1953 гг.

Май 1945 года. Несколько дней назад закончилась война, и мирная жизнь в освобожденных районах Псковской области постепенно налаживалась. Проходило разминирование городов и поселков, убиралась искореженная военная техника, распахивались и засеивались поля, восстанавливались жилые объекты, заводы и фабрики.

В Псков и другие районные центры возвращались жители, угнанные в немецкий плен, Псковский обком ВКП(б) и облизполком вырабатывали перспективные планы развития. Но не во всех районах Псковщины обстановка была одинаковой. В западных, не так давно восстановленных в составе Псковской области Печорском, Пыталовском, Качановском районах ситуация складывалась по-другому. Руководители районов и районных отделов НКВД и НКГБ, объясняя сложности процесса восстановления Советской власти, указывали, что «спецификой... территорий является их развитие в течение последних десятилетий: в течение двадцати лет районы находились под буржуазным правлением и в них насаждались частнособственнические интересы... власть фашистов подхлестнула национализм и неприятие Советской власти... в районах появились националистические бандповстанческие группы, совершающие теракты против сов. актива и мирных жителей».

Ночью 19 мая 1945 года на хуторе Скобиково в Пыталовском районе залаяла собака. «Я проснулся, — рассказывал хозяин дома в РО НКВД — и услышал стук в окно, на мой вопрос неизвестный мужчина ответил: «Откройте, милиция», я ответил, что ночью никого не пущу, тогда они начали ломиться в дверь и в комнату ворвалось человек 12... вооруженных винтовками и автоматами, в том числе 2—3 женщины... между собой разговаривавших полтавйськи... Меня с семьей затолкали в одну половину дома, поставили в дверях часового, и один из них, одетый в зеленую шинель, на вид лет тридцати... потребовал оружие... Они взяли продукты и вещи и ушли, сказав, что если вы заявите в милицию, то мы сожжем все дома, и добавил, что мы — латышские партизаны»⁴²⁹. В эти же дни в округе было ограблено еще 17 хуторов.

Только за май 1945 года в Пыталовском районном отделе милиции было зарегистрировано 29 заявлений граждан о «налетах и грабежах», которые совершали люди в зеленых и черных шинелях, вооруженные винтовками и автоматами, называвшие себя «латышскими партизанами». Эти налеты и грабежи вошли в «Оперативные сводки» Главного Управления по Борьбе с Бандитизмом (ГУББ)

НКВД СССР, как «характерный пример банддеятельности националистов»⁴³⁰.

Практически аналогичная ситуация сложилась в Печорском и Качановском районах. Борьба с «националистическими бандповстанческими террористическими группировками», действующими на территории Псковской области, стала одной из важнейших задач для партийно-советских и правоохранительных органов. От ее решения зависело «встраивание» новых районов в советский образ жизни и восстановление области после войны.

Националистическое повстанчество, возникшее в послевоенное время на территории СССР, представляло собой мощный фактор военно-политической дестабилизации в стране.

В исторической, специальной и публицистической литературе история деятельности националистических формирований неоднократно становилась предметом изучения. Историография этой проблемы насчитывает множество разнообразных работ. В 1960–1970-е годы появилось несколько публицистических книг о деятельности украинских националистов в годы войны и послевоенный период, вышли аналогичные работы о литовских «лесных братьях». Особенный интерес к этой теме был порожден событиями последних двадцати пяти лет — от Афганистана до Чечни. Проблемы деятельности малых боевых партизанских групп и отрядов, тактика борьбы с ними стали чрезвычайно актуальными не только для военных и сотрудников правоохранительных органов, но и для обычных граждан, так или иначе вовлеченных в эти события. Наконец, внешнеполитический фактор тоже повлиял на рассмотрение указанных тем. Для многих зарубежных политиков и публицистов оценка деятельности националистических бандформирований зависит от отношения к конкретной стране, от общемировой конъюнктуры, от конкретных шагов, принимаемых для борьбы с формированиями. Спектр оценок меняется от «отрядов террористов и бандитов» до «партизаны и повстанцев, сражающихся за свободу своего народа». За каждым термином стоит определенная философия и политическая направленность, стоят интересы различных государств, альянсов и людей.

Даже в современной российской историографии последних лет можно найти несколько разнообразных по форме и содержанию определений. Так, один из вдумчивых и серьезных исследователей послевоенных процессов в Прибалтике Е.Ю. Зубкова пишет о «вооруженной оппозиции», а М.Ю. Крысин, указывая на предвзятость многих историков и публицистов, употребляет понятие «националистическое сопротивление», совершенно справедливо задаваясь вопросом, что же такое националистическое сопротивление, кто были его организаторы и участники?

В документах 1940-х — начала 1950-х годов общепотребительного термина также не встречается⁴³¹. Общий смысл всех формулировок одинаков — на территории западных районов Псковской области действовали многочисленные националистические бандформирования, поскольку состояли в основном из латышей, эстонцев, поляков и отчасти русских граждан, совершавших террористические акты, связанные с убийствами и покушениями, захватом заложников, взрывами государственных учреждений, грабежами и запугиванием населения. Эти бандформирования нельзя рассматривать как плохо организованные, «не связанные друг с другом группировки», хаотично образующиеся в результате неприятия Советской власти и ее политики. Практически все бандформирования, особенно периода 1944—1949 гг., имели налаженные каналы связи между собой, с «генеральным штабом латвийских партизан» или другими «руководящими центрами»⁴³². Банды объединялись для проведения масштабных акций, проводили встречи и совещания, обменивались информацией, имели надежные места базирования, пособников и агентуру. Только после уничтожения наиболее крупных бандформирований и «изъятия бандпособников» ситуация стала меняться — многие бандиты легализовались, часть была вынуждена перейти в другие районы и там, не имея поддержки в незнакомой местности, была уничтожена. К 1949 году советское руководство сумело задействовать целый комплекс различных социально-экономических, идеологических и специальных мер для уничтожения бандформирований, что и предопределило спад, а затем и полное

уничтожение бандгрупп. Кроме того, как справедливо отмечает Е.Ю. Зубкова, «спад активности партизанского сопротивления... объяснялся не только политикой, властью и эффективностью тех или иных методов... в значительной степени он стал возможен благодаря настроениям прибалтийского крестьянства, сделавшего свой выбор в пользу «меньшего зла», каким была советская власть по сравнению с бесперспективностью борьбы с заведомо более сильным соперником... Надежды на помощь Запада... не подкрепленные сколь-нибудь значительными шагами... постепенно рушились, что также способствовало перемене общественных настроений»⁴³³.

Деятельность националистических бандформирований на территории Псковской области была тесным образом связана с националистическим движением в Литве, Латвии и Эстонии.

В Прибалтике послевоенное антисоветское националистическое движение получило особый размах. Но впервые отряды «лесных братьев» появились в Эстонии и Латвии еще в 1905—1906 годах. В этих районах Российской империи после начала Первой русской революции на различных предприятиях вспыхивают многочисленные восстания и забастовки. Особенного размаха они достигли на заводах Риги и Ревеля, к ним присоединялось эстонское студенчество Тартуского университета. Летом 1905 года массовые акции провели крестьяне и батраки в поместьях немецких и русских землевладельцев. Многие из поместий были разорены и сожжены. 16 октября 1905 года был расстрелян народный митинг в Ревеле, погибло 94 человека и более 200 были ранены. После декабрьского вооруженного восстания в Москве революционные элементы из состава различных экстремистских организаций стали подстрекателями крестьянских выступлений. В ряде районов Эстонии и Латвии органы власти были разгромлены, восставшие создавали самоуправления и громили поместья, усадьбы и полицейские участки. Всего, по данным эстонских историков, было сожжено 160 поместий в различных районах⁴³⁴. В 1906—1907 гг. жандармы зафиксировали до 350 терактов в разных районах Эстонии и Латвии. Группы по 20—30 человек нападали из засад, проводили захваты и поджоги, затем

уходили на отдаленные хутора. Для усмирения были направлены военные подразделения и жандармы, в регионах был введен режим «чрезвычайной охраны». Многие отряды крестьян, батраков и революционеров ушли в леса и продолжали нападать на полицейские и воинские формирования. В течение почти 2-х лет производилось подавление сопротивления. Псковское губернское жандармское управление летом 1906 года получило циркуляр, предлагающий властям использовать «создание застав и наблюдательных пунктов» вблизи латвийских и эстонских земель, не допуская проникновения отрядов «лесных братьев». Но ни одного такого отряда не проникло на территорию губернии, поскольку никакой опоры и поддержки у псковского населения прибалтийские экстремисты не нашли.

Первый опыт противодействия организованным бандгруппам псковские чекисты приобрели в 1919–1923 гг. После разгрома и отступления в Прибалтику частей Северного корпуса на западных границах Псковской губернии оставалось беспокойно. Вооруженные столкновения с отрядами белогвардейцев и некоторыми подразделениями «латвийских добровольческих формирований» продолжались в приграничной полосе. Толчком к возникновению бандгрупп в южных районах Псковской губернии стал мятеж пограничных гарнизонов в Витебской губернии в 1918 году. После подавления восстания многочисленные формирования «зеленых банд» распространились по близлежащим территориям. Во главе «зеленых» банд на юге Псковщины находились белогвардейские офицеры Воронов, братья Жигаловы, Кулешов и Анущенко⁴³⁵. Их отряды значительно пополнились за счет дезертиров, не желающих идти в Красную Армию. Банды имели достаточно стройную внутреннюю организацию, делились на роты, взводы и отделения. Основные силы бандформирований находились на постоянном базировании в деревнях. Осенью 1918 года «зеленые банды» захватили Поречье и Велиж. Здесь к ним присоединился милицейский отряд с тремя пулеметами и несколько сот крестьян⁴³⁶. На зиму участники бандформирований «ушли по деревням» в различные районы Псковщины и Белоруссии. К весне 1919 года их активность возобновилась и бандформирования создали

три так называемых «боевых» района — Велижский, Невельский и Сурожский. За каждым «полевым командиром» закрепился один из районов, в котором он «отвечал за захват власти и соблюдение порядка». Для конспирации отряды поддерживали связь между собой только через руководителей или их специальных доверенных лиц. После проведения акции (налетов на органы Советской власти, разгром хлебных магазинов и т.п.) вооруженные формирования рассредоточивались в ожидании приказа от командира. Подобная тактика чрезвычайно затрудняла борьбу с «зелеными бандами», только после разгрома войск Н.Н. Юденича и первых побед Красной Армии над белополяками местное население указанных районов перестало безоговорочно поддерживать «зеленых», что уменьшило эффективность их действий. Наиболее длительными были действия банды М. Анущенко, известного под кличкой «Оберон», который продолжал грабежи и теракты под Усвятами и Велижем⁴³⁷.

В условиях ожесточенной борьбы на фронтах Гражданской войны бандитизм представлял собой особую опасность. Согласно декрету ВЦИК от 20 июня 1919 года бандитизм расценивался как опаснейшее преступление против основ государственного управления. Бандиты грабили мирных жителей, нападали на части Красной (и Белой) Армии, убивали активистов Советской власти, уничтожали отряды красногвардейцев, проводящих продразверстку. Эти обстоятельства определили жесткие меры, проводимые Советской властью.

В 1920 году после заключения мирных договоров с Латвией и Эстонией и установления границы большая часть боевиков ушла в Польшу и Латвию. В Европе, Прибалтике и западных районах РСФСР была воссоздана антисоветская организация Б.В. Савинкова «Народный союз защиты родины и свободы», ставящая своей целью свержение власти Советов. Для этого использовались разнообразные методы, в том числе и совершение терактов на территории Советской России. Именно с этой организацией связывается новый этап в деятельности бандгрупп на территории Псковской губернии. На территории Латвии и Польши были созданы небольшие лагеря,

в которых, на «временных квартирах», с разрешения и под контролем правительственных сил этих государств, размещались бывшие белогвардейцы и остатки «зеленых банд» периода 1918—1919 гг. Целью этих отрядов была дестабилизация положения в приграничных районах РСФСР, проведение диверсий и разведки, а также уничтожение советских объектов. Командовали отрядами С.Э. Павловский, Васильев, Левицкий и ряд других бывших офицеров. Для подготовки вторжения в советской пограничной полосе проходила вербовка местных жителей, которые сообщали о передвижениях погранчастей, отрядов ЧОНа⁴³⁸ и подразделений войск ОГПУ. В это же время создавались большие местные ячейки «савинковцев» в городах и районах. Многие из них были раскрыты в 1921—1924 гг. Так, только в Петроградском военном округе, куда входил и Псков, было ликвидировано несколько ячеек «Союза», более 300 человек было арестовано в западных губерниях РСФСР, Украины и Белоруссии⁴³⁹. В 1921—1924 гг. на Псковщину было совершено несколько рейдов. Вооруженные банды Васильева, Павловского совершали набеги на Новоржевский, Порховский, Холмский уезды, в результате которых было убито много советских активистов, были разграблены советские финорганы, магазины райпотребсоюза. Из большинства магазинов бандиты похищали продукты и водку, «отмечая боевые удачи в некотором отдалении от разграбленных городов», наутро они, «отдохнув», уходили. Наиболее серьезной и подготовленной операцией было нападение банды Васильева на города Холм и Демянск в июле 1922 года, в результате которых города подверглись почти полному разгрому⁴⁴⁰.

Деятельность отрядов на этом не ограничивалась. Через границу в Псковскую губернию направлялись бывшие члены «зеленых» банд, которые должны были организовать активно действующие «партизанские отряды». Возвращаясь на территорию Псковской губернии, многие из них налаживали давние связи и создавали «боевую группу» для совершения терактов. Только в Псковском уезде в 1922 году действовало четыре банды общей численностью до 150 человек. Среди них следует назвать банду братьев Речинских, Н. Михайлова,

С. Барилова, в которую входил 91 человек. В 1922 году в Невельском и Новоржевском уездах действовали банды Михея Иванова, М. Семенова, Ф. Некрасова, общее количество бандгрупп на юге Псковщины в это время достигало 20. Многие бандиты были арестованы в ходе проведения специальных операций псковскими, белорусскими и ленинградскими чекистами, среди которых особо следует выделить руководителя отделения по борьбе с бандитизмом Псковского ОГПУ А.И. Ланге, внедрившегося под видом Павловского в банду братьев Речинских. В 1922 году в результате операции псковских чекистов банда численностью в 50 человек была уничтожена.

Именно в это время в очень специфичной советской юриспруденции была дана правовая оценка бандитизму, которая сохранилась с небольшими изменениями и в послевоенный период. Впервые о бандитизме было упомянуто в Декрете СНК РСФСР «О суде» от 20 июля 1918 года. В статье 76 Уголовного кодекса 1922 года бандитизм квалифицировался как «организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандитами разбойных нападений и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушение железнодорожных путей, безразлично, сопровождалось ли эти нападения убийствами или ограблениями или не сопровождалось»⁴⁴¹. В редакции УК 1926 года, действовавшего до 1958 года, формулировка практически не изменилась. При этом УК различал вооруженные банды, созданные на советской территории, и банды, вторгшиеся в пределы РСФСР, особо подчеркивалась помощь вооруженным формированиям и «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов» (ст. 58 ч. 1, 2; ст. 59).⁴⁴² В 1927 году, в связи с принятием «Положения о преступлениях государственных», бандитизм вошел в число наиболее тяжких уголовных преступлений. Члены вооруженных бандформирований осуждались советскими судами не только по указанным статьям. Их привлекали к ответственности за измену Родине, вооруженное восстание, «сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями», подрыв госу-

дарственной промышленности и хозяйства, совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти, убийство и проч.

В 1950-е годы, во время реабилитационных процессов, с некоторых членов бандформирований были сняты обвинения по статье 58, часть 1^а (измена Родине, шпионаж, переход на сторону врага), но оставлены в силе приговоры по другим статьям — участие в бандформированиях, активной бандитской деятельности, совершение терактов (ст. 58-8, 58-10, 58-11, 59-3). Некоторые члены бандформирований после реабилитации 1956—1958 гг. были освобождены. В 1990-х годах в ходе широкой реабилитационной работы, проводимой судами, Прокуратурой Российской Федерации, Комиссией по реабилитации, Управлениями ФСБ РФ и УВД по Псковской области, приговоры в отношении осужденных активных членов бандгрупп были оставлены практически без изменений за исключением незначительного числа реабилитированных граждан, которые были необоснованно привлечены к ответственности в 1940-х годах как «бандпособники».

В послевоенное время на территории СССР было несколько районов, где действовали крупные националистические бандформирования. Это Прибалтийские республики, Белоруссия и Украина. Наибольший размах это движение приняло на Украине и в Прибалтике.

В конце 1920-х годов возникла Организация Украинских националистов (ОУН), которая всеми силами стремилась к созданию независимого государства на Украине. Присоединение к СССР западноукраинских земель было воспринято частью населения как смена очередного оккупационного режима на другой, и немецкое командование умело воспользовалось этими настроениями, обратив потенциал ОУН на борьбу с Советской властью и Красной Армией. Немцы, захватив Польшу в 1939 году, выпустили на свободу Степана Бандеру, который развернул активную деятельность по созданию военных формирований ОУН. В начале 1941 года

С. Бандера и его «оппонент» в ОУН Андрей Мельник получили от Абвера 2,5 млн марок для создания вооруженных отрядов и подготовки восстаний в советском тылу⁴⁴³. В 1943 году в ОУН возникла военная организация — Украинская повстанческая армия (УПА). С 1942—1943 года на территориях западной Украины создаются многочисленные отряды — «сотни», объединявшиеся в «курени». Формирование этих подразделений шло как из числа добровольцев, так и по призыву. Основную массу отрядов составили крестьяне. Причем в отрядах доминировали «бедняки», разочаровавшиеся в немецкой и Советской власти и стремящиеся получить землю в частную собственность, а также «середняки», боявшиеся колхозного обобществления имущества и земель. Немногочисленной прослойкой в отрядах были рабочие и интеллигенция, симпатизирующие ОУН. В организационном плане территория Украины была разделена на 4 военных округа (УПА-Север, УПА-Запад, УПА-Юг и УПА-Восток), которые, в свою очередь, делились на «военные округа», в которых действовали военные отделы («курени»). В состав «курения» (500—600 человек) входило несколько боевых «сотен», дробившихся на «четы» (30—40 человек) и «рои» (отделение в 10 человек). Общая численность националистических формирований на Украине в 1944—1945 гг. достигала 100—150 тысяч человек⁴⁴⁴. В 1943 году перед УПА стояли задачи по борьбе с Красной Армией, войсками НКВД, партизанами, подготовке и проведению диверсионно-террористических актов в советском тылу, уничтожению красноармейцев, активистов Советской власти, по идеологической работе с местным населением. После освобождения Украины весь военный и накопленный сырьевой потенциал ОУН — УПА позволил развернуть боевую и террористическую деятельность против Советской власти и Красной Армии. Только с 1944 до 1945 года националисты совершили более 6000 диверсий, а всего за период 1944—1953 гг. УПА — ОУН было проведено 14 424 акции (налеты, поджоги, нападения, диверсии), было убито 30 тысяч советско-партийных работников и мирных граждан, в борьбе с ними погибло более 25 тысяч сотрудников НКВД — НКГБ,

военнослужащих Красной Армии⁴⁴⁵. После 1945 года, когда против националистов использовались армейские подразделения, число нацформирований УПА сократилось, но они стали более законспирированными. Каждый отряд имел собственную сеть осведомителей («языковых») и «господарчих», производящих материальное снабжение бандитов. По мере развития антитеррористических действий националисты меняли тактику, распускались большие отряды, появлялись мелкие группы, которые после терактов прятали оружие и расходились по домам, ожидая более благоприятной обстановки и приказов «начальства». К 1953 году большинство националистических бандформирований было ликвидировано. Однако некоторые продолжали сопротивление до начала 1960-х годов, принимая помощь западных спецслужб.

В отличие от Украины, где антисоветская деятельность нацбанд координировалась из одного центра, в Литве действовали «Армия освобождения Литвы», «Союз литовских партизан» и другие разрозненные «штабы» и «союзы», кроме того, на территории Литвы проводили теракты подразделения польской «Армии Крайовой». В Литве были созданы вооруженные отряды, но они не имели столь жесткой структуры, как на Украине. Националистические формирования совершали массовые теракты против советских активистов, грабежи и налеты на населенные пункты, хутора, сельсоветы. Всего с 1944 по 1956 год литовскими «лесными братьями» было совершено более 3000 диверсионно-террористических актов, националистами было убито 25 108 человек (21 259 литовцев, 3000 русских, 554 поляка)⁴⁴⁶. В движении литовских националистов, как и на Украине, самое активное участие приняли крестьяне (до 70%), а сами формирования пользовались всемерной поддержкой местного населения, что создавало определенные трудности в борьбе с отрядами. Как и на Украине, борьба с повстанцами продолжалась до середины 1950-х годов, последние «лесные братья» были пойманы в 1965 году, а в 1986 году на отдаленном лесном хуторе был арестован «последний литовский партизан».

В Латвии и Эстонии также не существовало единого центра, руководившего националистическими бандповстанческими группировками.

В 1917—1940 гг. на территории Эстонии и Латвии были созданы различные добровольные националистические формирования полувоенного типа. Обученные и организованные отряды «айзсаргов» и «кайтселиита» в течение почти 20 лет проходили подготовку к возможным военным действиям. Их восстановление в годы немецкой оккупации произошло довольно быстро, многие из членов этих самостоятельно возникших отрядов были обижены на Советскую власть в связи советской политикой, проводимой в Эстонии и Латвии в 1940—1941 гг. Они не только вступили в воссозданные организации, но и стали активными сотрудниками и пособниками фашистского оккупационного режима, проводя в составе карательных отрядов, *shuma*-батальонов и войск СС массовые акции против советских мирных жителей и партизан в годы войны. Прямым следствием этого была и их деятельность в послевоенном СССР.

Однако, кроме этих факторов, огромную роль в создании послевоенных националистических бандформирований сыграли разведывательные службы Германии в 1943—1944 гг., а в 1945—1953 гг. спецслужбы США и Великобритании пытались всячески активизировать деятельность националистического подполья.

У истоков националистического сопротивления стояли немецкие спецслужбы. Значительная часть вооруженных формирований в Эстонии, Латвии и Литве была подготовлена в 1943—1944 гг. разведкой фашистской Германии. По данным Г.Г. Алова, в 1943—1944 годах абвергруппа 212, располагавшаяся в Латвии, подготовила к засылке в советский тыл для длительного пребывания организации диверсионно-повстанческих группировок около 300 агентов из числа латышей, членов «айзсаргов»⁴⁴⁷. В документах немецких разведорганов прямо указывалось, что «ввиду изменения общего положения, отхода наших войск... стала очевидна необходимость подготовки и организации движения сопротивления», в других приказах обращалось внимание на задачи отдельных подразделений СС («Ягдайн-

затц Балтикум»): «Организовать партизанское движение в освобожденных Красной Армией районах Латвии... осуществлять диверсии на железных дорогах, захватывать власть в свои руки, проводить антисоветскую агитацию, вовлекать население в группы для активной борьбы против советской власти»⁴⁴⁸.

Целый ряд немецких разведподразделений «Ягдфербанда Ост» — «лесные кошки» — получили задание по «созданию и руководству в Латвии движением сопротивления». Организованные группы были направлены в различные уезды освобожденной Латвии. Им была передана агентура, передатчики, коды и шифры для связи, разработаны регионы базирования и задачи деятельности. Между группами была налажена связь, и в их действиях в 1944—1945 гг. «чувствовалась большая согласованность; их рейды и засады стали планироваться и координироваться намного целенаправленнее»⁴⁴⁹. Многие группы забрасывались с самолетов, часть были оставлены в тылу и должны были легализоваться и получить советские документы. Некоторые члены таких групп были выявлены и арестованы только к 1947—1948 гг., а ряд боевиков, подготовленных абвергруппой 212, совершали теракты и диверсии до 1949 года.

Руководители НКВД Л.П. Берия и С.Н. Крутлов (находился во главе НКВД — МВД с декабря 1945 по март 1953 и с июня 1953 по февраль 1956 гг.) неоднократно докладывали советскому руководству о деятельности немецких спецслужб по организации террористических и диверсионных групп, состоящих из латвийских и эстонских националистов. Так, в июне 1944 года Л.П. Берия направил И.В. Сталину информацию о деятельности в Виялском уезде «бандгруппы старшего лейтенанта немецкой армии Э.Ю. Бергманиса», в которую входило 15 человек, созданной при непосредственном участии Абвера и СС⁴⁵⁰. Летом 1945 г. Сталину была направлена подробная записка о деятельности «Ягдфербанд Остланд», которая «создана немцами, оставлена в подполье для подпольной и подрывной работы в тылу... Все ее члены окончили разведывательно-диверсионную школу... Укомплектована добровольцами, участниками военно-фашистской организации «айзсарги», полицейскими и их

пособниками... После разгрома Курляндской группировки... были сформированы диверсионно-террористические группы численностью 10—15 человек, каждая из которых была направлена в ряд уездов Латвийской ССР для связи с действующими там вооруженными бандами и активизации их диверсионно-террористической и антисоветской деятельности»⁴⁵¹.

Для дестабилизации советского тыла и организации повстанческих отрядов немецкие спецслужбы использовали и более малочисленные диверсионные группы, состоявшие из 3—5 человек, «забрасываемые с самолетов»⁴⁵².

После окончания Великой Отечественной войны мир вступает в новый период противостояния. После появления атомного оружия у США его руководство стало недвусмысленно говорить о мировом господстве и превосходстве над СССР. «Переговоры с СССР с позиции силы» и ответная жесткая реакция и поддержка СССР коммунистических сил в странах Восточной Европы приводит к обострению отношений, постепенному военно-политическому противостоянию между бывшими союзниками. У.Черчилль и И.Сталин в марте 1946 года, обвиняя друг друга, говорят о «поджигателях новой войны». «Берлинский кризис», доктрина Трумэна, план Маршала (нацеленные на военно-экономическую на помощь тем странам, которые окажутся от коммунистического влияния), создание НАТО приводят к еще большей поляризации мира. Начинается «холодная война». В этих условиях разведки западных стран активизируют свои усилия против СССР. Многие немецкие разведчики сдались в плен союзникам, фактически передав им свою агентурную сеть в Советском Союзе. Для подрыва советской государственности и безопасности западные разведорганы использовали практически все возможные средства, в том числе и борьбу националистических бандформирований. Активизировались попытки спецслужб западных стран по налаживанию связей с националистическим подпольем, для этого использовались различные способы, в том числе и заброс агентов через Государственную границу СССР (воздушным путем и при помощи быстроходных катеров). Через различные каналы (эстонс-

кие и латвийские эмигрантские структуры, молодежные организации, старую немецкую агентуру, католическую и протестантскую церковные организации⁴⁵³) американцы и англичане пытались активизировать деятельность националистов в Прибалтике. Для моральной поддержки среди националистических бандформирований в течение 1945–1948 гг. распространялись разнообразные слухи о том, что «Англия предложит СССР на добровольных началах покинуть Прибалтику, а если этого сделано не будет, то Англия объявит войну СССР и в течение месяца разгромит его»⁴⁵⁴. Среди националистов распространялись выдержки из речей Г. Трумэна и У. Черчилля, агитационные документы эмигрантских кругов, объясняющие необходимость продолжения борьбы. Все эти документы переправлялись с помощью забрасываемых в СССР агентов, а далее через конспиративные каналы, через «Штаб латвийских партизан» доставлялись в лесные хутора, бункера и «схроны»⁴⁵⁵. Цель подобной агитации очевидна — вселить в членов нацформирований уверенность в скорой победе, в помощи Запада, создать условия для продолжения борьбы. Иногда в отряды приходили посланники «Штаба» и проводили разъяснительные беседы с бандитами, на которых говорилось «о всеохватности движения против Советов — повстанцы есть на Украине, в Белоруссии, в Литве... Американцы и англичане готовятся предъявить ультиматум СССР, а значит, и конец коммунистов близок».

Кроме «повстанцев», организованных немцами, на территории Латвии и Эстонии действовали и самостоятельные националистические бандформирования. Многие жители, крайне отрицательно относившиеся к восстановлению Советской власти, ушли в леса еще весной — летом 1944 года, не желая быть мобилизованными в немецкую и Советскую армии. По данным советской контрразведки, еще в летом 1943 года, когда начались массовые наборы в немецкую армию, часть жителей ушли в подполье «с целью скрыться от призыва в германскую армию... Эти отряды не вели активных действий против немцев, но и не объединялись с партизанами... немцы также их не трогали»⁴⁵⁶.

После августа 1944 года, когда была проведен первый массовый призыв в Красную Армию, число «лесных братьев» увеличилось. Именно они, а также бывшие члены «омокайтсе», эстонских полицейских *shuma*-батальонов, солдаты полков пограничной стражи и другие националистически настроенные жители составили основной костяк отрядов «лесных братьев». Эти формирования также имели довольно четкую организацию (сказывался опыт участия в добровольных военных формированиях 1920—1940 гг.) и опирались на поддержку населения. У отрядов националистов существовали специальные формы и бланки для изготовления документов, они имели печати и даже изготавливали листовки и воззвания. Нередко основой отрядов выступали дезертиры Красной Армии, но и они представляли собой серьезную угрозу, поскольку также совершали налеты и грабежи, сжигали постройки и убивали людей.

В Псковской области были известны и общеуголовные — «бандитско-грабительские» — группы, которые специально приходили в западные районы области, совершая грабежи и насилия, считая, что их не смогут раскрыть сотрудники милиции, а все свои преступления можно было выдать за теракты националистов⁴⁵⁷. По данным архива УВД ПО, подобных «бандитско-грабительских» групп было довольно много, и их деятельность также была предметом ведения отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) и уголовного розыска. Как правило, при помощи осведомителей сотрудники милиции получали информацию по каждому случаю «бандпроявлений», определяя его криминогенную природу. По всем общеуголовным делам и бандитским группам дела велись следователями УНКВД — УМВД по ПО, тогда как по делам, связанным с деятельностью националистических бандформирований, следствие проводилось следователями ОББ и УНКГБ — УМГБ по ПО.

Основную массу «лесных братьев» составили крестьяне. Многие из них «в течение нескольких лет фактически не брались за сельскохозяйственный инвентарь, участвуя в боевых действиях», однако практически во всех анкетных данных, заполняемых на допросе, под происхождением значилось «крестьянин». Следователи зачастую указывали «ку-

лацкое происхождение» тех или иных бандитов, хотя фактически количество земли и имущество арестованных не было столь большим. Иногда количество земли, принадлежавшее тому или иному члену группировки, было весьма незначительным — до 5—10 гектаров⁴⁵⁸. Очень сложно оценить возрастной состав участников бандформирований, действовавших на Псковщине. В бандгруппы входили люди различных возрастов — от 18 до 50 лет, в 1950-е годы увеличилось количество молодых людей, так или иначе участвующих в националистических подпольных формированиях. Советские контрразведчики, объясняя это, ссылались на активные пропагандистско-идеологические методы, используемые спецслужбами западных стран в 1950-е годы. Кроме мужчин в бандах участвовали и женщины, причем не только как «бандпособники», но и как активные члены бандгруппы, совершавшие теракты. Как правило, женщины являлись родственниками — сестрами, женами, дочерьми — наиболее активных бандитов. Многие банды вообще строились по «родственному принципу». Костяк банд часто составляли братья, племянники и дядя, отцы и сыновья. Им «оказывали помощь» друзья, соседи, бывшие сослуживцы. Образование банд происходило после возвращения из Германии или дезертирства того или иного лица, который приходил в родную деревню или хутор, затем «прятался в лесу» и «склонял к активной вооруженной борьбе и грабежам» своих родственников и знакомых, нередко объединяясь с другими бандитскими формированиями. Материалы ГУББ НКВД СССР однозначно указывают на «широкую пособническую базу из числа родственников и членов семей бандитов и нелегалов, что позволяет бандитам получать достаточное количество продуктов питания... Эти же бандпособнические элементы своевременно предупреждают о появлении сотрудников милиции или истребительных батальонов»⁴⁵⁹.

Отдельные нацбанды были «оставлены немцами», другие по заданию «штаба» перешли из других районов Латвии для активизации нацподполья в том или ином уезде и волости.

«Модель жизни» практически всех членов националистических бандгрупп, действовавших в западных районах Псковской области,

была похожа одна на другую: в 1920—1940 гг. крестьяне-собственники Прибалтийских государств, некоторые были членами националистических добровольных полувоенных организаций, после начала войны вступили в полицейские отряды, батальоны и легионы СС, участвовали в проведении карательных и охранных мероприятий, воевали, были переформированы в немецком тылу, продолжили войну на Западном фронте, пытались сдаться союзникам, были возвращены советским властям, скрыли свое сотрудничество с немцами, были призваны в Красную Армию, дезертировали, скрылись в лесах. Так, Л., один из активных членов банды «Ванакса», показывал на следствии, что в «в 1943 году... был мобилизован в немецкую армию... служил во 2-м латышском батальоне, затем в 19-м абренском айзсарговском полку, воевал против Красной Армии под Невелем, потом в составе 3-го курляндского полицейского полка воевал против англичан и американцев, затем дезертировал, в Митава попал во власовскую армию, снова дезертировал, был призван в Красную Армию и тоже дезертировал, после чего ушел в лес»⁴⁶⁰. У некоторых членов банформирований в 1940—1941 гг. были репрессированы родственники, ряд бандитов были завербованы немецкой разведкой⁴⁶¹. Другие стали «активными врагами Советской власти еще в июне 1941 года», когда, создав отряды «самообороны» и «айзсаргов» (некоторые достигали численности до 100 человек), провели аресты коммунистов и красногвардейцев⁴⁶².

Многие руководители бандгрупп прошли специальную подготовку в немецких диверсионно-разведывательных школах, имели боевой опыт, участвовали в формированиях СС. Дезертиры и уклоняющиеся от службы в Красной Армии также составляли определенную часть банформирований. Но, как уже отмечалось, банды, состоявшие из дезертиров, одиночек-нелегалов, уклоняющихся от призыва, также совершали теракты, грабили и убивали мирных жителей. Иногда банды объединялись для совместных действий.

У бандитизма на территории Псковской области в послевоенный период было несколько особенностей. В северных и восточных

районах области распространенным явлением был общеуголовный бандитизм, в Порховском, Полновском, Дновском районах действовали бандитские группировки, в число которых нередко входили бывшие «полицаи» и дезертиры Красной Армии. Так, в 1944—1945 гг. в Пустошкинском районе действовала банда Никифорова, совершавшая грабежи и убийства людей, в Псковском районе была уничтожена банда цыган, во главе которой находился некто Суханов. В 1944—1953 гг. были ликвидированы устойчивые уголовные бандгруппировки «Кости Слепого», В. Балашева, М. Лазуркина, Сумина, Солдатова, братьев Ганиных и многих других. В Великолукской области также были распространены общеуголовные банды, а многие бандпроявления связывались с деятельностью «дезертиров и уголовников», убивавших и грабивших жителей, угонявших скот, поджигавших дома⁴⁶³.

Особенностью проявлений националистического бандитизма в Псковской области была деятельность так называемых «приходящих» (или «переходящих») банд. Образованные в Вилякском, Карсавском, Алуксненском районах Латвии и Выруском, Тартуском и Ряпинском уездах Эстонии, бандгруппировки нередко переходили административную границу с РСФСР и совершали теракты в Печорском, Пыталовском и Качановском районах. Эти группы могли объединяться с местными бандитами для совершения крупных акций. В случае такого объединения общая численность бандитов достигала 100—150 человек, после теракта они распадались на малые группы и уходили на места своего постоянного базирования. Нередким было наличие у бандитов нескольких подпольных баз и бункеров, где они укрывались и получали помощь от местного населения⁴⁶⁴. Один из сотрудников ОББ УНКВД по Псковской области, А.И. Кочерга, вспоминал, что по мере получения определенного опыта в борьбе с бандитами «становилось ясно, что все бандиты управляются из одного подпольного центра, из Латвии, они скрывались в лесных массивах, тайниках, у родственников на хуторах и, имея налаженные каналы связи, объединялись для совершения терактов... Множество банд приходило к нам из Латвии, для координации действий мы

всегда сотрудничали с латвийскими органами безопасности и командирами внутренних войск, проводя совместные операции»⁴⁶⁵.

Бандформирований, созданных непосредственно на пыталовской и печорской земле, было немного. И начало деятельности этих националистов связано, прежде всего, с летом — осенью 1944 года, когда некоторые полицейские и пограничные отряды не сумели быстро отступить вместе с немецкими частями. Некоторые группировки, полностью состоящие из «айзсаргов», совершали крупные теракты, уходили в леса, некоторое время пережидали и вновь проводили диверсии. Как правило, деятельность этих нацформирований проходила вблизи железнодорожного полотна, в населенных пунктах, на проселочных дорогах. Численность этих отрядов, как правило, была небольшой — до 20 человек, а чаще 10—12 человек. Они были хорошо вооружены и имели радиосвязь и систему шифров и кодов. После разгрома подобных формирований некоторые их члены, сумев скрыться, входили в состав других бандитских групп. Так, например, в октябре 1944 года была ликвидирована банда «Крауя» численностью 12 человек, оставленная фашистами для деятельности в Вилякском и Пыталовском районах, несколько ее членов «сумели сбежать в лес во время перестрелки», впоследствии они вошли в состав бандгруппировок «Станкевича» и «Грозного»⁴⁶⁶.

По документам, имеющимся в нашем распоряжении, трудно установить общее количество бандгруппировок, действовавших на территории Псковской области в 1944—1953 гг. Возможно, это связано с попытками ОВД представить дела лучше, чем они выглядели на самом деле, скрыть фактическую сторону и масштабы преступной деятельности. В «Записке» начальника УНКВД по Псковской области Н.А. Алмазова, направленной в Псковский обком партии, говорится о 10 бандах, действовавших на территории области в период с августа 1944 до марта 1946 гг.⁴⁶⁷ По другим данным, только в период 1945 года было проведено около 25 операций против 18 больших и малых бандгруппировок в Качановском и Пыталовском районах⁴⁶⁸. Варьируются цифры отчетов об общем количестве

бандитов, участников бандгруппировок. На «разницу» в отчетных документах УНКВД — УМВД указывали циркуляры и приказы МВД СССР, обращая внимание руководства на недопустимость «занижения количества бандпроявлений на территории области».

По данным ГУББ НКВД СССР, только на территории Эстонской ССР в 1945 году, на территориях Выруского и Тартуского уездов, граничивших с Псковской областью, было ликвидировано 38 банд с общим числом участников в 243 человека⁴⁶⁹. Продолжали действовать до 60 бандгруппировок, постоянно менявших свое месторасположение⁴⁷⁰.

Весьма сложно подсчитать и общее количество «бандпроявлений» в это время⁴⁷¹. В 1945 году только в одном Качановском районе Псковской области было зарегистрировано 74 случая бандитизма, в Пыталовском 124 «бандпроявлений», несколько меньше — 52 акта террора и бандитизма — было зарегистрировано в Печорском районе⁴⁷². В течение 1944—1948 гг. ежегодно совершалось от 60 до 90 бандпроявлений в каждом из районов. После 1948—1949 годов число терактов падает до 20—40, а после 1951 года документы фиксируют порядка 10 — 20 ежегодных бандпроявлений в районах. Материалы статистических отчетов в 1945—1947 гг. содержали специальную графу о бандитизме. После июня 1947 года меняется система отчетов УМВД. Вместо графы «бандитизм» вводятся графы «вооруженный разбой», «грабежи» и «убийства», в которых фиксировали все уголовные преступления, совершенные в Псковской области, без выделения района и субъекта преступления.

Среди наиболее известных банд, действовавших на территории западных районов Псковской области, были формирования «Эрглиса» — банда состояла из 40 человек, «Станкевича» — 36 человек, «Ванакса» — 18 человек, «Троцкого» — 48 человек, «Грозного» — 14 человек, «Большанса» — до 100 человек, «Озола» — 6 человек, «Юнеси» — 16 человек, «Юры» — 12 человек, «Кангара» — 14 человек, «Кациныша» — 13 человек, «Брукля» — до 8 человек, «Варпы» — 14 человек, «Пурвиньша» — около 20 участников,

«Крумса» — 18 человек, «Смилги» — 14 человек, «Рейтиса» — 22 человека, «Крауя» — 12 человек, банды Рациборского — 26 человек, Туркова — 8 человек, Уртана — до 40 человек, Афанасьева — 13 человек, братьев Плешановых — до 20 человек и многие другие. Под кличками (иногда у одного человека их было несколько) скрывались не только руководители бандформирований, практически все члены банд имели конспиративные имена.

История создания и деятельности бандгруппы «Цинитиса» («Цыни»), одной из наиболее крупных банд в Латвии и в приграничных с Псковской областью районах, заслуживает особого внимания. В «Особой папке И.В. Сталина» находится «Записка» С.Н. Круглова «О ходе борьбы с отрядами «Национального объединения партизан Латвии» и убийстве его вождей П.В. Суппе и Букша», датированная 18 июля 1946 года⁴⁷³. Бандгруппа «Цинитиса» имела непосредственное отношение к Псковской области не только из-за района деятельности бандитов, в который входили пыталовские и качановские земли, но и в связи с тем, что эта банда послужила основой для создания многих других бандформирований (Уртана, Упита, Рациборского, «Эрглиса», «Ванакса» и др.). Кроме того, именно «Цинитис» летом 1945 года убил заместителя начальника УНКВД по Псковской области подполковника госбезопасности Ф.М. Михайлова.

Приведем «Записку» С.Н. Круглова полностью, поскольку история банды «Цинитиса» бала характерна для многих подобных формирований.

«Осенью 1944 года немецкими разведывательными органами на территории Вияльского уезда Латвийской ССР была выброшена с самолетов группа парашютистов-латышей, подготовленных в диверсионных школах.

Перед парашютистами ставилась задача организации на территории Латвийской ССР бандитских групп и руководство ими. В числе выброшенных парашютистов оказался бывший агроном Суппе П.В., по кличке «Цинитис», латыш, уроженец Вияльского уезда, который наряду с объединением действовавших бандгрупп занялся вербовкой новых участников.

В этих целях «Цинитис» выпускал специальные воззвания от имени якобы находившегося за границей так называемого «Союза свободы», а себя называл представителем этого союза.

К концу 1945 года «Цинитис» сгруппировал вокруг себя до 500 бандитов.

Лагерь «Цинитиса» находился в Стампановских болотах, в 120 километрах юго-западнее города Виялки, где было оборудовано 22 бункера.

В мае 1945 года «Цинитис» из действовавших на территории Вияльского, Валкского и Лузенского уездов банд создал так называемое «Национальное объединение партизан Латвии» («НОПЛ»), которое ставило своей основной задачей вооруженную борьбу с Советской властью за создание «демократической» Латвии.

Наряду с этим «Цинитис» создал в Вияльском и Валкском уездах «молодежные организации партизан свободной Латвии», в которые были вовлечены учителя и ученики средних школ.

Банды «НОПЛ» систематически совершали террористические акты над партийно-советскими работниками и отдельными гражданами, налеты на сельсоветы, угоняли скот и т.д. За 1945 год бандами «НОПЛ» совершено свыше 300 бандпроявлений и уведено в лес более 100 человек.

С осени 1945 года «Цинитис» развернул активную деятельность, направленную против выборов в Верховный Совет СССР. Отдельные бандитские группы стали сводиться в подразделения и части войскового типа (рота, батальон, полк).

Органами МВД Латвийской ССР проводились систематические мероприятия по ликвидации банд «Цинитиса», в результате которых за 1945—1946 гг. убито и арестовано 220 бандитов и арестовано 57 участников молодежных организаций.

Проведенной агентурной разработкой 1 апреля с.г. Суппе — «Цинитис» и его ближайший соучастник командир так называемого Лудзенского бандполка Кузьма — Аусеклис Генрих «Трауде» были ликвидированы. Убит также заместитель «Цинитиса» парашютист «Дузя».

После ликвидации «Цинитиса» «НОПЛ» возглавил бандит Букш, кличка «Клинтс»... В 1931 году окончил Резекненскую католическую духовную семинарию и служил ксендзом. В связи с женитьбой был лишен сана и работал до 1940 года в Двинской полиции.

С установлением Советской власти в Латвии перешел на нелегальное положение, из которого вышел при немцах и получил должность старосты волости.

Букш владеет немецким, английским, польским, русским и латышским языками.

В мае 1946 года избран руководителем «НОПЛ». Выборы происходили в Вилякских лесах на собрании представителей 42 банд.

29 июня с.г. одной из банд «НОПЛ» было захвачено 70 голов скота, перегоняемого из г. Гульбене Латвийской ССР в г. Остров Псковской области.

При преследовании бандитов на территории Вилякского уезда в бункере убиты два бандита, в том числе Букш; один бандит захвачен живым. 2 июля с.г. убит бандит Бирзниекс, являвшийся главарем «НОПЛ».

Из захваченного бандитами скота было отбито и возвращено конторе «Заготскот» 49 голов.

Мероприятия по розыску и ликвидации банд «НОПЛ» и его главарей продолжаются»⁴⁷⁴.

Самое активное участие в ликвидации банды «Цинитиса» приняли сотрудники ОББ УНКВД по Псковской области, среди которых следует назвать А.В. Николаева, А.В. Масальского, Г.И. Мисуркина, С.Ш. Гайнанова, А.И. Кочергу, Н.И. Шамякова, А.И. Умникова, В.П. Дроздова и многих других. Остатки банды «Цинитиса» продолжали действовать вплоть до 1949 года. Часть бандитов (26 человек) была убита в 1947 году в ходе чекистско-войсковой операции, проведенной совместно ОББ УМВД по ПО и МВД Латвии. А.И. Кочерга вспоминал, что были получены сведения о том, что «в Шкилбанском лесу скрывалась в бункерах хорошо законспирированная крупная группа, возглавлявшаяся бывшим офицером разведывательных органов фашистской Германии Упит»⁴⁷⁵,

туда были направлены солдаты внутренних войск и оперативники ОББ, в результате операции бандиты были уничтожены. 25 декабря 1948 года в ходе специальных мероприятий сотрудники ОББ получили сведения об остатках банды «Цинитиса», которые праздновали Рождество на хуторе одного участника банды в Качановском районе... На предполагаемом месте следования банды была заложена засада опергруппой и солдатами войск НКВД... Участники банды при задержании оказали сопротивление... В перестрелке было убито 7 человек, в том числе сестра главаря банды Вента, которая вместе с отцом (Суппе — «Цинитисом») в 1945 году убила начальника Псковского горотдела милиции подполковника Михайлова, пытавшегося склонить бандитов к выдаче главаря... Сам главарь скрылся и был убит в следующей операции»⁴⁷⁶.

Кроме банды «Цинитиса» наибольший резонанс вызывала деятельность банд Ирбе («Ванакс») и Голубева («Эрглис»), связанных с бандитами «Цинитиса». Также эти главарь «установили связь с Объединением латышских партизан»⁴⁷⁷. Бандформирования Ирбе — Голубева, общая численность которых достигала 40—50 человек, совершали налеты на избирательные участки, сжигали дома советских активистов, запугивали мирных граждан и захватывали заложников, совершив только в 1946 году «до 40 вылазок». В Качановском районе Псковской области и Виялском уезде Латвийской ССР указанные бандгруппы совершили убийства директоров подсобных хозяйств и колхозов, директора школы, зверски убили семью Трутневых, нескольких сотрудников УНКВД по Псковской области⁴⁷⁸. О деятельности банд «Ванакса» и «Эрглиса» министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов также докладывал И.В. Сталину⁴⁷⁹.

В начале 1990-х годов делались попытки представить националистические бандформирования как результат «стихийных проявлений недовольства насаждающимся советским строем». Подобные оценки противоречат исторической правде. Бандформирования 1940—1950-х годов были хорошо организованы, имели четкую структуру, снабжены оружием, средствами связи, имели законспирированную сеть осведомителей. Их действия координировались и направлялись

из так называемого «Объединения латвийских националистических партизан», «НОПЛ» и других подобных «штабов» и «центров».

Вся территория Латвии, включая вошедшие в состав РСФСР Качановский и Пыталовский районы Псковской области, по указанию националистических «штабов» и «советов» была разделена на так называемые районы, во главе которых первоначально назначались представители генерального штаба «Объединения латвийских националистических партизан», а впоследствии их возглавили руководители наиболее крупных банд. Территория Качановского и Пыталовского районов вошли в состав подпольного Упмановско-Линовского района, штаб которого находился на хуторе между деревнями Куправа и Виляки⁴⁸⁰. Первым «начальником района» стал Суппе — «Цинитис». У него в подчинении находилось три помощника: по оперативной части, по политической пропаганде, по хозяйственным вопросам. Зачастую несколько командиров бандформирований собирались на совещания для обсуждения последующих шагов. На такие сборища приходили представители из Риги либо посланцы из других районов. С собой они приносили материалы и «программы борьбы латвийских партизан», в которых говорилось о направлениях деятельности, о методах и формах борьбы, в них содержался инструктаж по необходимой конспирации. Так, например, один из таких эмиссаров по кличке «Бруклей» в августе 1946 года собрал большое совещание, на которое были вызваны руководители банд. Вместе с «Бруклеем» на территорию Вилякского уезда Латвии пришли еще двое «представителей» «Объединения латвийских националистических партизан» — «Вилкус» и «Спарс». Командиры бандформирований сделали отчет о составе банд, о снабжении продуктами и оружием, о методах и результатах «борьбы с Советской властью». «Бруклей» после обсуждения отчетов поставил перед командирами набанд ряд практических задач, среди которых были убийство партийных и советских руководителей, их помощников из среды местного населения, командирам и их помощникам следовало «агитировать местное население», распространяя листовки и воззвания латвийских партизан, «помогать хуторянам уходить в леса» и всячески бороться с

Советской властью. Программной установкой «Объединения латвийских националистических партизан» была помощь «скорейшему приходу англичан и освобождению Латвии», роспуск колхозов, восстановление прав собственности на землю⁴⁸¹.

Подобные совещания устраивались и впоследствии. Нередко на такие сборища собирались командиры и их помощники, решая вопросы о координации действий и местах зимовок⁴⁸². Командиры бандформирований самостоятельно «давали указания рядовым членам банды». Руководитель одной из самых активных банд «Эрглис» (Голубев, бывший директор школы, а впоследствии «политический комиссар над всеми бандформированиями района» Алуksне, Вилякским уездом, Пыгаловским и Качановским районами) давал своим подчиненным следующие установки, полученные им из Риги: «Необходимо действовать более активно... После свержения Советской власти будет восстановлена республика, каждый окажется на своем месте, национальное правительство даст всем землю, и все мы будем жить счастливо...»⁴⁸³. О выборах в советские органы власти он говорил: «Они не справедливы, т.к. большевики, а не народ выдвигают своих депутатов... В СССР нет других партий... Латвия по уставу ООН может стать свободной, и западный мир нас поддержит». Поэтому против выборов и избирателей, пришедших голосовать, можно применять силу, провалившиеся выборы покажут слабость Советов в Латвии, а это активизирует англичан и американцев.

В обязанности командиров бандформирований входила боевая подготовка членов банды, после чего бандиты сдавали экзамены и им присваивались специальные звания⁴⁸⁴.

Места базирования бандформирований в области были разнообразны. Это пограничные с Латвией и Эстонией Жигуровский, Катлешовский, Бронтовский, Ворожский лесные массивы, волости и сельсоветы в районах административной границы Латвийской ССР и РСФСР, лесные хутора и небольшие деревни в Печорском, Пыгаловском, Качановском районах. Бандиты, как правило, строили для себя специальные бункера и «схроны», оборудованные для зимовок. В них были запасы пищи, оружия, боеприпасов, медика-

менты. Бункера были небольшие, рассчитанные на 8—15 человек, поэтому крупные банды имели 2—4 бункера, находившиеся на определенном расстоянии друг от друга. Если на Украине и в Литве националисты создавали большие базовые лагеря, то для псковских нацформирований это не было характерно (за исключением лагеря «Циннитиса»). Как правило, националистические банды организовывали несколько бункеров в разных районах для быстрого перемещения в случае необходимости. Эти бункера никто не охранял, принимались лишь меры маскировки, а отдельные бандпособники заботились о пополнении продовольственных запасов⁴⁸⁵.

Националистические бандформирования были вооружены простым стрелковым оружием, что позволяло им быть достаточно мобильными при совершении терактов. Специфические формы войны — налеты, засады, рейды, маневрирование — требовали, чтобы оружие было более рациональным, отличалось легкостью и большой силой огня. С этой точки зрения, националисты на Псковщине были вооружены так же, как и боевики УПА, — винтовками Мосина, немецкими магазинными винтовками Маузера, автоматами ППШ-41, ППД-40, немецкими пистолетами-пулеметами МП-40. Отдельные отряды имели на вооружение и пулеметы Дегтярева, и немецкие МГ-42. Кроме того, каждый боец нацбанды имел пистолет, гранату, нож. У стихийно возникших формирований дезертиров имелись охотничьи ружья, револьверы, обрезы. Архивные материалы позволяют судить, что некоторые банды испытывали дефицит в отношении боеприпасов и автоматического оружия, пытаясь обменивать его на взрывчатку и продовольствие у других отрядов.

Ведение партизанской войны требует наличия специальной разведгруппы и осведомительной сети. По архивным материалам можно сделать вывод о большом количестве сочувствующих, которые помогали националистам, узнавая о передвижении сотрудников правоохранительных органов, размещении войсковых подразделений, подвозе продуктов в магазины, деятельности отдельных жителей и активистов. Сотрудники правоохранительных органов в 1944—

1953 гг. «вскрыли несколько разветвленных сетей бандпособников, снабжавших информацией членов и главарей нацбанд»⁴⁸⁶.

Основными формами ведения боевых действий для националистов было проведение налетов и грабежей. Следует отметить, что никаких «боевых наставлений» и уставов у бандитов не существовало, некоторые члены формирований не знали основ ведения боя. Основным тактическим приемом националистов была внезапность нападения и такой же быстрый уход и рассредоточение. Налет — это внезапное нападение на противника с определенной целью: уничтожить объект, захватить здание, имущество и т.п. Эта форма действий считалась самой эффективной. Налетами причинялся весомый урон советским учреждениям, многие из них сжигались, подрывались и грабились. Постоянные налеты, совершаемые мобильными группами, выматывали правоохранительные органы, а в условиях отдаленности хуторов и поселков в западных районах, постоянной нехватки бензина и запчастей, поломки машин, отсутствия лошадей выезд на место свершения преступления был целой проблемой. Этим успешно пользовались боевики, совершая налеты в разных частях районов и быстро уходя с места преступления.

Перед налетом главари формирований сосредоточивали свои банды вблизи предполагаемого района, выбирая места для терактов с помощью своей осведомительной сети. «Объектами» налетов первоначально, в 1944—1948 гг., преимущественно выступали дома сочувствующих Советской власти, активистов, председателей колхозов, комсомольцев и членов партии. Но позднее, в 1948—1953 гг., бандиты стали грабить и простых людей, ничем не связанных с властью. Пользуясь покровом ночи или в дневное время, наверняка зная об отсутствии милиции и истребительных батальонов, бандиты подходили к хуторам и зданиям, врываются в помещения, запирали или убивали хозяев, грабили дома и уходили в лес. Во время налетов и грабежей отбиралось практически все — мука, сахар, картофель, мясо, домашний скот и птица, масло, одежда, обувь, белье, одеколон, самогон. У советских активистов имущество отбиралось полностью. Взамен бандиты оставляли крестьянам расписку (квитанцию), в

которой перечислялось реквизированное имущество и цинично указывалось, что впоследствии «Латвийское правительство все вернет и рассчитает ущерб»⁴⁸⁷. Можно отметить некоторую сезонность в совершении налетов на дома граждан. Как правило, они увеличивались летом и осенью, когда бандиты запасались продовольствием на зиму, и несколько ослабевали зимой, поскольку бандиты боялись оставить следы, а также и потому, что в это время они уходили на «базы» в отдаленные хутора и лесные массивы.

Националистические формирования не только совершали массовые теракты и рейды на дома мирных граждан, запугивая жителей, но и уничтожали школы, сельсоветы и другие помещения Советской власти, убивая и захватывая учителей, милиционеров, активистов и председателей колхозов. Бандиты грабили и уничтожали склады с продовольствием, устраивали засады, взрывали телефонные и телеграфные линии. Только за 1945—1946 гг. в трех западных районах Псковской области было сожжено, разрушено и разграблено 26 сельсоветов, 3 здания начальной школы, 22 помещения, где располагались правления колхозов и избы-читальни. Закладывались мины на дорогах, мостах, железнодорожных станциях и переездах⁴⁸⁸. В 1946 году, в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР, бандиты в Пыталовском и Качановском районах разгромили и сожгли несколько избирательных участков, уничтожили документы избирательных комиссий, бюллетени для голосования, списки избирателей. На дорогах, ведущих к избирательным участкам, бандиты устраивали засады, стреляя и запугивая граждан, не допуская их на выборы. В этот же период были расстреляны несколько работников правоохранительных органов, попытавшихся задержать бандитов⁴⁸⁹. Нередко во время налетов бандиты сводили личные счеты, убивая «своих давних врагов и ненавистников»⁴⁹⁰.

Особой формой деятельности националистических бандформирований была агитационно-пропагандистская работа среди населения. Все поступки националистов были рассчитаны на запугивание местного населения. Именно для этого производились убийства советских активистов, теракты, поджоги, для этого члены нацбанд специ-

ально нарочито громко афишировали себя и свои действия, представляясь «латышскими партизанами». С точки зрения политических руководителей бандитов, подобная «партизанская деятельность» покажет местным жителям действительную силу националистических формирований и слабость Советской власти, которая не может справиться с ними. Активность нацбанд, в свою очередь, должна была «подхлестнуть», ускорить действия Англии и США по борьбе с СССР. В результате этой борьбы Латвия должна стать свободной и находиться под опекой западных стран.

Одним из средств идеологической работы по пропаганде своих действий и запугиванию населения стали листовки, письма и воззвания к жителям. В апреле 1945 года в поселке Ритупе Пыталовского района возле здания школы появились листовки с призывами не подчиняться Советской власти и уходить в лес. Аналогичные призывы появились и в других населенных пунктах.

Листовки вывешивались на улицах — на заборах и домах. В них содержалась «информация из-за границы» о помощи и поддержке США и Англии, о «восстановлении национальных государств». Это должно было вселять уверенность в необходимости активизации и продолжения борьбы с СССР. В одной из листовок говорилось: «Англия, как и США, в 1945—46 гг. поставят в известность весь мир, что они не признают Советской власти в Эстонии, а признают Эстонскую республику, какой она была в 1939 году. Эстонцы! Англия и Америка идут к нам как друзья и помощники, но не враги! Наш священный долг — всячески поддерживать и помогать первым пришедшим сюда воздушным путем английским и американскими солдатам! Скрывайте их в своих домах! Снабжайте их сведениями, чтобы весь мир знал о том, что сейчас происходит у нас...»⁴⁹¹.

«Эрглис» — Голубев написал и направил многим своим знакомым, лояльно относившимся к новой власти, письма с угрозами, где объяснял свои действия идейными убеждениями: «Побывав на фронте, перенеся муки, насмешки, голод и холод и посмотрев, как до последней капли крови сопротивлялись немцы и с ними другие народы, мне стало многое ясно... Мне все советское противно... Ложь, насилие,

обман, террор мне стал невыносим... Лучше живи тихонько или уходи к нам, партизанам... Мой адрес — зеленый лес. Объединение Всероссийских Русских партизан»⁴⁹². По району распространялись и другие воззвания о сопротивлении большевикам, о необходимости сжигать колхозное имущество и бороться с коммунистами. В листовках также много говорилось о роли США и Англии в борьбе за независимость Прибалтики.

Спад активности националистических бандформирований наступает к 1949 году, а после 1950 года «бандпроявлений» становится довольно мало и они связываются, прежде всего, с деятельностью разрозненных мелких бандгрупп. Крупные банды либо были уничтожены, либо распадаются — так было легче сохранить конспирацию. Остатки банд переходят в восточные и южные районы Псковщины, но там, лишённые поддержки населения, они практически не действуют. Сотрудники УМГБ по Псковской области сумели провести несколько удачных операций, приведших к легализации части бандитов, другие были либо арестованы, либо убиты в ходе спецопераций⁴⁹³.

Причин снижения активности националистических формирований несколько. Это и деятельность правоохранительных органов, проводивших множество специальных и войсковых операций. На эти процессы оказали влияние политико-идеологические и социально-экономические мероприятия Советской власти по «встраиванию» регионов в советскую систему.

Кроме того, мы уже отмечали, что к этому времени происходит перелом в настроениях крестьянства, воспринимавших «советизацию» как «меньше зло», по выражению Е.Ю. Зубковой. «Выжидающие и колеблющиеся крестьяне», которых было очень много в 1945—1948 гг., наблюдавшие за событиями, разворачивающимися в их селах, волостях, районах, стали все больше предпочтений отдавать не бандитам, несмотря на все их увещевания, а советским органам власти, которые проводили разнообразную деятельность, направленную на успешную и быструю «советизацию» регионов. Перелом произошел ещё и потому, что крестьяне оказались «между двух огней», националисты в глазах хуторского крестьянства постепенно

превращались в обычных уголовников, грабивших население, невзирая на настроение людей и былую поддержку нацбанд. Если в 1944—1945 гг. основная масса терактов была все же направлена против «сов.-парт.актива, новопоселенцев и сторонников Советской власти», то в последующее время бандиты грабили практически всех. Националистам за пять лет не удалось реализовать ни одного своего обещания. Никаких инициатив и конкретных шагов со стороны США и Великобритании, о которых очень много говорили члены националистических банд, не было предпринято, а Советская власть все глубже и глубже вращалась в повседневную жизнь и быт Прибалтики, проводя массовую политико-идеологическую и экономическую работу среди населения.

Среди мер, способствовавших снижению активности бандформирований и прекращению их деятельности, было проведение различных мероприятий по «легализации» участников бандгрупп. В течение 1945—1948 гг. СНК — Совет Министров, Верховный Совет СССР, НКВД — МГБ издали несколько обращений, постановлений и инструкций, в которых гарантировалась свобода тем членам нацформирований и бандитских групп, которые добровольно придут и сдадут оружие. Сдавшимся бандитам разрешалось проживать на своих хуторах, заниматься сельским хозяйством, но они были обязаны два раза в месяц регистрироваться в органах милиции. Конечно, жизнь таких легализованных членов бандформирований находилась под постоянным контролем органов НКВД — МГБ, но это была реальная возможность порвать с «бандитским прошлым и встать на путь мирной жизни»⁴⁹⁴. Распространение таких воззваний проходило посредством агитационно-массовой работы советских и партийных органов, с помощью агентов воззвания и постановления доходили и до бункеров и землянок. Главарь бандгрупп проводил контрпропаганду, пытаясь запугать рядовых членов и не дать им возможности «легализоваться», сомневающимся и склоняющимся к «легализации» могли убить.

Одну из самых впечатляющих операций по легализации целой бандгруппы удалось провести сотруднику ОББ УМВД по ПО

Г.И. Мисуркину. В ноябре 1947 года, во время проведения чекистско-войсковой операции в лесном массиве на административной границе Латвии и Псковской области был обнаружен подземный бункер. Во время завязавшегося боя части «лесных братьев» удалось уйти, но ряд членов банды были задержаны. Г.И. Мисуркин вспоминал, что спустя некоторое время в Пыталовский РО МВД пришла раненая «сожительница главаря банды — Б. После переговоров, на которых она заявила, что если Советская власть и МВД дадут гарантии непривлечения к уголовной ответственности, то банда согласна легализоваться и прекратить преступную деятельность, сдать оружие и боеприпасы... Выехав после разговора с Б. к руководству УВД, где по согласию с облисполкомом было составлено гарантийное письмо, и мною оно было вручено Б. в условном месте... Через нее была установлена связь с бандитами... Через два дня ко мне явилась мать бандитов Л. и сообщила, что ее сыновья и другие бандиты... находятся в ее доме на хуторе в лесном массиве... куда я с ней отправился» в сопровождении шофера ОББ Н.Н. Полубелова и сотрудника Виляцкого РО МВД. Во время длительных ночных переговоров, которые Г.И. Мисуркин вел с бандитами, ему удалось убедить сдаться 49 человек, которые были расселены на хуторах⁴⁹⁵. Спустя три года, в 1951 году, Г.И. Мисуркин, уже будучи начальником Печорского районного отдела милиции, сумел склонить к «легализации» банду братьев Хав.

Несмотря на снижение активности, уничтожение и рассеивание крупных бандгрупп, на территории области продолжали действовать мелкие, разрозненные формирования и «нелегалы», скрывающиеся от власти. Борьба именно с подобными бандами стала одной из основных задач Управления МВД — МГБ в начале 1950-х годов. Выявление некоторых бандитов происходило в весьма сложных условиях, в ситуации «разобщенности в действиях МВД — МГБ... когда отсутствовала постоянная активная работа с преступными и классово-враждебными элементами».⁴⁹⁶ Именно эти обстоятельства, по мнению руководства области и московских чиновников, привели к убийству в 1949 г. начальника Ашевского РО МГБ капитана М.И. Коменданто-

ва. «Органы знали о нахождении в районе двух нелегалов, но вовремя не приняли должных мер к их ликвидации».

До начала 1950-х годов продолжала действовать «смешанная» (состоящая из дезертиров и националистов) бадгруппа Туркова. Первоначально бандиты совершали налеты на хуторян и теракты (убийства советских руководителей) в Пыталовском районе. Но после нескольких спецопераций ОББ банда, скрывающаяся в «схроне на хуторе родственников», потеряв нескольких членов, была вынуждена уйти в Островский район, «устроив бункера и шалаши на болотах». Но и здесь бандиты совершали грабежи и разбойные нападения на колхозников и активистов Советской власти. В ходе оперативной и чекистско-войсковой операции на болоте «Болынь» бандиты были окружены и уничтожены, но главарь банды А. Турков, служивший в немецкой армии, и двое его «соратников» сумели скрыться и уйти в Латвию, где и были убиты в перестрелке с сотрудниками МГБ Латвии. Сам Турков был застрелен «Плоткансом», главарем другой нацбанды, во время «переговоров»⁴⁹⁷.

Как в Литве и на Украине, в Псковской области к 1953 году было покончено с массовыми проявлениями прибалтийского национализма. В розыске оставались лишь отдельные бандиты. В 1965 году в лесном бункере были обнаружены и задержаны два последних «повстанца» на территории Псковщины.

В целом, рассматривая состав и деятельность бандформирований на территории Псковской области, можно выделить несколько характерных групп. В первую следует отнести националистические бандформирования, костяк которых был сформирован немецкими спецслужбами для дестабилизации советского тыла. Впоследствии эти бандиты сумели привлечь на свою сторону бывших членов различных военизированных националистических организаций. Вторую группу составляют банды, в которые в большинстве своем входили «айссарги» и «омокайтсе», а также эстонцы и латыши, служившие в *shuma*-батальонах, немецких частях СС и вермахта. Третью группу составляют «дезертирские банды», численность которых иногда достигала 20–30 человек. И к четвертой группе

следует отнести бандитов-одиночек, «нелегалов» и «агентов противника», оставленных на территории СССР для подрывной и долговременной работы. Существовали и «смешанные» банды⁴⁹⁸.

Для большинства этих бандгрупп были характерны политические цели, которые главари и многие члены этих формирований ставили перед собой. Лишь некоторые «дезертирские» и общеуголовные банды, занимаясь исключительно грабежом и насилием, «совершали преступления, не направленные на свержение существующего политического строя». Однако, оценивая общую деятельность всех бандгрупп, без учета их особенностей, следует отметить, что в условиях войны, восстановления хозяйства, «советизации» Прибалтийских территорий существование бандформирований представляло безусловную угрозу для реализации политических устремлений советского руководства. Обостряло обстановку участие фашистских и зарубежных спецслужб в организации и функционировании националистического подполья. Деятельность бандитов была серьезным дестабилизирующим фактором, поэтому для искоренения бандитизма были задействованы все силы и средства и использован весь накопленный опыт.

4.3. Отдел по борьбе с бандитизмом против «лесных братьев»

После окончания Великой Отечественной войны правоохранительным органам приходилось действовать в весьма сложных условиях. Восстановление страны, разрушенных заводов и фабрик, линий связи, транспорта, сельского хозяйства было одним из важнейших направлений развития СССР. На освобожденных территориях восстанавливались органы власти, в том числе и управления НКВД — НКГБ. На страницах этой книги мы уже обращали внимание читателей на основные задачи правоохранительных структур и советских спецслужб в довоенное время и в годы войны. Были отчасти рассмотрены и вопросы создания органов НКВД — НКГБ на освобожденных территориях Псковщины. В нескольких изданных работах были

освещены проблемы создания и работы милиции в Псковской области в послевоенный период⁴⁹⁹.

Как и в других областях СССР, освобожденных от фашистской оккупации, деятельность правоохранительных органов на Псковщине была направлена на решение многочисленных задач по обеспечению государственной безопасности, противодействию спецслужбам иностранных государств, изобличению предателей Родины, охране общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью и бандитизмом, местной противовоздушной обороне, учету населения, противопожарным мероприятиям, охране различных народнохозяйственных и военных объектов, борьбе с детской беспризорностью, работе с репатрированными советскими людьми, охране тюрем, колоний и лагерей с военнопленными. Для решения этих серьезнейших и многомерных задач потребовались усилия не только органов госбезопасности и милиции, но и всех советских, партийных и общественных организаций, большинства населения.

Освобождение Псковского края началось еще в 1942 году, и на территории районов, свободных от фашистов, были восстановлены советские органы, в том числе и районные отделы НКВД. Первоначально на освобожденных землях начали действовать оперативно-чекистские группы, сформированные в советском тылу из числа работников милиции и госбезопасности. Организовать работу было нелегко. Не хватало кадров. Нередко основой для оперативных групп становились члены особых отделов крупных партизанских объединений и сотрудники, командированные из Москвы и Ленинграда.

Работа сотрудников госбезопасности и милиции в этот период определялась условиями прифронтовой полосы — по военным дорогам на запад двигались войсковые подразделения, тыловые отряды и группы, подразделения саперов производили разминирование освобожденной территории. В этой массе людей было нетрудно укрыться агентам фашистских спецслужб, оставляемым врагом в советском тылу. В лесах бродили немецкие солдаты, попавшие в окружение.

Кроме того, немцы специально оставляли резидентуры и агентов из числа стариков, женщин и инвалидов, не подлежащих призыву в Советскую Армию. По мере отдаления фронта агенты и резиденты должны были активнее «врастать в советскую жизнь, легализовываться и ждать указаний и связников». Кроме таких нелегалов фашистские спецслужбы перебрасывали в наш тыл диверсионные отряды для совершения терактов на советских коммуникациях. Наконец, на освобожденных территориях осталось достаточно много не успевших сбежать предателей и членов карательных отрядов.

Поэтому оперативно-чекистские группы совместно с военной контрразведкой «Смерш» проводили операции по розыску немецких агентов, которые оставались в лесах или пытались легализоваться в Красной Армии и советских учреждениях. Подготовку агентов проводила Абверкоманда № 104, которая в годы войны размещалась в Пскове в казармах Омского полка и возглавлялась подполковником Гемприхом, а затем подполковником Г. Шиммелем⁵⁰⁰. Абверкоманда № 104 имела три варианта «легенд для внедрения» в Красную Армию. Смотря по обстоятельствам, агенты, обеспеченные фиктивными документами, представлялись контрразведчиками, выполняющими спецзадание, квартирными, занимающимися поиском жилья и продуктов, или представителями штаба фронта, проверяющими санитарное состояние частей⁵⁰¹.

Разведывательную и разлагающую работу среди советского населения и красноармейцев должны были также вести «сотрудники» «Специального штаба «Россия»» (зондерштаб «Р»), во главе которого находился бывший сотрудник разведывательного отделения 3-й Русской армии в годы Первой мировой войны полковник Б.А. Смысловский (1887—1988). Смысловский и его починенные набирали из военнопленных красноармейцев разных национальностей «пригодных для разведывательно-диверсионной деятельности людей», вербовали из местного населения агентов и резидентов для сбора информации о партизанах и Красной Армии. Центры деятельности зондерштаба «Р» находились в Пскове, Порхове (руководитель Тенсон), Гдове (во главе с Пушиным), Опочке, Острове

(командовал Поздеев) и Себеже. Главным резидентом являлся подполковник РОА А.Н. Леготов, штаб которого располагался в Пскове. С конца 1943 — начала 1944 гг. Смысловский и Леготов подбирали резидентуру для «глубокого оседания в советском тылу» и «организации антисоветского партизанского движения на территории Советского Союза».

Осложняло работу правоохранительных органов большое количество оружия, оставшегося после войны. Многие преступные группировки были вооружены подобными «трофеями войны». Поэтому изъятие оружия стало также одним из основных направлений деятельности оперативно-чекистских групп в первые дни после освобождения.

Организационная структура правоохранительных органов в 1944 году не претерпела сколь-нибудь значительных изменений. На территории будущей Псковской области были восстановлены РОНКВД и РО НКГБ, а также работали уже упоминавшиеся оперативные группы и военная контрразведка «Смерш».

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 и 23 августа 1944 года были образованы Псковская и Великолукская области, вслед за этим были образованы и областные Управления НКГБ и НКВД.

Первым было создано Управление НКГБ, уже 29 августа 1944 года приказом Наркома госбезопасности В.Н. Меркулова на базе Псковского отдела Ленинградского управления НКГБ создается Управление по Псковской области⁵⁰² во главе с полковником Н.М. Лагуновым*.

---

*Николай Михайлович Лагунов родился в 1905 году. С февраля 1939 года заместитель начальника, а с февраля 1941 года начальник УНКВД по Ленинградской области, в августе освобожден от должности в связи с переходом на другую работу. С июня 1943 года — заместитель начальника УНКГБ по Ульяновской области, с августа 1944 по май 1947 — начальник УНКГБ по ПО, затем заместитель начальника УМВД по Ленинградской области, начальник Управления исправительно-трудовых учреждений Ленобласти, с 1950 года на руководящей работе в «Дальстрое» МВД СССР. В 1955 году уволен на пенсию.

Штат УНКГБ по ПО составил 290 человек, из которых 173 служили в Пскове, а 117 в «районных аппаратах»⁵⁰³. Большинство сотрудников пришли в Управление из действующей армии, военной контрразведки, особых отделов партизанских отрядов, часть оперработников были направлены в Псков из Ленинграда и других областных центров и соседних территорий. Некоторые чекисты и в довоенное время служили в Псковских РО НКВД — НКГБ.

Организационная структура Управления НКГБ по Псковской области соответствовала структуре Наркомата госбезопасности, районные отделы также включали в себя аналогичные подразделения⁵⁰⁴.

Псковское управление в конце 1944 года состояло из 10 подразделений:

- 2-го отдела (контрразведка). Состоял из нескольких отделений — по работе в городах, сельской местности, среди интеллигенции и молодежи, среди духовенства, отделение по розыску авторов антисоветских листовок и анонимок;

- 4-го отделения (которое руководило организацией диверсионной и разведывательной работы на территории, занятой врагом, а также осуществляло координацию деятельности партизанских отрядов и групп; еще с января 1942 года на 4-е отделы НКВД возлагался «сбор и передача разведанных о дислокации противника... совершение диверсий... установление мест дислокации разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов и школ врага». 4-е отделы в областных управлениях появились в августе 1941 на базе оперативных групп УНКВД)⁵⁰⁵;

- 5-го отдела (шифровально - дешифровального и спецсвязь);
- отдела «А» (учетно-архивного и статистического);
- отдела «Б» (оперативно-технического);
- отдела «В» (военная цензура и перлюстрация корреспонденции);
- следственного отдела;
- секретариата;
- отделения кадров;
- административно-хозяйственно-финансового отдела.

В июле — августе 1944 года в Пскове действовал Первый отдел УНКГБ по Ленинградской области, который занимался разведывательной деятельностью в прифронтовой полосе.

До 1946 года эта структура претерпела незначительные изменения. 15 марта 1946 года в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР НКГБ СССР был переименован в Министерство государственной безопасности СССР (МГБ СССР), соответственно были переименованы областные и районные управления и отделы.

Существенные изменения в структуре МГБ произошли в связи с преобразованием военной контрразведки «Смерш», который 4 мая 1946 года вошел в МГБ СССР в качестве самостоятельного 3-го Главного управления. После этих преобразований УМГБ по Псковской области изменило свою структуру. Был создан 3-й отдел, занимавшийся контрразведкой в частях Советской Армии. В ноябре 1946 года был реорганизован 4-й отдел, который теперь стал заниматься розыском «агентуры иностранных разведок, заброшенной в СССР, и прочих вражеских элементов». Появился 5-й оперативный отдел, задачи которого были более четко сформулированы в 1949 году: борьба с враждебными и антисоветскими элементами, работа против клерикалов, розыск авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных документов. В январе 1947 года УМГБ были подчинены подразделения внутренних войск, а с октября МГБ руководило деятельностью милиции и военных строителей⁵⁰⁶. В основном эта структура сохранилась до марта 1953 года, до нового слияния МГБ с МВД, но в деталях полномочия и конкретизация деятельности подразделений постоянно видоизменялись.

Таким образом, в период с 1944 по 1953 год Управление НКГБ — МГБ по Псковской области существенно изменилось. По мнению ряда авторов, создаваемая структура была довольно громоздка и напоминала НКВД образца 1939 года.

Деятельность УНКГБ — МГБ по Псковской области была весьма активна, поскольку этому способствовали многие объективные обстоятельства. Они были связаны с большим количеством

коллаборационистов, действовавших на территории Псковской области в годы войны, присутствием в Пскове и его окрестностях нескольких крупных разведцентров фашистской Германии, а также наличием в области «активного антисоветского подполья» — националистических бандформирований, опиравшихся на поддержку населения западных районов области.

Начальник УНКГБ Н.М. Лагунов в своих выступлениях неоднократно подчеркивал, что современное положение страны характеризуется существованием «постоянно действующего фронта... где идет война с коварным, жестокими и хитрым врагом. Псковская область пережила трехгодичный оккупационный режим, на ее территории действовали фашистские спецслужбы, оставившие после себя резидентов и агентов, которые проникают в советские учреждения и пытаются «разложить их изнутри... вражеские пособники совершают грабежи и убийства мирного населения... в области действуют националистические бандиты, получающие помощь от наследников фашистского режима». Начальник УМГБ по Псковской области в 1947—1948 гг. полковник А.П. Михайлов также указывал на серьезность положения в западных районах Псковской области, призывая советских людей стать более бдительными и сплоченными в отпоре «всем проявлениям бандитизма и покушениям на безопасность страны» в условиях, «когда США взяли курс на развязывание новой войны»⁵⁰⁷.

Сотрудниками УНКГБ — УМГБ в этих сложных обстоятельствах была проделана большая работа. Только за период с сентября 1944 по июль 1947 года «следователями Управления было возбуждено 1048 уголовных дел на выявленных немецких агентов и резидентов, карателей, предателей Родины и террористов»⁵⁰⁸. В сентябре 1944 — марте 1945 гг. было задержано 19 парашютистов, которые были обнаружены постами наблюдения МПВО и истребительными батальонами, несколько вражеских агентов были убиты во время проведения операций по задержанию преступников или во время приземления. В руки чекистов попали оружие, радики, коды и шифры, советские деньги, фальшивые печати и документы. От каждого

агента в ходе следствия были получены показания о планах совершения диверсий и районах «глубокого внедрения».

Сотрудники Псковского УНКГБ — МГБ — КГБ в послевоенное время выявили и разоблачили большое количество нелегалов, бандитов, карателей, пособников врага и изменников. Некоторые из них уехали из области, изменили фамилии, поступили на службу в советские учреждения и даже стали депутатами местных Советов, но в ходе кропотливой работы большинство были разысканы и привлечены к ответственности. Это не только каратели из националистических, но и других формирований, созданных немцами. В разные годы были задержаны и предстали перед судом Решетников — агент ГФП (немецкой тайной полевой полиции), засылаемый к партизанам для провокаций и диверсий, а затем член диверсионных отрядов О. Скорцени; Васильев — каратель из «ЕКА» (специального антипартизанского отряда); Юпатов — каратель из немецкого полицейского отряда; Антонов — сотрудник тайной политической полиции «СД»; Сердитов — каратель «ЕКА», проводивший расстрелы евреев в Пухловском урочище; Павлов — руководитель карательных экспедиций в Великолукском, Пореченском, Новоскольниковском и Усвятском районах; Болдин, Малышев, Бабушкин — каратели 443-го казачьего кавалерийского батальона, проводившие казни советских жителей в 1943—1944 гг., и многие другие.

В 1990-е годы судебными органами и Прокуратурой РФ после проведенных проверок всем вышеперечисленным лицам в реабилитации было отказано⁵⁰⁹.

Процесс создания Управления НКВД по Псковской области несколько затянулся, что объяснялось большим количеством разнообразных структурных подразделений, входящих в НКВД СССР. После воссоздания двух наркоматов в 1943 году из состава НКВД были «выделены оперативно-чекистские управления и отделы», а в штатах НКВД сохранялись различные управления и отделы, занимавшиеся многочисленными направлениями деятельности — от ГУЛАГа до фильтрации и следствия⁵¹⁰.

Первые подразделения УНКВД (ОББ, ОУР, ОБХСС) появились в сентябре 1944 года. 18 октября 1944 года начальник Управления НКВД издал приказ № 1, в котором говорилось, что «организационный период Управления закончился... все отделы основными кадрами укомплектованы, размещены в соответствующих помещениях и приступили к нормальной работе». Был установлен единый режим работы в подразделениях НКВД: начало работы — 10.00, обед — 14.00—15.30, ужин — 19.00—20.00, окончание рабочего дня — 23.00, но и потом руководство имело право оставлять сотрудников для проведения оперативных совещаний и в случаях «оперативной необходимости»⁵¹¹.

К январю 1945 года в структуру УНКВД по Псковской области входили несколько управлений, среди которых следует отметить Управление милиции во главе с С.А. Румянцевым, Отделение контрразведки «Смерш», ведавшее вопросами фильтрации репатриантов (до лета 1946 г.), и Тюремный отдел, которым руководил Т.Я. Андреев. В подчинении УНКВД находились архивы и отдельные строительные и хозяйственные организации. Кроме того, структурными подразделениями УНКВД были:

- Руководство и секретариат;
- Отдел Уголовного розыска;
- Отдел по борьбе с бандитизмом;
- Отдел БХСС;
- Оперативный отдел;
- Политчасть;
- Отдел прохождения службы и боевой подготовки (позднее Отдел кадров);
- Группа виз и регистрация иностранцев;
- Паспортный отдел;
- ГАИ;
- Отдел записи актов гражданского состояния;
- Отдел по борьбе с детской беспризорностью;
- Административный отдел;
- Санитарная часть;

- Следственное отделение;
- Экспертное (криминалистическое) отделение;
- Архивное отделение (или учетно-архивное, включавшее в себя «картотеку уголовных преступников»);
- Отдел пожарной охраны;
- Хозяйственно-финансовый отдел⁵¹².

Кроме того, в районах были созданы РО НКВД, структурно повторявшие Управление НКВД. Для помощи в райотделы направлялись оперативные группы и отдельные сотрудники*.

Общая численность сотрудников НКВД в Псковской области составила около 1000 человек. В 1944—1945 гг. в НКВД наблюдался некомплект сотрудников, их «невысокий образовательный уровень» и постоянная текучка кадров. На это обращали внимание и руководители НКВД СССР, подводя итоги боевой и служебной деятельности УНКВД — МВД⁵¹⁴. Еще одним «настораживающим фактором» в деятельности УМВД являлись участвовавшие случаи нарушения социалистической законности при проведении оперативных мероприятий», на недопустимость этого указывало московское руководство, обязывая псковичей «повысить сознательность и политико-правовую подготовку сотрудников»⁵¹⁵.

Причин этого явления было много: это и сложность, и напряженность работы на разоренной врагами земле в условиях роста преступности, и недисциплинированное поведение, выражавшееся в пьянстве, рукоприкладстве, нарушении законодательства, и отсутствие оперативного опыта. Многие сотрудники пришли в милицию прямо из действующей армии, где отношения с немецкими захватчи-

---

*Первым начальником УНКВД по Псковской области стал **Николай Алексеевич Алмазов**. Он родился в 1903 году в Тверской губернии в крестьянской семье, работал в Петрограде, с 1925 по 1929 год служил на Балтфлоте. В 1939 году по партмобилизации направлен в НКВД Ленинградской области, с января 1943 года начальник отдела по борьбе с бандитизмом Ленинградской области, затем замначальника УНКВД. В августе 1944 года назначен начальником УНКВД по ПО, где прослужил до апреля 1950. Освобожден в связи с «Ленинградским делом» и направлен в распоряжение МВД СССР⁵¹³.

ками были довольно просты — врага было необходимо уничтожить любыми средствами, а оперативная работа предполагала совершенно иной подход. Бандитов, воров, хулиганов и расхитителей надо было выявить и доказать их вину, и в ход шли «испытанные» способы. Ряд сотрудников ОВД этого периода пришли в милицию еще и потому, что на «гражданке» заработная плата была несколько меньше, а милиция к тому же обеспечивалась еще и дополнительным пайком и обмундированием. Нехватка кадров приводила к тому, что в милицию принимались люди, не подходящие для службы ни по возрасту, ни по образованию и даже с нарушениями здоровья. Однако необходимость решать многочисленные задачи по поддержанию правопорядка, борьбе с преступностью диктовала эти шаги, нарушавшие действующие инструкции.

Одной из наиболее серьезных проблем, связанных с оперативным составом Управления и РО НКВД, было недостаточное образование многих сотрудников. Офицеры уголовного розыска (УР), отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ) зачастую имели неполное среднее образование, некоторые окончили краткосрочные военные курсы, лишь единицы получили высшее и специальное образование.

На многочисленных совещаниях руководство УМВД по Псковской области отмечало, что «нехватка навыков чекистско-оперативной работы» является одной из важнейших причин плохого состояния дел в области борьбы с преступностью. Начальник УМВД полковник Н.А. Алмазов, выступая на совещаниях, неоднократно говорил о неумении оперативных сотрудников заполучить качественного агента, о том, что если это и делается, то вскоре происходит легализация и «расшифровка» агентуры. Именно с нехваткой «качественной агентуры», ее постоянными провалами и отсутствием «осторожной работы оперсостава с секретными сотрудниками» связывались неудачи в борьбе с преступностью. Об этом говорилось со всех трибун в послевоенное время: этот тезис повторяли прокуроры на совещаниях, об этом говорили партийные работники, «курирую-

щие» правоохранительные органы, об этом заявлял начальник Управления НКГБ по Псковской области полковник Н.М. Лагунов.

Существующая проблема подготовки кадров решалась различными путями. В начале декабря 1944 года начались обязательные занятия по правовой, общественно-политической и оперативной подготовке сотрудников горрайорганов. Они проводились по распоряжению Н.А. Алмазова два раза в неделю. В 1945 году для оперативного и начсостава милиции были организованы месячные курсы, на которых получили знания основ советского уголовного и процессуального законодательства более 200 человек. Кроме правовой подготовки опытные сотрудники УМВД преподавали и основы оперативно-розыскной деятельности. Занятия проходили в помещении УМВД и были обязательны для сотрудников и приравнивались к рабочему дню. Занятия начинались в 9.00 и заканчивались в 20.30 с перерывом на обед. Кроме сотрудников УМВД «классные занятия» проводили и преподаватели других учебных заведений Пскова (это, прежде всего, касалось «уроков» по общественно-политической подготовке). Среди дисциплин, изучаемых на курсах, так же следует назвать важные, с точки зрения «остроты ситуации и времени», предметы — «Задачи органов милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка» и «Преступность в условиях войны». На этих занятиях изучались основы деятельности милиции, ее взаимосвязь с другими правоохранительными структурами, криминогенная обстановка в целом по стране и по области. Сотрудники оперативных подразделений получали основы знаний о преступном мире, о преступных сообществах, о методах деятельности преступных группировок. Однако не удалось выяснить, на основании каких учебных пособий велось подобное преподавание, существовали ли учебники или учебные пособия, конспекты, присылаемые из Москвы и Ленинграда. Возможно, что преподаватели, более опытные сотрудники, уже получившее специальное образование в довоенный период или в годы войны, передавали полученные знания своим подчиненным и обобщали уже имеющийся опыт по борьбе с преступностью в Псковской области. Позитивное значение подобных курсов

очевидно: офицеры, демобилизованные из армии, бывшие партизаны, а также пришедшие в милицию по комсомольскому и партийному призыву получали элементарные навыки оперативной работы.

Несколько позднее, в 1946 году, для вновь принимаемых на службу и для повышения уровня подготовки кадровых милиционеров была открыта школа милиции в Изборске, с оборудованными помещениями. По сути, это были те же курсы, но с более длительным сроком обучения: до 2-х месяцев. В 1949 году в Пскове при УМВД был открыт учебный пункт для переподготовки и первоначальной подготовки начальствующего, сержантского и рядового состава милиции, во главе которого был назначен капитан П.И. Моросников.

В 1945 году около 50 сотрудников УР и ОБХСС были направлены на учебу в Москву, в школу НКВД, готовившую оперсотрудников. В 1946 году начинается регулярный отбор кандидатов на учебу в Ленинградскую школу НКВД (с 1949 года Ленинградская офицерская школа МГБ СССР) и Горьковскую школу начсостава милиции. Отбор производился среди оперативных сотрудников и офицеров, имеющих определенный опыт работы в ОВД. Они должны быть членами партии либо ВЛКСМ, иметь не менее чем 7-классное образование, быть годными по состоянию здоровья, и их непосредственные начальники должны были написать положительную характеристику на кандидатов. В 1946 году на учебу было направлено более 20 человек.

Руководство УМВД по Псковской области было озабочено возникшим положением. С одной стороны, проблема подготовки кадров решалась положительно, но с другой — подобного рода обучение отрывало сотрудников от непосредственной работы в районах области, т.к. срок обучения достигал 3 лет. ОВД вместе с командированным на учебу терял значительную часть секретных осведомителей, не желавших работать с другими оперативниками. По возвращении (некоторая часть милиционеров оставалась в столичных городах) дипломированным специалистам было нелегко освоиться в оперативной обстановке. Все это приводило к необходимо-

сти поиска иного, более оптимального, с точки зрения руководства УМВД, способа профессионального обучения сотрудников милиции.

С 1947 года при УМВД создаются отделения заочного обучения Ленинградской и Горьковской школ МВД — МГБ по подготовке начальствующего и офицерского состава. Это было весьма удобно как для офицеров милиции, так и для руководства горрайорганов, поскольку милиционеры обучались без отрыва от производства и в случае необходимости могли быть тут же откомандированы по месту службы.

Отбор на учебу производился по рапорту сотрудника и ходатайству начальника отдела. При этом оперативник должен был рекомендовать себя с положительной стороны в работе и иметь «твердое желание учиться». При поступлении кандидаты сдавали экзамены по истории СССР и проходили собеседование по основам советского права. К сожалению, в целом ряде отчетов и рапортов, поступавших из отдела кадров УМВД на имя Н.А. Алмазова, говорилось, что многие сотрудники, направленные на учебу, не отвечали предъявляемым требованиям и даже не могли сдать вступительные испытания. Так, в 1949 году из 79 отобранных на учебу было зачислено всего 29 человек. Многие из курсантов учились неудовлетворительно: не вовремя сдавали контрольные работы, опаздывали и прогуливали занятия. Начальник УМВД на совещаниях неоднократно подчеркивал, что подобные случаи недопустимы и руководители горрайорганов несут персональную ответственность за подбор кандидатов и их обучение. УМВД проводило весьма строгий разбор создавшегося положения на различных заседаниях и совещаниях. Недобросовестные «студенты» получали выговор, некоторые даже понижались в должности.

В отделениях заочного обучения, созданных при УМВД, была создана учебная часть, одна на две школы, где сосредоточивалась вся учебная документация, сюда же сдавались контрольные работы. Учебная часть организовывала и сессии. Начальник АХО УМВД (с конца 1949 г. УМГБ) обязывался подготовить помещения для сессий, общежитие для курсантов, бесперебойную работу столовой.

Для преподавания по учебным планам, присланным из Горького и Ленинграда, приглашались преподаватели Псковского пединститута, работники УМВД и УМГБ, иногда в Псков приезжали и преподаватели из офицерских школ.

Обучение велось в течение трех лет. Среди дисциплин, читаемых в отделениях, были курсы истории ВКП(б), политэкономии, русского языка за 9—10 классы средней школы, литературы, психологии, логики, экономической географии, истории государства и права СССР, бухгалтерского учета, уголовного права и процесса, криминалистики, административного права, советского государственного права, гражданского права, колхозного и трудового права, судебной медицины и психиатрии и ряд других. На выпускных экзаменах курсанты сдавали 4 дисциплины — историю ВКП(б), уголовное право и процесс и административное право. По окончании им выдавался диплом об окончании школы милиции (фактически приравненный к диплому о высшем образовании), что давало право на занятие вышестоящей должности и получение более высокого звания. Всего за 7 лет активной работы отделений заочного обучения (с 1947 по 1954 гг.) подобные дипломы получили более 250 сотрудников ОВД, что положительным образом сказалось на их деятельности и работе всей псковской милиции в первые послевоенные годы.

В 1946 году была проведена министерская проверка деятельности УМВД, которая отметила «высокий и постоянно растущий уровень преступности в области», только за первое полугодие 1946 года уровень преступности в области повысился на 37%. Основной причиной этого «является слабая работа по выявлению и изъятию уголовного элемента». Особое внимание уделялось росту «уголовной преступности и бандитизму в Качановском, Пыталовском и Печорском районах Псковской области» и необходимости принятия скорейших оперативных мер для противодействия «бандитским шайкам».

Именно борьба с националистическими бандповстанческими группировками стала одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов Псковской области в 1944—1953 гг.

Для успешного противодействия бандитским националистическим группам были использованы все оперативно-чекистские, войсковые, политико-экономические и идеологические методы, известные советским органам власти. Для большинства населения страны теракты, совершаемые бандитами, представляли огромную угрозу мирному и спокойному развитию и восстановлению страны после страшной войны. Но война в некоторых районах области продолжалась и после 9 мая 1945 года. Для советских людей, живших в различных районах области, бандпроявления были связаны с постоянными грабежами, насилием, поджогами и убийствами, и потому деятельность бандитов можно было сравнить с военными действиями. Распространение националистического бандитизма было еще более опасным для Советской власти, поскольку за ним первоначально стояли немецкие спецслужбы, а позднее разведывательные центры и организации западных стран, отношения с которыми становились все более напряженными — начиналась «холодная война».

В первом параграфе настоящей главы мы уже обращали внимание на комплекс политических, экономических и идеологических мероприятий Советской власти, направленных на «встраивание» новых районов Псковской области в советскую систему. Эти же меры были призваны лишить националистические бандгруппировки поддержки населения в Качановском, Пыталовском и Печорском районах. Однако только общегосударственные мероприятия не могли принести должного результата. Они были необходимы и использовались в совокупности с войсковыми и оперативно-чекистскими методами борьбы с бандитизмом.

Как уже отмечалось, Советская власть имела определенный опыт борьбы с бандитизмом и повстанческим движением. Для ликвидации бандитизма в 1920-е годы власти шли на чрезвычайные методы — объявление той или иной местности на военном или чрезвычайном положении. А.М. Плеханов приводит примеры подобных мер в Дагестане, Сибири, Тамбовской губернии⁵¹⁶. Положение в этих регионах становилось предметом специального обсуждения на заседаниях партийно-советских органов. Чекистам неоднократно реко-

мендовалось создать и усилить «службу внутреннего осведомления»⁵¹⁷ для своевременного выявления и предупреждения бандитизма и его организаторов. Наконец, следует отметить, что конкретная реализация многих решений партийно-советских органов власти возлагалась на местные советы, исполкомы и правоохранительные структуры, которые лучше знали конкретную обстановку в регионе. Но вместе с тем именно местные власти нередко нарушали «социалистическую и революционную законность, допуская перегибы и даже должностные преступления». Для координации деятельности органов власти по борьбе с бандитизмом в 1921 году была создана Центральная межведомственная комиссия, а в некоторых районах страны создавались полномочные комиссии ВЦИК РСФСР. Борьбой с бандитизмом помимо Центральной и полномочных комиссий руководили ревкомы и «специальные тройки при губернских политбюро и исполкомах»⁵¹⁸. Кроме того, существовали и другие чрезвычайные органы — военно-революционные штабы, совещания, советы, оперштабы и т.п. На эти структуры возлагалась непосредственная деятельность по искоренению бандитизма. В составе КРО ВЧК — ОГПУ в 1921 году был создан отдел по борьбе с бандитизмом (упразднен в 1923 г.), а в губернских комиссиях и управлениях появились отделы и отделения по борьбе с бандитизмом.

Для помощи ВЧК — ОГПУ на ликвидацию бандформирований были брошены части РККА, войска ОГПУ и ЧОНЫ. Были выработаны принципы взаимодействия между этими органами, где указывалось, что «борьба с мелкими бандами лежит всецело на органах внутренней безопасности... В случае возникновения крупных бандитских движений... возлагается на все воинские части, расположенные в данном регионе»⁵¹⁹. В начале 1920-х годов была распространена практика взятия заложников и уничтожения целых деревень для подавления сопротивления и ликвидации банд. Подобные мероприятия, которые нередко отличались особой жестокостью, в условиях хозяйственной разрухи и активного сопротивления Советской власти приносили свои плоды — уничтожались бандиты. «... Так надо было поступать...», — писал Ф.Э. Дзержин-

ский, пытаясь объяснить Л.П. Серебрянскому методы борьбы с повстанцами⁵²⁰. Но постепенно необходимость усиления законности при проведении разного рода мероприятий по борьбе с бандитами стала очевидной, и все большее количество советских руководителей пытались избежать крайностей.

Помимо этих методов активно использовались оперативно-чекистские методы — внедрение агентуры в банды, разложение бандформирований, уничтожение главарей, применение вооруженной силы, спецопераций с участием войск ОГПУ, оперативный учет лиц, участвовавших в бандитских операциях либо помогавших бандитам.

Но эти методы носили, как правило, подчиненный характер и были немыслимы без политических и экономических шагов, проводимых правительством, и без поддержки населения. Поэтому перед любыми органами самой главной задачей по борьбе с бандитизмом было создание условий для лояльного отношения народа к власти и проводимым ею мероприятиям.

Столкновение с первыми бандформированиями в Псковской губернии происходило в 1918—1925 гг., и на страницах этой книги мы уже обращали внимание читателя на события тех лет. Здесь же следует обратиться к методам борьбы с бандитами, которые были использованы в это время.

Появление банд в Псковской губернии было связано с так называемым «зеленым движением» и не рассматривалось властями как нечто экстраординарное — в других районах страны подобные банды были крупнее и их деятельность распространялась на более обширные территории. Поэтому никаких специальных правительственных межведомственных комиссий для их ликвидации создано не было. В феврале 1919 года в Новоржевском уезде возникло «контрреволюционное восстание». Вся полнота власти в уезде и восставших волостях была передана Временным Военно-Чрезвычайным комиссиям, которые выпустили «Извещение» о введении в уезде «осадного положения», запрете собраний и митингов, введении комендантского часа, ограничении на передвижение и с призывом к сотрудникам ВЧК и милиции «уничтожать воров, грабителей и бандитов на месте»⁵²¹.

Псковские партийно-советские власти задействовали практически все силы — армию, войска ВЧК, оперативные подразделения — для подавления восстаний. Многие шаги советского руководства были весьма жестокими: из Дно и Пскова прибыли отряды красноармейцев и чекистов, которые «выступили против банд», кроме того, проводились несанкционированные расстрелы — согласно докладу Временной Военно-Чрезвычайной комиссии был расстрелян 41 человек⁵²².

Подобные же методы использовались и в других случаях, связанных с подавлением повстанческого движения в области в годы Гражданской войны⁵²³.

После окончания войны в 1920-х годах возникает новая угроза — «савинковские» банды Павловского, Васильева, Левицкого, приходящие с территории Латвии, а также банды братьев Речинских, Н. Михайлова, Барина, М. Иванова, М. Семенова, Ф. Некрасова и других.

Для их ликвидации в губернии в августе 1921 года создается «революционная тройка по борьбе с бандитизмом» в составе начальника ГубЧК Матсона, губвоенкома Булгакова и секретаря губкома Сомса. Аналогичные «тройки» были организованы и в других уездах Псковщины. Для ликвидации банд использовались войсковые операции с участием частей ЧОНа и войск ВЧК — ОГПУ.

Кроме того, чекисты Псковской губернии проводили спецмероприятия по ликвидации банд. Для этого в 1921 году в Псковской губернской комиссии (ГубЧК) было создано отделение по борьбе с бандитизмом, которое возглавил Александр Иванович Ланге*.

---

*А.И. Ланге в дореволюционный период работал в Псковской типографии, в 1905 году стал членом РСДРП(б), был арестован, бежал, с 1910 года работал в подполье в Санкт-Петербурге, снова был арестован и снова совершил побег, уехал в США и Великобританию. С 1918 года в Красной Армии, участвовал в подавлении мятежей в Тамбовской губернии, на востоке страны, в 1920 году был направлен на работу в Псковскую ГубЧК. Здесь он ведет активную работу по борьбе с бандитами и эстонскими диверсантами. Пользуясь сходством с Павловским, он внедрился в банду, действовавшую на территории Порховского и Лужского уездов, которая была ликвидирована в 1922 году. С 1923 года А.И. Ланге на работе в ОГПУ Ленинградской области. Большую работу также провели сотрудники ГубЧК К.П. Берзин, И.И. Смирнов, М.К. Бальцевичи и многие другие.

К 1925—1926 году основные бандформирования, действовавшие в Псковской губернии, были уничтожены. Мы обратили особое внимание на оперативно-чекистские и войсковые методы борьбы с бандформированиями, действовавшими на территории Псковской области в 1920-х годах, поскольку характеристика этих банд не требовала выработки специальных политико-экономических мероприятий. Большинство бандитов были «убежденными противниками Советской власти либо удерживались в бандах насильно и после ликвидации главарей смогли встать на путь исправления и искупления вины».

Но борьба с националистическими бандформированиями послевоенного периода, в связи с их организованностью, поддержкой со стороны спецслужб иностранных государств и большим количеством бандпособников, требовала комплексного подхода, сочетавшего в себе политические, экономические, идеологические, войсковые и чекистско-оперативные мероприятия.

Важнейшим органом, который должен был заниматься выработкой специальных мероприятий по борьбе со всеми видами политического и уголовного бандитизма на территории СССР, разрабатывать профилактические меры по предупреждению бандитизма и осуществлять контроль за проведением их в жизнь, становится Главное Управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) НКВД СССР.

Отдел по борьбе с бандитизмом появился в структуре Главного управления милиции (ОББ ГУМ НКВД) еще в 1938 году⁵²⁴. Аппараты по борьбе с бандитизмом были созданы по подобию существовавших в 1921—1923 гг. отделов в системе ОГПУ. Их появление в 1938—1940 гг. было вызвано развитием бандитизма в Западной Белоруссии, Западной Украине, на Северном Кавказе и в Прибалтике. 4 апреля 1941 года в составе НКВД республик, краев и областей были созданы отделы и отделения по борьбе с бандитизмом. Наибольшее внимание ОББ обращал на наиболее опасные, с точки зрения «бандпроявлений», территории СССР — Кавказский регион, Прибалтику, Западные Украину и Белорус-

сию. В областных управлениях НКВД было создано два отделения — агентурно-оперативное и следственное. 30 сентября 1941 года в структуре НКВД был образован самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ НКВД) во главе с С.А. Клеповым. Постепенно на ОББ НКВД СССР возлагалось все больше и больше полномочий по борьбе с бандитизмом, розыску дезертиров и «уклоняющихся от службы в армии», изъятию оружия и проведению профилактических мероприятий. С 1943 года в ОББ появляется оперативный отдел, а с 1944 года вводятся дополнительные штаты и подразделения. 1 декабря 1944 г. было создано Главное Управление по борьбе с бандитизмом, имевшее отделы и отделения, входившие в структуру областных и районных управлений и отделов НКВД. На эти аппараты была возложена обязанность по предупреждению и оперативному обслуживанию всех проявлений бандитизма без учета того, кем эти преступления были совершены. За ОББ оставалось «изъятие активного подполья, организующего бандитизм и повстанчество, изъятие дезертиров и лиц, уклоняющихся от службы, выявление и очистка СССР от нелегалов, выявление и изъятие оружия, боеприпасов... организация боевой деятельности истребительных батальонов, ликвидация авиадесантов и агентурно-оперативная деятельность по розыску преступников»⁵²⁵. С 1947 года на ОББ возлагается исключительная деятельность по борьбе с бандитизмом, а противодействие общеуголовной преступности возлагалось на аппараты уголовного розыска. В феврале 1950 г. ГУББ МВД (и местные подразделения соответственно) было преобразовано в Главное Управление оперативного розыска, его местные аппараты подверглись сокращению, а июле 1950 года они были переданы в МГБ СССР. При организации КГБ СССР было создано 4-е Управление во главе с Ф.П. Харитоновым, на которое была возложена борьба с антисоветским подпольем, националистическими формированиями и враждебными элементами⁵²⁶.

В Управлении НКВД по Псковской области отдел по борьбе с бандитизмом возник в августе — сентябре 1944 года. Его первым

начальником был назначен капитан госбезопасности Александр Владимирович Николаев*, а его заместителем стал Иван Михайлович Лукьяненко, возглавивший также первое отделение ОББ, занимавшееся агентурно-оперативной разработкой бандповстанческого элемента. Второе отделение ОББ УНКВД по Псковской области было следственным. В январе 1945 года в составе ОББ было создано 3-е отделение, которое руководило боевой деятельностью истребительных батальонов.

В районных отделах НКВД также были созданы аппараты ОББ, но они были весьма малочисленны — 1–2 человека, которые должны были координировать деятельность РО НКВД по борьбе с бандитами. Лишь в Пыталовском, Печорском и Качановском районах отделения по ББ были несколько больше — до 3-х человек. Работников постоянно не хватало, и поэтому в этих наиболее опасных районах действовали оперативные группы, направляемые из областного управления. Ветераны ОББ вспоминали, что находились в районах постоянно, потому что обстановка менялась очень быстро и радикально. Сотрудники ОББ иногда приезжали в Псков лишь дважды в месяц, для докладов и получения зарплаты, проводя все остальное время в командировках. Помимо этого, в Псковской области работали оперативные группы ГУББ НКВД СССР. В некоторых районах аппараты ББ не были укомплектованы до середины 1945 года — «не было достойных, грамотных и исполнительных сотрудников».

В начале 1946 года было увеличено количество сотрудников ОББ, вместе с руководством и секретариатом отдела в аппарате ББ работало 38 человек, из которых 16 служило в Пскове, остальные в районных отделах⁵²⁷.

---

*Александр Владимирович Николаев родился в Санкт-Петербурге в 1903 году, с 1924 года работал агентом уголовного розыска в Бийске, на Кубани, в Чечне, Пятигорске, Ленинграде. С 1941 года сотрудник ОББ Ленинградского УНКВД. В 1944 году назначен начальником ОББ в Псковскую область. В 1946 году отстранен от занимаемой должности и переведен в распоряжение МВД.

В июле 1946 года в связи с ликвидацией военной контрразведки «Смерш» и реорганизацией МВД и МГБ на ОББ были возложены обязанности по проверке репатриированных граждан. В структуре УМВД были упразднены аппараты «Смерша», а в отделе по ББ создано четвертое отделение (которое формально называлось вторым отделением ОББ) по работе с репатриированными. И штат ОББ УМВД вырос до 24 человек, которые работали в четырех отделах. В 1948 году 2-е отделение было ликвидировано, и работа ОББ сосредоточивалась в трех отделениях: первом — агентурно-оперативном по городу Пскову, втором — по области и третьем — следственном. Всего в 1949 году штатных сотрудников ОББ было 30 человек — 15 в областном отделе и 15 в РО ВМД. ОББ была придана отдельная оперативно-розыскная группа в количестве трех человек и оперативный пост, организованный в 1948 году, — 9 человек⁵²⁸.

В 1946 году в связи с «нарушениями социалистической законности в момент проведения массовых мероприятий в Пыталовском и Качановском районах Псковской области в период 1945 года» майор госбезопасности А.В. Николаев был снят с должности, арестован на 30 суток и привлечен к ответственности. В течение нескольких месяцев обязанности начальника ОББ исполнял И.М. Лукьяненко, а затем на эту должность был назначен А.В. Масальский*, которых проработал в должности начальника до упразднения отдела в 1950 году.

Деятельность ОББ курировалась лично начальником УНКВД Н.А. Алмазовым и его заместителем Ф.М. Михайловым.

С первых дней и до ликвидации отдела в ОББ УНКВД — МВД работали несколько оперативников и начальников отделений, среди

---

* Александр Васильевич Масальский родился в 1905 году, окончил Санкт-Петербургское начальное городское училище и Московскую Центральную школу ОГПУ СССР. Служил в Ревтрибунале и Губисполкоме в Киеве и Харькове. С 1931 года сотрудник ОГПУ. В 1941—1944 гг. был заместителем начальника ОББ в Тульской области, с августа 1946 года начальник ОББ УМВД по Псковской области. После реорганизации ОББ в 1950 году перешел на работу в МВД СССР.

них Г.И. Мисуркин, С.Ш. Гайнанов, А.И. Кочерга, Н.И. Шамяков, М.А. Антонов, Ф.Г. Тимофеев, В.П. Дроздов и другие.

На службу в ОББ в разные годы пришли Герой Советского Союза А.И. Умников, В.А. Богданов, П.П. Нилов, И.С. Трегубов, П.В. Данилов, А.В. Григорьев, Г.А. Смирнов, И.П. Павлов, Б.Л. Васильев, В.П. Федотов, Б.П. Groшев, Я.Я. Смирнов, С.И. Капитонов, Е.В. Афанасьева, М.Л. Шубина, И.В. Михайлов, М.П. Трунов, А.Ф. Платонов, С.М. Павлов, П.И. Божко и другие.*

Огромное значение в деятельности ОББ и других оперативных подразделений, боровшихся против националистических бандпов-

---

* Григорий Исаевич Мисуркин родился в Смоленской губернии в 1907 году. Окончил начальную школу, позднее 2-месячные курсы младшего начсостава и Смоленскую школу милиции. С 1933 года на службе в НКВД, работал участковым в Себежском РО НКВД, затем в уголовном розыске. С 1943 года был начальником Новоржевского районного отдела НКВД, с 1944 года возглавил 2-й оперативный отдел ОББ УНКВД по Псковской области. Участвовал в проведении многочисленных войсковых и оперативно-чекистских мероприятий против банд, действовавших в Качановском и Пыталовском районах, ликвидировал банды Рацборского, Уртана, Голубева («Эрглиса»), «Ванакса», Титова, Туркова, Афанасьева и других. Принудил легализоваться банду в 49 человек. С 1951 по 1957 гг. руководил Печорским отделом милиции.

Большую работу по выявлению и задержанию бандитов в Качановском и Пыталовском районах проводил капитан **Сайфулла Шарафуллинович Гайнанов**. Он родился в 1916 году. С 1940 года служил участковым в Уфе, затем учился в Свердловской школе НКВД, с конца 1944 года работал старшим оперативником ОББ в Качановском районе. Принимал участие в ликвидации многих банд — Рацборского, Упита, «Грозного», «Ванакса», «Крумс». В феврале 1946 года он лично задержал «политического комиссара над всеми бандами», руководителя подпольного района Голубева («Эрглиса»).

В сложнейших оперативных мероприятиях по поиску и ликвидации бандитов участвовал **Николай Иванович Шамяков**, который родился в 1920 году, с 1938 по 1941 год служил в Середкинском РО НКВД, затем в Ленинградском областном управлении, неоднократно забрасывался в немецкий тыл для выполнения специальных заданий по линии диверсионной работы, с 1944 года был помощником оперуполномоченного в Новгородской области, а с 1945 года был прикомандирован к ОББ Псковской области для выполнения различных заданий.

станческих группировок, имела агентурно-оперативная деятельность сотрудников. Именно умения правильной работы с агентами и секретными осведомителями уделялось большое внимание на оперативных совещаниях, проводимых в УНКВД – УМВД. От информации, которую сумели получить оперуполномоченные ОББ, зависело проведение войсковых и чекистских мероприятий. Нередко руководство НКВД – МВД связывало неудачные операции войск НКВД и «уходы бандитов» именно с «неимением качественной агентуры в поселках, хуторах, деревнях, общественных местах, столовых, почтах и т.п.».

Составными частями агентурной работы в ОББ были подбор целевой квалифицированной агентуры, проработка и организация комбинаций по внедрению агентов в бандформирования, работа по разложению подполья, создание информационной сети.

Для борьбы с бандформированиями ОББ использовали все имеющиеся в распоряжении средства и накопленный опыт.

В 1944 году для борьбы с бандгруппами привлекались действующие части Красной Армии, которым в ходе боев с немцами приходилось сталкиваться с бандитами, находящимися в лесных массивах и нападавшими на отдельные подразделения красноармейцев. Отчеты и сводки ГУББ свидетельствуют о постоянных обстрелах машин и подразделений Красной Армии, совершающих движение по дорогам Псковской области⁵²⁹. Отдельные батальоны и роты Красной Армии по согласованию с руководством фронтов и армий были использованы для проведения войсковых операций по уничтожению крупных бандитских группировок (численностью до 100 человек), базировавшихся в лесных массивах Латвии, вблизи административных границ РСФСР. В результате операций было уничтожено до 60 бандитов. Подобные операции были, как правило, малоэффективны, поскольку проводились без должного продуманного плана и предварительной разведки.

Большого успеха добивались органы военной контрразведки «Смерш», проводя «филтрации» репатриантов и задерживая участников националистических вооруженных формирований «айзсар-

гов» и «омокайтесь». Однако и в этом направлении деятельности были свои удачи и просчеты. Так, деятельность «Смерш» в Псковской области была более успешной, поскольку опиралась на сведения и учетные данные НКВД и НКГБ. Это позволяло арестовывать большее количество националистов, действовавших на Псковщине в 1941—1944 гг. Но фильтрация, проводимая на Западе, где сотрудники «Смерш» не имели установочных данных, приводила к тому, что многие члены «айзсаргов» и «омокайтесь» скрыли свое участие в этих формированиях и смогли проникнуть на территорию СССР.

Наиболее эффективными были мероприятия, проводимые органами НКВД — НКГБ в борьбе с националистическими бандповстанческими формированиями. Это связано с тем, что отечественными спецслужбами и правоохранительными органами был выработан комплекс разнообразных мер для противодействия бандитам.

Среди них следует назвать войсковые операции, проводимые частями МГБ и внутренних войск. Деятельность внутренних войск по борьбе с националистическими бандитизмом в послевоенное время можно разделить на несколько периодов:

1. В 1944—1945 гг. были разгромлены наиболее крупные националистические банды и боеспособные остатки «айзсаргов», «омокайтесь» и shuma-батальонов.

2. В 1945—1947 гг. наиболее активно применялись крупные подразделения для проведения масштабных войсковых операций.

3. 1947—1953 гг., когда для проведения прочесываний, облав и засад использовались не столь большие подразделения войск МВД — МГБ (внутренние войска с 1947 по 1953 год находились в структуре МГБ СССР), а количество войсковых операций постепенно уменьшается.

В Псковской области было расквартировано несколько подразделений внутренних войск, также привлекались силы, находившиеся на территории Латвийской ССР. Войсковые операции проводились по определенным «методикам», для их подготовки был использован боевой опыт, накопленный частями Красной Армии, проводившей операции по окружению и уничтожению немецкой армии. Для обоб-

щения военного опыта в ГУББ составлялись и рассылались на места специальные «Альбомы и схемы» боевого применения войск НКВД и Красной Армии⁵³⁰.

Внутренние войска использовали тактику блокад, а также больших и малых облав и прочесываний лесных массивов. В больших облавах обычно участвовали сразу несколько частей и подразделений внутренних войск. Как правило, такая облава охватывала большой лесной массив или один-два сельсовета. Данную территорию брали в кольцо и прочесывали ее шаг за шагом. Руководили этими операциями сотрудники УНКВД или оперативники ГУББ. Операция продолжалась, как правило, неделю или 10 дней, некоторые облавы длились по нескольку недель. В результате облав войска и оперативники обнаруживали бункера, скрывающихся бандитов, а в ходе боевых действий «бандиты уничтожались либо захватывались в плен». Так, «25 октября 1946 года, во время прочесывания лесного массива, вблизи Качаново, были обнаружены бункера банды «Ванакса», после перестрелки 7 бандитов были убиты, двое сдались». И подобных примеров можно найти достаточно много в период 1945—1950 гг. Наиболее часто сотрудники ОББ и подразделения 24-го и 143-го полков внутренних войск прочесывали Стампаковский, Катлешский, Настаровский, Жигурский, Ворожский и Груздовский лесные массивы. Иногда облавы повторялись в этих же местах спустя несколько дней.

Во время облав и прочесываний оперативники и военнослужащие обращали внимание на каждую мелочь — пожухлую траву, сухой куст, странный пенек. Под ними могли быть оборудованы тайники и схроны. Облавы проводились и в деревнях, и в близ расположенных хуторах. Во время подобных мероприятий у всех жителей деревни проверялись документы, проводились осмотры домов, строений, скотных дворов. Зачастую именно в хозпостройках были оборудованы бункера и схроны. Некоторые бункера оборудовались сигнализацией (когда в дом заходили милиционеры, кто-то из хозяев звонил в колокольчик, находящийся в соседней постройке), имели несколько выходов и специально устроенные ловушки в виде мин и «гранат-растяжек».

Малые облавы проводились силами одной роты или истребительного батальона. Их зоной действий были отдельно стоящие небольшие хутора или переправы.

Для более успешной борьбы с нацформированиями сотрудники ОББ устраивали так называемые блокады, которые должны были «разрушить контакты между селом и лесом, особенно в части поставок продовольствия». Для реализации блокады местность вблизи деревень и хуторов оцеплялась, в населенные пункты вводились войска, в деревнях устраивался «комендантский час», а дома и подворья подвергались тщательным обыскам. В ряде случаев сотрудники ОББ, военнослужащие, бойцы истребительных батальонов устраивали засады на пути вероятного передвижения банд. Подобные мероприятия приносили очевидные плоды. Во время засад было захвачено и убито большое количество бандитов.

Еще одним способом борьбы с нацформированиями было создание оперативных наблюдательных постов за дорогами, хуторами, мостами и переправами.

Большую роль в борьбе с националистическими бандформированиями сыграли истребительные батальоны, группы содействия истребительным батальонам, а также отряды по охране общественного порядка, государственного и частного имущества советских граждан⁵³¹.

Истребительные батальоны воссоздавались на освобожденной территории. Общее руководство истребительными батальонами было передано в ведение ОББ. К маю 1945 года было создано 23 батальона общей численностью до 2000 человек⁵³². Во вновь образованных районах было создано всего три батальона общей численностью до 300 человек. Начальник ОББ А.В. Николаев докладывал наркому С.Н. Круглову, что создание и деятельность батальонов в этих районах имеет свои особенности: «существующая хуторская система не дает возможности создать более крупные группы и подразделения... поэтому приходилось организовывать при сельсоветах мелкие группы численностью 3—5 человек, что уменьшало возможности участия бойцов в проведении более обширных операций»⁵³³.

Но, несмотря на это, бойцы истребительных батальонов участвовали в проведении облав, обысков, засад и прочесываний, охраняли различные народнохозяйственные объекты и железнодорожные пути.

Отряды по охране общественного порядка, государственного и частного имущества советских граждан начали формироваться с марта 1947 года. Их основной задачей было оказание помощи милиции, истребительным отрядам, а также охрана школ, правлений колхозов, сельсоветов, изб-читален, патрулирование деревенских улиц в ночное время.

Нельзя не обратить внимание на деятельность специальных разведывательно-поисковых групп (РПГ), сформированных из сотрудников ОББ, НКГБ, уголовного розыска, бойцов истребительных батальонов, которые должны были выезжать на место совершения преступления для проведения оперативно-следственных мероприятий. Чаще всего в каждую из РПГ входили 1–2 стрелковых отделения войск НКВД, связист с рацией, вожатый с розыскной служебной собакой. РПГ выполняли задания «по горячим следам» либо опираясь на агентурные данные. Существовали РПГ, предназначенные для «свободного поиска преступников». В них входили, как правило, опытные оперативники, офицеры и сержанты войск НКВД. Они получали задание о необходимости поиска и уничтожения банды, находившейся в том или ином населенном пункте или лесном массиве. РПГ получала сухпак на 5 суток (по истечении срока продукты подвозились в заранее назначенный пункт) и направлялась на поиски банды или бункера. Подобные рейды длились до 15–20 дней.

Именно разведывательно-поисковым группам удавалось сразу захватить преступников, совершивших теракт, или организовать их преследование. В результате действий более мобильных розыскных групп были задержаны многие преступники.

К сожалению, в ходе проведения многих операций погибло большое количество работников ОББ, сотрудников милиции, госбезопасности и солдат внутренних войск. Летом 1945 года во время проведения оперативных мероприятий по выявлению главаря крупнейшей банды «Цинитиса» погиб заместитель начальника УНКВД

подполковник Ф.М. Михайлов*, который был убит «Цинитисом» и его ближайшим сподвижником.

Кроме чекистско-войсковых мероприятий сотрудниками ОББ проводилось большое количество специальных операций, связанных с внедрением агентуры в состав банд, их разложением и уничтожением.

В 1947–1948 гг. в ОББ УМВД и УМГБ по Псковской области был разработан план, связанный с внедрением нескольких агентов в состав трех банд, действовавших на территории Вилъякского района Латвийской ССР, Пыталовского и Качановского районов Псковской области. Два сотрудника ОББ – «А-н» и «К-ч», имевшие достаточно большой опыт разведывательно-диверсионной деятельности в немецком тылу, под видом «нелегалов» должны были посещать отдаленные хутора, о жителях которых имелись сведения об их сотрудничестве с бандитами, и пытаться «установить контакты с нацповстанцами». После нескольких недель поисков оперативникам удалось проникнуть в банду. Были выявлены места базирования банд «Плешанова», «Козлова», установлены их бункера и связники из числа местного населения. После специальной операции многие бандиты были ликвидированы сотрудниками ОББ и подразделениями войск МВД – МГБ.

«Нелегальная» деятельность сотрудника ОББ «А-на» на этом не закончилась. Заместитель начальника ОББ подполковник Дроздов и начальник 2-го отделения ОББ Мисуркин направляют «А-на» в псковскую тюрьму, где находился один из бандитов. Руководители банды «Афанасьева» (банда состояла из 13 человек) были задержаны в результате проведенной облавы. Но в начале ноября 1947 года

---

*Федор Михайлович Михайлов родился в Псковском районе в деревне Опочицы и с 1919 года находился на службе в милиции города Пскова, затем перешел на службу в ВЧК. Работал в Карелии, Псковском отделе ВЧК – ОГПУ, в 1930-е годы был следователем окружного и районного отдела НКВД, с 1943 года возглавлял РО НКВД – НКГБ, с 1944 года перешел на службу в УНКВД по Псковской области. Похоронен на Площади жертв Революции.

им удалось бежать из тюрьмы. «Бандиты, вооружившись, продолжали преступную деятельность... Для их задержания был разработан план по внедрению «А-на» в банду. Он был «подселен» в камеру, где оставался один из членов банды «Афанасьева». «А-н» сумел войти в доверительные отношения с этим бандитом и спустя некоторое время для них «был легендирован побег из псковской тюрьмы». Оперативник и его «подопечный» через несколько дней появились в доме одного из родственников. Туда же спустя некоторое время «явились руководители банды «Афанасьева», где и были арестованы Г.И. Мисуркиным и другими сотрудниками ОББ.

Сотрудники ОББ также готовили спецоперации по уничтожению главарей бандформирований. Так, Г.И. Мисуркин сумел успешно провести операцию по убийству главара банды «Троцкого», который был ликвидирован боевиком «Д», а остальные бандиты этой бадгруппы были уничтожены в ходе проведения оперативно-воинских мероприятий.

Другая группа боевиков, подготовленных ОББ и НКГБ, сумела внедриться в банду «Парубса» под видом националистов, которые были направлены «Цинитисом» в западные районы Латвии для организации взаимодействия с «повстанческими отрядами». Оперативники после двухнедельного поиска обнаружили под Ригой формирования «Парубса», руководившего несколькими группировками. Бандиты далеко не сразу поверили сотрудникам ОББ. После нескольких проверок, после совершения «совместных операций» сотрудники ОББ сумели войти в доверие к «Парубсу». При непосредственном участии оперативников на одном из хуторов прошло несколько встреч главарей бандформирований для обсуждения и координации совместной деятельности. Когда сотрудникам ОББ стало очевидно, что склонить бандитов к «легализации» не удастся, во время одного из торжеств, на котором присутствовали не только бандиты «Парубса», но и представители других банд, оперативникам пришлось ликвидировать большинство бандитов.

Но все эти меры не привели к уничтожению всех бандитов. Количество бандпроявлений хотя и уменьшалось, но мелкие банд-

группы продолжали терроризировать местное население. Показательным в этом отношении является история борьбы с двумя бандгруппами в Пыталовском районе. Для ликвидации банд «Станкевича» и «Большанса», действовавших в Качановском и Пыталовском районах в 1945—1950 гг., были использованы все имеющиеся в ОББ силы и средства. В течение указанного периода сотрудниками ОББ проводилась кропотливая работа по приобретению «добросовестной агентуры среди местных жителей», постоянно проводились облавы и засады, в районы действий бандитов неоднократно направлялись оперативные группы. Многие бандиты были убиты и захвачены, но это не привело к уничтожению бандгрупп. Оперативники ОББ в 1950 году сообщали, что полное уничтожение бандитов стало возможным только после «устранения бандпособнической базы» и создания «благоприятного отношения к Советской власти со стороны местного населения».

Несмотря на проведение войсковых и специальных операций органами МВД — МГБ, окончательный перелом в борьбе с бандформированиями произошел только в результате использования всего комплекса политических, экономических, идеологических и специальных мероприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги по рассматриваемым в этой книге проблемам, авторы обращают внимание на сложность и многоаспектность изучения вопросов, связанных с обеспечением безопасности государства. На изучение процессов, затронутых в работе, оказывали и оказывают влияние многие факторы.

Вряде публикаций говорится о «стихийном и массовом характере национально-освободительной борьбы в Прибалтике», что, конечно же, расходится с истиной. Многочисленные националистические формирования были хорошо вооружены, имели четкую организацию, были созданы и поддерживались спецслужбами различных государств. Это и предопределило сложный и многогранный характер противостояния на Северо-Западе России, а также используемые силы и средства для противодействия угрозам со стороны диверсантов и террористов.

Псковская область всегда была пограничной и первой принимала на себя не только военный удар противника. Псковщина неоднократно выступала в виде арены для проведения другой — тайной — войны. К сожалению, многие героические страницы незримого противоборства по вполне понятным причинам не нашли своего отражения на страницах этой книги.

Противостояние мировых систем порождало специфические отношения людей между собой, образ врага культивировался по обе стороны границы в течение многих лет. Стремление всячески ослабить соперника, дестабилизировать обстановку приводило к поиску разнообразных способов и методов для достижения этой цели.

История знает много примеров противодействия террористам, шпионам и диверсантам, для этого были использованы разнообразные специфические силы и средства, но их применение не было бы успешным без поддержки большинства населения. И только осознание людьми необходимости мирного развития становилось залогом успешного противодействия шпионам и диверсантам.

К сожалению, в последние годы Северо-Запад России, как и раньше, стал ареной незримого противоборства спецслужб. Конечно,

сегодня обстановка в стране и в мире кардинально отличается от ситуации в 1920—1930-е и послевоенные годы. Однако спецслужбы по-прежнему продолжают успешно решать поставленные перед ними задачи. Об этом свидетельствуют громкие разоблачения разведчиков Прибалтийских государств, информация о которых просочилась в печать в последние годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См.: Молодежь Эстонии. 2000. 16 сентября.

² См.: Турло С. А., Золдат И. П. Шпионаж. Свердловск, 1924; Климов М. Е. Техника контрразведывательной службы. М., 1925.

³ См.: Лацис (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М.: Госиздат, 1921; Лебедев М. И. Путь борьбы ВЧК — ОГПУ. 1917—1927 гг. Б. м., Б. г.; Артузов А. Лекции к истории ВЧК — ОГПУ: Стенограммы. [Б. м., Б. и.], 1928 и др.

⁴ См.: Акацатов М. Е. Книга скорби. [Б. м., Б. и.], 1925; Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Берлин: [Б. и.], 1923; «Че-ка». Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин: изд. ЦБПСР, 1922, Дюшен Б. Республики Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва). Берлин, 1921 и др.

⁵ См.: Малицкий А. Чека и ГПУ. Харьков, 1923; Правда. 1919. 2 апреля; Правда. 1923. 4 марта и др.

⁶ См.: Пунга Х. А. Наши прибалтийские соседи. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. М., 1927; Яворский Л. Эстония. М.-Л., 1927 и др.

⁷ См.: Карус Г. Прибалтийские страны и подготовка антисоветской войны. М.-Л., 1929.

⁸ См.: Заковский Л. Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца. М., 1937; Колесников В. Шпионский интернационал (Троцкисты на службе иностранных разведок). М., 1937 и др.

⁹ См.: Джонсон Т. Разведка и контрразведка. М., 1936; Томсон Б. Шпионаж во время войны. М., 1938; Ронге М. Разведка и контрразведка. М., 1939 и др.

¹⁰ См.: Дауге П. Латвия с 1918 по 1940 гг. // Вестник АН СССР. 1940. № 11; Лейт А. Агрессия империалистических держав в Латвии (1917—1920 гг.). Рига, 1952.

¹¹ См.: Разгром белофинской интервенции в Карелии в 1918—1922 гг. Петрозаводск: Госиздат Карелии, 1944 и др.

¹² Дробов М. А. Малая война: партизанство и диверсии. М., 1931.

¹³ Шульгин В. Я. Борьба с партизанами и повстанцами. Л., 1932.

¹⁴ Спутник партизана. М., 1942; Наставление по партизанскому бою. М., 1942.

¹⁵ См.: Клеандрова В. М. Правовое положение ВЧК — ОГПУ (1917—1924). М., 1982; Некрасов В. Ф. На страже интересов советского государства. М.: Воениздат, 1983 и др.

¹⁶ См.: Baltic history. Columbus (Ohio). 1974; The Baltic states in peace and war, 1917–45. London. 1978; Estonian War of Independence, 1918—20. N. Y. 1968.

¹⁷ См.: Архив русской революции. В 22 т. М.: Терра, Политиздат, 1991; Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь», Советская Россия, 1991; Кристофер Э., Гордиевский О. История внешнеполитических операций КГБ от Ленина до Горбачева. М.: Nota bene, 1992 и др.

¹⁸ См.: Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Кооператив писателей Эстонии «Купар», 1992.

¹⁹ Eesti ajalagu: Opik XI. Klassile. Tallinn, 1990. Lk. 272, 274.

²⁰ См.: Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934–41 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997; Плеханов А. М. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921—1925 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993 и др.

²¹ См.: Петров М. Н. ВЧК — ОГПУ: первое десятилетие (на материалах Северо-Запада России). Новгород, 1995.

²² См.: Лубянка 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

²³ См.: Очерки истории внешней разведки. Т. 2, 3. М., 1996.

²⁴ См.: Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Архангельск, 1999.

²⁵ См.: Исторические чтения на Лубянке. 1997 г. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999; Исторические чтения на Лубянке. 1998 г. М.; Великий Новгород, 1999; Исторические чтения на Лубянке. 1999 г. Отечественные спецслужбы в 1920—30-х гг. М.; Великий Новгород, 2000.

²⁶ Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917—1977. М., 1980; Некрасов В. Ф., Борисов А. В. и др. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996; Биленко С. В. Советская милиция России (1917—1960). М., 1976; Он же. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. М., 1969; Еропкин М. И. Развитие органов милиции в Советском государстве. М., 1976; Лубянка. Органы ВЧК — ОГПУ — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1991. Справочник. Составители А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003; Министерство внутренних дел России. 1802—2002. Исторический очерк, под редакцией В. П. Сальникова, СПб., 2002.

²⁷ Карпов Б. В. Внутренние войска: Кавказский крест-2. М., 2000; Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны, СПб., 1999; Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Пицур А. Ю. Чеченский кризис (историко-правовой аспект), СПб., 1997; Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М., 1976; Брудерер Г. Партизанская война в Афганистане. М., 1989.

²⁸ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1944. М., 2004.

²⁹ Внутренние войска в борьбе с буржуазным националистическим подпольем на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. М., 1976; Кирсанов Н. К. Батальоны против диверсантов. М., 1980; Золотые звезды внутренних войск. М., 1981; Крах операции «Эдельвейс», Орджоникидзе, 1988; История борьбы с бандитизмом и националистическими бандитскими формированиями. М., 1984; Борьба с «бандеровцами». М., 1978; Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945. М., 2004.

³⁰ История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. М., 2001; Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003; Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003; Война и общество. 1941—1945. Кн. 1—2, под. ред. академика Г. Н. Севостьянова. М., 2004.

³¹ Ткаченко С. Н. Повстанческая армия. М., 2000.

³² Некрасов В. Ф. История борьбы с бандитизмом и националистическими бандитскими формированиями и современность // Полиция и милиция России. Страницы истории. М., 1995.

³³ Богданов В. Н. Советский опыт борьбы с партизанами и повстанцами // Армия и внутренние войска в противопартизанской и противоповстанческой борьбе. М., 1997.

³⁴ Среди работ, где затрагивались проблемы борьбы с националистическим бандитизмом в Псковской области, необходимо назвать статьи: Токарь А. В. Псковская милиция в период восстановления и развития народного хозяйства Псковской области в послевоенные годы (1946—1958) // История Псковской милиции. Псков, 1980; Сидоров В. П., Егоров А. М. Незаконные вооруженные формирования на юге Псковщины к началу 1920-х гг. // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков,

1999; Минченков С. А. Холмский инцидент 1922 года // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 1999; Филимонов А. В. Политические репрессии конца 40-х — начала 50-х годов // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 7. Псков, 1999; Филимонов А. В. Органы внутренних дел Псковской области в первое послевоенное десятилетие (1944—1957 гг.) // Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. Псков, 2002; Седунов А. В. Борьба с националистическими бандформированиями в Псковской области 1944—1953 гг. // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 2004.

³⁵ См.: Сорокина О. Этнические движения в СССР и Вторая мировая война. <http://www.1september.ru/ru/his/2002/06/2.htm>; <http://velikvoy.narod.ru/voyska/voyskager/vostok/dobrovol/est.htm> и др.

³⁶ ГАРФ. Ф. 9478. 1938—1950.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2.

³⁸ <http://warmech.narod.ru/smersh/505-234.html> и др.

³⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док-в. Т. 1, 2. М., 1995, 2000.

⁴⁰ Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М., 1997; Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001; Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках. М., 1966; Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997.

⁴¹ См.: Шрейдер М. НКВДизнутри. Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 256; Быстролетов Д. А. Путешествие на край ночи. М.: Современник, 1996. С. 550; Судоплатов П. Разведка и кремль. М.: Гая, 1996. С. 509 и др.

Глава 1

⁴² Цит. по: Зубок Л. И. Финляндия. Прибалтика (1918—39) М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1941. С. 18.

⁴³ Цит. по: Ниедре О. Пелкаус Э. Как латвийская буржуазия шла к власти // Латвия на грани эпох. Рига, 1987. С. 32.

⁴⁴ Зубок Л. И. Указ. соч. С. 13.

⁴⁵ Гессен Л. Я. Окраинные государства. Л.: Прибой, 1926. С. 83.

⁴⁶ The Baltic in international relations between the two world wars. Stockholm, 1986.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: История Латвийской ССР. Т. 3. Рига, 1958. С. 118.

⁴⁹ См.: Канале В. Я., Степарманис М. История Латвийской ССР. Рига, 1972. С. 73.

⁵⁰ См.: История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 235.

⁵¹ См.: Жюгжда Р. Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств. Вильнюс, 1980. С. 43.

⁵² См.: Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947. С. 130.

⁵³ См.: Пелкаус Э. Бермонтада // Латвия на грани эпох. Вып. 3. Рига, 1988. С. 16—47.

⁵⁴ The Baltic States in peace and war, 1917—45. London, 1978. P. 63.

⁵⁵ См.: Березкин А. США — активный организатор и участник военной интервенции против Советской России. М.: Госполитиздат, 1952. С. 146.

⁵⁶ Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 157.

⁵⁷ Подробнее о событиях лета — зимы 1918 года см.: Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929; Николаев П. А. На Псковские позиции, на защиту Петрограда! Л., 1980; Он же. На защиту Петрограда! Л., 1986.

⁵⁸ Цит. по: Корнатовский Н. А. Указ. соч. С. 80—81.

⁵⁹ См. Рупасов А. И. Н. Н. Юденич и внешнеполитические проблемы создания фронта на Северо-Западе // Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 207—220.

⁶⁰ Корнатовский Н. А. Указ. соч. С. 121.

⁶¹ Горн В. Гражданская война в Северо-западной России // Юденич под Петроградом. Л., 1927. С. 21.

⁶² Горн В. Указ. соч. С. 20.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 362.

⁶⁵ См.: Маттисен Э. Эстония — Россия: история границы и ее проблемы. Таллинн, 1995. С. 145.

⁶⁶ См.: Гран А. Прибалтийские государства. М., 1922. С. 78.

⁶⁷ См.: Зубок Л. И. Указ. соч. С. 19.

⁶⁸ См.: История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 342.

⁶⁹ См.: История Латвийской ССР: Сб. док.-в. Рига, 1973. С. 27.

⁷⁰ См.: Дюшен Б. Республики Прибалтики (Эстония, Латвия, Литва). Берлин, 1921. С. 27.

⁷¹ Там же. С. 17.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 511.

⁷³ Там же. Т. 42. С. 1.

⁷⁴ Плеханов А. М. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921—1925 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 87.

⁷⁵ Churchill W. The Second World War. London, 1948. V. 1. P. 381—382.

⁷⁶ Марков М. Советская Латвия. М.: ОГИЗ, 1940. С. 48.

⁷⁷ Таутининки — члены партии «Таутининку саюнга», которая находилась у власти с 1926 по 1940 гг.

⁷⁸ <http://warmech.narod.ru/smersh/505-234.html>

⁷⁹ А. Сметона, 1874 г. р., в 1902 г. окончил юридический факультет Петербургского университета, до 1915 г. работал журналистом в различных средствах массовой информации г. Вильнюса. В период германской оккупации Литвы являлся председателем созданного немцами «Совета Литвы». Избирался президентом Литвы в 1919, 1926, 1931 и 1938 гг. В июне 1940 г., после ввода в Литву советских войск, бежал за границу. Умер в США в феврале 1944 г.

⁸⁰ <http://warmech.narod.ru/smersh/505-234.html>

⁸¹ Берзиньш Альфред — в 1919 г. участник националистических «партизанских» отрядов на севере Латвии, боровшихся против Красной Армии. В дальнейшем — депутат Сейма от партии «Крестьянский союз». Принимал активное участие в создании организации «Айзсарги», с 1926 г. — руководитель отдела информации, впоследствии — главный руководитель организации. Участник переворота 1934 г. С 1934 по 1940 гг. — ближайший помощник Ульманиса, занимал в его правительстве ряд министерских постов. В 1940 г. Берзиньш бежал в Германию, работал в Берлине бухгалтером в страховом обществе и использовался немцами как агент-provokator. В конце войны выехал в Западную Германию, где продолжал активную антисоветскую деятельность. С 1946 г. — член «Антибольшевистского блока народов» (АБН), председатель совета АБН. В 1948 г. избран в «Латвийский национальный совет». В 1949—1950 гг. — член «Комитета освобождения народов Европы» и правления «Объединения латышей в Америке» (ОЛА), был вице-президентом ОЛА. Сотрудничал с американской разведкой. <http://warmech.narod.ru/smersh/505-234.html>

⁸² История Латвийской ССР. Т. 3. Рига, 1958. С. 336.

⁸³ <http://warmech.narod.ru/smersh/505-234.html>

⁸⁴См.: Сорокина О. Этнические движения в СССР и Вторая мировая война. <http://www.1september.ru/ru/his/2002/06/2.htm>

⁸⁵Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее — ЦА ФСБ РФ).

⁸⁶Там же.

⁸⁷См.: Дерябин А. И. Гражданская война в России. 1917—1922: Национальные армии. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 6.

⁸⁸ЦА ФСБ РФ.

⁸⁹История ЭССР. Таллинн, 1960. С. 130.

⁹⁰«Национальный центр» — глубоко законспирированная и разветвленная контрреволюционная кадетско-белогвардейская организация. Была ликвидирована ВЧК в ноябре 1919 г.

⁹¹См.: Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. Берлин, 1930.

⁹²См.: Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. Казань, 1995. С. 145.

⁹³Русская военная эмиграция 20—40-х годов: В 2 т. М.: Гей, 1998. Т. 1. Кн. 1. С. 75.

⁹⁴См.: Бюкар А. Правда об американских дипломатах. М., 1949. С. 21.

⁹⁵Цит. по: Русская военная эмиграция ... С. 138, 142.

⁹⁶См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 5.

⁹⁷См.: Русская военная эмиграция... С. 392.

⁹⁸См.: Плеханов А. М. Деятельность органов ВЧК — ОГПУ в первой половине двадцатых годов (1921—1925 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 125.

⁹⁹См.: История ЭССР. С. 273.

¹⁰⁰См.: Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. С. 125.

¹⁰¹См.: Матвеев О. Джеймсы Бонды в России // Футбол. 2 мая. 1998.

¹⁰²Там же.

¹⁰³См.: Религиозное сектантство в Латвии 1920—1940 гг.: Сб. док.-в. Рига: Латгосиздат, 1964. С. 42.

¹⁰⁴См.: Вирсис М. Влияние германской «политики немечества» на германо-латвийские отношения (1929—1932 гг.) // Германия и Прибалтика: проблемы политических и культурных связей: Сборник научных трудов. Рига, 1985. С. 8.

¹⁰⁵См.: Гитлеровская оккупация в Литве. Вильнюс, 1966. С. 28.

¹⁰⁶См.: Сорокина О. Этнические движения в СССР и Вторая мировая война. <http://www.1september.ru/ru/his/2002/06/2.htm>

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ЦА ФСБ РФ.

¹⁰⁹ Подробнее см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 11–13.

¹¹⁰ См.: Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83–95.

¹¹¹ ЦА ФСБ РФ.

¹¹² Разведывательные посты являлись более крупной единицей, на них одновременно работали до 10 разведчиков, разведывательные пункты были более мелкими — 1–2 человека, если пункт и пост находились в одном районе, то служащие разведпункта подчинялись руководству разведпоста.

¹¹³ ЦА ФСБ РФ.

¹¹⁴ Коммунистическая партия Латвии находилась в подполье, однако благодаря поддержке Коминтерна и ВКП(б) она действовала довольно активно и представляла реальную опасность. Поэтому борьба с ней являлась одной из основных задач деятельности политической полиции.

¹¹⁵ ЦА ФСБ РФ.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² См.: Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 12.

¹²³ Там же. С. 19.

¹²⁴ ЦА ФСБ РФ.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Псковской области (далее — Архив УФСБ РФ по ПО).

¹²⁸ ЦА ФСБ РФ.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ The Baltic states in peace and war, 1917-45. London, 1978. P. 30.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ ЦА ФСБ РФ.

¹³⁷ Архив УФСБ РФ по ПО.

¹³⁸ Пунктовниками назывались сотрудники разведывательных пунктов, располагавшихся в основном в приграничной полосе. На разведывательных пунктах работало до 10 сотрудников.

¹³⁹ ЦА ФСБ РФ.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Архив УФСБ РФ по ПО.

¹⁴² Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 2.: 1917—1933 годы. М.: Международные отношения, 1997. С. 131.

¹⁴³ Турло С. С., Залдат И. П. Указ. соч. С. 121.

¹⁴⁴ ЦА ФСБ РФ.

¹⁴⁵ Архив УФСБ РФ по ПО.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ЦА ФСБ РФ.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См.: Сорокина О. Этнические движения в СССР и Вторая мировая война. <http://www.1september.ru/ru/his/2002/06/2.htm>

¹⁵⁵ ЦА ФСБ РФ.

¹⁵⁶ Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934—41 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 55.

Глава 2

¹⁵⁷ Спецслужбы — это специально созданные структуры, которые, используя специфические формы и методы работы, призваны «снизить порог угроз национальной безопасности России, защитить ее национальные интересы». Более подробно о задачах и основных направлениях деятельности спецслужб см.: Черников В. В. Судебная система, правоохранительные органы, специальные службы России. Учебник. М.: Проспект, 2001. С. 365.

¹⁵⁸ Цит. по: Колпакиди А. И., Серяков М. Л. Цит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.: Изд. дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2002. С. 315.

¹⁵⁹ См.: Плеханов А. М. ВЧК — ОГПУ. 1921—1928 гг. М., 2003. С. 90.

¹⁶⁰ См.: Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. Ч. 1. Организационный отчет. М.: Изд-во ГПУ, 1922. С. 64.

¹⁶¹ См.: От ЧК до ФСБ: Сб. док-в. Тверь, 1998. С. 10.

¹⁶² Цит. по: Николаев П. А. Интервенция Германии // Интервенция на северо-западе России 1917—1920. С. 91.

¹⁶³ ГАПО. Ф. 530, оп. 1, д. 31, л. 288—291.

¹⁶⁴ Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской с древнейших времен до наших дней: Научно-популярное издание / И. А. Докучаев, А. М. Егоров, Н. В. Лапухина и др.; Под общ. ред. С. Е. Матвеева. Псков, 2002. С. 97—98.

¹⁶⁵ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334; Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. Псков, 2002. С. 469—470.

¹⁶⁶ ГАПО. Ф. 626, оп. 3, д. 1748, л. 17.

¹⁶⁷ ГАПО. Ф. 626, оп. 3, д. 1622, л. 31.

¹⁶⁸ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334, л. 31.

¹⁶⁹ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334.

¹⁷⁰ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 234, л. 93.

¹⁷¹ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334, л. 66—67.

¹⁷² ГАПО. Ф. 532, оп. 1, д. 6, л. 127.

¹⁷³ Декреты советской власти. Т. III. С. 267.

¹⁷⁴ ГАПО. Ф. 532, оп. 1, д. 6, л. 127, 129.

¹⁷⁵ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334, л. 66—67.

¹⁷⁶ Интересные материалы о деятельности Порховской ЧК в 1918 году содержатся в статье: Маркова М. Т. Чрезвычайный налог на «буржуазию» 1918—1919 гг. // Правоохранительная деятельность в Псковской области. Псков, 1999. С. 31—35.

¹⁷⁷ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334, л. 66—67.

¹⁷⁸ См. более подробно об этом: Николаев П. А. Указ. соч. С. 127—129; ГАПО. Ф. 609, оп. 1, д. 43, л. 48.

¹⁷⁹ Цит. по: Николаев П. А. Указ. соч. С. 135.

¹⁸⁰ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334.

¹⁸¹ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 343, л. 11.

¹⁸² Псковский набат, 7 декабря 1918.

¹⁸³ Николаев П. А. Указ. соч. С. 135. На эту же цифру (100 человек) ссылается О. П. Корольков — Политические репрессии в стране и на Псковщине в 20-е годы // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий. Псков, 1997. Т. 2. С. 8.

¹⁸⁴ Псковский набат, 28 декабря 1918.

¹⁸⁵ Псковский набат, 10 января 1919.

¹⁸⁶ ГАПО. Ф. 590, оп. 1, д. 334.

¹⁸⁷ Об одном из таких арестов см.: Седунов А. В. Кандидат права // Псковские хроники. Вып. 2. Псков, 2002. С. 184—188.

¹⁸⁸ См.: Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Чернявского.

¹⁸⁹ Без учета уездных ЧК и полка ГубЧК, численностью до 100 человек. (ГАПО. Ф. 827, оп. 1, д. 14, л. 70—73).

¹⁹⁰ ЦА ФСБ РФ.

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ См.: Лубянка 2. М., 1999.

¹⁹⁵ ЦА ФСБ РФ.

¹⁹⁶ Белая книга российских спецслужб. М.: Обозреватель, 1996. С. 33.

¹⁹⁷ ЦА ФСБ РФ.

¹⁹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹⁹ ЦА ФСБ РФ.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же.

²⁰³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 328.

²⁰⁴ Там же. С. 296—297.

²⁰⁵ Лубянка. Сталини ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 16.

²⁰⁶ Клеандрова В. М. Правовое положение органов ВЧК — ОГПУ. М., 1982. С. 70.

²⁰⁷ Лубянка. Сталини ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 21–22.

²⁰⁸ Там же. С. 24.

²⁰⁹ Там же. С. 25–26.

²¹⁰ См.: Дорошенко И. А. История органов и войск государственной безопасности СССР. М.: Военный ин-т, 1960. С. 203.

²¹¹ Егоров А. М. Дискуссия о путях социально-экономического развития псковских пограничных районов в середине 1920-х годов // Псков. Научно-практический и историко-краеведческий журнал. 2002. № 16. С. 182–186.

²¹² Егоров А. М. Указ соч. С. 182.

²¹³ Из истории советских пограничных войск (1921–1927 гг.): Док-ты и мат-лы. М.: ВШ КГБ, 1963. С. 154, 288–300.

²¹⁴ См.: Основной закон (Конституция) СССР. Принят II сессией ЦИК СССР 1-го созыва 6 июля 1923 г. и в окончательной редакции II Съездом Советов СССР 31 января 1924 г. // Конституция общенародного государства. М.: Политиздат, 1978. С. 212–225.

²¹⁵ СУ № 49, 1927 г.

²¹⁶ В частности, было определено, что шпионаж — это передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, а измена Родине — это действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу.

²¹⁷ ЦА ФСБ РФ.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Данные права РВСР впервые были провозглашены в «Положении об Особом отделе ВЧК», однако на практике они реализованы не были. РВСР занял в данном вопросе пассивную позицию и ограничился контактами по поводу конфликтов Особых отделов с местными военными властями, арестов командиров разного уровня. Подробнее см.: Эданович А. А. Становление и развитие особого отдела ВЧК (1918–1919 гг.). М., 2000.

²²⁰ ЦА ФСБ РФ.

²²¹ Там же.

222 Там же.

223 Там же.

224 Там же.

225 Там же.

226 Там же.

227 Там же.

228 Там же.

229 Там же.

230 Там же.

231 Там же.

232 Там же.

233 Там же.

234 Там же.

235 Там же.

236 Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1997. С. 131.

237 ЦА ФСБ РФ.

238 Там же.

239 Там же.

240 Там же.

241 Там же.

242 Там же.

243 Архив УФСБ РФ по ПО.

244 ЦА ФСБ РФ.

245 Там же.

246 Там же.

247 Там же.

248 Там же.

249 Там же.

250 Там же.

251 Там же.

252 От ЧК до ФСБ. 1918—1998: Сб. документов и мат-лов по истории органов государственной безопасности Тверского края. Тверь, 1998. С. 117.

253 ЦА ФСБ РФ.

254 Архив УФСБ РФ по ПО.

255 От ЧК до ФСБ. 1918—1998... С. 113.

256 Там же. С. 145.

257 Там же. С. 145.

²⁵⁸ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5892, т. 6, л. 1508; Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас // Не предать забвению. Книга Памяти жертв политических репрессий. Псков, 1996. Т. 1. С. 34.

²⁵⁹ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5892, т. 7, справки № № 1, 2, 3; Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас // Не предать забвению. Книга Памяти жертв политических репрессий. Псков, 1996. Т. 1. С. 35.

²⁶⁰ Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас. С. 47.

²⁶¹ Не предать забвению. Книга Памяти жертв политических репрессий. Псков, 1996. Т. 1. С. 48—49, 478—482.

²⁶² Архив УФСБ РФ по Тверской области.

²⁶³ Южные районы Псковской губернии в 1935 году были переданы в Калининскую область.

²⁶⁴ Архив УФСБ РФ по Тверской области.

Глава 3

²⁶⁵ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003. С. 112.

²⁶⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Ростов-н/Д, 1997. С. 83.

²⁶⁷ Цит. по: Орлов А. С. Накануне: расчеты и просчеты // Война и общество 1941—1945. Кн. 1. М., 2003. С. 29.

²⁶⁸ В этот период качественно изменился характер задач и состав агентуры гитлеровской разведки. С конца 1940 года в СССР засылались преимущественно высококвалифицированные агенты. В 1940—1941 гг. в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтике было разоблачено 1596 немецких агентов, что в десятки раз больше, чем в 1939—1940 гг. Многие из немецких агентов были снабжены портативными радиостанциями.

²⁶⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 79—80.

²⁷⁰ Там же. С. 215—216.

²⁷¹ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003. С. 98, 103.

²⁷² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 145—146.

²⁷³ Там же. С. 247—248.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1.

²⁷⁵ Псковская энциклопедия. Псков, 2003.

²⁷⁶ Так в официальной историографии Прибалтийских республик называются события 1918—1920 гг. История Эстонии. Т. 1—2. Таллинн, 1997.

²⁷⁷ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7329.

²⁷⁸ По подсчетам Ю. П. Мальцева, всего на территории Эстонии умерло от тифа 8589 воинов Северо-западной армии. Мальцев Ю. П. Захоронения на территории Эстонии воинов Псковского корпуса и наследовавших ему формирований // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2004. С. 93.

²⁷⁹ Более подробно о судьбе Северо-западной армии см.: Калкин О. А. На мятежных рубежах России. Псков, 2003; Смолин А. В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999; Материалы докладов прошедшей в 2003 году в Пскове конференции, посвященной 85-летию формирования Псковского отдельного добровольческого корпуса (Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2004).

²⁸⁰ Калкин О. А. Псковичи-северозападники на польской войне (1920—1921 гг.) // Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Псков, 2004.

²⁸¹ Плеханов А. М. ВЧК — ОГПУ. 1921—1928. М., 2003. С. 323.

²⁸² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало. 1 сентября — 31 декабря 1941 года. М., 2000. С. 531—533.

²⁸³ В книге Б. Прянишникова, одного из деятелей русской военной эмиграции, говорится о связи членов РОВСа и НТСНП (НТС) с немецкой разведкой накануне и в годы войны. Прянишников Б. В. Незримая паутина. ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. М., 2004.

²⁸⁴ Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003. С. 102—103.

²⁸⁵ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 2729, л. 30.

²⁸⁶ Основная часть «айзсаргов» была разоружена по приказу военного министра Латвии Я. Балодиса в 1940 году, накануне выборов в Сейм, что, по словам П. А. Судоплатова, существенно облегчило операции Красной Армии и НКВД в Латвии.

²⁸⁷ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 2729, л. 121.

²⁸⁸ Там же. Л. 122.

²⁸⁹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 69—70.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Там же. Л. 70

²⁹² Там же. Л. 74.

²⁹³ Там же. Л. 72.

²⁹⁴ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 93, л. 146, 149. Данные приводятся по «Докладу об итогах ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками г. Пскову и Псковской области».

²⁹⁵ Записка о размещении и деятельности немецких карательных органов в Пскове, составленная в УНКГБ по ПО в 1944–1945 гг., была опубликована П. Гусевым. Гусев П. К 60-летию освобождения Пскова // Псковские хроники. Вып. 4. Псков, 2004. С. 203–243.

²⁹⁶ Весьма подробный анализ проявлений коллаборационизма в Пскове и Псковской области содержится в исследовании профессора Б. Н. Ковалева. Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1945. М., 2004.

²⁹⁷ Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. СПб., 2003. С. 259–284.

²⁹⁸ В Абвере под номерами 101–166 значились разведывательные подразделения, под номерами 201–206 диверсионные команды, а под номерами с 301 и далее — контрразведывательные подразделения.

²⁹⁹ Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. СПб., 2003. С. 326–331.

³⁰⁰ Там же. С. 181–185.

³⁰¹ Коровин. В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003; В поединке с Абвером. Л., 1974; Пяткин Г. И. Крах «Цепелина». Л., 1987.

³⁰² Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987. С. 127.

³⁰³ Цит. по: Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 81.

³⁰⁴ Псков должен был войти в состав «Великой Эстонии».

³⁰⁵ Следует отметить, что зачастую немцы проводили свою оккупационную политику в Прибалтике, испытывая определенные трудности. Часть местного населения довольно быстро разочаровалась в «освободителях», проводивших трудовые мобилизации, растаяли надежды и на денационализацию предприятий. Об этом свидетельствует очень сложный процесс мобилизации в части СС и нередко принудительные призывы в боевые части.

³⁰⁶ Цит. по: Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 76.

³⁰⁷ Планы фашистской империи // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 39.

³⁰⁸ Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004. С. 239.

³⁰⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 631–633.

³¹⁰ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 84.

³¹¹ Там же. С. 92.

³¹² Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. С. 31.

³¹³ Там же. С. 25.

³¹⁴ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7329; Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 99.

³¹⁵ Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. С. 162.

³¹⁶ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 115.

³¹⁷ Эти подразделения не имели оружия и использовались для хозяйственных нужд.

³¹⁸ Ковалев Б. Н. Указ. соч. С. 86.

³¹⁹ Цит по: Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. С. 160–161.

³²⁰ Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004. С. 575.

³²¹ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 93, л. 15–19.

³²² Не предать забвению. Книга Памяти жертв политических репрессий. Псков, 1996. Т. 1. С. 484.

³²³ Псковская правда. 1970. 9 октября.

³²⁴ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 93, л. 18.

³²⁵ А. В. Ванюхин. Н. И. Иванова. Управление ФСБ России по Псковской области. Псков, 2004. С. 3.

³²⁶ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 6036, л. 81–83.

³²⁷ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 1.

³²⁸ Там же. Л. 4–5.

³²⁹ Там же. Л. 89.

³³⁰ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 178.

³³¹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 76; Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 179.

³³² ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 76.

³³³ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 85; Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 171–174.

³³⁴ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 6036.

³³⁵ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 232—233.

³³⁶ Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 170.

³³⁷ Альмухамедов Я. Н. Псков в годы Великой Отечественной войны. Л., 1981. С. 11.

³³⁸ Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта // На Северо-Западном фронте. 1941—1943. М., 1969. С. 179.

³³⁹ Надо отметить, что в 1942—1944 годах часть этой линии обороны будет использована немцами при строительстве линии «Пантера», являвшейся частью «Восточного вала», проходившего от Черного до Балтийского моря.

³⁴⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. М., 1995. С. 22—23.

³⁴¹ Там же. С. 158—159.

³⁴² Коровин В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 18.

³⁴³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2. С. 159.

³⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 35.

³⁴⁵ Хаустов В. Н. Органы государственной безопасности в тылу и на фронте // Война и общество. 1941—1945. Кн. 2. М., 2004. С. 360—361.

³⁴⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 67—68; 136—138.

³⁴⁷ В. Н. Хаустов объясняет данный шаг «коренными изменениями в ходе войны... позволившими осуществить децентрализацию в организации и деятельности органов безопасности». Хаустов В. Н. Указ соч. С. 361.

³⁴⁸ Жуков Ю. Н. Указ соч. С. 236.

³⁴⁹ Коровин В. В. Указ. соч. С. 28—29.

³⁵⁰ Сальников В. П., Степашин С. В., Янгол Н. Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 125.

³⁵¹ Архив Информационного центра Управления внутренних дел Псковской области (далее АИЦУВДПО).

³⁵² Группа армий «Север» в составе имела 42 дивизии (вместе с приданными силами — около 725 тысяч человек) и по плану «Барбаросса» должна была нанести удар из Восточной Пруссии в направлении Даугавпилс — Остров

— Псков — Ленинград, захватить Прибалтику и Ленинград.

³⁵³ ГАНИПО. Ф. 1048, оп. 1, д. 153, л. 13.

³⁵⁴ Салкина О. В. В грозном 41-м // Псков. 1998. № 8. С. 179—182.

³⁵⁵ Псковский край в истории России. Псков, 1996. С. 255.

³⁵⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 455; Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003. С. 259—260.

³⁵⁷ Во второй половине XX века вышло достаточно много исследований, сборников документов и воспоминаний о партизанах Псковщины. Среди них следует отметить книги: Петров Ю. А. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1974; Воскресенский М. Л. Герман ведет бригаду. Л., 1965; Виноградов И. Дорога через фронт. Л., 1964. Сборники документов: Непокоренная земля Псковская. Л., 1976; В тылу врага. 1941. Л., 1979; Народная война в тылу врага. М., 1971. Из исследований последних лет следует отметить статьи С. В. Кулика в V-м и VI-м сборниках «Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность». Псков, 2003, 2004. Историография партизанского движения в Псковской области рассмотрена в книге: Филимонов А. В. Историография Псковского края (послеоктябрьский период). Псков, 1998.

³⁵⁸ В последние годы этой теме посвящены многочисленные публикации: Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003; Он же. Диверсанты Сталина. М., 2004; воспоминания П. А. Судоплатова; Старинов И. Г. Записки диверсанта. М., 1997 и др.

³⁵⁹ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 26—27.

³⁶⁰ Судоплатов П. А. Указ соч. С. 278.

³⁶¹ Попов А. Ю. Указ. соч. С. 27—28.

³⁶² Старинов И. Г. Подготовка партизанских кадров. М., 1989.

³⁶³ Попов А. Ю., Цветков А. И. Русский диверсант Илья Старинов. СПб., 2003. С. 23—24.

³⁶⁴ В Записке Л. П. Берии в ГКО отмечалось, что только на территории Псковского, Гдовского, Порховского направлений «действуют 25 истребительных батальонов общей численностью 4040 человек... Помимо этого... было оставлено значительное количество мелких партизанских отрядов... совершающих налеты и диверсии в тылу врага» (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 464).

³⁶⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 453–455.

³⁶⁶ Филимонов А. В. В. Н. Шубников: милиционер и партизан // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 1999. С. 63–64.

³⁶⁷ Филимонов А. В. В годы Великой Отечественной войны // Псков: вехи истории. Псков, 2002. С. 168.

³⁶⁸ Непокоренная земля Псковская. Л., 1976.

³⁶⁹ Чуев С. Г. Спецслужбы третьего рейха. Кн. 2. С. 160–161.

³⁷⁰ Судоплатов П. А. Указ соч. С. 257–259.

³⁷¹ Там же. С. 258.

³⁷² Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004. С. 94–95.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Крысин М. Ю. Указ. соч. С. 234.

³⁷⁵ Правда. 1943. 19 октября.

³⁷⁶ АИЦУВДПО.

³⁷⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. С. 413–414.

³⁷⁸ АИЦУВДПО.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же.

Глава 4

³⁸¹ Филимонов А. В. Псков послереволюционный // Псков: вехи истории. Псков, 2002. С. 177.

³⁸² Зубкова Е. Ю. Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944–1953 годах // Труды Института Российской истории. Вып. 4. М., 2004. С. 266.

³⁸³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 267.

³⁸⁴ Там же. С. 281.

³⁸⁵ Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924. М.-Л., 1949. С. 227–228.

³⁸⁶ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 280.

³⁸⁷ ГАПО. Ф. Р-903, оп. 1, д. 1, л. 22–23.

³⁸⁸ Там же. Л. 159.

³⁸⁹ ГАПО. Ф. Р-903, оп. 1, д. 31, л. 92.

³⁹⁰ Там же. Л. 93

³⁹¹ Там же. Л. 134—136.

³⁹² ГАПО. Ф. Р-1026, оп. 1, д. 2, л. 2.

³⁹³ ГАПО. Ф. Р-903, оп. 1, д. 31, л. 105—107.

³⁹⁴ По итогам работы комиссий и в результате работы псковских областных органов власти Верховный Совет СССР согласился с предложением псковичей и создал три новых района после завершения работы согласительных комиссий в январе 1945 года, как этого и требовала «Инструкция».

³⁹⁵ АИЦУВД ПО. Ф. 11, оп. 1, д. 56, л. 193—194.

³⁹⁶ АИЦУВД ПО. Ф. 11, оп. 1, д. 57, л. 134—136.

³⁹⁷ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 173, л. 282.

³⁹⁸ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 56, л. 268—270.

³⁹⁹ ГАПО. Ф. Р-1026, оп. 1, д. 1, л. 57—58 и др.

⁴⁰⁰ Карасев В. И. Коллективизация единоличных хозяйств в западных районах Псковской области. Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Калининград, 1994. С. 94.

⁴⁰¹ ГАПО. Ф. Р-1026, оп. 1, д. 4, л. 14—15, 17.

⁴⁰² ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 556, л. 168.

⁴⁰³ Исследованию коллективизации в западных районах Псковской области в 1945—1953 гг. посвящены несколько статей И. В. Карасева и работы А. В. Филимонова.

⁴⁰⁴ См.: Филимонов А. В. Политические репрессии конца 40-х — начала 50-х годов // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий. Псков, 1999. Т. 7. С. 16—23.

⁴⁰⁵ Сведения об этих фактах содержатся в статье А. В. Филимонова. Филимонов А. В. Указ. соч. С. 16—18 и др.

⁴⁰⁶ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 790, л. 182—184.

⁴⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 798, л. 1—4.

⁴⁰⁸ Ранее, в 1948 году, областное УМВД приобрело определенный опыт по выселению «антиобщественных и паразитических элементов» (АИЦУВДПО).

⁴⁰⁹ АИЦУВДПО.

⁴¹⁰ 50-летие Великой Победы над фашизмом: История и современность. Смоленск, 1995. С. 92.

⁴¹¹ См.: Сидоренко В. П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999; Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917—1977. М., 1980.

⁴¹² Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет

после нас // Не предать забвению. Книга памяти жертв политических репрессий. Псков, 1996. Т. 1. С. 13.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Составители В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003. С. 613.

⁴¹⁵ АИЦУВДПО. ф. 29.

⁴¹⁶ Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас. С. 31.

⁴¹⁷ Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас. С. 31; АИЦУВДПО.

⁴¹⁸ Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас. С. 45–46.

⁴¹⁹ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5892, л. 2038–2039.

⁴²⁰ Так характеризовал сотрудник Псковского окружного отдела НКВД Михайлов деятельность Южного на судебном заседании в начале 1941 года. (Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5892, л. 2889.)

⁴²¹ Николаев П. А. Правда истории нужна живущим ныне и тем, кто придет после нас. С. 35.

⁴²² Там же. С. 48–49.

⁴²³ О нарушениях законности в период этих акций см.: Филимонов А. В. Указ. соч. С. 19–22.

⁴²⁴ ГАНИПО. ф. 1219, оп. 1, д. 1648, л. 64.

⁴²⁵ ГАНИПО. ф. 345, оп. 6, д. 46, л. 25–26.

⁴²⁶ ГАНИПО. ф. 345, оп. 2, д. 12, л. 6–7; д. 6, л. 10–11.

⁴²⁷ ГАНИПО. ф. 345, оп. 6, д. 45, л. 34.

⁴²⁸ ГАНИПО. ф. 1219, оп. 1, д. 215, л. 11.

⁴²⁹ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 6036, л. 2–3.

⁴³⁰ ГАРФ. ф. 9478, оп. 1, д. 358, л. 207.

⁴³¹ Как правило, в документах НКВД – НКГБ, ОК ВКП(б) использовались определения «бандформирования», «нацбанды», «террористические повстанческие группировки», «националистические бандформирования» и т. п. В 1949–1953 гг. в документах псковских правоохранительных органов проводилось различие между «бандгруппами», под которыми подразумевались воровские, общеуголовные элементы, и «террористическими группировками», в которые к этому времени, в связи с уменьшением численности и мест базирования, преобразовались «повстанческие нацформирования».

⁴³² Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254, л. 408.

⁴³³ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 277.

⁴³⁴ История Эстонии. Ч. II. Таллинн, 1997. С. 26–27.

⁴³⁵ ГАНИПО. Ф. 1, оп. 1, д. 394, л. 73–75.

⁴³⁶ Там же. Л. 74–75.

⁴³⁷ Там же. Л. 74.

⁴³⁸ ЧОН (части особого назначения) — военно-партийные отряды, предназначавшиеся для оказания помощи органам Советской власти в борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и охране общественного порядка. Начали формироваться в 1918 году из числа коммунистов, комсомольцев, передовых рабочих, «сочувствующих». Были расформированы в 1924 году.

⁴³⁹ Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1978. Кн. 2. С. 252–253.

⁴⁴⁰ См. например: Минченков С. А. Холмский «инцидент» 1922 года // Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Псков, 1999. С. 40–43; Седунов А. В. «Вот как встретили в Холме банду энергично...». Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Псков, 2000. С. 176–178.

⁴⁴¹ СУ РСФСР, 1922, № 15.

⁴⁴² Уголовный кодекс РСФСР. М., 1947.

⁴⁴³ Колпакиди А. И. Ликвидаторы КГБ. Спецоперации советских спецслужб. 1941–2004. М., 2004. С. 109.

⁴⁴⁴ Богданов В. Н. Армия и внутренние войска в противопартизанской и противоповстанческой борьбе. М., 1997.

⁴⁴⁵ Колпакиди А. И. Ликвидаторы КГБ. С. 142.

⁴⁴⁶ Там же. С. 160.

⁴⁴⁷ Алов Г. Г. (публ.). Палачи // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 21–24.

⁴⁴⁸ Там же. С. 35.

⁴⁴⁹ Крысин М. Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 264.

⁴⁵⁰ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 139, л. 424–425.

⁴⁵¹ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 97, л. 121–122.

⁴⁵² ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 66, л. 117–118.

⁴⁵³ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 6036.

⁴⁵⁴ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁵⁵ Там же.

⁴⁵⁶ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 278, л. 128.

⁴⁵⁷ АИЦУВДПО. Д. № 506, 522, 164 и другие.

⁴⁵⁸ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254 и др.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 450, л. 46—47.

⁴⁶⁰ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁶¹ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5128.

⁴⁶² Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 2049.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 73, л. 63, л. 83 и др.

⁴⁶⁴ АИЦУВДПО.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же.

⁴⁶⁷ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 215, л. 11—12.

⁴⁶⁸ АИЦУВДПО.

⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 450, л. 11—12.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 29—30.

⁴⁷¹ В 1970-е годы был уничтожен «Журнал учета и регистрации бандпроявлений по Псковской области», а восстановить цифры по «Оперативным сводкам», составлявшимся в ГУББ НКВД СССР, не представляется возможным, поскольку туда попадали наиболее характерные, массовые и тяжкие бандпроявления (ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 73 и другие).

⁴⁷² АИЦУВДПО.

⁴⁷³ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 138, л. 160—162.

⁴⁷⁴ Там же.

⁴⁷⁵ АИЦУВДПО.

⁴⁷⁶ АИЦУВДПО. Здесь следует обратить внимание на неточность в цитируемых воспоминаниях Г. И. Мисуркина — подполковник Ф. М. Михайлов, убитый «Цинитисом», был заместителем начальника Псковского областного управления НКВД (АИЦУВДПО).

⁴⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 139, л. 415—416.

⁴⁷⁸ АИЦУВДПО.

⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 139, л. 415.

⁴⁸⁰ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5749.

⁴⁸³ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁸⁴ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254 и другие.

⁴⁸⁵ АИЦУВДПО.

⁴⁸⁶ Там же.

⁴⁸⁷ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁸⁸ АИЦУВД ПО.

⁴⁸⁹ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 7254.

⁴⁹⁰ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5128.

⁴⁹¹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 452, л. 169.

⁴⁹² Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5128.

⁴⁹³ Архив УФСБ РФ по ПО. Д. № 5749.

⁴⁹⁴ АИЦУВД ПО.

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 576, л. 142–143.

⁴⁹⁷ Архив УФСБ РФ по ПО.

⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 450, л. 13, 37 и др.

⁴⁹⁹ История Псковской милиции. Псков, 1980; Филимонов А. В. Органы внутренних дел Псковской области в первое послевоенное десятилетие // Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. С древнейших времен до наших дней. Псков, 2002. С. 189–235.

⁵⁰⁰ В записке Псковского УНКГБ, опубликованной П. Гусевым (Псковские хроники. Псков. 2004. Вып. 4. С. 204), начальником команды неверно назван майор Зиг, возглавлявший один из отделов.

⁵⁰¹ В поединке с Абвером. Л., 1974. С. 217.

⁵⁰² Ванюхин А. В., Иванова Н. И. Управление ФСБ России по Псковской области. Псков, 2004. С. 2.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Ванюхин А. В., Иванова Н. И. Управление... С. 2; Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Составители А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.

⁵⁰⁵ Попов А. Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 60.

⁵⁰⁶ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 140–142.

⁵⁰⁷ ГАНИПО. Ф. 1219, оп. 1, д. 556, л. 83.

⁵⁰⁸ Ванюхин А. В., Иванова Н. И. Управление... С. 2.

⁵⁰⁹ Подробный материал об этом содержится в 15-томной Книге памяти жертв политических репрессий, которая была подготовлена и издана в 1996–2004 годах при участии Администрации Псковской области, Комиссии по Реабилитации и Управления ФСБ по ПО.

⁵¹⁰ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД

– КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 81–82.

⁵¹¹ АИЦУВД ПО.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ См. биографию Н. А. Алмазова, подготовленную А. В. Филимоновым (Очерки истории органов внутренних дел земли Псковской. Псков, 2002. С. 500–501). Подробности «Ленинградского дела» на Псковщине рассмотрены в работах А. В. Филимонова.

⁵¹⁴ АИЦУВД ПО.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Плеханов А. М. ВЧК – ОГПУ. 1921–1928. М., 2003. С. 301–302.

⁵¹⁷ Цит. по: Плеханов А. М. Указ. соч. С. 303.

⁵¹⁸ Плеханов А. М. ВЧК – ОГПУ. С. 305.

⁵¹⁹ Цит. по: Плеханов А. М. Указ. соч. С. 307.

⁵²⁰ Плеханов А. М. ВЧК – ОГПУ. С. 308.

⁵²¹ Архив УФСБ РФ по ПО.

⁵²² Архив УФСБ РФ по ПО; Седунов А. В. «Долой коммунистов! Не дадим хлеба, скота!» // Псковские хроники. Псков, 2002. С. 96–99; Калкин О. А. Пузанов А. Доклад // Псковские хроники. Псков, 2002. Вып. 2. С. 107.

⁵²³ Седунов А. В. «Долой коммунистов! Не дадим хлеба, скота!» // Псковские хроники. Псков, 2002. Вып. 2. С. 96–99.

⁵²⁴ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1.

⁵²⁶ Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. С. 150.

⁵²⁷ АИЦУВД ПО.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 73, л. 44–49.

⁵³⁰ ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 357 и др.

⁵³¹ ГАПО. Ф. Р-1026, оп. 1, д. 4, л. 126–127.

⁵³² ГАРФ. Ф. 9478, оп. 1, д. 583, л. 20, 97, 98.

⁵³³ Там же. Л. 97, 98.

Список сокращений

АИЦ — Архив информационного центра;

АХО — административно-хозяйственный отдел;

ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков);

ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз моло-

дежи;

ВМН — высшая мера наказания;

ВНУС — внутренняя служба;

ВО — военный округ;

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства;

ВЦИК — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет;

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем;

ГАНИПО — Государственный архив новейшей истории Псковской области;

ГАПО — Государственный архив Псковской области;

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;

гг. — годы;

Гестапо — тайная государственная полиция фашистской Германии;

ГКО — Государственный комитет обороны;

ГО — городской отдел;

Гор(рай)отдел — городской, районный отдел;

ГПУ (ОГПУ) — (Объединенное) Государственное политическое

управление;

ГУГБ — Главное управление государственной безопасности;

ГУББ — Главное управление по борьбе с бандитизмом;

Губисполком — губернский исполнительный комитет;

Губком — губернский комитет;

Губотдел — губернский отдел;

ГубЧК — губернская чрезвычайная комиссия;

ГУМ — Главное управление милиции;

ГУПВ — Главное управление пограничных войск;

ГУПВО — Главное управление пограничной и внутренней охраны;

ГФП — полевая полиция фашистской Германии, военный аналог гестапо;

ДОН — дивизия особого назначения;

ИНО — иностранный отдел;
 ИНФО — информационный отдел;
 ИТУ — исправительно-трудовые учреждения;
 КГБ — Комитет государственной безопасности;
 КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза;
 КРО — контрразведывательный отдел;
 ЛВО — Ленинградский военный округ;
 ЛШПД — Ленинградский штаб партизанского движения;
 МГБ — Министерство государственной безопасности;
 МПВО — местная противовоздушная оборона;
 МРО — межрайонный отдел;
 МТС — машинно-тракторная станция;
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел;
 НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности;
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел;
 НКЮ — Народный комиссариат юстиции;
 НТС — Национально- (Народно-) Трудовой союз;
 ОББ — отдел по борьбе с бандитизмом;
 ОБХСС — отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности;
 ОДТО — отделение дорожно-транспортного отдела;
 ОДТЧК — отдел дорожно-транспортной чрезвычайной комиссии;
 ОКР — отдел контрразведки;
 Окр. — окружной;
 ОО — особый отдел;
 ООТ — отдел оперативной техники;
 ОПО — отдел пограничной охраны;
 ПВС — Президиум Верховного Совета;
 ПП — полномочное представительство ЧК, ГПУ, ОГПУ;
 РВСР — Реввоенсовет Республики;
 РГВА — Российский государственный военный архив;
 РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия;
 РОА — Русская освободительная армия;
 РОВС — Российский общевоинский союз;
 РОНА — Русская освободительная народная армия;
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;

СД — Служба безопасности;
«Смерш» — смерть шпионам;
СНК — Совет Народных Комиссаров;
СОУ — секретно-оперативное управление;
СОЧ — секретно-оперативная часть;
Спецотдел — специальный отдел;
СЗ — собрание законов;
СС — Охранные отряды;
СУ — собрание узаконений;
ТО — транспортный отдел;
УВД — Управление внутренних дел;
УК — уголовный кодекс;
УМВД (УНКВД) — Управление министерства внутренних дел
(народного комиссариата внутренних дел);
УНА — Украинская национальная армия;
УПА — Украинская повстанческая армия;
УР (УГРО) — уголовный розыск;
ФСБ — Федеральная служба безопасности;
ЦК — Центральный комитет;
ЧОН — части особого назначения;
ЭКО — экономический отдел.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие авторов	6
Введение	9
Глава 1	
На северо-западных рубежах России: Прибалтийские государства и их спецслужбы с момента образования до присоединения к СССР в 1940 г.	23
Глава 2	
Чекисты в борьбе с прибалтийским шпионажем в 1918–1940 гг.	99
Глава 3	
Борьба советских правоохранительных органов с прибалтийскими формированиями на Северо-Западе страны в годы войны	163
Глава 4	
Борьба с националистическими бандформированиями на Северо-Западе России в 1944–1953 гг.	219
Заключение	312
Примечания	314
Список сокращений	338

Литвинов М. Ю., Седунов А. В.

Шпионы и диверсанты

Борьба с прибалтийским шпионажем
и националистическими бандформированиями
на Северо-Западе России

Проект С.А. Биговчего

Технический редактор Л. В. Пошечева
Художественное оформление С. И. Швалева
Компьютерная верстка И. Г. Александрова
Корректор Т. П. Николаева

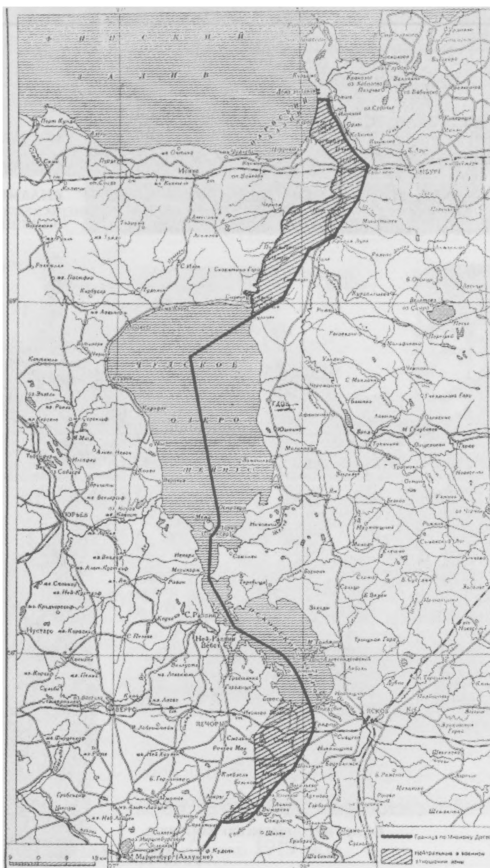
Лицензия ИД 02036 от 13.06.2000 г.

Подписано в печать 11.01.2005 г.
Формат 60х88¹/₁₆. Гарнитура AcademyC.
Объем 21,5 физ. п. л. + вклейка 2 физ. п. л. Печать офсетная.
Тираж 4000. Заказ № 2707

ГП «Псковская областная типография»
180007, г. Псков, Рижский пр., 17

Подписание
Тартуского
мирного договора
между
Советской
Россией
и Эстонией.
2 февраля 1920 г.

Карта границы РСФСР
с Эстонской республикой,
установленной по Тартускому
мирному договору.
2 февраля 1920 г.

И. Лайдонер,
Главкомандующий вооруженными
силами Эстонии,
занявшими Псков 25 мая 1919 года.

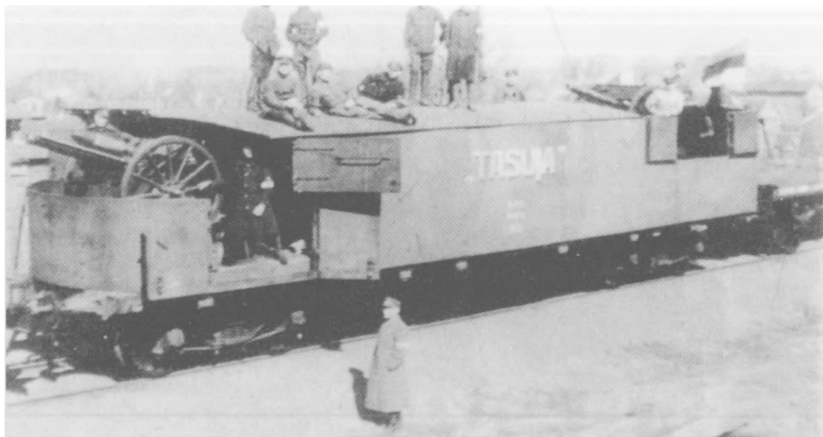
Солдаты Эстонского
добровольческого
белогвардейского корпуса.
1919 г.

Эстонские кавалеристы. Осень 1919 года.

Эстонская артиллерийская батарея. Осень 1919 года.

Эстонский бронепоезд «Тасуя» («Мститель»). 1919 год.

Советский бронепоезд «Буря» и члены команды бронепоезда.
(Из фондов ГАНИПО.)

Красноармейский отряд, попавший в плен к Эстонской армии. 1919 год.

Красногвардейский взвод, организованный под Лугой в 1918 г.,
принимавший участие в боях за Псков.

Делегаты Псковской губернии на Съезде рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1919 год.

Агитационный белогвардейский плакат. 1919 год.

Плакат
«Все на борьбу с бандитизмом!».

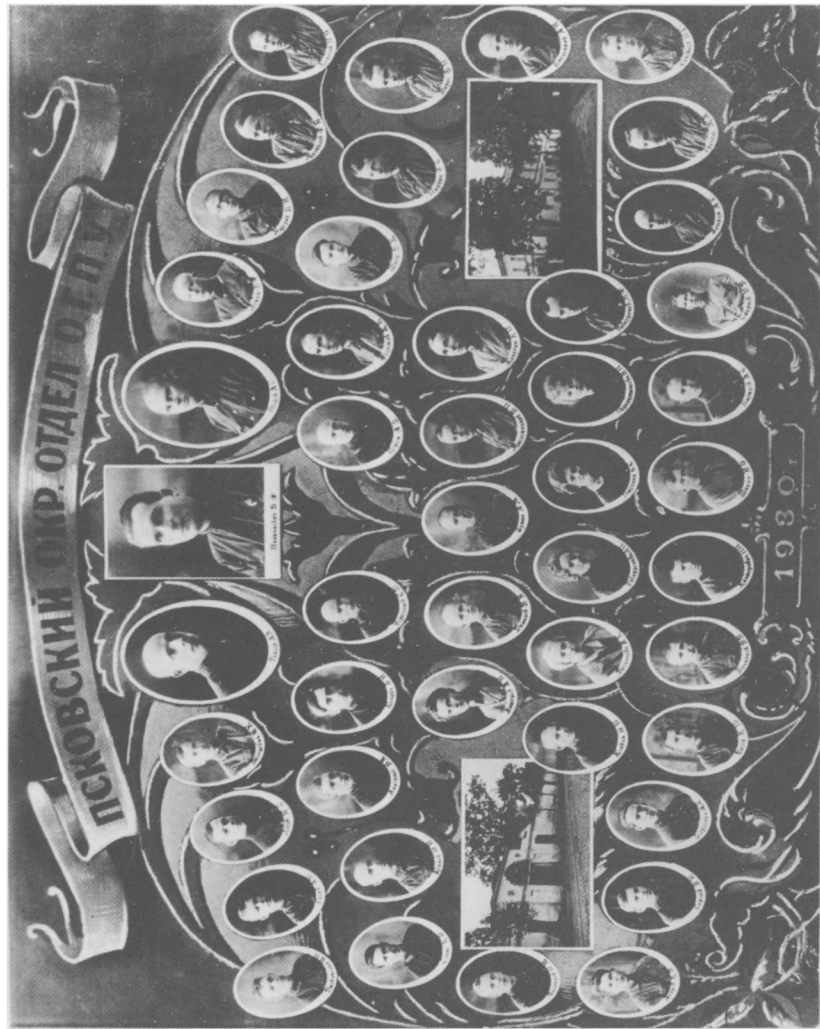
28-я рота ЧОНа на привале. 1923 г. (Из фондов ГАНИПО.)

Псковский Губотдел ОГПУ. 1922 г. (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

Сотрудники Великолукского оперсектора ОГПУ. 1930 г. (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

Сотрудники Псковского
окружного отдела ОГПУ.
1930 г. (Фотография
предоставлена Группой
общественных связей
УФСБ РФ по
Псковской области.)

Сотрудник Псковского губотдела
ВЧК – ОГПУ А.И. Ланге. 1922 г.
(Фотография предоставлена Группой
общественных связей УФСБ РФ
по Псковской области.)

Сотрудник Псковского ОГПУ
М.К. Бальцевич. 1927 г.
(Фотография предоставлена
Группой общественных связей
УФСБ РФ по Псковской области.)

Ф.М. Михайлов — сотрудник
Псковского губотдела
ВЧК — ОГПУ — НКВД,
начальник районного отдела НКВД
в 1943—1944 гг.
Фотография 1920 г.

Милиционеры
Порховского РО НКВД.
Фотография 1927 г.

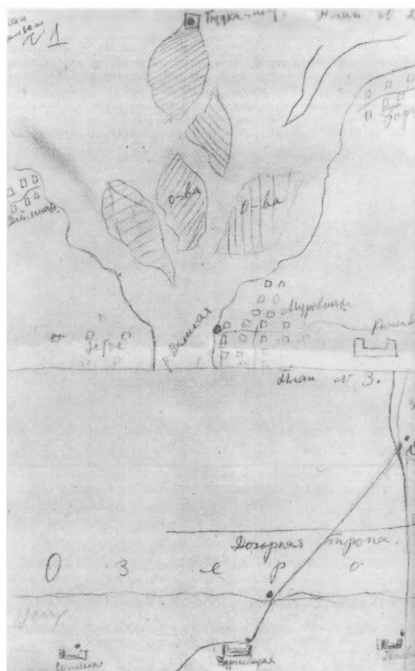

Сотрудники милиции г. Пскова. Фотография 1918 г.

Сотрудники Губотдела милиции. Фотография 1931 г.

План Псковского участка советско-эстонской границы, составленный сотрудником эстонской политической полиции. 1933 г. (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

План Псковского участка советско-эстонской границы, составленный сотрудником эстонской политической полиции. 1933 г. (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

Плакат В.Корецкого. 1939 г.

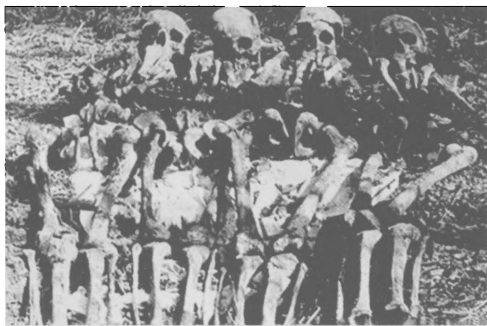

Латвийский паспорт одного из сотрудников военизированного формирования «айзсаргов». (Архив УФСБ РФ по Псковской области.)

Каратели отдельного эстонского «взвода тяжелых пулеметов». (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

Останки советских людей,
уничтоженных «взводом
тяжелых пулеметов»,
извлеченные из захоронения.
(Фотография предоставлена
Группой общественных связей
УФСБ РФ
по Псковской области.)

Перезахоронение останков
советских людей, расстрелянных
эстонским «взводом тяжелых
пулеметов». (Фотография
предоставлена Группой
общественных связей УФСБ
РФ по Псковской области.)

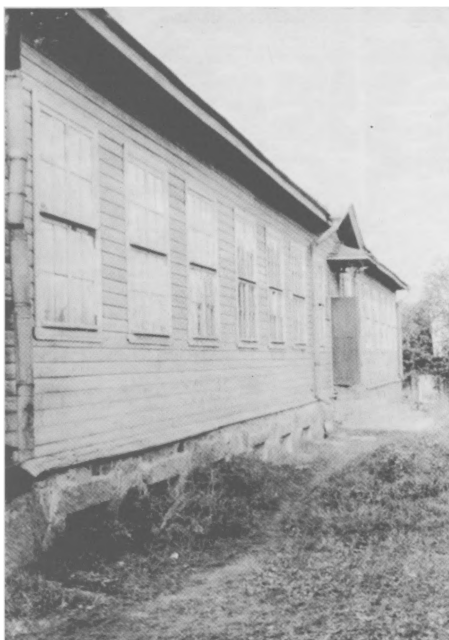
Командир «взвода тяжелых пулеметов» А. Пиигли.
(Фотография предоставлена
Группой общественных связей
УФСБ РФ
по Псковской области.)

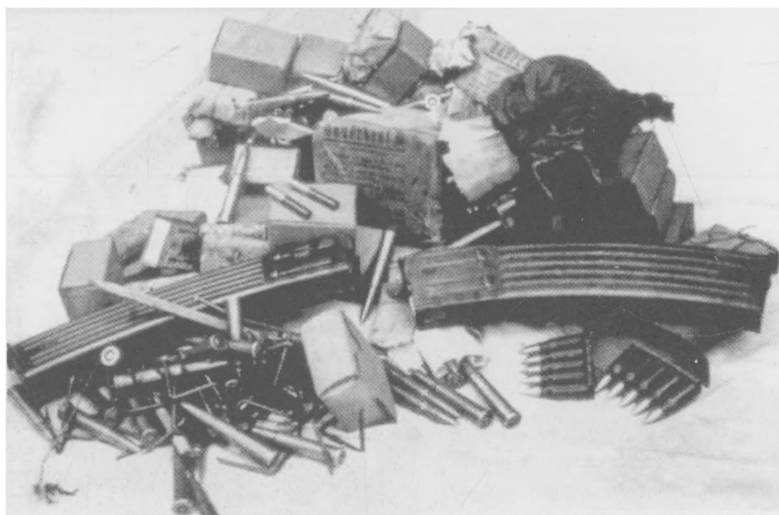
Следственный эксперимент. А.Пиигли показывает место, на котором в 1942 году находилось здание Полновской тюрьмы. (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ по Псковской области.)

В этом доме № 3 по улице
Плаунер-Штрассе
(ул. Ленина) в годы войны
находился штаб 37-го
эстонского полицейского
батальона. (Фотография
А.В. Ванюхина.)

Здание, где в годы войны
размещалась немецкая
разведывательно-диверсионная
школа ваффеншуле предприятия
«Цепелин», д. Печки Печорского
района.

Снаряжение и документы немецких парашютистов и диверсантов.
Фотографии 1943–1944 гг.

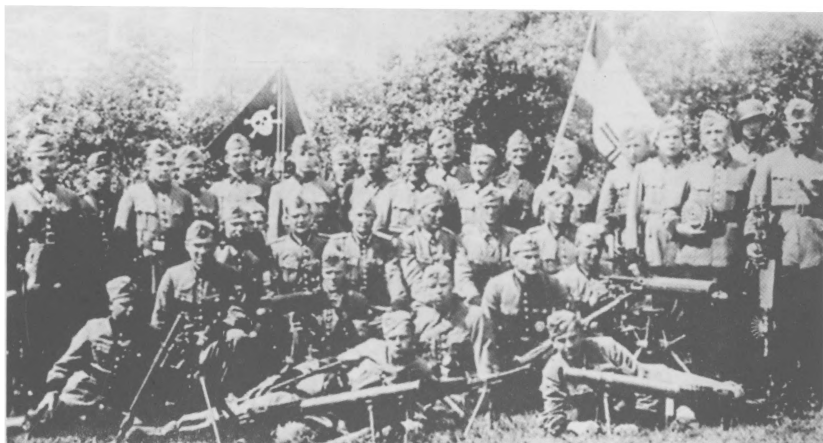
Группа немецких диверсантов после приземления в советском тылу. 1944 г.

Немецкие диверсанты.
1944 г.

Й. Геббельс награждает бойцов разведывательно-диверсионного подразделения СС.

Каратели из латвийского shuma-батальона. Фотография 1942 года.

Латвийский Земгальский shuma-батальон. Фотография 1942 года.

Подразделение латвийского shuma-батальона. 1942 г.

Каратели из латвийского shuma-батальона. Фотография 1942 года.

Партизанский разведывательный отряд УНКВД перед отправкой в немецкий тыл.
Ленинград, 1943 год. (Из фондов ГАНИПО.)

Партизанский отряд перед отправкой в тыл врага. Фотография 1943 года.

Группа сотрудников НКВД — НКГБ, выполнявших задания в немецком тылу.
 (Фотография предоставлена Группой общественных связей УФСБ РФ
 по Псковской области.)

Советский разведчик Б.А. Соломатин
 при выходе из немецкого тыла.
 Фотография 1944 года.

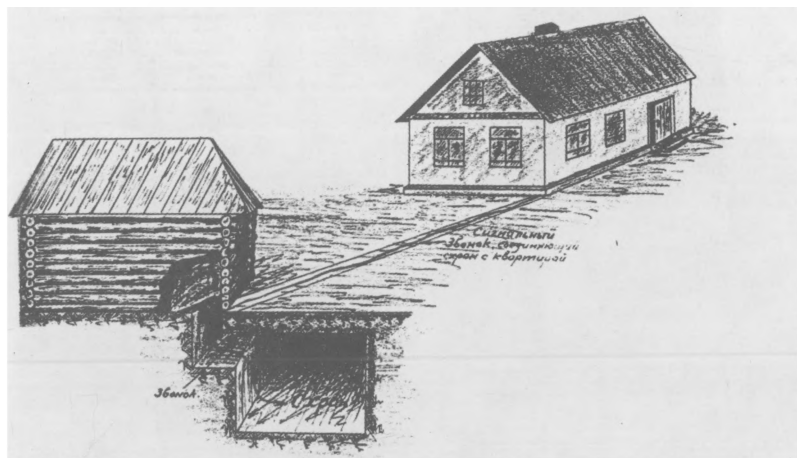
Члены Объединения латвийских партизан.

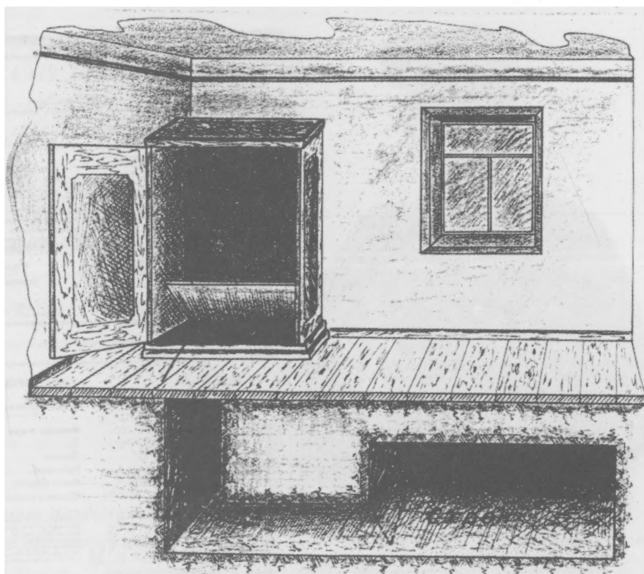
Один из членов националистического
бандформирования в форме
Латвийской армии. Фотография сер.
1930-х годов. (Архив УФСБ РФ
по Псковской области.)

Схрон под сараем
с средствами сигнализации.

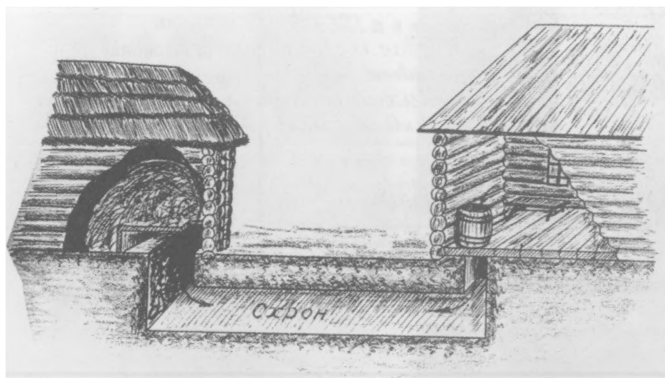

Схрон под дном шкафа.

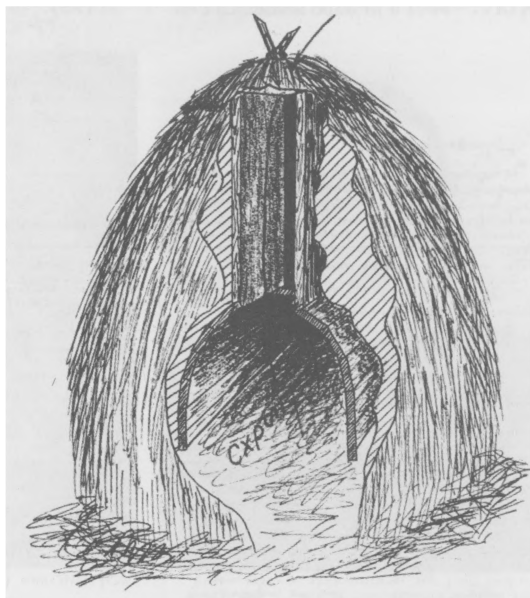

Изображения различных схронов и бункеров, в которых укрывались члены националистических бандформирований. (Из фондов ГАРФ.)

Схрон с двумя входами.

Схрон в стоге соломы.

Изображения различных схронов и бункеров, в которых укрывались члены националистических бандформирований. (Из фондов ГАРФ.)

Н.М. Лагунов,
начальник УНКГБ – УМГБ
по Псковской области в 1944–1947 гг.

Н.А. Алмазов,
начальник УНКВД
по Псковской области в 1944–1950 гг.

А.П. Михайлов,
начальник УМГБ по Псковской области
в 1947–1948 гг.

А.М. Моисеев, начальник УМГБ –
УМВД, Управления КГБ СССР
по Псковской области в 1949–1962 гг.

А.В. Николаев, начальник ОББ
УНКВД – УМВД
по Псковской области в 1944–1946 гг.

А.В. Масальский, начальник ОББ
УМВД по Псковской области
в 1946–1950 гг.

Г.И. Мисуркин, сотрудник ОББ.

С.Ш. Гайнанов, сотрудник ОББ.

Герой Советского Союза А.И. Умников,
сотрудник ОББ.

Н.И. Шамяков, сотрудник ОББ.

В.П. Дроздов, сотрудник ОББ.

М.А. Антонов, сотрудник ОББ.

Б.П. Грошев, сотрудник ОББ.

Д.И. Антонов, сотрудник УНКГБ —
УМГБ по Псковской области,
принимавший активное участие в борьбе
с националистическими
бандформированиями.

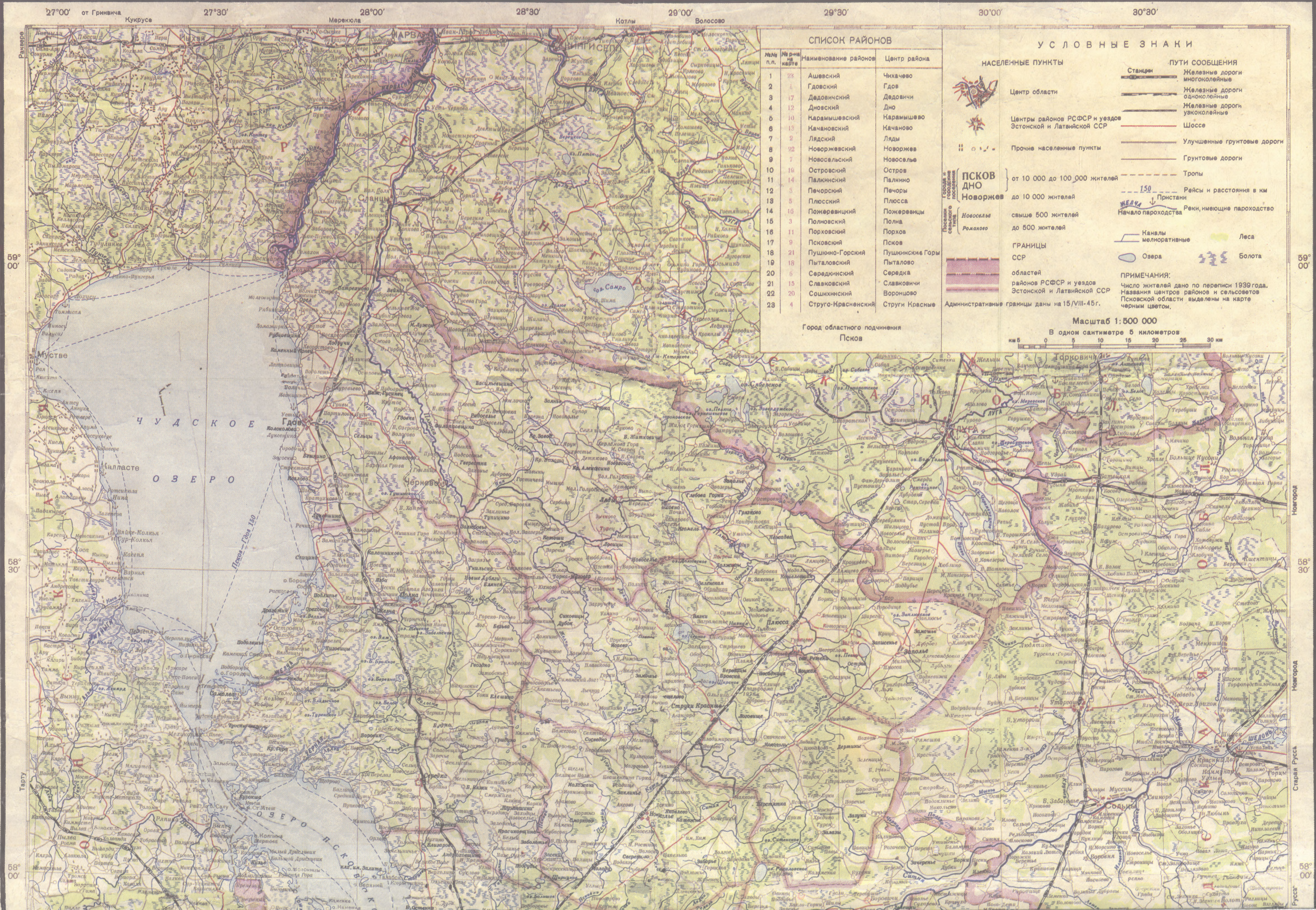
П.И. Божко, сотрудник ОББ.

В.Д. Карасев, сотрудник ОББ.

ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ПСКОВ
ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ
2005

М. Ю. Литвинов, А. В. Седунов

WWW.OBLTIP.PSKOV.RU
E-MAIL: PRINT@OBLTIP.PSKOV.RU

WWW.OBLTIP.PSKOV.RU
E-MAIL: PRINT@OBLTIP.PSKOV.RU

П С К О В С К А Я
И С Т О Р И Ч Е С К А Я
Б И Б Л И О Т Е К А

Государственное предприятие Псковской области
«ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ТИПОГРАФИЯ»

СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

М. Ю. Литвинов, А. В. Седунов